П. Ф. ЯКУБОВИЧ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1960

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Б. Н. Двинянинова

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

Литературная деятельность П. Ф. Якубовича теснейшим образом связана с народническим революционным движением, активным участником которого он являлся. «Падение крепостного права, — писал В. И. Ленин, — вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество».[1]

В своей борьбе против самодержавия, против пережитков крепостничества, в защиту многомиллионных масс крестьянства народники опирались на ложную теорию. Они идеализировали крестьянскую общину, утопически верили в особый путь развития России, которая, как им представлялось, может избежать капитализма, они не видели революционной роли рабочего класса. Борясь с реакционно-утопическими теориями народников, В. И. Ленин указывал вместе с тем, что «марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс».[2]

Этот боевой демократизм особенно ярко сказался у революционеров 70-х годов, проявивших в борьбе против самодержавия беспримерное мужество и подлинный героизм. После убийства Александра II, совершенного народниками 1 марта 1881 года, воцарилась свирепая политическая реакция, приведшая к разгрому революционно-народнических организаций. С этим связан был кризис народничества, его либеральное перерождение. Либеральные

---

[1] В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Сочинения, т. 20, стр. 224. Здесь и дальше все ссылки даны на 4-е изд.

[2] В. И. Ленин. Две утопии. Сочинения, т. 18, стр. 330.

народники 1880—1890-х годов отказались от борьбы с царским правительством и ограничивались лишь просьбами о некоторых улучшениях крестьянского быта. Появление марксизма в России либеральные народники встретили открытой враждебностью и в легальной печати вели ожесточенную полемику против революционной теории пролетариата.

П. Ф. Якубович идейно и практически был связан с революционным крылом народничества. На протяжении всей своей жизни он сумел сохранить боевой дух, характерный для деятелей народнического революционного подполья. Это привлекало к его личности и к его творчеству горячие симпатии передовой молодежи.

Как активный деятель революционного движения, П. Ф. Якубович около двадцати лет не мог выступать в печати под своей настоящей фамилией. Современники долгое время не могли открыто говорить о нем. Они хорошо знали стихи, подписанные буквами П. Я., помнили боевые статьи М. Гарусова, читали стихотворения Матвея Рамшева[1] и стихи в вольной печати, подписанные одной буквой «Я».

В 1880—1890-е годы, в период нелегального положения автора, стихи Якубовича печатались анонимно или под случайными псевдонимами: П. Филиппович, П. Павлов, П. Смирный, И. Алексеев, Аквилон, Эль эм, N. В конце 1890-х годов заметными стали имена писателя Л. Мельшина и критика П. Гриневича. Но очень немногие знали, что и П. Я., и Матвей Рамшев, и М. Гарусов, и Л. Мельшин — одно и то же лицо, а именно П. Ф. Якубович.

В силу ряда причин поэтическое творчество Якубовича оказалось малоизученным. Его стихотворения не переиздавались с 1913 года. Между тем в истории русской поэзии конца XIX — начала XX века Якубович занимает достаточно заметное место, и его поэтическое наследие достойно самого тщательного изучения. В литературном движении своего времени он несомненно сыграл положительную роль. Якубович последовательно и страстно боролся против «чистого», безыдейного искусства; из его стихов возник героический образ поэта-борца, идеалы которого «нашли сочувственный отклик в сердцах народа, а его поступки вдохновили не одного героя на подвиг...»[2] Такую высокую оценку дала большевистская «Звезда» творчеству этого видного русского поэта и активного революционного деятеля.

---

[1] См. П. Грабовский. До великорусського поэта Рамшева. Зібрання творів у трьох томах, т. 1. Київ, 1959, стр. 160—161.

[2] Николай Афанасьев. Памяти П. Я. «Звезда», 1911, № 15, 25 марта.

1

Петр Филиппович Якубович родился 22 октября 1860 года в сельце Исаеве, Валдайского уезда, Новгородской губернии. Родители его были обедневшие дворяне, владельцы какой-нибудь сотни десятин «пустоши» с несколькими десятками крестьянских «душ». Род Якубовичей дал двух видных революционеров: народоволец Петр Якубович ценил своего предка — декабриста Александра Якубовича и в честь его взял свой псевдоним по революционному подполью: Александр Иванович.

Отец Якубовича, Филипп Тарасович (1817—1883), подростком убежал из дома, чтобы поступить на военную службу. В 1853 году, в чине капитана, он вышел в отставку, женился, был недолго уездным судьей в Новгороде, а после неудач по службе тянул лямку мелкого чиновника вдали от семьи, в Ельце и Варшаве.[1]

Он не был чужд писательства и даже оставил объемистую рукописную книгу «Наставление детям».[2]

До поступления в гимназию П. Ф. Якубович рос в обстановке деревенской одичалости. Жили скудно: «Именьице махонькое, хоромы поразвалились, жалованьишко пустое, еда, ежели говорить правду, не заморская...» — так характеризовал свой семейный быт Якубович в автобиографическом очерке.[3]

В детстве, в родной деревеньке, Якубович научился чувствовать и понимать настроения «освобожденных» крестьян, затаивших злобу против былого самодурства своего помещика — отца поэта. «В один холодный осенний день, — вспоминает Якубович, — сидел я в поле с пастухом Федькой, мы грелись у костра и ели вкусную печеную картошку. Вдруг к нам подошел лутковский крестьянин Литвинов...

— А! и змееныш барский тута? — сказал Литвинов, с жгучей ненавистью оглядев меня и словами, точно обухом, ударив по голове... — Ведь батьку-то его... — обратился уже прямо к пастуху, — мы сколько раз убить собирались... Сколько он зубов нам одних повыбивал!.. Ну, да придет точка — и мы над ихним братом по-

---

[1] Послужной список Ф. Т. Якубовича в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота (Ленинград), ф. 749, оп. 64, д. 121.

[2] Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома), ф. П. Ф. Якубовича. Далее ссылки на этот архив даются сокращенно: ПД.

[3] Л. Мельшин. На ранней зорьке. «Русское богатство», 1909, № 1, стр. 219.

куражимся. На Исаево красных петухов пустим, а гаденыша вот этого — и с мамой его вместе — головой об угол! .. — Я чувствовал, что в душу мою вошло в этот день что-то новое и страшное, с чем придется считаться, может быть, всю жизнь».[1]

В 1870 году Якубович поступил в новгородскую гимназию. К этому времени относятся его первые детские стихотворные опыты. К 1875 году им уже написана «Первая тетрадь стихов».

Якубовича очень рано захватили революционные идеи. Уже во втором классе гимназии он прочитал нелегальные издания: «Емельку Пугачева» и «Сказку о копейке», которые «всепожирающим огнем» зажгли его душу: «Как будто все время она насыщена была порохом и теперь кто-то случайно поднес к нему зажженную спичку!»[2]

В письме к В. Г. Короленко Якубович настаивал, что определяющее влияние на формирование его мировоззрения имели именно юные годы: «Представьте, „тип убеждений" сложился или, вернее, наметился у меня... еще в *младших* классах гимназии!»[3]

Незадолго до того как Якубович окончил гимназию, отец уловил в его письмах «дух сильного негодования» и отсутствие «всякого признака благодушия».[4] В седьмом классе Якубович написал стихотворение «Моя дорога», первое его напечатанное стихотворение, в котором уже предопределен путь борца.

Письма отца к сыну 1877—1878 годов приоткрывают завесу над размышлениями Якубовича о выборе жизненного пути: после гимназии он твердо решил поступить в университет, посвятить себя литературе. Отец отговаривал его: «Русская литература, — писал он, — как и вообще все русское, не имеет свободы ни слова, ни мысли, чтобы выражать правду и истину о чем бы то ни было... Спрашиваю тебя, о чем же ты после этого будешь воспевать на своей лире, если насущности хорошей нет, а до дурной касаться нельзя, а фарисействовать стоит ли того? ..»[5] Пребывание в университете, особенно в то бурное время, по мнению отца, грозило «не-

---

[1] Л. Мельшин. На ранней зорьке. «Русское богатство», 1909, № 1, стр. 201—202.

[2] Л. Мельшин. Школьные годы. «Русское богатство», 1910, № 10, стр. 194.

[3] Письмо от 29 октября 1896 г. Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. В. Г. Короленко). Далее ссылки на этот архив даются сокращенно: БЛ.

[4] Письмо Ф. Т. Якубовича к П. Ф. Якубовичу от 18 апреля 1878 г. (ПД).

[5] Письмо Ф. Т. Якубовича от 27 марта 1877 г. (ПД).

предвиденными случайностями, способными сломать не только будущность, но и жизнь самую».[1] Но решение сына было твердым, и отец вынужден был уступить.

Поступление Якубовича в Петербургский университет в августе 1878 года совпадает с исключительно важным моментом в общественной жизни страны: в России складывается новая революционная ситуация. Бурные демонстрации в Петербурге, связанные с делом Веры Засулич (март 1878), волнения на юге России, вызванные казнью П. М. Ковальского, и убийство С. М. Кравчинским шефа жандармов Мезенцева (август 1878), страшный недород, усиление стачечной борьбы, студенческие беспорядки, развитие подпольной печати — все это способствовало резкому обострению политической борьбы.

В эту бурную пору академические занятия не удовлетворяли Якубовича. Его тяготила оторванность университетской науки от живой современности с ее вопросами, волнениями и тревогами.

Материальное положение Якубовича было незавидным. Имение было давно продано и «проедено». В студенческом деле Якубовича сохранилось «свидетельство о бедности», подписанное новгородским губернатором. В нем сообщалось, что Якубовичи «состояния как недвижимого, так и движимого не имеют», а отец их «не живет с семейством и где находится — неизвестно».[2] Этот документ давал право на стипендию, которую Якубович получал три года.

Якубович-студент мечтал печататься в «Отечественных записках». Он принес тетрадь стихов самому М. Е. Салтыкову, который и стал его первым редактором: «Тетрадь была исчеркана карандашом: некоторые строки стихов были подчеркнуты, у других стояли нотабены, вопросительные и восклицательные знаки, а в конце ремарка: „Нужно еще поработать“».[3] Якубович вспоминал, что Щедрин на его вопрос «продолжать ли ему или бросить писать стихи, — отвечал, подумав: „Продолжайте“».[4] Однако печататься в «Отечественных записках» Якубович стал лишь через три года. До того, в ноябре 1878 года, он отнес стихи в редакцию демокра-

---

[1] Письмо Ф. Т. Якубовича от 18 апреля 1878 г. (ПД).

[2] Дело студента СПб. университета П. Якубовича № 20479. Государственный исторический архив Ленинградской области. Далее ссылки на этот архив даются сокращенно: ГИАЛО.

[3] И. И. Попов. П. Ф. Якубович. М., 1930, стр. 9.

[4] Письмо Якубовича к Эльве (Льву Василевскому?) от 27 октября 1900 г. «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 9, стр. 20 (сообщено В. И. Безъязычным).

тического журнала «Дело» и был «принят в сотрудники».[1] В начале 80-х годов расширяется круг литературных знакомств Якубовича (Н. К. Михайловский, В. М. Гаршин, С. Я. Надсон, А. Н. Плещеев, А. К. Шеллер (Михайлов), С. А. Венгеров, Н. В. Шелгунов, А. П. Барыкова, И. И. Ясинский, фольклорист П. В. Шейн, художник К. Коровин и другие); он приобретает известность. «В 1880 году, — вспоминал И. И. Попов, — в студенческих кругах и среди молодежи поэт «П. Я.» был самым любимым и популярным поэтом, более даже, чем С. Я. Надсон. Мы, 18—19-летние юноши, зачитывались его стихотворениями, а многие из них знали наизусть и даже подбирали под них музыку».[2]

Осенью 1880 года Якубович пишет стихотворение «Битва жизни», отразившее политическое настроение передовой молодежи, рвущейся к делу. Широко распространенное в рукописях, оно обратило внимание А. И. Желябова, заинтересовавшегося личностью автора.[3]

С весны 1881 года Якубович много сил отдает старому народническому журналу «Русское богатство», который перешел в руки литературной артели, состоявшей главным образом из сотрудников «Отечественных записок» (Г. И. Успенский, В. М. Гаршин, Н. Н. Златовратский и другие). Здесь он «много писал и в прозе — был беллетристом, критиком и даже внутренним хроникером».[4]

Важный эпизод в биографии молодого Якубовича — издание студенческого сборника «Отклик», задуманного им вместе со студентом В. Н. Шеталовым осенью 1880 года. Объединив в «Отклике» произведения с яркой политической направленностью, Якубович самим заглавием подчеркнул значение сборника: это был отклик революционного студенчества на страдания народа. В число участников кроме студентов Якубович привлек виднейших литераторов 1880-х годов: Н. К. Михайловского, Н. В. Шелгунова, С. А. Венге-

---

[1] С 1879 г. стихотворения и переводы Якубовича появляются уже в трех журналах («Дело», «Живописное обозрение», «Слово»), а несколько позже — в «Русском богатстве», «Вестнике Европы», «Устоях», «Роднике».

[2] И. И. Попов. П. Ф. Якубович. М., 193[illegible], стр. 10. Ф. В. Волховской в статье о Якубовиче также подтверждает, что стихи молодого поэта, «выражавшие дух свободы и независимости, сделали вскоре его очень популярным среди молодежи» («Free Russia». <London>, 1900, т. 11, № 5, стр. 50).

[3] См. примечания, стр. 390.

[4] Автобиография. Архив С. А. Венгерова (ПД).

рова, А. Н. Плещеева, Я. П. Полонского, Н. Н. Златовратского и других.[1] После убийства Александра II Якубович решил еще более усилить политическое звучание сборника и поместил там свою «Весеннюю сказку» — отклик на событие 1 марта.

«Отклик» был отпечатан 3 апреля 1881 года. Министр внутренних дел Лорис-Меликов дал указание провести расследование о лицах, принимавших участие в издании.[2] Пока департамент полиции вел расследование, в цензуре была решена участь сборника: из двадцати шести помещенных в нем произведений уцелело лишь пять. «Особенно жгучими», по мнению цензора, были стихотворения Якубовича, которые «имеют значение вызовов к ожесточенной борьбе против дикого бесправия».[3]

«Отклик» безоговорочно запретили, «находя опасным для современного взволнованного молодого поколения, способного в борьбе за идеалы выставлять героями виновников недавних смут или видеть героев в Робеспьере, обаятельном Стеньке Разине и Пугачеве...»[4] Авторам «Отклика» грозил суд. Якубович пытался спасти книгу, объясняя издание благотворительными целями[5] и неопытностью студентов, а издатель А. С. Суворин, отпечатавший сборник в кредит, боясь убытков и осложнений, постарался склонить цензурный комитет к решению о замене всего содержания нейтральным материалом. «Отклик» начали кромсать, и он вышел

---

[1] В сборник обещал дать статью и И. С. Тургенев, но в срок не представил (письмо Якубовича к С. А. Венгерову от 22 января 1881 г., ПД).

[2] Дела С.-Петербургского цензурного комитета 1881, № 42, и Главного управления по делам печати, 1881, № 345, «О бесцензурной книге „Отклик"» (Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде; далее обозначается сокращенно: ЦГИАЛ).

[3] Дело С.-Петербургского цензурного комитета, 1881, № 42, л. 12 (ЦГИАЛ).

[4] Там же.

[5] Деньги от продажи сборника предназначались на революционные цели, для помощи молодежи, попавшей в заключение. Но власти, узнав об этом, потребовали всю сумму внести в Комитет Общества вспомоществования нуждающимся студентам через его председателя, профессора О. Ф. Миллера (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1881, № 345, оп. 20, л. 29). Якубович сожалел, что «деньги пойдут *не тем* людям, каким мы первоначально хотели отдать их, а разным подлипалам Ор. Миллера и т. п.» (письмо С. А. Венгерову от 16 апреля 1882 г. ПД). Однако часть тиража ему все же удалось распространить самому и через знакомые редакции («Устои», «Дело», «Отечественные записки»).

через пять месяцев, в сентябре 1881 года, политически обескровленный.[1]

«Отечественные записки» приветствовали выход «Отклика», но сожалели, что горячее желание студентов откликнуться на вопросы общественной жизни должно было «разбиться вдребезги».[2]

Студенческая жизнь в пору учения Якубовича была особенно бурной, и поэт принимал в ней деятельное участие. Профессор Шляпкин, учившийся вместе с Якубовичем, оставил любопытную, но пристрастную характеристику поэта: «Помню Якубовича на сходках в университете 1878—1881 годов — первый крикун, всегда страшно экзальтированный, злой, никогда спокойно не рассуждавший и не дававший рассуждать своим противникам».[3]

В 1881 году за участие в одной из сходок его лишают стипендии и подвергают семи дням ареста; этот эпизод не был забыт университетским начальством до конца студенческой жизни Якубовича.[4]

1882 год стал решающим в жизни Якубовича: в этом году он окончил университет со степенью кандидата (его работа «Внутренняя жизнь Лермонтова по его произведениям и письмам» была высоко оценена профессором М. И. Сухомлиновым), в этом же году он вступил в тайную организацию партии «Народной воли», как раз к осени 1882 года сильно ослабленную арестами. Решение вступить в «Народную волю» — партию революционных народников — было подготовлено всей предыдущей общественной деятельностью Якубовича.

Связав свою судьбу с революционным подпольем, где «действовали самые последовательные и решительные демократы-разночинцы»,[5] Якубович с 1883 года развертывает активную революционную деятельность в петербургском центре в труднейших условиях:

---

[1] «Отклик. Литературный сборник в пользу студентов и слушательниц Высших женских курсов города Санкт-Петербурга». 1881. Уникальный экземпляр «Отклика» без цензурных вырезок хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Шифр: 37.18.3.5).

[2] «Отечественные записки», 1881, № 11, стр. 61—64.

[3] Запись И. А. Шляпкина на книге: П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, т. 1. СПб., 1913 г. Экземпляр хранится в библиотеке Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

[4] В студенческом деле Якубовича на прошениях не исчезает помета: «7 дней ареста»; лл. 40, 46, 49, 52 (ГИАЛО).

[5] В. И. Ленин. Народники о Н. К. Михайловском. Сочинения, т. 20, стр. 100.

1883 год Якубович назвал самым бурным в своей молодости и самым мрачным по удушающей атмосфере.[1]

С переходом на полулегальное положение изменяется характер литературной деятельности Якубовича. Он пишет свое первое нелегальное произведение — листовку «И. С. Тургенев».

В обстановке свистопляски, организованной либералами вокруг имени Тургенева, все ждали свободного слова о Тургеневе, и оно прозвучало.[2] Листовка о Тургеневе, распространявшаяся во время похорон писателя, — лучшее, что было сказано о великом писателе с революционных позиций в 1880-е годы. В ней дана четкая характеристика исторической роли Тургенева: «Барин по рождению, аристократ по воспитанию и характеру, «постепеновец» по убеждениям, Тургенев, быть может бессознательно для самого себя, своим чутким и любящим сердцем сочувствовал и даже служил русской революции».[3]

Отдавая много сил революционно-пропагандистской и организационной работе, Якубович находит время и для поэтического творчества. С 1882 года он печатается в «Отечественных записках». Характерно, что стихотворения Якубовича с боевыми призывами к революционной борьбе («Юноше», «Рассеян мрак, завеса поднята! ..») были помещены в декабрьской книжке после «Современной идиллии» Щедрина и сразу же привлекли внимание цензуры, потребовавшей запрещения сатиры Щедрина и стихотворений Якубовича, как «отличающихся крайней тенденциозностью и заключающих в себе воззвание к молодым людям, чтобы они не падали духом, а боролись до конца, сохранив свою злобу и месть...»[4]

Писательница В. И. Дмитриева дает живой портрет Якубовича в годы его напряженной революционной деятельности: «Он не жил, он горел... В моей памяти ярко запечатлелся Якубович, каким он

---

[1] См. письмо к И. И. Попову от 14 ноября 1884 г. «Красный архив», 1929, т. 36, стр. 159, а также примечания к стих. «Возмущение любви», стр. 401. Полный текст письма в копии хранится в Центральном государственном историческом архиве СССР в Москве (ф. 102, оп. 168, ед. хр. 7, лл. 328—341). Далее ссылки на этот архив даются сокращенно: ЦГИАМ.

[2] Одновременно с листовкой Якубович пишет стихотворение «На смерть Тургенева» и помещает анонимно в журнале «Дело» (1883, № 9) некролог.

[3] «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников». М. — Л., 1930, стр. 4.

[4] Дело С.-Петербургского цензурного комитета, 1882 г., № 60, по изданию журнала «Отечественные записки», лл. 409—411 (ЦГИАЛ).

был в ту пору. Бледный, с горящими глазами, в вечном движении, он с головой погрузился в работу, писал, печатал, агитировал, и так до самого того дня, когда в цепях, с обритой головой пошел в Сибирь...» В одном из писем к В. И. Дмитриевой Якубович воскликнул: «Теперь мы, молодые писатели, должны так работать, чтобы трещала бумага и из-под пера сыпались искры...»[1]

Революционная ситуация не завершилась революцией, народнические организации были разгромлены. Реакция перешла в наступление. В накаленной политической обстановке конца 1883 года, после убийства инспектора секретной полиции Судейкина и раскрытия провокаторской роли Дегаева, Якубович становится во главе оформляющейся оппозиции «молодых» по отношению к старому заграничному центру «Народной воли». Члены новой революционной организации, так называемой «Молодой народной воли» (или Союза молодежи) критиковали старое руководство за оторванность от народных масс.[2]

1 февраля 1884 года Якубовичем было написано воззвание «От центрального кружка Союза молодежи к русскому юношеству», излагающее взгляды «молодых».[3] Стремясь к расширению социальной базы революционного движения 1880-х годов, Якубович придавал большое значение усилению печатной пропаганды среди рабочих.

«Молодая партия» просуществовала недолго: в марте 1884 года начались переговоры представителей «центра» — Г. А. Лопатина и А. Н. Баха — с «молодыми». Ради сохранения единства революционных сил в тяжелый исторический момент «молодая партия» решила пойти на примирение.[4]

После «мира» в июне 1884 года Якубович едет в Дерпт, где все лето и осень в труднейших условиях почти один организует печатание десятого номера подпольного повременного издания «Народная воля», являясь одновременно редактором, наборщиком и автором хроники.

Арест Г. А. Лопатина (октябрь 1884) привел к небывалому разгрому народовольческих организаций в 32 городах, и Якубович остался фактически один во главе руководства Петербургской орга-

---

[1] В. И. Дмитриева. Так было (Путь моей жизни). М. — Л., 1930, стр. 205, 206, 216 и 217.

[2] С. Валк. Молодая партия «Народной воли». «Проблемы марксизма», 1930, № 1, стр. 95—119.

[3] Еженедельные записки по департаменту полиции за 1884 г., т. 2 (ЦГИАМ, ф. 102, оп. 168, ед. хр. 7, л. 373).

[4] А. Бах. Воспоминания народовольца (1882—1885 гг.). «Былое», 1907, № 2, стр. 203; А. Бах. Записки народовольца. М. — Л., 1929, стр. 104—107, 117.

низации. Первые сведения о его «преступной» деятельности были получены полицией осенью 1883 года от предателя Дегаева, вследствие чего за Якубовичем был учрежден надзор.[1]

В Дерпте за ним шпионил провокатор, теперь же агенты следили за каждым его шагом. Вскоре он был арестован.

Накануне ареста, 14 ноября, Якубович пишет письмо И. И. Попову, в котором дает анализ современного политического момента и призывает к согласованной деятельности всех революционных групп: «Вы спросите, отчего же теперь так мало сил? Я Вам отвечу стихами Некрасова: „...Гремел, когда они родились, дикий гром, ручьями кровь лила. Эти души робкие смутились, как птицы в бурю, притаились в ожиданьи света и тепла...“».[2] Ну, так завоюем же этот «свет» и это «тепло»! А для этого нужно идти рука с рукой».[3]

Последнюю ночь Якубович не спал, не желая идти на квартиры знакомых, чтобы не скомпрометировать их.[4] Утром 15 ноября 1884 года он был арестован на улице. Вечером была арестована его невеста Р. Ф. Франк. На донесении министра внутренних дел графа Д. А. Толстого об аресте Якубовича Александр III наложил резолюцию: «Все-таки жаль, что пришлось его арестовать так рано».[5]

Реакция ликовала: наконец-то удалось схватить «главного вождя движения в Петербурге. Ему только были известны все связи партии... и вообще необходимые для крамольников сведения».[6]

Якубович был заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. На двенадцатый день заключения он пишет стихотворение «Не за каждым всплеском моря...», выражая в нем твердую веру в побеждающую силу «девятого вала». Стихотворения, написанные незадолго до ареста и в крепости, отличаются бодростью настроения, презрением к смирению, жгучей ненавистью к врагам («Смерть Орла», «Голуби», «Вы говорите: „Не нужна...“»).

---

[1] Еженедельные записки по департаменту полиции за 1884 г. (ЦГИАМ, ф. 102, оп. 168, ед. хр. 7, лл. 384—384 об.).

[2] Неточная цитата из стихотворения Некрасова «Страшный год».

[3] Письмо к И. И. Попову от 14 ноября 1884 г. «Красный архив», 1936, т. 36, стр. 163.

[4] «С. А. Венгеров неоднократно рассказывал, что для затравленного шпионами, жившего нелегально Якубовича квартира С. А. Венгерова была последним убежищем перед арестом» (Архив С. А. Венгерова, папка: «Письма Якубовича Венгерову», примечание В. С. Венгерова, ПД).

[5] А. С. Поляков. Царь-миротворец. «Голос минувшего», 1918, № 1—3, стр. 224—225.

[6] Хроника социалистического движения в России (1878—1887). Официальный отчет. М., 1906, стр. 265.

После почти трехлетнего заключения, в 1887 году, с 26 мая по 5 июня, в Петербургском военно-окружном суде проходил «процесс 21-го», организованный после казни Александра Ульянова. Судили Г. Лопатина, Якубовича и многих других. Суд был обставлен со всей строгостью: были запрещены отчеты в прессе. Обвинительный акт читался десять часов. Якубович обвинялся «в принадлежности к тайному сообществу, присвоившему себе наименование русской социалистической революционной партии «Народной воли», поставившей целью ниспровержение существующего порядка», и многом другом.[1] Против Якубовича оказалось всего больше вещественных доказательств: писем, рукописей, стихов, социалистической литературы.

Прокурор Маслов, требуя для Якубовича смертной казни, стремился причислить его к террористам: хотя его деятельность «не проявилась ни в каком террористическом акте, но она могла бы проявиться в таковых». Якубович отверг это обвинение, утверждая, что он «хотел... более широкой и деятельной пропаганды социалистических идей в народе...»[2]

Якубович был присужден к смертной казни через повешение. Он встретил приговор с исключительным мужеством, о чем свидетельствуют его тюремные записки к родным: «Вы поражены страшно, но ведь я так и ожидал, что меня приговорят без оговорки... Не бойтесь и не теряйте надежды... веры в будущее не потеряю».[3] Смертный приговор через три недели был заменен восемнадцатью годами каторги.

Незадолго до суда вышел сборник стихотворений Якубовича, изданный сестрой и друзьями поэта под псевдонимом Матвей Рамшев. «В подготовке его, — указывает Якубович, — я принимал — конечно, насколько это позволяло пребывание в тюрьме — деятельное участие, но главная редакция поручена была А. К. Шеллеру, и последний, в цензурных опасениях, сильно «переборщил», выключив все лучшие и характерные мои вещи».[4]

---

[1] Следственное дело составило 47 частей. Якубовичу посвящена ч. 4 (ЦГВИА, ф. 545, ед. хр. 298, ч. 4). Бо́льшая часть показаний Якубовича опубликована С. Н. Валком. См.: «Красный архив», 1929, тт. 36, 37; 1930, т. 38.

[2] «Процесс 21-го», с приложением биографической заметки о Г. А. Лопатине. Женева, 1888, стр. 39, 40.

[3] Д. Якубович. Пять писем П. Ф. Якубовича. «Каторга и ссылка», 1928, № 12, стр. 135—143.

[4] Общество любителей российской словесности. Анкета (ЦГАЛИ, ф. 583, оп. 1, л. 2).

20 июля 1887 года Якубович, с обритой наполовину головой, в кандалах, был отправлен в Сибирь, в Карийскую каторжную тюрьму. В неопубликованных воспоминаниях А. И. Хлебникова (ПД) и В. И. Фролова (ЦГАЛИ) нарисован образ «бессменного учителя молодежи» — Якубовича во время этапного пути. Всю дорогу он «каждую свободную минуту наставлял нас, учил нас, как вести нам революционную работу по возвращении из ссылки... Мы проходили все вопросы, начиная с философского обоснования программы и кончая мельчайшими деталями тактики...»[1] В Кару Якубович прибыл 20 февраля 1888 года, а в сентябре 1890 года был переведен в Акатуйскую тюрьму, где политические заключенные были размещены среди уголовных. Здесь он работал в рудниках. О невыносимых условиях каторжной жизни можно судить хотя бы по тому, что на питание в год на каждого каторжника расходовалось всего двадцать один рубль пятнадцать копеек. Якубович писал П. А. Грабовскому из Акатуя: «Проклятый Акатуй! И благо тому, кто убежит его когтей, высасывающих лучшую кровь из сердца, сушащих мозг и обессиливающих душу!»[2]

Существует мнение, будто на каторге Якубович писал мало и возобновил литературную работу, в сущности, лишь после нее. Однако это не так. Обследование печатных и рукописных материалов показывает, что и в Петропавловской крепости, и в Карийской тюрьме, и в рудниках Акатуя Якубович работал не менее продуктивно. Отдельные стихотворения прорываются через тюремные стены и при содействии сестры поэта и А. К. Шеллера (Михайлова) появляются в 1891 году в «Живописном обозрении» под псевдонимами И. Алексеев и П. Смирный. В «Северном вестнике» в 1890—1891 годах печатаются анонимно переводы Якубовича из Бодлера, выполненные на каторге. В декабре 1894 года эти переводы были изданы, тоже анонимно, отдельной книжкой.

Летом 1893 года в Акатуе на клочках махорочной бумаги Якубовичем была закончена известная книга «В мире отверженных». Рукопись удалось переправить на волю. До Якубовича дошел слух о гибели рукописи в Иркутске. Победив отчаяние, он вновь взялся за работу и восстановил погибшие очерки.[3]

---

[1] Воспоминания В. И. Фролова (ЦГАЛИ, ф. В. Г. Короленко).
[2] «Русское богатство», 1912, № 5, стр. 45.
[3] Вторично они были отправлены с А. Н. Бек (1870—1954), доставившей рукопись в 1895 г. в Петербург. Об этом А. Н. Бек писала 15 ноября 1953 г. Е. Д. Петряеву (сообщено Е. Д. Петряевым).

2

Конец каторги, сокращенной по манифестам на одну треть, ознаменовался переменами в жизни Якубовича: в ноябре 1893 года он был переведен в Кадаинский рудник, с него были сняты кандалы. Осенью 1894 года сюда из Якутска прибыла Р. Ф. Франк, невеста Якубовича, также находившаяся в ссылке за участие в революционном движении. После десятилетней разлуки они обвенчались. В сентябре 1895 года поэт был переведен на поселение в Курган, под гласный надзор полиции. Здесь он пытался наладить прерванные литературные связи, принимал активное участие в сибирских газетах («Степной край», «Восточное обозрение»), выступая анонимно и под псевдонимами (Аквилон, Л. Мельшин) как поэт, публицист и критик.[1] Стихи его начинают появляться в журналах «Мир божий», «Новое слово», но свою дальнейшую литературную судьбу он прочно связывает с журналом «Русское богатство», где начинает печататься с мая 1895 года. «Русское богатство» в это время было органом либерального народничества. Публицисты этого журнала претендовали на роль продолжателей революционно-демократических традиций «Современника» и «Отечественных записок». На деле же, как указывал В. И. Ленин в 1894 году, «эти господа вполне и целиком становятся на почву современного общества (т. е. на почву капиталистических порядков, чего они не сознают) и хотят отделаться штопаньем и починкой его, не понимая, что все их прогрессы — дешевый кредит, улучшение техники, банки и т. п. — в состоянии только усилить и развить буржуазию».[2] В публицистическом отделе журнала помещались статьи, резко направленные против теории марксизма, против социал-демократического движения. Иной облик имел литературный отдел «Русского богатства». Там печатались передовые демократические писатели, среди которых Якубовичу принадлежало не последнее место. «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника», печатавшиеся в «Русском богатстве» в 1895—1898 годах под псевдонимом Л. Мельшин, принесли Якубовичу заслуженный успех. Критика даже ставила их рядом с «Записками из мертвого дома» Достоевского. Мельшина высоко ценил

---

[1] В. Митрич. П. Ф. Якубович в сибирской прессе. «Жертвам войны. Первый Омский литературный сборник». Омск, 1915, стр. 5—11.

[2] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения, т. 1, стр. 220.

и А. П. Чехов, ставивший его «умный, сильный» талант рядом с Короленко и М. Горьким.[1]

В курганских письмах Якубовича отразилась жгучая тоска по живому делу, горячее желание быть активным участником жизни: «Ведь главная тягота моей теперешней жизни, — писал он, — это полное духовное одиночество и изолированность от живого мира!»[2] «Та жизнь, которая некогда отвлекала меня от литературы, теперь закрыта для меня во всех смыслах, и, вероятно, уже навсегда».[3]

Жизнь в Кургане была порой невыносима. Полиции поручено было учредить за Якубовичем «более тщательный надзор», устраняющий «возможность как побега, самовольных отлучек, так и вредного влияния на крестьянскую среду». В деревне Крюково надзор за Якубовичем поручался «местному сельскому старосте, а также местному земскому заседателю и, кроме сих лиц, нижним чинам полиции, командированным специально».[4] Министерство внутренних дел подчеркнуло, что «квартира названного ссыльного <Якубовича> является местом конспиративных собраний поднадзорных и лиц, привлеченных к дознаниям политического характера, вследствие чего начальник Тобольского жандармского управления возбудил ходатайство об удалении Якубовича из г. Кургана...»[5]

Якубовичу вновь грозят переселением: «Видно, что в конце концов меня все-таки отправят куда-нибудь путешествовать, дабы охладить мой „беспокойный нрав“».[6] Только в связи с тяжелым нервным заболеванием Якубовичу удалось вырваться из Кургана для лечения в Казань, а потом на станцию Удельную под Петербургом, куда он переезжает в январе 1900 года. Но и здесь за ним зорко следят: «Чертова судьба, будто нарочно, отстраняет меня от всякого уча-

---

[1] Письмо к Л. А. Авиловой от 9 марта 1899 г. А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, т. 18. М., 1949, стр. 107. — Дарственная надпись Чехова на его книге «Остров Сахалин» гласит: «Петру Филипповичу Якубовичу от его почитателя, искреннего друга его симпатичной книги. Антон Чехов» (21.XI.1896). «Бюллетени рукописного отдела Пушкинского дома», № 8, М. — Л., 1959, стр. 152.

[2] Письмо к А. И. Иванчину-Писареву от 23 мая 1899 г. (ПД).

[3] Письмо к Н. К. Михайловскому от 28 ноября 1897 г. (ПД).

[4] Дело Тобольского губернского управления о государственном преступнике Петре Якубовиче... (1895—1903) (Тобольский архив, ф. 152, оп. 15, ед. хр. 29, лл. 83—84).

[5] Отношение Департамента полиции тобольскому губернатору от 8 августа 1899 г. (там же, л. 101).

[6] Письмо к А. И. Иванчину-Писареву, 1899 г. (ПД).

стия в «жизни». Так, должно быть, и буду до конца жить здесь, как в расширенном Кургане...»[1] Гласный надзор с Якубовича был снят в конце 1903 года, то есть через 19 лет со дня ареста.[2] Возвращение Якубовича на родину и получение им прав было отмечено в русской и заграничной прессе как факт общественного значения.[3]

В ноябре 1897 года, вслед за отдельным изданием «В мире отверженных», был издан сборник стихотворений Якубовича под буквами П. Я., имевший большой успех. Представленный друзьями, без ведома автора, на соискание Пушкинской премии, сборник получил в 1899 году почетный отзыв Академии наук, в котором отмечалось, что «автор идет тем путем, который проложен в нашей поэзии Некрасовым».[4]

После смерти Н. К. Михайловского, в апреле 1904 года, Якубович вошел в состав редакции «Русского богатства» и заведовал вместе с В. Г. Короленко беллетристическим отделом журнала.

Внутренние взаимоотношения Якубовича с редакцией «Русского богатства» сложились далеко не идиллически. Для либерально-народнического «Русского богатства» Якубович был слишком горяч, принципиален, напорист. Наблюдая за журналом со стороны, из Кургана, Якубович возмущался, что редакцией взят курс на «академичность».

«Как! «Русское богатство» хочет быть академическим журналом? — спрашивает он у Михайловского. — Не говоря о том, что это совершенно не в его традициях, оно, думается мне, и не может быть академическим, совершенно не убив себя в глазах публики... Сила «Русского богатства» как органа, не имеющего, по обстоятельствам, *возможности* сказать все, что нужно, должна заключаться именно в страстной полемике, в эзоповском языке и пр. Какая уж тут „академичность!"»[5]

Образцом боевого литературного органа для Якубовича всегда оставались «Отечественные записки» Щедрина, где он печатался в молодости, и «Современник» Некрасова: эти журналы, по его словам, «проникал общий дух, общее настроение, общий порыв — дело

---

[1] Письмо к А. И. Иванчину-Писареву от 9 апреля 1900 г. (ПД).

[2] Дело Тобольского губернского управления (Тобольский архив, ф. 152, оп. 15, ед. хр. 29, лл. 129—130).

[3] «Free Russia» <London>, 1900, т. 11, № 5, стр. 50; «Русские ведомости», 1903, № 293, 25 октября.

[4] Тринадцатое присуждение премий им. А. С. Пушкина 1899 г. «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1903, № 2, стр. 12—13.

[5] Письмо от 29 сентября 1897 г. (ПД).

шло блистательно».[1] «На днях удалось мне встретить и пересмотреть оглавления нескольких книжек «Отечественных записок», — писал Якубович Михайловскому, — и убедиться еще раз, как недосягаемо высоко даже и для «Русского богатства» стоял тот журнал! Не одним же „оскудением талантов“ объяснить это?»[2]

Якубович стремился привлечь в журнал новых сотрудников, особенно М. Горького — «единственную, по его словам, поэтическую силу, которую дало последнее литературное поколение».[3]

Среди руководящих сотрудников «Русского богатства» по-настоящему близкие, дружеские отношения у Якубовича установились только с В. Г. Короленко. С ним сближало его и отношение к марксизму. Подобно Короленко, Якубович не сочувствовал сектантской озлобленности Н. К. Михайловского и других врагов марксизма из «Русского богатства».

Прогрессивный, демократический характер творчества Якубовича и его особая позиция в отношении к марксизму были с глубоким сочувствием отмечены большевистской «Звездой» сразу после смерти поэта.[4] Это не означает, конечно, что Якубович был близок к марксизму. Нового направления социалистической мысли он не принял. Якубович разделял существенную черту народнической доктрины — признание капитализма в России явлением неорганическим и веру в *«иной, т. е. некапиталистический,* путь для России».[5]

Таким образом, Якубович, подобно Н. К. Михайловскому, «закрывал глаза на то, что есть, и вопрос о факте превращал в вопрос о желательном или о должном»,[6] и это было причиной политического расхождения в 1890-е годы социал-демократов с П. Гриневичем (под этим псевдонимом выступал Якубович как публицист), но при этом «Гриневича уважали за чистоту побуждений».[7]

В революции 1905—1907 годов Якубович принял активное участие. В январские дни 1905 года он был вновь подвергнут аресту и заключению в «Крестах» (тюрьма в Петербурге), откуда вернулся физически разбитым. В сложной обстановке он обнаруживает политическую зоркость, сразу же раскусив предательство кадетов.

---

[1] Письмо к В. Г. Короленко от 3 октября 1900 г. (БЛ).

[2] Письмо от 31 марта 1897 г. (ПД).

[3] Письмо к М. Горькому от 15 января 1900 г. М. Горький. Материалы и исследования, т. 2. М.—Л., 1936, стр. 365—366.

[4] «Звезда», 1911, № 14, 19 марта.

[5] В. И. Ленин. По поводу юбилея. Сочинения, т. 17, стр. 90.

[6] М. Ольминский. Из прошлого. Изд. 2. М., 1922, стр. 53.

[7] М. О<льминский>. Похороны. «Звезда», 1911, № 15, 25 марта.

О своей ненависти к кадетам, к их центральному органу «Речи» он пишет Короленко: «А Вы все еще интересуетесь, дорогой Владимир Галактионович, российскими «ка-детами». Во мне «Речь» всегда вызывала тошноту — пожалуй, даже худшую, чем прямо враждебное «Новое время»... Кадеты противны тем, что у них таится в душе, в сущности, страх и неприязнь к самой идее этого <революционного> движения... Они буржуи до мозга костей, только лакированные, конечно, — «европейцы»! Что касается Петра Бернгардовича <Струве>, то помяните мое слово: он дойдет еще до защиты самодержавия!» [1]

Стихотворения Якубовича, появлявшиеся в те годы, имели большой общественный резонанс. О стихотворении «Последняя жертва», где гибель русского флота и падение Порт-Артура показаны как итог преступлений царизма, Короленко писал: «Думаю, это первое стихотворение, которому суждено стать и широко общественным явлением, в связи с событиями войны...» [2] Размноженное на гектографе, оно воспринималось современниками как прокламация и имело большое революционизирующее влияние, особенно на молодежь.

Привлекая Якубовича к судебной ответственности за стихотворения, написанные в период революции 1905 года («Красный снег», «Земля» и другие), цензура подчеркнула, что они возбуждают «к революционной борьбе против существующего государственного строя». [3] Стихотворения подвергались аресту и уничтожению даже после смерти поэта.

Особой популярностью пользовалось в революционные годы в рабочей среде стихотворение Якубовича «Восемь часов» («Песня труда»). Ленинская «Искра» отмечала, что рабочие подвергались аресту и признавались неблагонадежными за то, что хранили у себя стихотворение П. Я. «Восемь часов». [4] Большевистская «Звезда» также подтвердила «особенный успех» среди рабочих этой песни Якубовича. [5]

Последние годы жизни Якубович постоянно болел. Не помогла ему и поездка в Бад-Наугейм (Германия) летом 1909 года, откуда он вернулся «еле живехонек». Несмотря на болезнь, Якубович ни на минуту не прекращал напряженной редакторской работы в «Рус-

---

[1] Письмо от июля 1907 г. (БЛ, ф. В. Г. Короленко).

[2] Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. Л., 1924, стр. 8.

[3] Дело Главного управления по делам печати 1914 г., № 341, «Об аресте книги П. Я. Стихотворения, т. 2, 4-е изд. СПб., 1910 г.» (ЦГИАЛ).

[4] Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. «Искра», 1902, № 29, 1 декабря.

[5] «Звезда», 1911, № 14, 19 марта.

ском богатстве». Чуткость Якубовича-редактора подтверждают и с благодарностью вспоминают все, кто к нему обращался за помощью. Якубович умел обнаруживать у начинающих поэтов искорки таланта; известна его роль в литературной судьбе Демьяна Бедного, который не без основания считал себя учеником Якубовича.

В начале марта 1911 года Якубович заболел воспалением легких. После одиннадцати дней тяжелых страданий надломленное каторгой сердце не выдержало: 17 марта, в 6 часов утра, он скончался. «Современная литература понесла тяжелую утрату, — писал С. А. Венгеров, — а друзья этого идеально чистого человека — незаменимую».[1] Многие восприняли его смерть как личное горе. «Осиротев после смерти Петра Филипповича, я не знаю, кто мне теперь хоть в одной самой малой части заменит его (это невозможно!) в смысле любовного руководства моими слабыми попытками поэтического творчества», — признавался Демьян Бедный.[2]

М. Горький узнал о смерти Якубовича за границей и откликнулся телеграммой, кончавшейся такими словами: «Да здравствует свобода и счастье народа, которым он отдал всю свою жизнь! ..»[3] Смерть Якубовича вызвала отклик и интерес к его творчеству в славянских странах.[4]

В день похорон поэта вышел номер большевистской «Звезды» с большим некрологом.[5] В следующем номере были помещены две статьи (М. Ольминского и Н. Афанасьева), посвященные памяти поэта-борца, «который отдал себя целиком на служение родине для счастья грядущего человечества».[6]

Полиция, опасаясь демонстрации, запретила траурное шествие нескольких тысяч человек по главным улицам. Красные ленты с венков приказано было снять. Усиленный полицейский наряд охранял «порядок». Похоронили Якубовича на Литераторских мостках Волкова кладбища.

---

[1] «Речь», 1911, № 75, 18 марта.

[2] Письмо к А. Г. Горнфельду, март 1911 г. (ЦГАЛИ).

[3] Архив «Русского богатства» (ПД). Опубликована в «Русском богатстве», 1911, № 4, стр. 128 (французский текст). К телеграмме присоединили подписи Г. Лопатин, А. Амфитеатров, В. Миролюбов.

[4] L. Krajačič. Jakubovič F. P. Melčin. «Savremenik», 1911, № 9, стр. 548—550. В статье Л. Краячича дана характеристика творчества Якубовича как поэта-борца. Переводы произведений Якубовича на сербский язык см.: Александр Погодин. Руско-српска библиографjа. 1800—1925. Белград, 1932, стр. 41, 156, 157, 324, 348 и др.

[5] «Звезда», 1911, № 14, 19 марта.

[6] «Звезда», 1911, № 16, 25 марта.

3

Русская поэзия в 1880-е годы отражала острую борьбу идеологических группировок.

Значительную роль в те годы играли такие поэты, как С. Я. Надсон, Л. Н. Трефолев, Л. И. Пальмин, А. М. Жемчужников, Омулевский (И. В. Федоров), В. Мартов (В. П. Михайлов). Не связанные непосредственно с практикой революционного движения, они сочувствовали, однако, героям революционного долга и стремились сохранить верность принципам некрасовской школы. Творчество этих поэтов, далеко не равноценное по художественным достоинствам, развивалось в общедемократическом русле.

Как известно, революционно-демократические традиции в поэзии 1880-х годов, особенно к концу десятилетия, заметно ослабели. Этот процесс спада был связан отчасти с кризисом революционной народнической идеологии.

Особенно сильно последствия этого кризиса отразились на поэтах демократического лагеря, не связанных непосредственно с практической революционной работой. Творчество этих поэтов в значительной мере теряет свою боевую целеустремленность, свой проповеднический гражданский пафос, свою идейную принципиальность. Оно окрашивается в пессимистические тона. В произведения этих поэтов проникают мотивы усталости, разочарованности, тяжелых сомнений, характерные, например, для лирики С. Я. Надсона.

Но работали в те годы и последовательные пропагандисты революционных традиций в поэзии: В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов, Ф. В. Волховской, С. С. Синегуб (Вербовчанин), В. Х. Кравцов, Г. А. Лопатин, Ю. Н. Богданович и другие. Эта же среда выдвинула и П. Ф. Якубовича. Заметной величиной после смерти Некрасова стал А. Н. Плещеев, «к голосу которого, по словам Якубовича, прислушивалась молодежь».[1]

В период реакции заметно оживилась деятельность представителей школы «чистого искусства» старшего поколения: А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. Н. Майкова, К. К. Случевского.

Для этого периода особенно характерна деятельность так называемых «рыцарей на час» гражданской поэзии, вроде Н. М. Минского, Д. С. Мережковского. И. А. Бойчевского, С. А. Андреевского, И. Якунина и других. Многие из них, искренне захваченные общим революционным подъемом конца 1870-х годов, призывали «идти

---

[1] Русская муза. Художественно-историческая хрестоматия. Составил П. Я. СПб., 1908, стр. 304.

в грозную битву», но с наступлением политической реакции гражданские ноты их поэзии стали быстро угасать, настроения борьбы сменились пессимизмом, и завершился этот процесс открытой изменой «идеалам». Н. М. Минский одним из первых провозгласил: «Забвение всего, что было свято, Измена всем, кого любил когда-то».[1] За ним последовали другие. Д. С. Мережковский, студентом благоговевший перед Якубовичем, 1 января 1888 года посылает на каторгу «дорогому собрату по поэзии Якубовичу в знак глубокого уважения» свой первый сборник стихов, где еще мелькают гражданские мотивы, а через несколько лет он окончательно перекочевывает в декадентский лагерь.[2]

Не рвитесь в бой, бесплодный и безумный,
Чтобы под свист толпы напрасно пасть,[3] —

убеждал И. Якунин молодое поколение. Вместо борьбы провозглашались «покой», «нирвана», «небытие». Поэты желали,

Погрузясь навек во тьму нирваны,
Найти покой небытия.[4]

Замыкаясь в себе, никого не любя,
Я мечтал о покое нирваны.[5]

«Тоска и печаль», охватившие поэзию, были почти всеобщими. На этом фоне выделялись два поэта, творчество которых для современников и последующих поколений было неотделимо от их личности и во многом необычной судьбы: Якубович и Надсон. Они были очень близки по своей художественной манере и весьма различны по настроениям. Почти ровесники, они выступили в печати в 1878 году, после смерти Некрасова. В одном году они дебютировали в «Отечественных записках» (1882) и одновременно умолкли в 1887 году: поэтический голос Надсона навсегда был оборван преждевременной смертью; Якубович надолго замолчал, отправленный на каторгу.

---

[1] Н. М. Минский. Стихотворения. Изд. 3. СПб., 1896, стр. 119.

[2] Сборник стихотворений Мережковского с дарственной надписью сохранился в библиотеке И. Д. Якубович.

[3] И. Якунин. Грезы и песни. Стихотворения. СПб., 1883, стр. 65.

[4] Д. Н. Цертелев. Стихотворения. СПб., 1883, стр. 69.

[5] О. Н. Чюмина (Михайлова). Стихотворения (1884—1888). СПб., 1889, стр. 7.

В Якубовиче и Надсоне отразились две стороны эпохи 1880-х годов, два различных художественных и общественных типа — активный и созерцательный. Если мучительные раздумья Надсона, типичные для 80-х годов (жажда подвига и сознание собственного бессилия, упреки целому поколению и бесконечные самооправдания), были в известной мере связаны с самочувствием «лишнего человека», то эти же раздумья у Якубовича завершились твердым решением посвятить жизнь революционной борьбе. Якубович, высоко ценивший «хрустальную правдивость» Надсона, тем не менее подметил, что вся его недолгая жизнь представляла «ряд порываний ввысь и падений с разбитыми крыльями, горячих гимнов любви и надежде и похоронных воплей отчаяния...»[1] Для Якубовича было неприемлемо безнадежное утверждение Надсона: «Наше поколенье юности не знает...» Якубович пережил боевую юность в боевом коллективе, сохранил в нее веру, спел в ее честь призывные гимны. «Все несчастье людей, подобных Надсону, — писал Якубович, — и заключалось в том... что они не могли вспыхнуть орлиной отвагой...»[2]

Заслуга Якубовича в литературе конца XIX века как раз в том и заключается, что в эпоху кризиса революционно-демократической поэзии он в своем творчестве остался непоколебимо верен революционным идеалам:

Пока есть капля крови в жилах,
Не будем плакать на могилах —
Идем бороться, мыслить, жить!
(«Рассеян мрак, завеса поднята!..»)

Правда, лирика Якубовича тоже не чужда трагических нот, ее трагизм имеет глубокий исторический смысл: он порожден бессилием народнического поколения найти единственно возможные пути к социальному освобождению.

Пришли мы в мир с горячею любовью
К униженным, к обиженным, ко всем,
Кто, под крестом борьбы сам истекая кровью,
На стон собратьев не был глух и нем;
Пришли мы в мир с решимостью великой —

---

[1] Л. Мельшин (П. Ф. Якубович). С. Я. Надсон. М., 1906, стр. 35, 60.

[2] Л. Мельшин (П. Ф. Гриневич). Очерки русской поэзии. СПб., 1904, стр. 257.

Мир погибающий от гибели спасти,
От бойни вековой, бесчеловечной, дикой...
И что ж? — Нас ра́спяли, предав на полпути!
(«О, подлое, чудовищное время. . .»)

Но даже в тех стихотворениях, где прорываются подавленные ноты отчаяния, вызванные крушением надежд на ближайшее осуществление политического идеала, у Якубовича нет «печали без гнева».

В его поэзии нет и следа тихой меланхолии и сентиментальной рефлексии. Жанр элегии ему незнаком. Заглавия стихотворений «Тоска», «Хандра», «Сплин» и т. п. (встречающиеся, например, у Огарева) для Якубовича совершенно нехарактерны. Он предпочитает им энергичные: «Тревога», «Буря», «Сила жизни», «Битва жизни», «Свобода», «Кузнецы» и т. д.

4

Эстетические взгляды Якубовича сложились под влиянием идей революционных демократов. Поэт подчеркивал, что *«воспитался* на Белинском и его художественных идеях».[1]

Через все литературно-критические высказывания Якубовича проходит мысль об активной общественной роли искусства: «Поэзия для меня... одно из орудий общественного воздействия, служения родине, идеалу. . .»[2] Единство идейного содержания и художественной формы было для него законом: «Главное значение я придаю в поэзии ее направлению, мысли, идее. Но это отнюдь не значит, чтобы прекрасные мысли, облеченные в дурную форму, я считал поэзией»,[3] «„ремесленничество“ в поэзии мне в высшей степени антипатично».[4]

В основе лирики Якубовича всегда лежат большие вопросы политической борьбы, гражданской этики, общественного долга, социального идеала, размышления о настоящем и будущем родины.

---

[1] П. Ф. Гриневич <Якубович>. Итоги двух юбилеев. «Русское богатство», 1898, № 8, стр. 112.

[2] Письмо к П. А. Грабовскому от 22 сентября 1896 г. «Русское богатство», 1912, № 5, стр. 53.

[3] Письмо к Эльве <Льву Василевскому?> от 3 ноября 1897 г. «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 9, стр. 19.

[4] Письмо к П. А. Грабовскому от 22 сентября 1896 г. «Русское богатство», 1912, № 5, стр. 53.

Поэзия Якубовича автобиографична по своей природе, но лирическое «я» у Якубовича — это не только отражение личной биографии, но и биографии его поколения, с которым автор ощущает неразрывную связь и которому адресует свою поэзию («Я пою для тех, чьи души юны...»).

Формы проявления лирического «я» у Якубовича весьма разнообразны: лиро-эпическое начало («Сын») сочетается у него с напряженной патетикой борьбы («Сказочный город»); взволнованный лирический дневник («Возмущение любви») — с беспощадными инвективами («Когда с душой, страданьем охлажденной...»); философско-дидактическая ода («Человек») — с романтической целеустремленностью в светлое будущее («Крест и идеал»); исторические экскурсы («Вера») — с политической злободневностью («Земля»); психологическая сказка («Меч и лира») — с острым политическим иносказанием («Весенняя сказка»); страстная патриотическая клятва («К Родине») — с интимным признанием («Письмо»).

О чем бы ни писал Якубович, мысли и чувства его обращены прежде всего к родине, ее страданиям, борьбе («В голодный год», «Не в шуме гроз...», «Сон на чужбине...», «К молодости», «К Родине»). «Не знаю, как на кого, — писал по поводу одного из таких стихотворений Якубовича В. Г. Короленко, — а на меня этот крик сыновней любви, вырвавшийся из груди каторжника Якубовича, производит впечатление более неотразимое и глубокое, чем превосходные картины Лермонтова и светлые воспоминания Жуковского». [1]

В центре поэзии Якубовича стоит образ влюбленного в свободу, стойкого и убежденного борца. В стихах поэта отчетливо прослеживается духовный рост этого героя — вначале юноши, мучительно ищущего выхода из социальных противоречий, потом зрелого борца, осознавшего невозможность быть сторонним наблюдателем жизни и разрывающего с иллюзорностью индивидуалистического «личного» счастья.

Формирование убеждений молодого борца, порвавшего с интересами дворянства и вступившего в среду героев-разночинцев, является основной темой поэтического творчества Якубовича, определяющей его циклизацию со строгой хронологической группировкой стихов («На весах», «Решение», «В крепости» и другие).

Пламенный призыв «вперед!» некрасовской поэмы «Несчастные»,

---

[1] В. Г. Короленко. Война отечества и человечества. Иркутск, 1917, стр. 11—13.

прозвучавший в устах ее героя,[1] был подхвачен поколением Якубовича и зазвучал у него с впечатляющей силой и искренностью. В юношеских стихотворениях он выражен в условной, отвлеченно-романтической форме, как, например, в обращении к бойцам-матросам аллегорического корабля («Корабль»):

Вперед, друзья мои! За дело,
Матросы верные мои:
Сознанье молодости, силы,
Ключом бунтующая кровь,
Решимость биться до могилы,
К порабощенному любовь!

Даже после вынесения смертного приговора Якубович призывает:

Вперед идти! Под вихрем бурным,
Под громом, в сумраке ночном,
Ни утром ясным и лазурным
Не отступить перед врагом!

(«Перед отравленною чашей. . .»)

«Наш лозунг: „Вперед!“»; «Вперед, друзья!»; «Вперед, дороги нет назад!» — все эти призывы в поэтическом контексте приобретают у Якубовича особую действенность.

На каторге поэт зовет молодежь к бесстрашию и верит в ее будущее.

Верь в молодость! Верь в ее силу и счастье,
Зови ее песней отважной вперед!

(«На утесе поэта»)

В поэзии Якубовича и после каторги звучат все те же призывы:

И снова рад бесстрашно мчаться к бою:
— Вперед, друзья! Товарищи, вперед!

(«К молодости»)

«Постыдный клич: „Назад!“» — у поэта всегда вызывал презрение, и современники никогда не принимали его призывы за риторику: у Якубовича «нет ни одного стиха, ни одной мысли, которые не вырвались бы прямо из сердца, не имели бы живых корней в действительности. Вот почему то, что у другого поэта, например

---

[1] Мысль Якубовича, высказанная в 1904 г., что прототипом героя этой поэмы Крота послужил Белинский, подтвердилась дальнейшими разысканиями. См.: Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. 2. М., 1948, стр. 632.

клич «вперед!», могло бы показаться фальшивой фразой или риторикой, у него является вполне естественным».[1]

Политическое мышление глубоко пронизывает все творчество поэта, даже интимные мотивы и темы его стихотворений. Показательно в этом отношении стихотворение «Письмо», в котором оригинально разработана некрасовская тема «горящих писем». Сожжение первого «письма любви» происходит не в результате разрыва с возлюбленной, когда любовь «поругана жестоко», а как вынужденная необходимость — из опасений жандармского обыска, при котором письмо будет осквернено и послужит уликой соучастия любимой женщины в революционном подполье. По трагической взволнованности и тонкой психологической мотивировке — это одно из лучших стихотворений Якубовича.

Любовная лирика Якубовича, по мнению Демьяна Бедного, — это лирика «удивительной чистоты и целомудренности отношений поэта к женщине-другу, к женщине — матери и сестре».[2] От революционных демократов он унаследовал отношение к женщине как равноправному товарищу по борьбе. Якубович мечтал об эпохе, которая впервые в истории человечества освободит любовь, брак и семью от оков собственнической морали, характерной для эксплуататорского общества («Мечтатели»).

Любовной теме Якубович придал остроту, драматичность, вытекающую из политической биографии самого автора и героев его любовной лирики. Например, в основе конфликта психологической поэмы «Возмущение любви» лежит напряженная борьба страсти и гражданского долга.

Любовь у Якубовича окружена атмосферой зла, она обречена на тяжелые испытания, ее сокрушают «различие веры, враждебность племен, людских предрассудков туманы», в ее светлый гимн вторгается страшное слово «тюрьма», но любовь все-таки побеждает зло. У Якубовича нет стихов, где бы смерть торжествовала победу над влюбленными:

И свято я верю, мой друг: победить
Любовь и могила не властна!

Нетрудно обнаружить сходство этого мотива «Гимна любви» с идеей стихотворения М. Горького «Девушка и Смерть», написанного почти одновременно (1892).

---

[1] Е. Колтоновская. Несколько слов о поэзии и об одном из поэтов. «Новости», 1900, № 354, 22 декабря.

[2] Е. П<ридворов>. Певец борьбы и гнева. «Звезда», 1912, № 19, 18 марта.

Во многих стихотворениях Якубовича объективному изображению реальной жизни сопутствует революционно-романтический порыв в будущее, и в этом одна из характерных черт творчества поэта.

В стихотворении «Облако» мир каторги, нарисованный во всей наготе, оскорбляющей человеческое достоинство, противостоит возвышенным и трогательно прекрасным образам, рождающимся в сознании поэта. «С каймой из золота, обломок перламутра», облачко заставляет на мгновение забыть о «каторжной норе» и перенестись в свободный мир от Ганга до Днепра. Реальный Петербург превращается у Якубовича в «сказочный город» битвы «горсти героев» с самодержавием. Забытая, одинокая могила М. Л. Михайлова вызывает рой романтических образов, ощущение духовного родства с погибшим поэтом. Природа у Якубовича живет столь же полной жизнью, исполненной борьбы и движения, как человек и общество («Человек», «Веселый луч»).

Отрицая романтизм, отрешенный от жизни, в основе которого лежит «мечтательная бездейственность» (Белинский), Якубович создал яркие образцы революционного романтизма, отразившие реальные исторические конфликты.

Символика в поэзии Якубовича, чуждая мистицизма, никогда не противоречит политической целеустремленности замысла. Якубовичу свойственны аллегорические образы, насыщенные мотивами борьбы. Это прежде всего образы мятежных стихий: бури, волн, моря, грозы, вихря, урагана, а также вольных птиц: орла, сокола, журавлей. Все эти образы у Якубовича почти с самого начала его творческого пути приобретают политическую окраску, в то время как в поэзии представителей «чистого искусства» образы стихий природы большей частью соотнесены лишь с интимным миром души. В стихотворении Якубовича «Фантазия» волны бьются с утесом, проклинают зло пламенеют «жаждой мщенья», призывают к борьбе, готовят победу. Совершенно очевидно, что эта картина морской бури символизировала самоотверженную борьбу героев-революционеров с самодержавием.

Ту же функцию выполняют в лирике Якубовича образы вольных птиц:

Весь мир меня давит, как злая темница:
Мне душно и тяжко! Я дикая, вольная птица!

(«Возмущение любви»)

Стремление оторваться от мелких, будничных забот, стать в авангарде революционно-освободительной борьбы, пренебречь опасностью — эти ассоциации неизбежно сопутствуют образам свободных птиц в поэзии Якубовича.

В стихотворении «Журавли», написанном в Петропавловской

крепости, клич журавлей проникает в подвалы бедняков, в тюремный каземат, к фабричному станку. И он воспринимается угнетенными как «могучий зов борьбы», наводя ужас на обитателей дворцов. Примечательно в этой связи пристрастие поэта к словам «крылья», «крылатый»: «Юность гордая, как крылья, Смело мчит меня вперед!»; «Как будто могучие крылья За спиной ощущая, летишь»; «И снова разбивать о душный свод тюрьмы Мы будем трепетные крылья!»; «крылатая юность цветет» и т. д.

Аллегории Якубовича как художественное явление 1880-х годов можно понять только в конкретном сопоставлении с творчеством других современников. Аллегорические сказки В. М. Гаршина были проникнуты настроениями самопожертвования: замерзает бразильская пальма («Attalea princeps»), гибнет срезанная роза («Сказка о жабе и розе»), умирает безумец с измятым красным цветком («Красный цветок»). Аллегории Якубовича, полные внутренней силы и борьбы, были антитезой не только гаршинским настроениям жертвенности, но в еще большей степени беспросветному отчаянию мрачных «фантазий» К. Фофанова, в которых нарочитые ужасы группировались вокруг излюбленного образа смерти и гибели вселенной,[1] а также бездумной экзотике «сказок» Д. С. Мережковского, герои которого бегут от современности в мир бамбуковых рощ, белых слонов и баядер.[2]

Одной из важных стилистических особенностей поэзии Якубовича является тяготение ее к определенному кругу метафор, символов, иносказаний, всегда понятных и ясных для читателя, воспитанного на традиции русской гражданской поэзии.

Гражданская лексика была обесценена и опошлена поэтами-эпигонами 1880-х годов. Размахивание картонным мечом вошло у них в традицию. Если до эпигонов доносились «кощунственные» звуки:

> Что ж пользы бороться напрасно?
> Всё в мире безумье и ложь![3] —

то фрондирующему поэту ничего не стоило дать им отпор:

> — А мне легко бороться с ложью,
> И перед тьмою страха нет:
> Мое оружье — правда божья,
> Моя защита — божий свет...[4]—

---

[1] См.: К. Фофанов. Стихотворения. СПб., 1887, стр. 80—98.
[2] См.: Д. Мережковский. Стихотворения (1883—1887). СПб., 1888, стр. 187—197.
[3] Д. Н. Цертелев. Стихотворения. СПб., 1883, стр. 82.
[4] С. Г. Фруг. Стихотворения. СПб., 1885, стр. 53.

а другому поэту повторить то же самое другими словами:

Для битвы честной и суровой
С неправдой, злобою и тьмой
Мне бог дал мысль, мне бог дал слово,
Свой грозный стяг, свой меч святой. [1]

Это было время, когда даже Апухтин уверял читателя, что он «израненный боец», страдавший «под гнетом оков», готовый «на подвиги и жертвы». [2] Поэзия, таким образом, превращалась в заманчивую игру — нанизывание звонких фраз, в которых «нет главного — содержания». [3]

Заслуга Якубовича состояла в том, что он закрепил в 1880-е годы за гражданской лексикой ее истинное значение, связав революционную символику с четким политическим содержанием. Когда Якубович говорил о *грозе, битве, жертве, оковах, мраке, злобе, деле* и т. д., то это были не только условные символы, но и намеки на реально-исторические понятия и явления.

При устойчивости исходных романтических принципов, творческая эволюция поэта шла от абстрактно-романтического восприятия жизни в сторону обогащения лирики большей конкретностью.

На каторге, подведя итог боевому прошлому, с грустью простившись с молодостью («Прощание»), Якубович пережил идейно-творческий кризис. Его не перестают терзать сомнения — не о правильности выбранного пути борца, в котором он никогда не раскаивался, а о целесообразности программы и тактики народовольцев, исторически себя не оправдавшей:

«И что отрады в том, что стороне родимой
Желали блага вы, что ваша кровь лилась?
Любя, вы нанесли ей вред непоправимый...
Да, вы преступники! Она осудит вас!»

Так в тишине ночной угрюмое сомненье
Нашептывало мне, злорадствуя и мстя...

(«Сегодня я всю ночь не мог очей сомкнуть. . .»)

---

[1] А. А. Голенищев-Кутузов. Стихотворения. СПб., 1884, стр. 65.

[2] А. Н. Апухтин. Стихотворения. СПб., 1886, стр. 1, 167.

[3] Из рецензии С. Я. Надсона на указанный сборник А. А. Голенищева-Кутузова. «Отечественные записки», 1884, № 4, стр. 247.

Несмотря на мучительный характер этого кризиса,[1] он был преодолен сближением поэта с народом. На каторге, погрузившись в мир народных страданий, Якубович стал более скептически относиться к народническим иллюзиям о руководящей роли героев-интеллигентов, стоящих над пассивной толпой. Именно народ предстал перед ним во всем величии, как реальная историческая сила, способная освободить себя («Кузнецы»). Тема народных масс, народных страданий становится одной из важнейших и в последний период поэтической деятельности Якубовича («В голодный год», «Облако», «Последняя жертва», «Земля»).

С нарастанием этих тенденций из лирики Якубовича исчезает пристрастие к развернутым аллегорическим картинам, которые хотя и придавали его боевой поэзии характер обобщенности, но в то же время ограничивали возможности конкретно-исторического изображения объективного мира. Во многом по-новому зазвучали мятежные мотивы лирики Якубовича в эпоху революции 1905 года. По словам «Звезды», Якубовичу после каторги «довелось увидеть на родине величественную картину главным образом рабочего движения»[2] и создать образы рабочих — кузнецов народного счастья («Кузнецы»), боевой призыв которых «и теперь надо помнить».[3] Демьян Бедный, близко знавший Якубовича, вспоминал о его стихотворениях, «посвященных рабочему люду и городской бедноте»,[4] которые, к сожалению, до нас не дошли.

Стихотворение «Земля», пожалуй, единственное в русской лирике 1905—1907 годов, где с революционной остротой поставлена тема земли в условиях первой русской революции. В идейно-художественном отношении это целая политическая программа, преображенная в яркие народные образы. Цензура преследовала и уничтожала стихотворение даже после смерти поэта за крайне «враждебное чувство по отношению к помещикам».[5] Идея «Земли» ясна: взять «добром или силой» землю у помещиков и отдать ее бедноте, трудовому крестьянству. Величественный образ богатыря — деда перекликается с некрасовским Савелием — богатырем святорусским. Дед

---

[1] См. примечание Якубовича к стихотворению «Наш полдень бил. . .», стр. 431.

[2] Е. П<ридворов>. Певец борьбы и гнева. «Звезда», 1912, № 19, 25 марта.

[3] Некролог П. Якубовича (Мельшина). «Звезда», 1911, № 14, 19 марта.

[4] Е. П<ридворов>. Певец борьбы и гнева. «Звезда», 1912, № 19, 25 марта.

[5] См. примечание к стихотворению «Земля», стр. 471.

раскрывает глаза внуку на ужасное прошлое и указывает, как надо действовать в ближайшем будущем, когда придет «черед земли, кормилицы народа». В «Земле» нарисована выразительная сцена крестьянского восстания, когда «грозящим призраком из мрака шла Свобода».

5

Творчество Якубовича прочно связано с традицией русской гражданской поэзии и само рождало традицию, ощутимую в революционной поэзии XX века. В особенности тесно связаны стихи Якубовича с поэтическим наследием поэтов-декабристов, Пушкина, Полежаева, Лермонтова и Некрасова. Многочисленные образы и мотивы из произведений этих поэтов были творчески усвоены Якубовичем. Продемонстрируем эту перекличку на нескольких примерах.

Бодрые призывы пушкинского послания декабристам «В Сибирь» сохранили свою силу и в конце века. Хотя у Якубовича нет стихотворения, которое было бы непосредственным откликом на послание Пушкина, но в его лирике мы найдем отзвуки знаменитых пушкинских стихов. Если Якубович пишет:

Страдай один!.. В твоей груди —
Не у людей — твое спасенье;
В ее сокровищах найди
И свет, и *гордое терпенье* —
(«Страдай один! В себе носи...»)

то эти строки воспринимаются как завещание, принятое от Пушкина.

Если у Якубовича вырываются заветные слова:

Затворы *упадут* — и грянет весть *свободы!* —
(«Облако»)

то они воспринимаются как отклик на светлое пророчество Пушкина:

Оковы тяжкие *падут*,
Темницы рухнут, и *свобода*
Вас примет радостно у входа...

Таким образом, не только гражданская лексика, но и мысли и чувства поэзии Пушкина как бы растворены в лучших стихах Якубовича.

Путь к овладению строем обличительного стиха был облегчен Якубовичу Лермонтовым, от которого берет начало его ораторская эмоциональная патетика.

Особенно близкими оказались Якубовичу лермонтовские мя-

тежные героические образы. Например, стихотворение «Смерть Орла» — это своеобразная аллегорическая вариация на тему «Мцыри». В обоих произведениях совпадают сюжетный стержень и организующие его мотивы плена, порабощенной молодости, тюрьмы, жажды свободы, борьбы со стихиями.

Продолжая демократические традиции русской поэзии, Якубович работал над жанром лирического послания, обращенного к боевым друзьям, к идейным учителям и предшественникам («Памяти В. Г. Белинского», «В. Г. Короленко», «Учителю» (П. Л. Лаврову), «Памяти Г. И. Успенского», «Другу юности», «На смерть Некрасова», «Поздняя радость», посвященное В. Н. Фигнер).

В условиях многолетней общественной и политической изоляции эти послания были своеобразным средством духовного общения, поэтической декларацией, интимной исповедью для выражения «мук затаенно-мятежных».

Стихотворение «На утесе поэта», посвященное памяти М. Л. Михайлова, — классический образец гражданского лирического стихотворения о преемственности революционных традиций, раскрывающего внутренний облик поэта-борца, не сломленного каторгой.

В посланиях Якубовича интересует не столько неповторимый индивидуальный облик личности, сколько исторический смысл и значение ее деятельности, поэтому его портретные характеристики носят обычно обобщенный характер.

На всем протяжении своей творческой деятельности Якубович был страстным и последовательным пропагандистом поэзии Некрасова, ее истолкователем, автором одной из лучших биографий Некрасова и талантливым продолжателем его традиций в своей поэтической практике. Работы Якубовича о Некрасове принадлежат к лучшим достижениям дореволюционного некрасоведения.[1] Вопрос о некрасовских традициях в творчестве Якубовича является одним из важнейших для понимания его поэзии. Органическое родство поэзии Якубовича и Некрасова было отмечено еще современной ему критикой и литературоведением.[2] Так, о стихотворении «К Родине» современ-

[1] Отметим основные работы Якубовича о Некрасове: Ненапечатанные стихи Некрасова. «Степной край», 1897, № 113; Итоги двух юбилеев. «Русское богатство», 1898, № 8; Муза мести и печали. «Русское богатство», 1902, № 11—12. Рецензия на 8-е изд. Сочинений Некрасова. «Русское богатство», 1902, № 11, стр. 45; Очерки русской поэзии. СПб., 1904, стр. 91—192; Н. А. Некрасов, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1907.

[2] «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1903, № 2, стр. 12—13.

ники писали, что оно «по своей выразительности, сжатости и искренности напоминает лучшие произведения Некрасова» [1] и что «оно не умрет в памяти общества наряду с лучшими гражданскими вдохновениями Лермонтова и Некрасова». [2]

На смерть Некрасова семнадцатилетний Якубович откликнулся стихотворением, посвященным его памяти. В гимназии он сознательно подражает музе «мести и печали»: в архиве поэта сохранился отрывок из поэмы «Палаша» (1878), где отчетливо выступает тематическая и стилистическая зависимость этого произведения от «Крестьянских детей» Некрасова. В поэме любовно нарисованы летние забавы деревенской детворы, но картины внешне беззаботной жизни не заслонили от Якубовича полуголодного существования и изнурительного труда пореформенного крестьянства:

Спит природа. И люди бы спали,
Кабы время их ждало и труд,
Еще хлеба во рту не держали,
А уж рученьки жать устают.

Поэма была откликом на страшный недород 1878 года: дети думают и говорят только о хлебе. К отрывку Якубович сделал примечание: «Содержание богатое и благодарное. Бросил, потому что выходило *совсем по-некрасовски*». [3]

В творческом пути Якубовича «Палаша» типична как ранняя ученическая попытка овладеть искусством некрасовской поэзии. После «Палаши» Якубович ищет иных более своеобразных путей интерпретации современных образов, но опять-таки сквозь призму поэзии Некрасова. Главное, однако, заключается в том, что Якубович глубоко усвоил проблематику некрасовской поэзии.

На знаменитый призыв некрасовского Гражданина: «*Иди* в огонь за честь отчизны» — Якубович со всей решимостью ответил: «*Идем* бороться!» («Рассеян мрак, завеса поднята! ..») Некрасовский завет: «*Иди и гибни*» во имя освобождения родины входит в плоть и кровь стихотворений Якубовича как призыв «*идти и умирать*» («Фантазия»), а лозунг: «*победить иль славно пасть!*» определяет пафос всей лирики Якубовича периода революционного подъема («Решение»).

---

[1] А. Б<огданович>. Критические заметки. «Мир божий», 1898, № 1, стр. 12.

[2] А. Амфитеатров. П. Ф. Якубович. «Современник», 1911, № 4, стр. 317.

[3] «Новейшие стихотворения. Третья книга. 1880», рукопись, лл. 60—65 (ПД).

Поэма «Сын» явилась ответом на вопрос, затронутый Некрасовым в поэме «Несчастные»: «О Русь, когда ж проснешься ты?» Якубовичу удалось показать, что некрасовский герой Крот теперь не столь одинок, что круг «безыменных героев», разночинцев, профессиональных революционеров, отдающих жизнь в борьбе с самодержавием, стал значительно шире.[1]

В стихотворении «Сказочный город», несомненно написанном под влиянием поэмы «Несчастные», Якубович ответил на вопросы, поставленные героем некрасовского произведения: «Куда идти? К чему стремиться? Где силы юные питать?», показав идейный рост и изменение сознания «маленьких людей», разночинцев, вступивших в 1880-е годы на путь активной борьбы с самодержавием, готовых «победить или пасть!», но не отступить ни шагу. Примечательно, что в стихотворении «Сказочный город» в описании петербургского пейзажа вырисовывается не только образ «глухой твердыни» самодержавия — Петропавловской крепости, но и облик Петербурга как «колыбели свободы», в чем опять-таки проявляется связь поэзии Якубовича и Некрасова.

Характерное свойство некрасовской поэзии — чувство злобной ненависти к реакционным силам. Впоследствии эта революционная злоба Некрасова воодушевляла многие поколения. «„Вражда“, „негодование“, „злоба“, „ожесточенность“, „ненависть“, „бешенство“ — таковы были в глазах людей революционного лагеря и широких демократических масс основные достоинства поэзии Некрасова, и за них-то эти люди полюбили его».[2] Этот вывод можно полностью отнести и к Якубовичу. Мотивы злобы, вражды, гнева, ненависти в поэзии Якубовича занимают видное место и всегда даются в словосочетаниях, близких стихам Некрасова. Приведем несколько примеров:

Якубович: «Страницы пламенные злобы!»
(«Над могилой друга»)
«Бессильною злобой сгорая...»
(«Сказочный город»)

Некрасов: «Сгораешь злобой тайною...»
(«Пьяница»)

Якубович: «Ты злобой душу нам, как ядом, напоила...»
(«К Родине»)

Некрасов: «Наполнив грудь мою и злобой и хандрой...»
(«Родина»)

---

[1] См. примечание к поэме «Сын», стр. 422.
[2] К. Чуковский. Мастерство Некрасова. М., 1952, стр. 306.

Любовь-ненависть, любовь-злоба, вражда и любовь, характерные для Некрасова, слились и у Якубовича в одно сильное, всепоглощающее чувство, начиная со стихотворения начала 80-х годов, в котором он поклялся:

Любить людей любовью беспредельной,
Зло ненавидеть злобою смертельной.[1]

Это двустороннее единое чувство, известное, по выражению Герцена, как «злая любовь к России», Якубович пронес через всю жизнь. Аналогичные сопоставления нетрудно продолжить и убедиться, что это не было простым заимствованием: устойчивые формулы языка революционных демократов не составляли индивидуальную особенность одного только писателя, будь то Некрасов, Щедрин или Чернышевский, а были языком «групповым, коллективным, в чем и заключалась его главная сила».[2]

В своей поэтической деятельности Якубович не только творчески усваивает литературную традицию гражданской поэзии, но и передает ее следующему поколению. В этом отношении большой интерес представляет несомненное родство лирики Якубовича с революционно-романтической поэзией Горького. Весьма примечательно, что Якубович в известной мере предвосхищает как тематику романтической поэзии Горького, так и некоторые ее образы. Достаточно сопоставить стихотворение Якубовича «Юность» с «Песней о Соколе» М. Горького, появившейся через пять лет (1895), чтобы убедиться в этом.

В стихотворении Якубовича — хотя в нем и нет горьковских персонажей — отчетливо звучит критика мещанской «философии» «ужей» и хвала смелым дерзаниям. Подобно горьковскому Соколу, Якубович в другом стихотворении обращался к «ужам»:

Вы неба не знали! Влачась по земле,
На ощупь вы каждый успех измеряли...
(«Пускай обвиняют, клевещут, бранят...»)

Обращаясь с презрением к этим «мудрецам», Якубович писал в стихотворении «Юность», что они «Небо миражем пустым называют, Грезы о крыльях — несбыточным сном». Аналогичный мотив находим и у Горького. Его Уж после неудачной попытки взле-

---

[1] П. Якубович. «Спустилась ночь. Тенистый старый сад...». «Русское богатство», 1882, № 4, стр. 101.

[2] См.: К. Чуковский. Мастерство Некрасова. М., 1952, стр. 586.

теть поучает: «Ну, что же небо? — пустое место...», «Там только пусто».

Боевой призыв Якубовича: «Отважно вперед, выше, всё выше...» и т. д. перекликается с лейтмотивом поэмы Горького «Человек» (1904): «Вперед! и — выше! всё вперед! и — выше!». Трагическому образу мифического Икара, пытавшегося взлететь на крыльях до солнца (см. стихотворение Якубовича), соответствует у Горького трагический образ Сокола, который познал «счастье битвы» (у Якубовича синонимическое: «радость битвы вечной»).

В стихотворении «Оборван у музы цветущий венок...» поэт выражает уверенность, что после мрачных лет реакции зазвучит «свободная, смелая, честная речь». Он символизирует ее в образе песни-буревестника:

И песня, поникшая грустно челом,
Как птица в предчувствии бури,
Очнется внезапно, ударит крылом —
И гордо взовьется к лазури!

Эта песня, провозгласившая бурю, была создана Горьким через пять лет, в 1901 году. Стихотворение Якубовича, возвещавшее скорое появление поэта-буревестника, было замечено в эпоху общественного подъема как «подкупающее своей нравственной силой, бодростью, гордой и смелой отвагой». [1]

Отметим также идейно-художественное родство стихотворений Якубовича «Фантазия» и «В бурю» (1882) с «Песней о Буревестнике». У Якубовича, как и у Горького, картина бушующей морской стихии имеет ярко выраженный политический смысл. Можно указать и на некоторые образные соответствия горьковских песен о Соколе и Буревестнике со «Смертью Орла» Якубовича. У Якубовича в Орле подчеркнута гордость (он «гордо страдал»; «гордо в плену угасал»), смелость («прямо и смело он к туче летел»), «безумие» как одно из проявлений героизма и презрения к обывательской жизни. Те же черты определяют характер Сокола и Буревестника («Гремела песня о гордой птице»; «смелый Сокол»; «гордый Буревестник»; он «реет смело и свободно» и т. д.).

Лирика Якубовича вообще родственна романтической поэзии Горького своим лексическим составом. Например, в «Фантазии» Якубовича и в «Песне о Буревестнике» Горького на первый план выдвинута особая группа слов, характерная для патетического стиля

---

[1] А. Скабичевский. Текущая литература. «Сын отечества», 1897, № 331, 5 декабря.

революционного романтизма: море, ветры, молнии, буря, гром, волны, утес, скалы, битва, бой, мщенье, клич, победа и т. д.

Творческие переклички с Якубовичем возникали и в произведениях Горького зрелого периода. Заметна связь образов и лексики горьковского «Человека» (1903) с «Человеком» Якубовича (1891). Каторга не убила в Якубовиче веры в человека, в бессмертие его разума, «красиво выковала его душу» (Горький) и закалила ее в непосредственном столкновении с «миром отверженных». Трактуя образ Человека как общественно деятельную личность, Якубович утверждает, что только борьба Человека с социальным злом и подчинение стихийных сил природы человеческому разуму сделает Человека подлинно свободным. Философская идея познаваемости мира, расцвета человеческой личности в процессе свободного творческого труда патетически звучит в обоих произведениях.

По своему стилю оба произведения близки к жанру философско-романтической поэзии. Если у Горького основной девиз поэмы: «Всё в Человеке — всё для Человека!» сочетается с движением человека вперед, то у Якубовича мы слышим гимн Человеку-борцу, торжествующему победу над стихиями природы, который «вперед идет... на миг не выпуская хоругви мятежа из напряженных рук».

Так, развивая традиции революционно-демократической гражданской поэзии, Якубович в некоторых темах, мотивах и образах сближался с родоначальником литературы социалистического реализма Максимом Горьким.

Борясь за торжество традиций гражданской поэзии, Якубович с гневным презрением писал о чириканье жрецов «чистого искусства»:

Когда *чириканье* трусливое порой
До слуха воина коснется,
Он, покачав усталой головой,
С усмешкой горькой отвернется...

(«Тиртей»)

Этот образ не раз возникал у Якубовича в ожесточенных схватках с декадентами. От ударов Якубовича не ускользают ни «*чирикающие* литературные воробьи», ни многочисленные представители «*чирикающей* лирики» 1880—1890-х годов: «Какой-нибудь г. Фофанов... *чирикавший* всегда, как зяблик на ветке, обо всем, что только взбредет в голову»,[1] «беспринципный» поэт Ап. Коринфский, кото-

---

[1] Л. Мельшин (П. Ф. Гриневич). Очерки русской поэзии. СПб., 1904, стр. 48.

рый «не прочь бывает даже о „свободе“ *почирикать*», [1] *«чирикающий* парнасец Ратгауз» [2] и т. д.

В годы реакции Якубович продолжал верить, что «не навсегда поэзия русская превратилась в чирикающее, шелестящее, лепечущее и журчащее искусство для искусства. Не раз еще услышим мы, — писал он, — поэта-*человека*, поэта-*гражданина*, который с могучею силой ударит по сердцам современников, зажжет их огнем мысли и высокого порыва к свободе, правде и свету...» [3]

Этот поэт тогда уже появился: образ «чирикающего поэта» был использован впоследствии Маяковским в стихотворениях, обличающих эстетство в поэтическом творчестве. [4]

6

Якубович и цензура — вопрос, неотделимый от литературной биографии поэта. Обстоятельства и результаты цензурных преследований, к сожалению, не учитывались при анализе творчества Якубовича, что не могло не отразиться на полноте и объективности оценки писательского облика. После Некрасова не было поэта, к которому бы цензура была столь беспощадна не только при жизни, но и после смерти. [5] Произведения Якубовича подвергались аресту, уничтожались как отдельные стихотворения, так и целые сборники, запрещались его портреты. [6] Не касаясь цензурного вопроса во всем объеме, приведем только первый и последний отзывы цензуры о стихах Якубовича, между которыми лежат тридцать семь лет травли поэта.

---

[1] Очерки русской поэзии. СПб., 1904, стр. 321.

[2] Анонимная рецензия Якубовича на кн.: Ник. Поярков. Поэты наших дней. (М., 1907). «Русское богатство», 1907, № 7, стр. 192.

[3] П. Якубович. А. М. Жемчужников. «Русское богатство», 1908, № 5, стр. 172—173.

[4] Подробнее об этом см. Б. Двинянинов. О литературной традиции в образах поэта и поэзии у В. Маяковского (В. В. Маяковский и П. Ф. Якубович). «Ученые записки Тамбовского государственного педагогического института», т. 7, 1955.

[5] В ЦГИАЛ хранятся 18 цензурных дел о запрещении, аресте и уничтожении стихотворений и книг Якубовича за 37 лет (1878—1915).

[6] «Портреты писателей Бебеля и Мельшина подлежат запрещению». Дело Главного управления по делам печати о рассмотрении прошений... 1901—1903 гг. (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, № 483, лл. 62, 64). Номер журнала «Народная семья», опубликовавшего стихотворение С. Ганьшина «Памяти Якубовича» (1912, № 5), был уничтожен, а против издателя возбуждено судебное преследование (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 16, № 1209).

При первой же попытке напечатать свои стихотворения восемнадцатилетний Якубович столкнулся с цензурой: из шестнадцати стихотворений пятнадцать были зачеркнуты цензором и пощажено одно («Моя дорога»). В загубленных стихотворениях, полностью до нас не дошедших, цензура нашла «гражданскую и народную скорбь, гнет народа и борьбу его с властями». [1]

Характерно, что и после смерти поэта гонение на его поэзию не прекратилось. Последнее дело об уничтожении сборников стихов Якубовича закончилось в конце 1915 года. Комитет по делам печати дал им следующую характеристику: «Почти все эти стихотворения имеют в основе политические мотивы и крайне тенденциозны по своему содержанию. Автор касается в них главным образом различных явлений социально-политической жизни современной России, освещая эти явления с точки зрения самых крайних политических и социальных идей. Некоторые стихотворения представляют собой не просто выражение усвоенных автором взглядов, но и заключают в себе элементы агитации, вследствие чего являются по своему характеру явно преступными». [2]

«Посредством разрывания на мелкие части» в полицейском участке была уничтожена значительная часть тиража последнего издания стихотворений поэта. Возбудить уголовное преследование суд не мог: автора не было в живых.

Постоянная борьба с цензурой вынуждала Якубовича использовать различные приемы конспирации. В обращении к читателю (изд. 1906 г.) Якубович говорил: «Горькая цензурная необходимость заставляла меня, как и большинство русских писателей, на каждом шагу прибегать ко всякого рода мелким компромиссам — пропускам, точкам, ослаблению выражений, приписыванию собственных стихотворений перу иностранных поэтов, нередко совершенно вымышленных. Нейтральным флагом, под которым я проводил цензурную контрабанду своей музы, были обыкновенно ирландский поэт О'Коннор и итальянский Чезаре Никколини (оба, насколько мне известно, никогда не существовавшие)». Но внести соответствующие исправления в текст не удалось, так как книга была в основном отпечатана.

---

[1] Журнал заседаний С.-Петербургского цензурного комитета от 20 декабря 1878 г. (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, т. 7, л. 298).

[2] Дело Главного управления по делам печати, 1914, № 1578, «Об аресте книги П. Я. (П. Якубович — Л. Мельшин). Стихотворения, т. 2, 4-е изд., СПб., 1910 г.»; см. также два дела Петроградского комитета по делам печати 1914 г., № 72—73, «О книге П. Я. (П. Якубович — Л. Мельшин), т. 2, 5-е изд., СПб., 1913» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 21, № 72).

Чезаре Никколини — фикция, навеянная образом боевого итальянского поэта Джованни Никколини (1785—1861), борца против деспотизма. Мысль выдать тюремные стихи за переводы из Никколини пришла Якубовичу в Петропавловской крепости. Чтобы рассеять сомнения в подлинности Ч. Никколини, был даже нарисован выразительный портрет поэта-узника, в ручных кандалах, напоминающий облик самого Якубовича.[1]

Удачно было выбрано для маскировки также имя О'Коннора. Оно намекало на вполне реальное лицо — прославленного вождя чартистского движения О'Коннора, который, кстати сказать, писал стихи и песни политического содержания. В свое время популярна была его «Хартия», излагавшая в стихах программу рабочего движения.[2] В 1880-е годы Ирландия вела борьбу против английского вторжения, ирландские события были в центре международной жизни. В январе 1882 года был схвачен легендарный предводитель ирландцев Коннель, об этом много писали.[3] Не менее популярно в революционной среде было имя другого ирландца, О'Коннеля Даниэля (1775—1847), — крупного общественного деятеля, боровшегося за независимость Ирландии. Фиктивный О'Коннор Якубовича мог ассоциироваться у современников также и с этими лицами.

Выдавая оригинальные стихотворения за «переводы», Якубовичу приходилось вводить соответственно итальянские и ирландские детали (например, «сосновый бор» заменять «лавровым лесом», «трон» — «папским престолом» и т. д.).

«Ослабление выражений» — прием, применяемый в обход цензуры, — был не менее тягостным для поэта. Еще в сборнике М. Рамшева редактор А. К. Шеллер (Михайлов) так, например, «обезвредил» Якубовича: вместо «жизнь — борьба, а не рабство» поставил: «жизнь — борьба, а не сон», Царь-Мороз превращен был в Деда-Мороза и т. п. Сам Якубович вынужден был заменять: «цепи влача» — на «груз свой влача», «под сводом тюрьмы» — на «под пологом тьмы» и т. п. Поэтическая речь Якубовича — часто речь иносказательная, шифрованная. Всю жизнь работая с оглядкой на цензуру, поэт в совершенстве овладел приемами эзоповского языка.

Рекомендуя вынужденный прием «эзоповских речей» редакции

---

[1] Песни борьбы. М., 1906, стр. 108; рисунок художника Мальчевского.

[2] См. сборник «Революционная поэзия на Западе». М., 1927, стр. 124—125.

[3] Жика. Ирландские дела. «Дело», 1883, № 5.

«Русского богатства», Якубович ставит в пример опыт Щедрина: «В „Отечественных записках“ хоть намеками, хоть эзоповским языком можно было говорить, и эти бледные, в сущности, намеки, я хорошо помню, зажигали молодые сердца...» [1]

Вокруг сборников, выходивших под инициалами П. Я., разгорелась острая полемика. Демократическая критика 1890—1900-х годов высоко оценила лирику Якубовича, противопоставив ее революционно-демократические традиции, энергию и искренность стиха формалистическим упражнениям модернистов.

После выхода первого издания стихотворений Якубовича, в конце 1897 года, борьба между литературными реакционерами и демократическим лагерем приняла резкие формы.

Если передовым читателем П. Я. воспринимался как поэт «единственный в настоящее время, в страстной поэзии которого струится та живая струя, которая была завещана нам незабвенной некрасовской музою», [2] то реакционеры начали травлю поэта, производя розыск, кто именно скрывается под буквами П. Я. «Московские ведомости», «Новое время», «Север» и другие извергали потоки ругани: для них П. Я. — «отчаянный самохвал», «безграмотный виршеплет», а его стихи — образчик «исключительной бессмыслицы», «душевной мелкости», «галиматьи» и т. п. [3] Порою выступления против Якубовича приобретали характер политических доносов. [4]

Между тем книги Якубовича выходили почти ежегодно. Возрастающий успех и общественное значение его поэзии демократическая критика увидела в том, что она была активно направлена против безыдейности «чистого искусства» и бережно хранила революционные традиции.

«По поводу стихотворений П. Я. в литературе вышел маленький инцидент, — писали «Новости». — Одна часть критики провозгласила его чуть ли не великим поэтом, другая — чуть ли не сапожником. Одни хотят видеть в нем прямого продолжателя Некрасова, другие зубоскалят, и очень скверно зубоскалят, доказывая этим свое литературное тупоумие». Автор статьи отмечал, что «П. Я. —

---

[1] Письмо к Н. К. Михайловскому от 12 декабря 1898 г. (ПД).
[2] «Сын отечества», 1897, № 331, 5 декабря.
[3] «Московские ведомости», 1897, № 341, 11 декабря.
[4] «Север», 1898, № 7, 15 февраля, стр. 222—223.

несомненный поэт, имеющий свою собственную определенную физиономию, а значит, и право на свое определенное место в литературе».[1]

Высокую оценку Якубовичу дал А. П. Чехов. Выделяя его среди новых писателей, Чехов отметил: Якубович «стоит особняком, это большой, неоцененный писатель, умный, сильный писатель».[2]

Спор о Якубовиче был решен марксистской критикой, давшей обстоятельную оценку личности и творчества поэта-борца. Слово о нем большевистская «Звезда» предоставила представителям рабочих, закаленной гвардии революционеров и молодой поэтической смене. Авторы статей о Якубовиче единодушно отметили, что между читателем, вышедшим непосредственно из народной массы, и Якубовичем установилась кровная связь.

«С поэзией П. Я. я познакомился в 1906 году, — писал старый рабочий Н. Афанасьев, привлекавшийся по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». — Перед моими глазами открылся мир, — мир не горя и слез, терпения и надежды, а мир радости и веселья, борьбы и непреклонного решения бороться до конца».[3] По достоинству была оценена деятельность Якубовича в статье М. Ольминского: «В черные годы развала 80-х годов мы, немногие уцелевшие, имели в Рамшеве скромного, задушевного выразителя непогибших надежд, не просто любимого, а родного поэта. В П. Я. воскрес возмужавший Рамшев, закаленный боец с нежной душой. Мельшин повел нас в самую глубину того мира, отверженного и несчастного, о котором болело сердце».[4]

В годовщину смерти Якубовича «Звезда» вновь вернулась к оценке его поэзии. В статье Демьяна Бедного Якубович был назван «певцом борьбы и гнева», «равного которому — по кристальной чистоте его облика — не знает русская литература».[5]

Прочно связанная с освободительным движением разночинно-демократического периода, поэзия П. Ф. Якубовича оказала воздействие и на развитие пролетарской поэзии. Здесь в первую очередь следует назвать такие его стихотворения, как «Кузнецы», «Песня бурильщиков», «Песня труда».

---

[1] Скриба <Е. А. Соловьев-Андреевич>. Стихи, стихи и еще стихи. «Новости», 1898, № 29, 29 января.

[2] Письмо к Л. А. Авиловой от 9 марта 1899 г. А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, т. 18. М., 1949, стр. 107.

[3] «Звезда», 1911, № 15, 25 марта.

[4] Там же.

[5] Е. П<ридворов>. Певец борьбы и гнева. «Звезда», 1912, № 19, 18 марта.

Высокая идейность, содержательность мысли и эмоциональная взволнованность, глубокая искренность и умение почувствовать свое время — все это составляет сильные стороны поэтического наследства Якубовича, которое, по словам Демьяна Бедного, «не забудется, по крайней мере, до тех пор, пока сердце человеческое не лишится способности отзываться на те истинно высокие, отмеченные печатью выстраданной искренности чувства, какими проникнута почти каждая строка, каждое слово поэта».[1]

Б. Двинянинов

---

[1] Е. П<ридворов>. Певец борьбы и гнева. «Звезда», 1912, № 19, 18 марта.

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Жизнь и поэзия — одно!

В. А. Жуковский

I. НА ВЕСАХ
(1878—1884)

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Звездное небо, немое, чудесное...
Вот, словно яркий опал,
Катится звездочка: в царство небесное
Душу господь отозвал!

Бедная! Долго ей ночь нерассветная
Жизни — темницей была;
Вихрь уносил ее грезы заветные
В море неправды и зла.

Сжалился бог: колесницу прекрасную
С ангелом кротким за ней он послал,
Людям же звездочкой чудною, ясною
Божий посланник предстал.

1878

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

В бриллиантовой короне,
В пышном гроте ледяном
Царь-Мороз сидит на троне,
Крытом чистым серебром.
Борода его седая
Вся алмазами горит;
Синий плащ, как жар сияя,
С богатырских плеч висит.

Но старик один. Угрюмо
Предался своим мечтам,
И упал, скользнув без шума,
Скипетр к царственным ногам.

Что за чудо! Век не снилось —
Снится вот уж третий день:
Будто с треском откатилась
Трона верхняя ступень,
Будто перстень драгоценный
У него с руки пропал,
Будто витязь дерзновенный
Дочь-красу его украл...

Встать он хочет; в нетерпеньи
Хочет кликнуть верных слуг...
Вдруг он вздрогнул: в изумленьи
Непонятный слышит звук.
Точно в бурный час прибоя
Вал морской пророкотал,
Точно в жаркой схватке боя
Стук оружья прозвучал...
Вот опять... И задрожали
Стен хрустальные столпы!
Налетели, застонали
Седовласых вьюг толпы!
С искаженными чертами,
С воплем ужаса в груди:
«Царь, спасайся! Враг за нами
С Царь-Девицей впереди...
Сосчитать нет силы-мочи
Светлых витязей Весны —
Шлемы, копья... Наши очи
Блеском их ослеплены...
Да и кто ж бы не отпрянул,
Силой меряться дерзнул? ..»

То не гром ли с неба грянул,
Не перун ли проблеснул?
Встал старик, могучий, смелый,
Снова юн, отваги полн;
Взор горит и сыплет стрелы,

Ходит грудь, как в бурю челн.
Топнул с окриксм ногою!
В гневе машет бородой
И над робкою толпою
Тяжкой движет булавой.
Вихрь поднялся с шумом, свистом,
В страхе весь чертог дрожит...
Но далече в поле чистом
Богатырь уже летит.
Где тряхнет он бородою —
Темный бор посеребрит,
Где взмахнет лишь булавою —
Воды рек окостенит.
Дунет — небо одевает
В белый саван облаков,
Снег и иней вытряхает
Из косматых рукавов.
А узоры ткет — царевнам
Не шивать таких! .. Но вдруг
Он застыл в движеньи гневном,
Смотрит пристально вокруг.

Тишину полей безбрежных
Звук неведомый прервал;
Точно крыльев плавных, нежных
Шелест мягкий пробежал...
И вдали, во тьме неясной,
Промелькнул и скрылся вмиг
Чей-то царственно-прекрасный
Улыбающийся лик.

И кругом всё просветлело,
Порвались оковы сна:
Дрогнул лес оцепенелый,
Всколыхнулася волна...
Первый жаворонок грянул
Песню первую любви,
И подснежник первый глянул,
И запели ручейки, —
Зазвенели, покатились
Огнеструйным серебром;
Муравьи закопошились

В сонном городе своем;
И из келейки подпольной,
Прерывая долгий сон,
На простор степной раздольный
Пчелка вылетела вон.
Всё покорно властным чарам!
Кто ж он, тайный лиходей?..

И стоит в бессильи яром
Изумленный чародей.
«Гей вы, слуги!» Где же слуги?
Вот их верность какова!
А в глазах пестреют круги,
Тяжелеет голова.
Гнутся гордые колени...
Полон вещих снов, и грез,
И томящей сладкой лени,
Тает, тает Царь-Мороз!
Солнце красное неслышно
Льет тепла живой поток,
И Весна-царица пышно
Входит в светлый свой чертог.

1878, 1881

ПОД СНЕГОМ

Равнина мертвая под снежной пеленой...
Кругом тоска, зловещая тоска!
И, вея холодом, стояли надо мной
Недвижные седые облака.
А ветер выл всё яростней и злей,
Напев отчаянья равнину оглашал,
И стая воронов, кружившая над ней,
Злорадно каркала... В раздумье я стоял.

— Родимая! тебя ли вижу я,
Поникшую прекрасной головой!
Возможно ль? Гордая, цветущая земля
Покорена безжизненной зимой!
Проходят дни — всё снег да снег один

И мертвый сон... И завтра — что вчера...
О матушка! зовет тебя твой сын:
Вставай, проснись! Ужели не пора?
Негодования грозою растопи,
Разбей, стряхни покров свой ледяной,
Слезами радости долины окропи,
Развей тоску души моей больной!
Молю, надень венчальный свой наряд,
Густые облака от солнца отгони —
Его лучи как перлы заблестят,
И потекут безоблачные дни.

И вдруг послышалось: «Не в пору ты пришел —
Еще весна сияет далеко.
Могильный саван мой и душен, и тяжел,
И мне его отдернуть нелегко».
Напрасно я взывал, напрасно я молил
И за вопросом задавал вопрос:
Глубокий сон глаза ее смежил,
Уста сковал безжалостный мороз.
И стая воронов, кружившая над ней,
Злорадно каркала... В раздумье я стоял;
А ветер выл всё яростней и злей...
О чем он пел? Кого он проклинал?

1879

ТРЕВОГА

Ночь сошла, лазурно-ясная,
В даль ушел огнистый путь...
Выходи, моя прекрасная!
Глаз усталых не сомкнуть.

С поля, только что уснувшего,
Льется мягкий аромат;
С неба, в блеске утонувшего,
Звезды кроткие глядят.

Всё уснуло — злоба жгучая,
Голод, зависти змея...

Но дрожит слеза горючая
На реснице у меня!

Душу, полную смятения
И тревоги, позабыл
Кроткий ангел примирения —
Тихим сном не исцелил!

Давят грудь рыданья страстные,
Встала дум мятежных рать...
Приходи, моя прекрасная,
Вместе мыслить и страдать!

Речью гордою, свободною
Мое сердце вдохнови,
Дай мне силу благородную
Для вражды и для любви!

Вся лазурная, бесшумная,
Ночь на крыльях снов плывет,
Но не спит душа безумная,
Всё болит, тревогу бьет!..

1877, 1879

К СВЕТУ

«Куда же мчимся мы с такою быстротою?» —
Я, в ужасе, мечту мою спросил
И перед бездною, зиявшей подо мною,
Неверный шаг остановил.
«Смотри, смотри — какой утес ужасный
Там, впереди... Какой там мрак немой!..»
Но ты не слушала... С осанкой гордой, властной,
С мечом в руке, с светильником в другой,
Меня, дрожащего, в пространство увлекала
И, как ребенку робкому, шептала:
«Вперед, не бойся, я с тобой!»

«Стой! жалость странная мне душу охватила...
Я бросил для тебя спокойствие, друзей,
Всё, всё, что молодость мне светлая сулила...
Не смейся ж над тоской моей!

Остановись! Хоть на одно мгновенье
Остановись! О, дай еще хоть раз
Взглянуть назад: я знаю, в этот час
Там плачут обо мне...»
Напрасное моленье!
Вдруг пышная заря во мраке занялась.
И ты, презрев ребяческий мой ропот,
Навстречу шла сияющему дню...
И уловил я ласковый твой шепот:
«Не плачь! Всё, всё я заменю!..»

Октябрь 1880

БИТВА ЖИЗНИ

Ах, без жизни проносится жизнь вся моя!..
Увлекаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, сам себе — и судья,
И тюрьма, и палач с гильотиною.
И мучительный сон наяву и во сне
Не дает мне покоя желанного:
Вижу в поле широком уснувших бойцов
После дела великого бранного.
Ночь беззвучно плывет над печальной землей,
Уходя в вышину беспредельную;
Месяц смотрит из туч — дикий ужас разлил
По лицу его бледность смертельную...
С головами разбитыми, к небу лицом,
Посиневшие, кровью облитые,
Тихо спят мертвецы; безответно глядят
Их глаза, неподвижно раскрытые.
Словно бледная тень, словно призрак немой,
Обхожу я поляны ужасные
И считаю, не зная зачем, мертвецов
И гляжу на их лица бесстрастные...
«О, всё милые лица! Всё братья, друзья,
Всё черты дорогие и близкие!» —

Все отважно погибли, как следует пасть
Тем, в ком жили не помыслы низкие,
А одна неподкупная, светлая страсть
И одно лишь желанье великое,

Чтобы солнцу любви и свободы святой
Уступило насилие дикое!
Точно призрак ночной, точно бледная тень,
Я иду чрез поляны унылые...
«Да, рыдай, моя песня! Все — братья, друзья,
Все черты дорогие и милые!»

Обезумев от горя, упасть я хочу
С громким воплем на землю холодную, —
Ей поведать всю лютую злобу мою,
Всю любовь и тоску безысходную.
Наклонившись, хочу я страдальцев обнять.
Вдруг... О, ужас! их лица бесстрастные
Стали темны, как ночь... На недвижных устах
Зазмеилась усмешка ужасная...
И, объятому трепетом, чудится мне
Шепот злобный, упреки суровые:
«Где ты был, когда в битву мы грозную шли,
Победить иль погибнуть готовые?
Отчего не лежит твой истерзанный труп
Рядом с нами, погибшими братьями?
Отчего ты, как вор, лишь во мраке ночном
К нам приходишь с своими объятьями?
Что нам в злобе твоей, хоть и нет ей конца,
Что тоска нам твоя безысходная?
Песни скорбные громко умеешь ты петь,
Но страшна тебе смерть благородная!
Уходи, уходи! Нам противны, смешны
Оправданья твои малодушные...
Где ты был, когда в бой мы бестрепетно шли,
Зову чести и долга послушные?
Уходи ж, уходи... Мы не знаем тебя!»

И помчался я в даль беспредельную...
Месяц сумрачный плыл... Дикий ужас разлил
По лицу его бледность смертельную!
Руки горько ломая, я в небо глядел,
Будто веря, что, зову послушное,
Усыпит оно скорбь мою, жгучую скорбь;
Но синело оно, равнодушное,
Равнодушно взирая на правду, на ложь,
И на всё, что под бурею клонится,

И на всё, что ликует, царит и гнетет,
Ни мольбой, ни проклятьем не тронется!
Я бежал, словно гнался неведомый враг
По пятам моим мертвой поляною:
Брань и крики его, как отточенный нож,
Наносили мне рану за раною.
И напрасно пощады вымаливал я...

Так без жизни проносится жизнь вся моя:
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, сам себе — и судья,
И тюрьма, и палач с гильотиною!

Между 20 ноября и 1 декабря 1880.

* * *

В час веселья и шумной забавы,
Беззаботна, как птичка полей,
Ореол обольстительный славы
Ты пророчила музе моей.
А заветные сердца мечтанья
Мне венец обещали иной,
И в груди наболевшей рыданья,
Закипая, вставали грозой...

В наше время дорогой прямой
Бодрым шагом идти до могилы
За идеей великой, святой —
Нужно чувствовать гордые силы
И владеть закаленной душой!
Быть готовым без стона, без крика
Под ударами вражьими пасть,
В битве грозной, безжалостной, дикой,
Нужно грезы о счастье проклясть!

А в душе беспокойной и нежной,
Не рожденной для доли борца,
Нет предела тревоге мятежной,
Нет желаньям безумным конца!

Не дают они — цели прекрасной
Безраздельно отдаться во власть:
Сердце бьется томительно-страстно,
И душа молодая не властна
Грезы личного счастья проклясть! ..

22 ноября 1880

УСПОКОЕНИЕ

Яркие звезды горят над землей...
Там, где владычицей — ночь бесконечная,
Движутся стройной, могучей толпой
Хоры их дивные, вечные.

Тихо там, тихо, как в храме святом
В час, когда смолкнет докучное пение...
Не оттого ли и в сердце моем
К небу такое стремление?

Черною злобой устала дышать
Эта душа молодая, мятежная,
И обняла ее кротко, как мать,
Ночь бесконечная, тихая, нежная...

21 декабря 1880

В ТЕАТРЕ

Шум нетерпенья... И струны послушные
Громом аккордов откликнулись вдруг!
Фауста мрачного тайный недуг
И Маргариты любовь простодушная —

Ожили в чудном созданьи мечты.
Ужас, печаль и восторг чередуются,
А очарованным взорам рисуются
Храмы, фонтаны, огни и цветы...

Что за поэзия дивная, властная,
Близкая скорби заветной моей!
И, точно в царстве заоблачном фей,
Я твои очи встречаю прекрасные.

Детским восторгом сверкают они...
Мягких кудрей я волну вижу зыбкую,
Вижу уста молодые с улыбкою...
— Не омрачайте их, черные дни!

Ах! неужель эти грезы чудесные —
Грубый обман, потешающий ум?
Весь этот блеск, этот праздничный шум,
  Все эти звуки небесные —

Через минуту всё скроется, всё...
Бледная жизнь колеею обычною
Вновь потечет, пустотой безграничною
  Сердце пугая мое...

— О, если так... Мои думы тяжелые,
Боль мою ты ведь поймешь, милый друг?
Не преступленье ль — минута веселая,
Каждая греза и радостный звук?

Видишь, болит мое сердце безумное,
Плакать готов я над думой моей
И умолять тебя — бросим скорей
  Зрелище шумное!..

Не обвиняй меня... Вспомни, что там, —
Там, за стеною театра волшебного,
Море холодного мрака, враждебного
  Этим нарядным мечтам.

Корчится там нищета... Там утрачено
Жизни желанье, там злоба кипит...
Слово проклятия робко звучит...
Друг мой! кому то проклятье назначено?

О, неужели же нам, для кого
Горе народное — горе великое,
Нам, осудившим бесправие дикое,
Нам, для которых любовь — божество?!

. . . .

Тот же всё блеск; та же музыка шумная
Льется в мой слух гармоничной волной...
Плачет душа моя, стонет безумная,
Полная скорби святой!

4 января 1881

ОБДЕЛЕННЫЕ

Забытый мир!.. Над каждою могилой
Витает грусть... У этой нет креста,
У той — погнувшийся с покорностью унылой,
У той — без надписи, вся в трещинах, плита.
Сон, тишина и сумрак запустенья...
Кругом бурьян... Тут всё полно забвенья,
Всё говорит: «Их нет!»

— А правда?.. Что ж она
С громами божьими?.. Забыты имена,
Но ложь, ту ложь с бесстыдными глазами,
Что, выпив кровь, людей равняла с псами,
Как позабыть? Нет, нет, жива она!
Она жива. Все скорби, все обиды
Летают в воздухе, мне чудится порой,
И грозный лик суровой Немезиды
Глядит с безумною враждой...

Спят, крепко спят, не зная мук сомнений,
Жильцы гробов, покорные червям.
«Несчастные! Горе́ назначен вам
Мир лучший здешнего, мир вечных упоений...
Здесь прах и тлен, здесь сумрак без лучей,
Мертва и суетна сия юдоль печали!» —
Так утешал их сытый иерей,
А бедняки доверчиво внимали,
И каждый с верою наивной угасал.

Что ж, если... если ночь угрюмую сознанья
В предсмертный миг луч света пронизал
И холодом наполнил содроганья?!
Так иногда подстреленный кулик

Лежит, не шевелясь, и лишь в последний миг,
Прощаясь с светом вольным и широким,
Вздохнет всей грудью, вздохом столь глубоким,
Взмахнет крылом так горестно, и крик
Такой протяжный, жалобный промчится,
Что дух убийцы скорбью омрачится!..

Быть может, злоба душу обняла,
Рука в кулак спешила крепко сжаться;
Быть может, правда горькая пришла
К страдальческому ложу, чтоб сознаться
В обмане вековом... Но поздно! Вечный сон
Идет смежить измученные очи,
И прежний мрак холодной, страшной ночи
Стоит кругом, и зло — его закон!

Пройдут года как беглое мгновенье —
Усну и я таким же крепким сном,
И под таким же согнутым крестом
Иль без креста найду успокоенье
От всех обид, от всех земных тревог,
Надежд, страстей с их сладостным обманом.
Другим пловцам я вверю свой челнок,
Устав бороться с шумным океаном.
Они помчатся бодро по волнам
Пытать в борьбе нетронутые силы;
Маяк любви сиять им будет там,
Где для меня нависнет тьма могилы...
Во все века страдания земли
Одна лишь смерть надежно исцеляла.
Вот кость покойника валяется в пыли,
А он? Он спит и не скорбит нимало!

3 сентября 1881

НАД РЕКОЮ

Всё было тихо над рекою,
В руке не двигалось весло,
И лодку сонною волною
Вниз по течению несло.

Луна холодный свет роняла,
Закрывшись сизым облачко́м,
И за звездой звезда дрожала
В пространстве темно-голубом.

Казалось, чьим-то властным словом
Огромный мир заворожен,
И лишь к моим мечтам суровым
Забыл прийти целебный сон!

И, точно тень перед грозою,
Ложилась дума на чело...
А лодку сонною волною
Вниз по течению несло.

И думы гордые вставали,
И леденил их тайный страх...
В груди рыданья трепетали
И замирали на устах.

Желаний судорожных полный,
С огнем в клокочущей крови,
Как огласить хотел я волны
Мольбами жизни и любви!

27 июня 1881

* * *

Я — твой, Земля! Твои страданья,
Твои восторги близки мне —
Былинки мирное шуршанье
И ропот грома в вышине.

Я — твой!.. И волновать до гроба
Земная будет жизнь меня,
Ее тоска, любовь и злоба,
Заботы вечности и дня.

На крыльях грез в лазури вольной
Люблю, как птица, я нырять,
Но страшно мне отчизне дольной
Прости последнее сказать!

Что мне небес обетованья?..
О мать-Земля, я — твой, я — твой!
Приму я крест, приму страданья,
Но жизнью жить хочу земной!

И если там, в стране безвестной,
Иная жизнь и счастье есть,
Хотел бы я — и рай небесный
Сюда, на Землю, перенесть!

Февраль 1882

* * *

Одолели думы мрачные,
Гибнуть — страшно, жить — страшней!..

От своей болящей совести,
От насмешливых друзей
Убежать бы невидимкою
В лес дремучий и глухой,
Где людей от века не было
С их немолчною враждой;
Убежать бы в горы, — с облаком
Поравняться бы седым,
Без стыда всё горе выплакать
Великанам вековым.
— Братья гордые, свободные,
Научите — как стоять
Под грозою, в ночи темные,
Не робеть и не дрожать!

Осень 1882

* * *

Над рощей пальм луна в раздумье встала...
Дремало море в неге сладких грез,
И, как дитя, волна чуть лепетала,
Плескаясь мерно об утес.
В тот тихий час они вдвоем сидели
На берегу, безмолвно глядя вдаль.
Его глаза печальные горели
Огнем любви, ее... едва ль.
В нем билось сердце судорожно-страстно,
Он был рожден для подвигов, для гроз;
Как майский день, она была прекрасна
И... холодна, как тот утес!
Он ей сказать сбирался много-много, —
Сказать о том, как исстрадался он,
Устал любить с сомненьем и тревогой,
С надеждой, робкою, как сон;
Поведать всё: как он безумно рвался
На бой со злом, чтобы, любя, страдать,
Как с юных лет быть воином поклялся...
Он многое хотел бы ей сказать
И — слово вымолвить боялся!

14 июля 1882

* * *

Я твой смех беспечный, резвый
Позабыть еще не мог:
Он звенел, не умолкая,
Как весенний ручеек!

Он звенел... В моем же сердце
Каждый светлый счастья звук
Отдавался тихим стоном
Никому не зримых мук!

Как ребенок, ты смеялась
Надо всем — и над смешным,
И над тем, что мне казалось
Заповедным и святым.

И порой, с тобою вместе
Над моей смеясь тоской,
Я хотел бы лучше плакать,
Горько плакать над тобой!

7 августа 1882

РЕШЕНИЕ

В эти дни больного озлобленья,
В эти дни унынья и тоски
Где найти улыбку ободренья
И поддержку дружеской руки?
Что толпа! — Она, завидев раны
В глубине сердечной у тебя,
Предпочтет красивые обманы,
Убежит, спокойствие любя.
Лучший друг поникнет головою,
И в молчаньи грустном ты прочтешь:
«Гордым будь! Молчи с твоей тоскою,
Мирно спящих стоном не тревожь!»

Милый друг, в твоих глазах глубоких
Той же пытки отблеск вижу я,
Тех же дум суровых и жестоких,
Но молчишь ты, горе затая.
Ты стоишь в своем венке терновом,
До конца готовая страдать,
Никому и ни единым словом
Не давая мук своих понять!
А когда от боли нестерпимой
Стонем мы, пугливые друзья,
О вражде кричим непримиримой
И взываем: «Скоро ли заря?» —
Ты глядишь, как будто удивляясь,
С странным блеском вдумчивых очей,
И без слов, печально улыбаясь,
Покидаешь шумный круг друзей...

О мой друг! Я понял смысл недуга,
День и ночь гнетущих душу снов,

И зачем в толпе людской друг друга
Избегать мы стали, как врагов,
И зачем как будто перестало
Биться сердце, течь по жилам кровь,
Отчего, как никогда, бывало,
Жизнь бледна, нерадостна любовь.
Понял всё!.. Товарищ по страданью,
Тайных снов и дум моих сестра!
Есть конец тупому ожиданью,
Есть предел унынию... Пора!
Замер ум в тоске; от боли дикой
Грудь изныла, утомилась клясть:
Время нам — на труд идти великий,
Победить иль славно пасть!..

1882

НАД МОГИЛОЙ ДРУГА

Не плачу я; но сколько слез живых
Невольно к горлу подступает,
Слез жгучих, огненных, слез чистых и святых, —
Никто из смертных не узнает!
Нет и проклятий на устах...
И небо, небо лишь могло бы
Прочесть в сердечных тайниках
Страницы пламенные злобы!

Несчастный друг! Мой незабвенный брат!
Вражде суровой посвятил я
Отныне дух и плоть... И за спиной дрожат,
Я слышу, дерзостные крылья...
Мне шепчет голос твой: «Я рано брошен в прах.
Борись же ты и будь счастливей!
Пусть знамя светлое стоит в твоих руках
Еще прямей и горделивей!»

14 сентября 1882

Что нам до мертвых? Воскресить,
Призвать их к жизни мы не в силах:
Пока есть капля крови в жилах,
Не будем плакать на могилах, —
Идем бороться, мыслить, жить!

Вперед! Вперед!
Вперед идем! — Пусть там лучи ...

Туда туда, где глубже мрак, —

Вдвь солнце с запада на востоке!

24. VII.

Там где маяки и ненастья, —
Там —
счастье любящим сердцам.
Удел же призрачного счастья
трусам и глупцам!

24. VII.

* * *

Рассеян мрак, завеса поднята!
И в первый раз я сознаю без страха,
Что умерла о счастии мечта,
И не подняться ей из праха.
Роптанье праздное смешно,
И лишь дитя так долго стонет
О том, что раз погребено:
Пусть мертвых мертвые хоронят!
Что нам до мертвых? Разбудить,
Воззвать их к жизни мы не в силах.
Пока есть капля крови в жилах,
Не будем плакать на могилах —
Идем бороться, мыслить, жить!
Там, где тревоги и ненастья,
Там счастье любящим сердцам,
Удел же призрачного счастья
Оставим трусам и глупцам.

24 июля 1882

ЮНОШЕ

Если, чувствуя веры священное пламя,
Знаешь ты, что не в силах его погасить
Ни друзья, ни враги, что великое знамя
В битве правой нести для тебя значит — жить;

Что любить, не страдая душой, невозможно
Для того, кому чуткое сердце дано,
А спокойное счастье преступно и ложно,
Раз повсюду кругом безотрадно темно;

Если так, о мой брат, — не сдавайся трусливо!
Жизнь — борьба, а не рабство... Коль есть
Капля крови — борись! Сбереги горделиво
До конца свою верность святыне и месть!

4 ноября 1882

ПЛОВЦЫ

«Не пора ли отдохнуть нам, братья?
Мрак глубок, не видно маяка.
Шевелятся на душе проклятья,
Замерла усталая рука.
Нет ни сил, ни бодрости, ни воли...
Бросим весла! Руль — игрушка волн!
Тщетны крики нестерпимой боли,
Гибни, гибни, беззащитный челн!»

Так, на бой подвигнуты любовью,
Сколько раз стонали мы... И вновь
В пылком сердце, истекавшем кровью,
Воскресали силы и любовь!
Сколько раз мы опускали руки,
Сколько раз бросали буйный спор, —
И опять с отвагой шли на муки,
На борьбу, на жертву, на позор!
Поднимали снова правды знамя, —
И на нем сияли те слова,
От которых ярче в сердце пламя,
Даль светлей и выше голова!..

27 июня 1882

СПОР

Как страстный горячечный бред,
Как лепет ребяческий, снова
Дни гордых порывов, великих надежд
Выходят из мрака былого.
Те дни, когда странным казалось для нас
Встречать меж друзей иноверца,
И мир был так жарко, так чудно согрет
Огнем неостывшего сердца;
Когда в обольстительно-ярких чертах
Фантазия нам рисовала
Страданья, гоненья и самую смерть
Во славу и честь идеала!..

Шумна и вольна, как весенний поток,
Беседа росла и кипела:

У каждого кровь клокотала в груди,
Лицо вдохновенно горело.
Угрозы и клики носились кругом
В потоках табачного чада, —
И сами, случалось, не видели мы
В речах наших смысла и склада.
Из лишнего слова рождалась гора,
Враги меж друзей находились
И с пеной у рта — не на жизнь, а на смерть —
Словами, как шпагами, бились!

Обидные клички бросались в лицо
С каким-то злорадным стараньем...
И часто кончался безумный раздор
Внезапным и страшным рыданьем!
То плакало чувство любви молодой,
Поруганной чистой печали;
Заветные лучшие струны души,
Задетые, гневно рыдали...

И кротости ангел тотчас пролетал,
Казалось, в каморке убогой:
Раздор укрощался и вмиг тишиной
Сменялся стыдливой и строгой...
Мы долго сидели смущенной толпой
Вокруг огорченного друга,
И не было речи в ту ночь о вражде
Среди примиренного круга.
И все сознавали, что чувством одним
В груди у нас сердце согрето,
Молились и верили все одному
Великому богу рассвета!

Уж лампа, мигая, светила тусклей
Под говор усталый беседы,
Когда разойтись мы спешили, плотней
В дырявые кутаясь пледы.
Светало... Румянец морозной зари
Чуть брезжил из облачной дали...
И спали дворцы, и дремала Нева,
И фивские сфинксы дремали...

28 декабря 1882

* * *

Эфемерным блистая нарядом,
Много звезд загоралось вокруг,
И под их обольщающим взглядом
Я не видел тебя, милый друг!

Но лишь утро восток озарило —
Побледнела звезда за звездой;
Ты, как солнце, меж тем восходила
Над душою моею больной.

Не мишурной красой ты блистала,
Не искусственно-пышным венком,
Но родная мне дума лежала
И печаль на челе молодом.

И не та нас любовь обручила,
От которой так сладко в крови,
А душе так мучительно мило
Солнце жизни, безумье любви;

Но — любовь, что чужое страданье
Выше жизни своей признает
И на крест, на позор, на закланье
Властным голосом правды зовет!

Январь 1883

МЕЧ И ЛИРА

Сказка

Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.
Н. Некрасов

1

В полдень июльский горячий, когда задыхались
Лес и поляны от ласк зажигающих солнца,
Лист не шуршал и дремала волна в упоеньи, —
Отрок беспечный играл у опушки зеленого бора,

Смело, как векша, свободы дитя, на косматые ели
Бойко взбирался, смеясь и ликуя, один, без призора.
Так, утомившись, заснул он под елью тенистой
В мягкой, душистой траве...
Волшебница леса подкралась
Тихо, как сон легкокрылый; взяла осторожно
В руки сонливца и в сказочный замок свой дальний
Птицы быстрее умчала...
Лениво ресницы
Он разомкнул — и глазам своим долго не верил:
Крик изумленья в груди очарованной замер!
Он увидал себя в чудном, залитом сияньем,
Райском саду. Величавые купы деревьев
Странных, невиданных форм, с золотыми плодами,
К светлым потокам душистые ветви склоняли;
Яркой, цветной чешуей прихотливо мелькая,
Рыбок стада веселились в серебряной влаге;
Чашечки чудных цветов, что не снятся и в грезах,
Полные меда, стыдливо повсюду качались
На стебельках горделивых; над ними ж, как пчелки,
Роем проворным колибри вились золотые...
Всё было тихо, как в храме, и дивно, как в сказке!
В сердце какие-то сладкие струны дрожали,
Полные грусти неясной; знакомое что-то,
Невозвратимо-былое из мрака всплывало...

2

И вспомнил дом он, старый барский дом.
Под окнами печально воет вьюга,
Взметая снег, и в темной чаще леса
Ей плач волков голодных отвечает...
Но в спаленке уютно и тепло.
Чуть светится лампадка пред иконой,
Колебля тени робкие кругом,
И женский взор, мечтательный и грустный,
К ним устремлен. Припав к груди родной,
Он слышит трепет сердца дорогого;
И слышит он, как серебристый голос,
Любимый голос, в сумерках пугливых,
В тиши ему нашептывает сказки

Про фей добра, золотокудрых фей,
Про дивные чертоги их и битвы
С могучими и злыми колдунами...
Потом... Потом какой-то сон ужасный:
Звучит в дыму торжественное пенье,
Протяжное, унылое; проходят
В печальных ризах черные попы
И белый гроб с малиновым покровом,
В волнах цветов, куда-то вдаль несут...

И снова дни, и вечера, и ночи,
Но, ах! без сказок и без милых ласк.
Лишь за стеной сердито плачет вьюга,
Да чей-то коготь у дверей скребет...

Он тишину томительную помнит,
Гнетущий мрак, над всеми в этом доме
Кошмаром злым висевший без конца.
Пугливой мышкой через зал пустынный
Он пробирался в темный уголок,
Где старый шкаф стоял уединенно
И груды книг в тяжелых переплетах
Валялись, позабытые, в пыли.

Да, в том шкафу таинственном, наверно,
Жил мрачный дух; каких рассказов грустных,
Тревожных снов он нашептал ребенку!..
Увы, не знал угрюмый, бедный демон
Тех сказок чудных, сказок золотых
Про добрых фей, волшебниц синеоких!
Он говорил, что в мире нет чудес,
Что есть лишь зло да ненависть тупая,
Что страшно жить, любя добро и свет!

3

Нет, они есть, милосердные, добрые феи, —
Их это светлый чертог, их лазурное царство:
Миг — и исполнится всё, что пророчили сказки!
Яркою молнией мысль проблеснуть не успела —
Трепет неясный промчался по темным аллеям:

Гордые кроны склонили покорно деревья,
Чашечки роз, как под вихрем незримым, погнулись...
Быстро зажмурясь, как зайчик трусливый, прижался
К ложу из пышных цветов перепуганный мальчик.
Но не гроза пронеслась, не чудовище злое
Смертью грозило ему: кто-то любящий, добрый
Тонкой рукою кудрей его мягких коснулся...
Сердце его размягчилось мгновенно; он поднял
Взор, отуманенный влагой, — и дрогнул в восторге!
Вся — доброта и любовь, вся — красота и величье,
Женщина с видом царицы, в алмазной короне,
В белой и легкой как дым драгоценной одежде,
Тихо склонилась как мать над его изголовьем.
Жалость светилась во взоре лазурном, лучистом,
Длинные косы рассыпались золотом пышным,
Грудь белоснежную вздох беспокойный приподнял...
С криком восторга, смеясь и рыдая от счастья,
Руки вперед он простер к дорогому виденью:
«Ты ль это, ты ль, ненаглядная, милая мама?..
О, наконец я с тобой навсегда, неразлучно!»

Нежно-тоскующим взором взглянула прекрасная фея,
Чуть улыбнулась — и, ласки и кротости полный,
Сладкий, как звон серебра, грустный, как шепот
дубравы,
«Да, это я!» — отвечал ему голос знакомый.

4

— «Я, мать твоя... Но знай: ничто моя любовь
Пред волею судьбы; мы вновь должны расстаться.
Ты — сын земли, и к ней вернешься вновь —
В бою за правду подвизаться.
Придет пора — и ты, дитя, поймешь
И сладость жертв, и радость битвы вечной
И сам на жертвенник великий принесешь
И сердца кровь, и пыл сердечный.
Но по душе пройдет немало гроз
До той поры: кипучей жаждой счастья
Зажжется сердце, жаждой сладких слез,
Горячей ласки и участья.

Любовью к женщине, как сказочным огнем,
Ты вспыхнешь весь... отдашься мукам страстным...
И будешь ты глупцом, и будешь ты рабом,
Блаженным будешь и несчастным!
Потом... Да, лишь потом, когда остынет кровь
И бурной юности смирятся заблужденья,
Когда почувствуешь, что разум может вновь
Свои предписывать веленья, —
Тогда познаешь ты иного бога власть,
Иной тоски огонь неугасимый —
Святой любви к стране своей родимой
Неумирающую страсть.
В ночной тиши, и в шуме дня, и вечно
Перед тобой являться станет он,
Печальный образ, — милый бесконечно,
Неосязаемый, как сон.
С улыбкой горькою застывшего терпенья,
С мольбой в очах, в лохмотьях нищеты...
И будут кротостью любви и всепрощенья
Светиться все его черты.
Прощенье в голосе, прощенье в каждом слове...
Но ты... Язык иной в тебе заговорит, —
И эта женщина без плоти и без крови
Тебя на битву вдохновит!
Охвачен ярости могучею волною,
Наивен, как дитя, и, как герой, велик,
В священном трепете, как лев, готовый к бою,
Издашь ты мщенья грозный клик!
То будет клик годами зревшей муки,
Отрада — жертве, ужас — палачу...
И скажешь ты, ломая гневно руки:
„О мать моя, я отомщу!"
О, где враги твои? Скорее мне, скорее
Их имена... Я их низрину в прах!
Без искры жалости, самой судьбы вернее,
Настигну всюду — в городах,
В полях, за пиршеством, во сне и за работой...
Но только клич твой бранный прозвучит,
И в глубине души навек порвется что-то, —
Враг, точно коршун, налетит!
Он налетит, как вихрь в пустыне сонной,
С богохуленьями, с угрозой на устах,

С глухими воплями... Нахлынет, непреклонный,
И уведет тебя в цепях!
Он окружит тебя холодными, как гады,
Стенами погреба, где ночи без зари,
И скажет голосом, в котором нет пощады:
— Умри!!»

5

Фея умолкла... Ребенок, дрожащий от страха,
Голову скрыл на груди ее в складках воздушного
платья.
Вдруг что-то влажное, теплое — нежно, как капля
Первого в мае дождя, — лба его тихо коснулось...
Снова, еще и еще...
«Плачешь ты, плачешь? О чем же?
Ты не сама ли учила — как сладостна жертва,
Рабство позорно, борьба за свободу прекрасна?»
— «Да, — отвечала поспешно волшебница, — знаю...
Но если б знать и тебе, что скрываю на сердце!
Сколько — ах! сколько их, пылких, отважных душою,
Я проводила в ту даль, из которой обратно
Не возвращает судьба... На кровавую сечу
Шли они все, как на радостный пир, улыбаясь!
Я же — о, что я могла? Лишь молиться украдкой,
Муку и гибель предвидеть да сетовать праздно...
Где они, дети мои?!»
И она зарыдала и страстно
Сына опять обняла...
— «Знаю, роптать бесполезно:
Слезы мои и мольбы ты сейчас же забудешь,
Вырастешь — в битву пойдешь, удержать я бессильна.
Всё, что могу я, — оружие выбрать любое
Я предоставлю тебе; но спешить ты не должен.

6

Вот грубый меч... Вот — скорбный путь борца.
Тут вечный зной, тут лишь волчец бесплодный
Да острый терн торчат на почве голой,
И что ни шаг — опасность или жертва.

С мечом в руке, со знаменем в другой,
Со взором, устремленным к светлой цели,
Ты грудь оденешь, как бронёй, бесстрастьем,
Покинешь кров родной, очаг любимый
И на алтарь свободы понесешь
И жар души, еще не утоленный,
И крепость мышц, и силу воли гордой,
И правый гнев, и правую любовь!
Но вам, борцам, скитальцам без приюта,
Не видеть нив цветущих Ханаана:
Роскошный плод работы многотрудной
Дано вкусить лишь дальнему потомку.
Без жалости и без следа поглотит
Пучина жизни ваши имена...
Но верь, мой сын: когда не призрак —
счастье,
Не сон пустой и на земле возможно,
Оно лишь *здесь* доступно человеку.

А это — лира, мирный путь певца.
Нет крови здесь, нет шума ярых браней!
Я дам тебе цветы, и перлы для венца,
И сладкий гул рукоплесканий.
В созвучья слов живых волью волшебный яд,
Гармонию небес и страсти все земные...
Они как звук трубы над миром прозвучат,
Как меч пронзят сердца людские!
Но стук меча умрет и звон трубы умрет,
Как бури краткий шум, как всплеск минутный
моря,
Твоей же лиры стон пройдет из рода в род,
Пока лишь слышны стоны горя!
Ты будешь маяком в беззвездной вышине...»

— «Так лиру ж мне! Родная, лиру мне!»
— «Постой, дитя, не всё я досказала!
Какой ценой получишь ты ее?»
— «Ценой всего! Свободы, жизни мало —
Возьми и сердце, счастье — всё!..»

7

Фея ни слова в ответ... Только бледные губы
Дрогнули тихо да сдвинулись тонкие брови...
Образ прекрасный вдруг начал тускнеть и мешаться —
И, как в вечернем тумане, всё разом исчезло.
Мальчик от сна пробудился... Как прежде, лежал он
В мягкой, душистой траве, под косматою елью,
В полдень июльский горячий, когда задыхались
Лес и поляны от ласк зажигающих солнца,
Лист не шуршал и не пели бессонные птицы.
Бойко вскочил он и начал резвиться и прыгать.
И ничего он не помнил — ни феи прекрасной,
Ни ее чудных владений, ни грозных пророчеств!

8

Прошли года, как пестрый, смутный сон,
И всё сбылось, что предсказала фея.
В погоне юности за призраками счастья
Любил он женщин; был блаженным и несчастным,
Безумцем и рабом... Но сердце в тишине
Не уставало плакать и томиться,
К чему-то рваться и чего-то ждать.
В чаду страстей и жарких наслаждений
Он позабыться жаждал хоть на миг —
И не умел; как будто вспомнить что-то
Порой хотел... Какой-то милый образ
Уже мелькал пред ним в чертах неясных —
И ускользал тотчас же, горьким стоном
В больной душе тихонько прозвучав...
Когда же кровь в нем бурная остыла
И холод мысли страсти пыл сменил, —
Тот призрак грустный, сердцу дорогой,
Стал навещать его печаль всё чаще,
Яснее всё рисуясь и яснее, —
И редкий гость стал другом неотлучным.
То образ Родины, страдалицы святой,
Его очам испуганным явился...
Он зарыдал, увидев кроткий лик,
Истерзанный нуждою и кручиной,

Увидев кровь ее глубоких ран!
Он закричал о мщении!..
И что же?
Вдруг ощутил, что мстителем суровым
Он не рожден, что для волнений битвы
Он робок и бессилен, как дитя...
Он услыхал — там, где-то в глубине
Своей души, — борьбу и тайный ропот,
Немолчный спор двух страстных голосов.
Там что-то плакать и стонать хотело,
Там что-то муками такими надрывалось,
Какие прочим смертным незнакомы...
Он слов искал, чтоб хоть поведать дружбе
Страдальческую повесть, но — увы!
Никто не мог понять загадки странной,
С ним разделить его печаль святую:
Кто звал его актером, кто — безумцем...

И жажда песен душу обняла!

9

Светлыми шли перед ним вереницами
Братья и сестры, друзья, —
С ясной улыбкой, с веселыми лицами
Шли, свои муки глубо́ко тая.
Перед толпою враждебною, дикою
Смело свой крест на Голгофу несли
В гордом сознаньи, что битву великую
Долго и честно вели...
И, как архангел отверженный,
Бледный в толпе он стоял,
Вопль, через силу удержанный,
Душу томил и терзал,
Жег, как у друга украденный
Жизни заветнейший клад;
Полз к его сердцу холодною гадиной
Самопрезрения яд!..

10

Но недолго в муках знойных
Он томился в тишине:
Горький плач напевов стройных
Пролетел по всей стране!
Звуки мести и упрека
Он в сердца, как нож, вонзал,
В тьму неправды и порока
Искры света заронял;
Часто с силой чародея
Грубой властвовал толпой,
Щеки лютого злодея
Орошал живой слезой...
Но порой смолкали звуки —
Он в пустыню убегал.
Там с отчаянием руки
Бесполезные ломал,
Рвался к жертве многотрудной
И рыдал, рыдал в тиши,
Проклиная дар свой чудный,
Мир отнявший у души!

Январь 1883

К ПОРТРЕТУ

В эти светлые дни, на заре
Нашей жизни, сулящей ненастье и вьюгу,
Свой портрет я вам шлю как сестре
И любимому другу.

Будет ночь, может быть, без зари впереди, —
И расстанемся мы, и не будет возврата...
О, тогда хоть порой, с сожаленьем в груди,
Вспоминайте далекого брата!

12 февраля 1883

* * *

Эти песни гирляндою роз
Мне чела не украсят, конечно,
Но они создавались из слез
И из крови сердечной...

Добрый друг! если хочешь, — возьми
Эту кровь, эти слезы мои!

21 марта 1883

ВОЗМУЩЕНИЕ ЛЮБВИ

Ночи снов мучительных
И бессонниц черных,
Дни безумной горести,
Взрывов непокорных!
Только, обессиленный,
Падал я, рыдая, —
Снова поднимался я,
Духом воскресая.
Только воспаленные
Закрывались вежды —
Снова тихо плакали
Песни без надежды.
То тебя на суд они
Гневно призывали,
Проклинали яростно,
То — благословляли...
Ты их кротко выслушай —
О, молю тебя!
Не осмей без жалости,
Но прости, любя!

1

Сбылись мои страшные сны!
То мертвою видел тебя я:
Ты жилы открыла, забвенья желая,
И щеки так были прозрачно-бледны.

То видел тебя я в тюрьме, за решеткой,
При слабом мерцании тусклого дня,

И голос твой слабый и кроткий
Едва долетал до меня...

Напрасно хотел уловить я хоть слово,
Напрасно и зренье свое напрягал:
Я видел тебя, но лица дорогого,
Улыбки печальной твоей не видал!

То бездна глубокая нас разделяла,
И руки к тебе простирал я, грустя;
То ввысь от меня ты, как тень, ускользала,
А я, отставая, рыдал, как дитя!

2

Эфирной толпою те светлые дни пролетали,
Волшебный окутывал их серебристый туман;
Безмолвно и робко мы сладкий питали обман,
Стыдливо прекрасную тайну скрывали.

Без слов о любви, но до поздней вечерней поры
В каморке твоей разговор мы вели бесконечный;
Как брат неизменному сердцу сестры,
Тебе открывал я весь мир мой сердечный.

Как даль нам тогда рисовалась светла, широка!
О, сколько, в сознании сил необъятных,
И подвигов светлых, и дел благодатных,
Казалось, свершила бы наша рука!

3

Страсть налетела, как бурный порыв
Неодолимого шквала,
Скалы сомнений и грозные льды —
Всё на пути разметала!

Шумно к твоим прикатилась стопам
С жаждой отзывного слова:

Ты ее бредом больным назвала́
И оттолкнула сурово...

Дико и грозно завыла она,
Жаркой заплакала кровью,
В сердце твоем отзываясь тоской
И бесконечной любовью!..

4

Долго борьба наша длилась... Вдали
Слышался рокот столичного шума
В сумраке ночи. Глубокая дума
Нас обнимала всецело... Мы шли,
Будто не чувствуя оба, как встречный
Ветер пронизывал холодом нас,
Как выступали порою из глаз
Слезы обиды и боли сердечной...

Ты говорила, надежду губя:
«Друг мой! нейти нам одними путями,
Но не хотела б твоими цепями
Я на мгновенье увидеть себя.
Долг наш — на страсть ополчиться сурово,
Время расстаться, друг друга забыть».
Долг... О, жестокое, страшное слово!
Смысла его я не мог уловить
В эту минуту безумия... Горе,
Вдруг налетев, как слепой ураган,
Душу в кровавый укутав туман,
Было безбрежно и бурно, как море.
Шел я, шатаясь как пьяный; с трудом
Сдерживал хлынуть готовые слезы...

Ты же, казалось, сердечные грозы
Раньше смирила, во мраке ночном
К жаркой подушке припав головою,
Досыта выплакав горе свое,
Муки желаний безумных, всё, всё...
И неприступной стояла скалою.
Только смертельная бледность лица,

Только звучавший рыданьями голос
Всё выдавал: ты не меньше боролась
С сердцем, просившим любви без конца!

Верить страшась и не в силах не верить,
Дико глядел на лицо я твое...
Радость, мечта моя, солнце мое,
Перед тобою ли мне лицемерить?
Я для любви огорченной забыл
Гордость мятежную, юности бога:
Голосом плачущим долго и много,
Страстно и нежно тебя я молил!
Просьбой, софизмом, угрозой безумной,
Не убеждая, я всё убеждал...
Детски наивный, он трогал, пугал,
Бред этот дикий, бессвязный и шумный! —
Душу твою он бесплодно терзал.

Так, не сдаваясь, к реке горделивой
Мы подвигались... Порыв ледяной
Ветра ночного, играя волной,
Сон прерывал ее чутко-пугливый...
Шли мы, разбитые долгой борьбой.

В горьком раздумье шаги замедляя,
Глядя волнам убегавшим вослед,
Долго молчали мы, словно ответ,
Чей-то ответ роковой поджидая...
Бледный рассвет заалел над Невой...
. . . .

5

Руки горестно сжав, с сердцем, полным тоской
И готовым от мук разорваться,
Обезумев при мысли, что час роковой
Наступил — нам навеки расстаться,
Горький-горький сорвать поцелуй я хотел
С милых уст, чтоб и трепет, и муку,
И огонь мой в тебя перелить он сумел...
И его-то прощальному звуку
Положить ты спешила предел!

6

Борьба окончена — победа за тобой!..

. . . .

Но хоть теперь, исполнив повеленье
Слепой судьбы, проклявшей на Руси
За чей-то грех всё наше поколенье, —
О, хоть теперь мой разум воскреси!
Скажи: за что, не зная сожаленья,
Убила ты все светлые мечты
И нашу молодость, скупую на цветы,
Одела облаком тоски и озлобленья?

7

От рожденья, видно, тень проклятья
Над тобой и надо мной витала!
И когда, в безумный час, в объятья
Ты ко мне с рыданьями упала,
Опьянев на краткое мгновенье, —
Ты уж знала тайну роковую:
Отравить спешила наслажденье,
Оторвать уста от поцелуя!..
Разогнав туман горячий страсти,
«Нет!» и «нет!» безжалостно твердила;
Разрывая сердце мне на части,
Ты свое без ропота разбила.
Я ж, глупец, тебя с твоей любовью,
С этим сердцем нежным и глубоким,
Дни за днями истекавшим кровью, —
Палачом я звал тебя жестоким!

8

Но... если всё это сон? Страшный кошмар, что порою
Грудь молодую гнетет непонятно?
Сон, только сон — о, конечно!
Хочется жить и любить бесконечно...

Небо так ясно... Глубокой его синевою
Тешится взор... Жизни даль необъятна! —

О, приходи же, сестра моя милая, где ты?
Наших сердец неугасшее пламя
Вместе сольем и, любовью согреты,
Гордо поднимем великое знамя!
Да, приходи — наши песни не спеты.
Если в прошедшем одни лишь безумные грезы,
Много страданий напрасных и мало добра,

Если в прошедшем не пышные розы
Головы наши венчали, сестра, —
Вспомни: едва прикоснулись мы к жизненной чаше...
Верь мне: грядущее — наше!

9

Тревогу ударило сердце больное —
Я голову поднял пылавшую.
Серебряным блеском луны залитое,
Окно озаряло каморку дремавшую,
И слышен был мухи бессонной полет.
Чу, скрипнула дверь... Не *она* ли войдет?

Как легкая тень — величавая, бледная, —
Вошла ты, прекрасна, светла...

Сестра моя, друг мой! Ты снова пришла —
Сказать, что рассеяна грозная мгла,
Что пытка любовь умертвить не могла,
И песни чтоб пел я победные?

О, ты ль это, ты ль, моя добрая, бедная?
. . . .
И тихо, и пусто... Поник головой
На ложе я жесткое, знойное,
И хлынули слезы горячей волной...
Усни ты, о сердце мое беспокойное,
Усни, если можешь!..

10

Мне снилось, что ты умерла...
Стоял я, безмолвный и бледный,
Пред пышным покровом стола
С моею голубкою бедной.

Уж тайны торжественной страх
Коснулся чела молодого;
Казалось, на бледных устах
Застыло заветное слово.

При блеске полдневных лучей
Загадочно свечи светили;
Толпы равнодушных людей
Входили и вон выходили.

Враждебно взглянув на меня,
К усопшей с лобзаньем спешили, —
Они, что́ до этого дня
И гнали тебя, и бранили!

Жалели страданья твои,
На вид мой бесстрастный дивились,
В сокровищах нашей любви
Руками нечистыми рылись;

Как судьи, шептались кругом,
Косясь, головами качали,
Меня обвиняли во всем,
Твоим палачом называли...

И с плачем проснулся я вдруг! —
Проснулся — и понял с тоскою:
Во сне этом, бедный мой друг,
Не всё было грезой ночною...

11

Я волен и горд... Свет и пламя в груди,
И жизни так много еще впереди!

Но страшное, темное чувство тревожит
Мне душу... Поникла и муза, скорбя...

Я скрыть, милый друг, не могу от тебя, —
Скажи мне: что, если, быть может,
Как вихрь, налетит прежде времени враг
И, крылья спалив, осмеяв и мечту золотую,
На силу и волю мою молодую
Наложит оковы и мрак?..
. . . .

Скажи же, родная: за душной стеной
Меня навестишь ты?.. С былою любовью,
Убитой так злобно людьми и тобой,
Истекшей живыми слезами и кровью
Под гнетом печалей великих и мук,
Забытой, как повесть терзаний и страха,
И снова, как феникс, восставшей из праха, —
Ко мне ты придешь ли, мой друг?..

12

— Так знай же: в тюрьме я!.. Светла
и просторна
Тюрьма моя; нет в ней решеток железных,
Ни шумных затворов, ни пытки позорной,
Ни стражей немых, ни цепей бесполезных.
Весь мир меня давит, как злая темница:
Мне душно и тяжко! Я — дикая, вольная птица!
Я проклял прошедшего мрак беспредельный,
Разбил, осмеял вековые святыни
И ветхому миру сказал я: отныне
Я враг твой смертельный!..
Но где ж оно, воинство правды и света?..
Где, где вы, друзья? Откликайтесь, коль живы!
На бранных полянах костьми полегли вы,
И сумраком светлая память одета.
Иных распинал по дорогам в ущельях,
На страшных крестах, победитель надменный,
Иных заточал в гробовых подземельях,
Рассеял других по вселенной!
Зловещая тьма, как во львиной пещере...
Прочны без железа тюрьмы моей двери!
Не коршуны лютые, злые тираны, —
Мне сердце грызет что-то более злое:

Окутало душу бессилье немое,
И псы говорящие лижут мне раны.
Кровавый напиток по вкусу находят...

И стоны мои до тебя не доходят?!

13

С треском свод небесный
Пополам раздался,
И над миром скорби
Красный день занялся!..

И трубил архангел
Над землей безгласной:
«Пробудитесь, дети!
Кончен мрак ненастный.

Грозные навеки
Отошли виденья, —
Всем отныне счастье
И за всё прощенье!»

Точно волны в море
Ночью непогодной,
Колыхался бурно
Океан народный;

В солнечном сияньи
Лица улыбались,
И венки пестрели,
И уста сливались...

И в толпе счастливой,
Плывшей за толпою,
Я увидел, друг мой,
Будто нас с тобою —

Юношу с подругой,
Нам во всем подобных,
Но блаженно-ясных
И душой незлобных.

Чуждые сомнений,
Бодрою стопою
Шли они, ликуя
И рука с рукою.

Между мартом и сентябрем 1883

* * *

По лазури, чуть белея,
Вьются стаи облаков;
Речка мшистая, синея,
Тонет в зелени лугов.
Незабудок мирных глазки
С берегов ее глядят,
И кругом, как в царстве сказки,
Тишина и аромат.
С умиленною душою,
С окрыленною мечтой
Я стою, открытый зною,
Над уснувшею волной.
Сильных плеч ярмо бессилья
Малодушно не гнетет;
Юность гордая, как крылья,
Смело мчит меня вперед!
В дикий сумрак лет далеких
Дерзко хочет заглянуть, —
И яснее вод широких
Перед нею жизни путь!

1883
Речка Кунья

* * *

Проснись, дитя мое, проснись
От сладких снов и грез!
Твой пир готов — тебе сплетен
Венок колючих роз.

Спеши ж в тот город роковой,
Где, как безумный бред,
Проходят дни, бегут года:
Без боли — счастья нет!

Спеши бороться, и страдать,
И пламенно любить,
И жертвой жертвы не считать,
И лишь для жертвы жить!

Но светел будет твой венец
Из перлов тайных слез...
Проснись, дитя мое, проснись
От сладких снов и грез!

Август 1883

СКАЗОЧНЫЙ ГОРОД

Ты знавал этот город туманов,
Город холода, мглы и тоски?
Сонм блестящий дворцов-великанов
Пред лицом горделивой реки,
Грозно плещущей в стену гранита,
Лабиринты гремящих сердито
Стройных улиц, громад-площадей, —
Ты знавал на заре своих дней?..

Ах! любовью болезненно-страстной
Я люблю этот город несчастный!

Бледный север, наш север родной,
С красотою его монотонной,
Тихой грусти лучом просветленной, —
Весь он тут, как в картине живой.
Без цветов и без песен весна;
В белый саван наряжены ночи,
И от страха не светит луна...
Жаждут отдыха скорбные очи,
Но сомкнуться не могут для сна,
С тайным ужасом в даль устремляясь,
Где, загадочно, странно сплетаясь,

Тени бледные движутся... стон
Чей-то чудится... Явь, или сон?
А январские долгие ночи
Над закованной в цепи Невой,
Когда яркие звездные очи
Смотрят в душу с тоскою немой,
И, облитый огнями земными,
Словно хочет соперничать с ними
Возносящийся к небу чертог,
Где пирует земной полубог.
Или — день, ослепляющий блеском,
Когда с глухо рокочущим плеском,
Пестроты и движенья полна,
Вдаль уходит людская волна?..
Даже грозно-немые твердыни,
Где во имя великой святыни
Столько мук, страшных мук без конца
Горделиво, без слез принималось,
Столько сил молодых разбивалось,
В темноте гробовой задыхалось,
Не прося и в грядущем венца, —
Даже эту глухую твердыню,
О друзья! я люблю, как святыню...
В этих каменных глыбах и он,
Лучший друг моей юности бедной,
Был свирепым врагом погребен.
Часто, слабый, беспомощный, бледный,
Он мерещился мне в тьме ночей,
Когда сон убегал от очей,
И, бессильною злобой сгорая,
В лютой горести руки ломая,
Я на битву врага вызывал,
Как о счастье, о жертве мечтал!..
Мимо ленты таинственно-красной
Этой грозной темницы не раз
Проходил я в полуночный час
С горькой думой: «Товарищ несчастный!
Отчего искупительный рок
Не меня на страданья обрек!..»

Там и ты, наш учитель-избранник,
С гордо поднятым ясным челом,

Смелым взором и речью-огнем
Ты пришел к нам как божий посланник:
К язвам совести властно приник,
Колебанья и муки постиг
И из наших сердец наболевших
Силой слов, убежденьем горевших,
Вырвал гордой решимости крик.
Будто шумный порыв огневого
Урагана на нас налетел
И на крыльях безумья святого
Унести в беспредельность хотел!
Но пророки побиты камнями:
Метеором блеснул ты над нами
В блеске сил молодых, в цвете лет,
В недрах каменных страшного гроба
Погребла тебя дикая злоба
Мертвецов, ненавидящих свет!

. . . .

Вот за что так болезненно-страстно
Я люблю этот город несчастный,
Это кладбище лучших людей,
Стольких братьев, сестер и друзей, —
Колыбель нашей русской свободы,
Где во имя ее прозвучал
Первый гром, призывая народы
На борьбу за святой идеал!
Я люблю этот омут, где дышишь
Опьяняющим запахом ран
И клокочущий грозно вулкан
Под ногами усталыми слышишь,
Где так жадно бороться спешишь,
Жить и действовать. Дерзко усилья
Напрягаешь... пьянеешь... и, крылья
За спиной ощущая, летишь
Прямо к бездне с отвагою дикой...
Как колодник оковы свои,
Я люблю этот город великий,
В неповинной омытый крови!

Часто, в вихре борьбы бесконечной
Обессилевши, с болью сердечной,
Со стыдом, без оглядки бежишь

В ту родимую ясную тишь,
Где волшебною сделаться сказкой
Могут лютые муки твои,
Где живит благодатною лаской
Мать-природа, царица любви,
Где забыть хоть на время возможно,
Как порою борьба безнадежна...
Что ж? Едва в глубине твоих ран
Стихнет боль, и горячий, кровавый
На мгновенье растает туман, —
Он уж вновь пред тобой, великан
Роковой, в красоте величавой.
Грустный, скорбный, зовет он к себе
Днем и ночью... В великой борьбе
Истекая слезами и кровью,
Жить враждою зовет и любовью!
В этом зове — моленье и власть,
И угроза и ласка участья,
Обещание муки и счастья...
Он зовет — победить, или пасть!

Август 1883

* * *

Я так люблю тебя, что если солнца луч
С горячей ласкою твой милый лик осветит,
Когда, бродя по гребням сизых туч,
Волшебный свет очей твоих заметит, —
Твою любовь, заветный сердца клад,
Я даже с солнцем разделить не рад!

Когда ж порой касается небрежно
Любимых рук нечистая рука,
А ты глядишь доверчиво и нежно,
Ко всем добра и всякому близка, —
О, если б знала ты, какое в то мгновенье
Кипит в душе моей безумье и смятенье!

Друг милый мой! Не золотой чертог
Построю я тебе, моей царице-фее:

Я с музою моей сплету тебе венок,
Цветов нарядней и свежее, —
И в том венке, рука с моей рукой,
Иди со мной, умри со мной!..

22 октября 1883

* * *

С тоскующей улыбкой, долгим взором
Ты на меня смотрела, и в ответ
На речь любви мне прозвучал укором
Вопрос твой ласковый: «А если это... бред?
Бред увлеченья, сердца молодого
Недолгий жар, мечта, волшебный сон?
Мираж рассеялся — и путник видит снова
Песок степей да знойный небосклон.
Что, если так? ..»
В чаду любви безумной
Протестовал я страстно! Голос мой
Звучал уверенно...
Походкою бесшумной
Ты шла вперед, рука с моей рукой.
В ночной тиши, мерцаньем звезд далеких,
Мерцаньем трепетным едва озарена,
Отдавшись вся теченью дум глубоких,
Ты шла вперед, печальна и бледна.

И разрывалась грудь моя на части,
И душу жег стыда и гнева крик,
Что в грозный час борьбы за жизнь и счастье
Так жалок он, любви моей язык!
Что он не мог печальное сомненье
Твоей души в зародыше убить
И тусклых дней моих бесцельное томленье,
Как солнцем, жизнью озарить!

26 февраля 1883

* * *

Друзья! В тяжелый миг сомненья
Взгляните пристальней назад:
Какие скорбные виденья
Оттуда с ужасом глядят!
И молят, и как будто плачут,
Грозят кистями рук худых...
Что́ их мольбы немые значат?
Кому, за что упреки их?

То — наши братья... Жизнь, свободу,
Все блага лучшие земли
Они родимому народу
С любовью в жертву принесли.
Они погибли, веря страстно,
Что мы пойдем по их стопам
И не дадим пропасть напрасно
Их жертвам, ранам и скорбям!

Когда в постыдный час забвенья
Страдальца-брата тень мелькнет, —
Какая буря возмущенья
Внезапно сердце потрясет!
Святые слезы покаянья
Подступят к горлу... И опять
Кипит душа огнем желанья —
Идти на крестные страданья,
Всю душу Родине отдать!

1883

ФАНТАЗИЯ

1

Не морская ли краса-царевна
Вышла в полночь из глубин лазурных
Любоваться зыбью моря гневной,
Тешить взор блистаньем молний бурных?
В белом вся... Ей будто незнакомо

Чувство страха — на устах улыбка.
В грозный час она средь волн как дома.
Как тростник, то вся пригнется гибко,
Покорится робко урагану,
То воспрянет, взорами блистая, —
Простирает руки к океану,
К новым битвам волны призывая!
Шепчут губы страстные моленья,
Малодушных укоряют властно,
Честно павшим шлют благословенья,
Час победы призывают страстно!
Разметались, точно крылья ночи,
Косы-змеи, наземь ниспадают,
И, как звезды, огневые очи
То блестят, то тихо угасают...
Всё следят с мольбой и ободреньем,
Как волна вслед за волною мчится
С бурным плеском, с пламенным решеньем —
Победить или самой разбиться!
Вот одна ударилась — разбилась,
Разлетелась в брызги огневые...
Тихим стоном море огласилось:
«Я разбилась, сестры дорогие!»
Но выходит следом рать за ратью,
Пламенея новой жаждой мщенья:
Клич призывный... стон глухой...
проклятье...
Снова смерть — и снова гул сраженья!

В тьму времен идут за годом годы,
В тьму времен за веком век идет.
За мечту простора и свободы
Длится бой, вражда не устает.
Не дрожит утеса грудь немая!
Тверд и прям, властительно-суров,
Он стоит, угрозам не внимая,
Всё стоит в зеленой шапке мхов.
Но не спит... В груди за раной рана
Тайно зреет... Грозный час пробьет:
Рухнет он в пучину океана,
Рухнет с треском, воздух потрясет!
И тогда из душных стен неволи,

С гордым плеском, бешеной толпой
Хлынут волны, — хлынут, гимном воли
Оглашая славный подвиг свой!

2

Но поодаль что за тень другая?
Кто он, бледный юноша? Лежит
Он у ног красавицы, роняя
Жемчуг слез на сумрачный гранит.
Он излил пред ней всю бурю страсти,
Весь огонь тоскующей души,
Заклинал ее мечтой о счастье,
Светлом счастье в мире и в тиши;
Звал ее бежать от урагана,
Гнева молний, шума ярых волн
В царство грез и сладкого обмана,
В царство снов направить легкий челн!
День придет — гигант-утес повален,
Тяжкий стон раздастся в сердце гор...
О, слепцы! За грудами развалин
Новых скал вершины встретит взор!
Вопль тоски, проклятий возглас дикий
Облетит безбрежный океан:
Это всё?.. Века борьбы великой,
Тяжких жертв — всё было ложь, обман?
Это всё?..
И, в муках исступленья,
Истощив огонь молитв и слез,
Он лежал без признаков движенья,
Пав лицом горячим на утес.

3

Но не ей, рожденной с духом смелым,
Знать борьбу и яд сомнений злых:
Всё стоит, плащом закрывшись белым,
Взор склонив к пучине вод седых.
Словно вождь, отважно кличет к бою
За волной волну, за ратью рать,

Словно вождь, дает им знак рукою,
Страшный знак — идти и умирать!
Не глядит на спутника — тревожит
Мир его улыбкой без речей
И понять, строптивая, не может
Мук его и слез его об ней!

10—14 января 1884

* * *

Сколько раз надо мной пролетал
Ураган, беспощадно суров,
Сколько раз покрывался мой сад
Лепестками погибших цветов, —
И всегда возвращался назад
Май в венке распустившихся роз,
С безмятежной лазурью небес
И доверчивым лепетом грез!
Не дивись же, мой любящий друг,
Что живу я как будто шутя,
Что во мраке нависшей грозы
Я тебе улыбаюсь, дитя:
Если много в душе твоей сил,
Молодых, непокорных судьбе,
Если кровь беспокойным ключом
И кипит, и клокочет в тебе;
Если вихрем не всё сметено,
Если жизни хоть искра цела, —
Верь: опять возвратится весна,
И тепла, и красна, и светла!..

Март 1884

* * *

Не плачь, о мать моя, и сына не кори!
Не горе дом твой посетило.
С тоской и горечью врагам не говори,
Что сына ты похоронила.

Но ты скажи, что духом он восстал
Из ненавистной ночи гроба,
Когда уверовал и истину познал,
И что ему смешна их злоба!
Что много нас; что с бою счастье взять
Идем мы, не страшась гоненья,
И что, любя, за братьев погибать —
Нет в мире выше наслажденья!..
Родимая!.. ты можешь ли понять
Слова мои? Одна моя кручина,
Что, умирая, можешь ты сказать:
«Я раньше схоронила сына...»

1884

* * *

Я пою для тех, чьи души юны,
Кто болел, как за себя, за брата.[1]
Музой был мне сумрак каземата,
Цепь с веревкой — лиры были струны.
Вам заботы об искусстве строгом,
Вам, певцы любви и ликованья!
Я пою великие страданья
Поколенья, прóклятого богом.

Июль 1884

ВЫБОР

(Посвящается Н. М. Флёрову)

Мы собрались. Не много нас было,
И никто поразить бы не мог
Ни осанкой, ни взглядом, ни силой...
В эти дни бесконечных тревог
Мы усталых очей не смыкали,

[1] Первоначальное чтение:
«Думой скорбной чье чело объято».

И кровавый стоял в них туман...
Мы от гнева и страсти дрожали,
Мы решили: «Да сгибнет тиран!»

Он, упитанный кровью святою
Наших братьев, сестер и друзей,
Он, давивший бездушной пятою
Каждый всход благородных идей,
Каждый звук неподкупного слова,
Как палач, заглушавший сурово
Криком мести и свистом бича,
Да исчезнет из мира живого!
Меч поднявший — пади от меча!

Говорили мы страстно и много,
Загораясь зловещим огнем.
В нашем круге, объятом тревогой,
Лишь один был с поникшим челом,
Молчаливый и бледный, казалось,
В нем глухая борьба совершалась...
И лишь спора нестройного нить
Оборвалась, он молвил спокойный:
«Это дело святое свершить
Может только бессмертья достойный!
Есть один... Он как бог
Немезидой народной воспрянет.
Лишь вступив через смертный порог,
Он грозой быть врагу перестанет.
Поручайте ему этот бой —
Он гордиться доверием станет.
Но, друзья! Он — рабочий простой...»
И тотчас же сказали мы дружно:
«С ним другому отправиться нужно.
С другом гибель и пытка легка,
Для бойца нужен взор одобренья;
Задрожать не должна их рука,
И лицо пусть не выдаст волненья!»
И ответил товарищ: «Двоих
Предложу вам на выбор еще я...
И один — в блеске сил молодых,
Лишь расцветших, но жаждущих боя.
Но, товарищи! Жалко его,

Хоть не скажет он сам ничего —
Только взглянет с усмешкой героя».

Он сказал — и поник головой.
И вскричали мы разом: «Дру-гой!!»
Но, как будто не слышав, ответа
Не спешил дать товарищ... На миг,
Будто прячась от яркого света,
Головою в смущеньи поник.
«Непременно ли? Двое ли нужно?» —
Прошептал он чуть слышно в ответ.
И опять мы ответили дружно:
«Да, товарищ, сомнения нет!»
«Тот, другой, — вдруг прервал он молчанье,
Как-то весело глянув кругом: —
Не боец, не герой по призванью
И не жаждет сразиться с врагом!
Он из тех искалеченных, хилых,
У кого без причины порой
Кровь так глупо волнуется в жилах,
Сердце сжато безумной тоской...
Да. Но если сознание долга
И его, о друзья, позовет,
Он воспрянет, не думая долго,
И без лишнего слова умрет!»

Все мы смолкли... Как будто над нами
Ангел смерти повеял крылами.
Мысль ударила в сердце, как вихрь понесла,
Смертным холодом грудь обдала
И во мраке чудовищной ночи,
Обезумевших, кинула нас!..

Друг на друга мы подняли враз
Воспаленные, дикие очи.
А товарищ, тихонько смеясь,
Молвил тоном, исполненным ласки:
«Я сгустил, видно, мрачные краски?
Если нужно, пойду не страшась!»

Июль 1884

БУРЯ

Примчалась буря с шумом, с блеском!
Взбирались волны с гневным плеском
На берег, чтоб меня увлечь;
Грозились молнии седые
Остановить меня и сжечь;
Струились реки дождевые;
Не умолкая, божий гром
Гремел, мне чудилось, кругом...

И не нашел нигде я крова!
Где ложь бездушная жила,
Там дверь захлопнулась сурово...
Друзья? — их буря унесла.
Враги? — мольбы не вышло слово
Из уст моих... И кровь текла
Из ран горячею струею,
И ум был удручен тоскою...

Тогда к тебе, к тебе одной,
Мой друг, мой ангел-утешитель,
В твою лишь постучать обитель
Дерзнул я робкою рукой.
Не пищи я искал, не крова:
Мне нужен был любви привет,
Одно твое, одно лишь слово,
Твоих очей волшебный свет.
Но тщетно сердце разрывалось
От скорби — мрак стоял кругом...
Я звал — мне буря откликалась,
Молил — ты спала сладким сном!

Сентябрь 1884

* * *

Не счастье я тебе принес —
О нет! я это знаю, знаю:
Я каждый день твой отравляю
Отравою незримых слез...

Ты плакать, гордая, не стала б,
Хотя б на казнь, на пытку шла;
Никто твоих не слышал жалоб,
Не видел хмурого чела!
Цепями нас судьба сковала:
Ни вдаль меня умчавший вал,
Освирепев, их не порвал,
Ни ты сама их не порвала!
Не раз, любовь мою прокляв,
Рвалась на волю ты со злобой —
И вновь, к груди моей припав,
Клялась любить меня до гроба!

22 октября 1884

* * *

В минуты радости и горя
К тебе, мой друг, к тебе одной
Иду я, с гордостью не споря:
Ты вдохновитель-ангел мой!
Иду с душой всегда открытой,
То вновь воскресшей, то убитой...
Как брат, припав к твоей груди,
И плачу, и смеюсь порою, —
И мне прощенье впереди
За всякий грех перед тобою!
В словах ли душу изолью,
Меня ты слушать не устанешь
И жизнь мятежную мою
С толпой осмеивать не станешь.
Как в книге, ты читаешь в ней
Без колебанья, без сомненья;
А для меня в душе твоей
Всё, всё — загадка без решенья...

Порой, лишь эта мысль блеснет,
Иль, в муках ревности тоскуя,
Молю я тщетно поцелуя
И вижу — вся ты мрак и лед, —

О, как томлюсь я, негодуя!
Мне страсть волнует бурно кровь,
А ты даришь не страсть больную,
Но ласки полную, святую,
Лишь материнскую любовь.
В твоей улыбке горькой вижу
Я злой иронии печать...
И так тебя я ненавижу,
Так начинаю проклинать!

Но вот минул порыв мятежный,
И вижу я в твоих очах
Опять прощенья отблеск нежный,
И муки след, и тайный страх,
И вижу — как, ломая руки,
Винить готова ты себя
За неспособность жить, любя,
За неуменье жить без муки...
О друг мой! Вновь к твоей груди
Я припадаю головою...
И новый грех перед тобою
Ты мне, любимая, прости!

22 октября 1884

ПИСЬМО

Оно дрожит в руках моих,
Письмо любви, столь дорогое,
Где каждый знак и каждый штрих,
Всё говорит мне про былое, —
Про дни, когда жилось теплей,
Светлей в грядущее гляделось,
Любилось искренней, полней
И жить так пламенно хотелось!
Без слез глядеть я не могу
На этот почерк торопливый...
И это всё теперь я жгу,
Сейчас сожгу рукой пугливой?

Нет, нет! ведь легче было б мне
Сжечь руку в этом же огне!

Но... если чей неблагородный
Взор осквернит мой уголок,
Рукой бесстыдной и холодной
Коснется кто заветных строк?
Заветных сердца струн коснется,
Над всем нахально насмеется,
Растопчет каждый нежный цвет
Ногою грубою... О нет,
Гори скорей, гори бесследно,
Свидетель чистых юных дней!
В гробнице памяти моей
Усни навек, о призрак бедный,
Гори скорей, гори скорей!

Октябрь 1884

СМЕРТЬ ОРЛА

В клетке железной, в неволе глухой,
Годы томился орел молодой;
Пищу убогую тихо клевал,
Тихо и гордо в плену угасал.
Резвые дети толпились кругом,
Шумно глумились над бедным рабом,
Но отвечал он презреньем одним
Грубым нападкам, обидам слепым.
Вот растворилась однажды тюрьма —
С глаз будто спала гнетущая тьма...
Дико он крикнул, крылами взмахнул, —
В вольной лазури тотчас потонул!
Грудь молодая вздымалась легко,
Взор проникал далеко-далеко...

Там, где в тумане кончалась земля,
Вдруг золотая метнулась змея;
Следом далекий таинственный гул
Волны эфира слегка всколыхнул...
Дивное что-то свершилось в орле —

Гордая мощь пробудилась в крыле!
Прямо и смело он к туче летел —
Встретиться с нею, могучей, хотел!
Тише, о тише, безумный!..

Вперед,
Выше, всё выше надменный полет!
Выше, всё выше, — и в сонмище туч
Врезался он, будто солнечный луч...
Гром оглушительный встретил его —
Он опьянел, не слыхал ничего.
Грозною тучи сомкнулись толпой —
Пуще взыграл он мятежной душой!
Ближе, всё ближе... Вдруг — божья стрела
Гневно ударила в сердце орла!
Возглас отваги застыл на устах —
Камнем он с неба низринулся в прах...

Около клетки своей он упал,
Там, где томился и гордо страдал.
Дети толпою бежали к нему —
Бросить его поскорее в тюрьму:
Поздно!.. Взмахнувши еще раз крылом,
Он успокоился вечности сном.
И о раскаяньи очи его
Не говорили в тот миг ничего.

Октябрь 1884

II. В КРЕПОСТИ
(1884—1886)

* * *

Не за каждым всплеском моря
Кормчий с трепетом следит:
Всё решит последний, грозный,
Всё девятый вал решит!

Но чтоб вал пришел девятый,
Вал последний, роковой, —
Нужны первые усилья,
Нужен первый вал... второй...

Пусть они едва заметны,
Пусть они отражены:
Ждите, братья, ждите с верой
Побеждающей волны!

27 ноября 1884

* * *

Обряд окончился позорный...
Вот глухо загремела дверь —
И проглотила пастью черной...
И я один, один теперь!
И дни пройдут, быть может, годы...

— О, здравствуй, гроб и вместе храм
И колыбель родной свободы,
Живой укор ее врагам!

Молчанье тайны, тишь могилы...
С тройной решеткою окно
Кидает полусвет унылый...
Но нет! не всё погребено!
О, скольких бледных, скорбных теней
Я тихий шелест узнаю, —
Борцов минувших поколений,
Здесь чашу выпивших свою!
Чу! словно стон иль крик угрозы
Еще не смолк и посейчас...
Сырые стены будто слезы
Роняют из закрытых глаз.

1885

* * *

Ночь. Тихо... Ни стонов, ни слез
От муки безбрежной и боли...
В темницу я тело принес,
Но душу оставил на воле.

Опять над несчастной страной
Сгущается сумрак насилья;
Опять у свободы святой
Оборваны светлые крылья.

Вот вижу я: бродят они,
Отряды бойцов неумелых,
Лишенных в ненастные дни
Вождей закаленных и смелых.

Врагу ли удар нанести
Минута велит роковая, —
Колеблясь стоят на пути,
В раздорах отвагу теряя.

Примчится ль стремительный шквал, —
Рассеются, робки и слабы...
И воет злорадно шакал,
И квакают гнусные жабы!

Ночь. Тихо... Ни стонов, ни слез
От муки безбрежной и боли...
В темницу я тело принес,
Но душу оставил на воле!

1885

* * *

Товарищи, братья, друзья!
Не падайте гордой душою,
Ходите, веселость храня
И с поднятой вверх головою.

Не раз налетит ураган,
Ваш камень с горы низвергая,
Но вы, как могучий титан,
Работайте, рук не слагая!

Услышат пророков иных
В годину тоски и сомнений,
Но вы не покиньте для них
Святого труда поколений!

Знамена свободы прямей
В руках неподкупных держите
И их чистотою сильней
Свободы своей дорожите!

Поставьте их выше всего,
Что знаете в мире святого, —
И блага отца своего,
И сердца горячего зова!..

1885

ТАЙНЫ ПОЭТА

Ты дивилась, я помню, мой друг,
Звучных метров волшебному строю:
Вот зачем, в шаловливый досуг,
Все их тайны тебе я открою.

Ямб... Сверкая, как острый булат,
Он змеей изворотливой вьется!
С каждым чувством и друг он, и брат,
Легче всех он поэту дается.

Дактиль... С плавностью мощной реки
Он течет в тесноте и просторе,
Знает сердца он все тайники,
Веет миром на самое горе.

А хорей говорлив, как весной
Ручеек серебристый и зыбкий:
Как дитя, омрачится тоской
И опять озарится улыбкой...

Амфибрахий... Наряда нежней
Нет для мук затаенно-мятежных...
Но, мой друг! что тех жалоб больней,
Что срываются с уст твоих нежных?

Анапе́ст же... Он в души бойцов
Западет глубоко и надолго.
В самой нежности властно-суров,
Весь он дышит сознанием долга.

1885

ПОЭТ

Звонко ль хохочет дитя,
    В колыбели играя,
Дед ли вздыхает, грустя,
    О былом вспоминая;

Кроткая ль светит слеза
    В час вечерней молитвы,
В сердце ль бушует гроза
    С жаждой мести и битвы, —

Всё он умеет постичь!
Передаст его лира
Лепет, и думу, и клич...
Повелитель он мира!

1885

К СЕСТРЕ

(Шуточное послание из Петропавловской крепости)

Ликуйте, ямбы и хореи
И анапе́ст, любимец мой!
Лети, лети ко мне скорее,
Стихов и рифм послушный рой!
Проснись, о дактиль, вялый, длинный,
И амфибрахий, нежный франт!
Играть тихонечко и чинно
Вам разрешил сам комендант.
Конечно, вас, бедняжки, может
За то ведь прокурор пугнуть,
Но он не столь меня тревожит —
С ним мы поладим как-нибудь.
Должна ты знать преданье это:
В седые мифов времена
Под арфу чудную поэта
Смягчались камни, и стена
Сама вкруг города слагалась,
Росла, росла и укреплялась, —
Так песнь его была звучна.
Да, песнь его была — сам пламень,
Уже чужой для наших дней...
И знаю я: я — не Орфей,
Но прокурор-то разве камень?!
И вот уж крыл незримых плеском,
Я слышу, полон мой приют,
И вижу — озарился блеском...
Они летят, они плывут,
Питомцы воли, цепью дивной
На клич хозяина призывный.

. . . .
. . . . .Подобно птице,
Письмо за № седьмым
(Какая быстрота в столице!)
В пять дней пришло путем своим.
И я скажу моей сестрице:
Твоя тоска, твоя печаль
Всего сильней меня пугает,
И не поверишь, как мне жаль,
Что мой язык про всё болтает!
Но это — счастья верный знак;
Поверь мне: тот, кто сердцем болен,
Всем на словах всегда доволен
И всяких жалоб первый враг.
Он молчалив; а я... мой боже!
Нет, нет! И если я плясать
Еще не вздумал здесь, так что же?
Мой друг, не помышляю тоже
И нос на квинту опускать.
«Не вдруг увянет наша младость,
Не вдруг восторги кинут нас,
И неожиданную радость
Еще узнаем мы не раз!»
Гляжу вперед — и там читаю;
Не всё лишь проклинаю тьму,
Но часто — верь! — благословляю
Мою судьбу, мою тюрьму...

Однако в облаках Парнаса
Я задохнуться не хочу.
Итак, крылатого Пегаса
Пониже чуточку спущу.

Ходить наскучивши по струнке
И отощавши от постов,
Уже давно глотала слюнки
Русь в ожидании блинов.
И вот уж тройки тучи снега
Как вихрь вздымают в небеса...
Эх, пропадай, моя телега,
Хоть все четыре колеса!
И вот уж дым столбами вьется

Из жарко раскаленных печ;
Как будто в пропасть, тесто льется,
Невмоготу стряпухам печь.
Все в масле плавают и тонут,
Забыли гости стыд и честь:
Блинами давятся, и стонут,
И продолжают есть и есть.
Их ест и сошка полевая,
И — кат могучий всяких ков —
Их ест, сметаной поливая,
Михал Никифорыч Катков.
Но обо мне что слезы льете?
В своем укромном уголку
Вы там блины свои печете,
Я здесь — стихи свои пеку.
Да с тайным сердца замираньем
Жду ваших писем день со дня:
Вот-вот — венец моим желаньям,
Вот светом брызнет на меня!
Все ваши близки мне волненья,
Тревоги ваши, ваша грусть,
И строки, чуждые значенья,
Твержу с отрадой наизусть!
Ищу проворными глазами:
Кто где стоял, кто как сидел?
Кто хлопал в опере ушами
И кто блины с охотой ел?
. . . .

P. S.
Благословенна власть господня:
И мы блины едим сегодня.

31 января 1885

ГОЛУБИ

Тюрьма, как некий храм, я помню, в детства годы
Пленяла юный ум суровой красотой. . .
Увы! не царь-орел, не ворон, сын свободы,
К окошку моему теперь летят порой,

Но стая голубей, смиренников голодных,
Воркуя жалобно, своей подачки ждет, —
Народ, не знающий преданий благородных,
В позорном нищенстве погрязнувший народ!
Эмблема кротости, любимый житель неба,
О голубь, бедный раб, тебя ль не презирать?
Для тощего зерна, для жалкой крошки хлеба
Ты не колеблешься свободой рисковать.
Нет! в душу узника ты лишь подбавишь мрака,
Проклятье лишнее в ней шевельнешь на дне...
Воришка, трус и жадный забияка,
Как ты смешон и как ты жалок мне!

1885

НА СМЕРТЬ ЛЮБИМОГО ГОЛУБЯ

(Шутка)

Плачьте, ямбы и хореи:
Умер бедный мой Орест!
Плачь, печальный амфибрахий,
Величавый анапест!
Как Пилад осиротелый,
Аппетит я потерял:
Мой любимец, мой красавец
Ни за что про что пропал...
Не увенчанного славой
Осенила смерти ночь,
Не на подвиге великом
Изменила сила-мочь;
Не в бою с врагом кичливым
Буйну голову сложил:
Дрянь какую-нибудь, видно,
В час недобрый проглотил...

Долго, грустный и туманный,
Он являлся на окне,
Безучастный к битвам жарким
И к добыче, — как во сне.
От простых молокососов,
Двухнедельных пискунов, —

О позор! — сносить покорно
Оскорбленья был готов.
И потом... ушел навеки
«От печальных здешних мест»!
Плачьте, ямбы и хореи,
Плачь, суровый анапест!
В час мучительной кончины
Очи кто ему закрыл?
Где, в какой помойной яме
Благородный прах почил?
Не пески его сокроют,
А ворона, кошка съест...
Плачьте, дактиль, амфибрахий,
Ямб, хорей и анапест!

Но она, его подруга?
Что ж она? Не ест, не пьет?
Лишь о гибели супруга
Токи слез горючих льет?
От данаянки Елены
Вплоть до наших скорбных дней —
О, позорный вид измены
Слабых Зевса дочерей!
Позабыт Аидом взятый
И осмеян славный прах:
У изменницы пернатой
Ни слезинки на глазах.
За интрижкою амурной
Аппетитно пьет и ест...
Негодуй же, ямб мой бурный,
Плачь от злости, анапест!

1885

В ПОЧЕТЕ

(Шутка)

За мое к свободе рвенье
Дал мне царь на много лет
Даровое помещенье,
И прислугу, и обед.

Май уж весть несет о лете,
Мне же почесть велика:
Разъезжаю я в карете,
И при мне два гайдука.
Двое рослых и здоровых,
Исполнительных ребят,
На лету поймать готовых
Слово каждое и взгляд.
Я взгляну в окно — и оба
Не преминут заглянуть:
Не могла б моя особа
Взволноваться чем-нибудь...
Как ни душно, укрывают
Все-то щелочки от глаз
(Очень строгий выполняют,
Видно, доктора приказ!);
Чуть задержка небольшая —
Беспокойно бродит взгляд...
И на кучера-лентяя
Грозным голосом кричат!

Всё так искренно, без лести,
Больше ждать — судьбу гневить...
И от столь великой чести
Может временем стошнить!

1885

СНЫ УЗНИКА

1

Всё золотые сны о воле...
Но сколько муки, сколько боли
В тех сновиденьях золотых!

Вот шорох дальнего движенья:
Не с неба ль ангел утешенья?
Не друг ли, вестник избавленья?

Увы! то смена часовых.
И, как в гробу, всё тихо снова...

Но, чу! шаги... звучней, звучней...
Запоры прочные дверей
Гремят... И выразит ли слово
Неудержимый сердца крик?
— О, радость! О, блаженства миг! —
Она... Как мученика слава,
Вошла — прекрасна, величава...

Но что с тобою? Ты бледна,
Ты молчалива, ты грустна?
С какой бесстрастностью немою
Твоя рука лежит в моей,
Как странен блеск твоих очей...
О друг мой, друг мой, что с тобою?
. . . .

2

Мне снилось — ты навек уснула,
Но друга не забыла ты
И в час ночной к нему впорхнула,
Бесшумней тени иль мечты.
Не загремел затвор тяжелый,
Не распахнулась дверь тюрьмы,
Но, как в былые дни, веселый
Мне голос прозвучал из тьмы:
«Я порвала земные цепи!
Передо мной весь божий мир —
Небес лазоревые степи,
Свобода вечная и мир.
Иди за мной!..»

1886

ПЕСНЯ

Не уснуть!..
Пышет грудь,
Словно пламенная,

И растут
И гнетут
Стены каменные.

Вот, волной
Грозовой
Подступающая,
Рвется вон,
Будто стон,
Песнь рыдающая!

О, зачем?
Гроб твой нем.
Песнь отравленную
Схорони, —
Не кляни
Жизнь раздавленную!

Ни за что,
Ни про что
Жизнь загубленную:
Не за кровь —
За любовь
Не подкупленную!

Нет! не спит,
Всё болит
Грудь пылающая;
И поет,
И растет
Песнь рыдающая...

1885

* * *

Такой есть мир, где нет зари рассвета,
Юдоль тоски, где без цветов весна.
Разбита жизнь — и стоны без ответа,
Мелодий нет у вещих струн поэта,
Алтарь погас, и в храме тишина...

1885

* * *

(Г. А. Лопатину)

В цвете лет и сил кипучих,
В трудной жизненной борьбе
Ты венца из терний жгучих
Жаждешь, юноша, себе.
Ты смеешься свежим ранам,
Быль не хочешь поминать:
Юный дуб под ураганом
Любит крепнуть и мужать!

Но тому, кто с думой гневной
Век бродил в краю чужом
За красой своей — царевной,
Унесенной колдуном;
Кто в тревогах жизни бранной
Волос свой посеребрил,
В вихре бурь, в ночи туманной
Силы юные сгубил;
И, казалось, рок враждебный
Умолил на склоне дней —
Отыскал дворец волшебный
С ненаглядною своей;
И уж к ней, как окрыленный,
Руки жадно простирал,
Но... лишь воздух обнял сонный,
Призрак мертвый и — упал, —
Ах! ему душой строптивой
Уж не рваться снова вдаль,
Под улыбкой горделивой
Затаив свою печаль!..

1885

* * *

За всё, за всё — за гордый пыл,
За свет и ласку ободренья
Во дни унынья и смущенья,
Когда над бездной я скользил,
За всё, чем я так счастлив был; —

Сам точно проклятый судьбою, —
Я жизнь твою перед зарею
И тьмой, и ужасом облил!..

Когда из уст жестоких света
Насмешек ринется поток
И из терновых игл венок
Наденут на чело поэта,
Я, презирая все хулы,
Спрошу лишь с болью и тоскою:
О, нет ли в том венке иглы,
Вплетенной милою рукою?

1885

ПРОВОДЫ

В этом городе страшном, в краю роковом,
Лишь отдавшийся тине житейской во власть
Может вольно дышать торжествующим злом
И судьбы не проклясть!

Из терновника вьет здесь и слава венок —
Не из ландышей рощ и фиалок полей...
Ты, голубка моя, ты, мой нежный цветок,
Дальше, дальше скорей!

Будут страшные дни: душу всю истомишь,
Слезы выплачешь все в одиночестве, — верь!
О, уйди же скорей в ту безбурную тишь —
Отдохнуть от потерь.

Хоть на миг, хоть назло беспощадной судьбе,
Обмани свое сердце больное мечтой,
Что страдал здесь другой, кто-то чуждый тебе,
Сильный, смелый душой;

Что заря уж близка — и увидим мы въявь
Наши светлые сны... Там, в родимом краю,
Отдохни, милый друг мой! Меня же оставь
Выпить чашу мою!

19 апреля 1885

* * *

В дни радости светлой, как ландыш стыдливый,
От взоров людских, и согретых участьем,
Любви твоей солнце таилось пугливо
И мне лишь светило приветом и счастьем;
Но, друг мой! в те чудные, ясные дни
Тебя истерзали сомненья мои...

Теперь же, когда в безотрадной разлуке
Так мало от жизни мечты мои просят
И только чужие холодные руки
Твою мне далекую ласку приносят;
Теперь, когда нашей заветной святыни
С глумленьем коснулась и самая злоба,
И гнев наш бессилен, и в сумрак пустыни
Из светлого рая мы изгнаны оба, —
Ах, если б ты знала, как ночью и днем
Грущу я и плачу о счастье былом!

1885

ОРЛИЦА

Орлица детище свое
В расселине скалы укрыла.
Окреп птенец — и, быстрокрылый,
Умчался, позабыв ее.
В восторгах вольного паренья,
Средь браней шумных и удач,
Ему ль доступно сожаленье?

— Не плачь, о мать моя! Не плачь!
Настанут дни: худой и бледный,
Повержен будет в прах боец,
И с головы его победной
Спадет торжественный венец.
Тогда-то, в дни ночей темнее,
Забыт, осмеян, заклеймен,
Средь милых теней и имен
Всего теплей, всего нежнее
Тогда тебя я вспомяну,

Тебя, кто душу дал мне в муках, —
И в лебединых струнных звуках
Свою беспечность прокляну! ..

1885

В ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

В день черный юности кичливой
Мне детства дней лазурных жаль!

Не голос матери пугливой
Мою баюкает печаль.
Она растет, темна, как море
Под налетевшею грозой,
И часто в непосильном споре
Я никну буйной головой.
Лежу как труп — немой, бессильный...
И сон очей не освежит —
Какой-то демон замогильный
Меня, убитого, казнит:
Глазам закрытым раскрывает
Страницы, полные стыда,
С усмешкой злобной обнажает
За годом годы без следа.
Я — как преступник безответный,
Он — как бичующий пророк...
Но есть один в душе заветный,
Святой и чистый уголок!
И часто в миг, когда, облитый
Нездешним холодом и тьмой,
С душой приниженной, убитой,
Стою над бездной роковой,
И нет о жизни сожаленья,
И слез в очах недостает, —
Вдруг благодатный луч спасенья
Из мрака дальних лет блеснет...
И снова я — дитя! .. Безбрежна
Кругом полей родимых даль,
И голос матери так нежно
Мою баюкает печаль.

1885

ГОЛОС

В те дни восторженности юной,
Когда, бывало, озарен
Сияньем кротким ночи лунной,
От глаз усталых гонишь сон
И шепчешь пламенные клятвы,
В слезах глотая звуки слов:
«Во все часы великой жатвы
Стоять в рядах ее жнецов!» —
Тогда один ужасный голос
Меня, я помню, волновал.
На голове вздымая волос,
Он холод в душу проливал;
Он смехом горьким, против воли,
Не раз живые стоны боли
Срывал с моих сердечных струн.

Он говорил: «Дружок, ты юн!
Когда б тебе я, пыл твой меря,
Тебя ж в грядущем показал,
Ты горько б, горько зарыдал
Иль отвернулся, мне не веря.
Но верь: как в угол бросил ты
Когда-то детскую лошадку,
Так кинешь и свои мечты!
И, жизни разгадав загадку,
Протянешь руку тем врагам,
Которых звал на бой жестокий,
И свет увидишь даже там,
Где видел мрак один глубокий...»

— Ты лгал мне, голос злой, ты лгал!
. . . .

15 июля 1881, 1885

ЧТО Я СКАЖУ?..

(Памяти Н. А. Карауловой)

Всё вижу труп безжизненный,
Застывший в муке взгляд,
Глубокий, укоризненный...

Они уже молчат,
Уста оледенелые,
Что́ расцвели в глуши
И, молодые, смелые,
Смеялись от души!
Былое вновь не сбудется...
Но в тихий час ночной
Всё кто-то плачет, чудится,
И шепчет надо мной:

«Не ты ль мне кистью пламенной
Даль жизни рисовал
И в город душный, каменный
От нив родимых звал?
Чудовище — он голодом
Приветствовал меня,
Туманами и холодом,
А не сияньем дня...
Уснули грезы чудные!
В могиле я лежу,
Немая, непробудная...»

— А я... что я скажу?

1885

ЗАБЫТЫЙ ДРУГ

Когда, ледяное молчанье храня,
Угрюмые стены меня обступили,
От жизни, и счастья, и светлого дня,
    Как труп, навсегда отделили;

И трупом лежал я, и твердой руки
Подать не пришел сострадательный гений,
И ум был исполнен безумной тоски,
    Холодных и горьких сомнений, —

Однажды, я помню, в полуночный час
Услышал я голос желанный: «Воскресни!

Не всё еще взято судьбою у нас,
Не все еще спели мы песни».

И поднял усталую голову я
На зов благодатный надежды и света:
То Муза, то бледная Муза моя —
Она не забыла поэта!

Сквозь крепкие стены, затворы дверей,
Как голубь залетный, как весть утешенья,
Впорхнула, чтоб ласковой песней своей
Смягчить его скорбь и мученья.

Она, чьей любви матерински-святой
Платил я скупым и холодным вниманьем,
Кого лишь украдкой, измучен борьбой,
Дарил торопливым лобзаньем,

Она, что была так грустна и бледна,
Пугливо глядела рабою забитой,
Теперь как царица явилась она,
Прекрасна, как сон позабытый...

Друзьями старинными встретились мы
Без горечи в сердце, с теплом всепрощенья.
О, помню ту ночь я под сводом тюрьмы,
Блаженную ночь воскресенья!

И страх и сомненья прогнали мы прочь,
И словно как дети мы стали сердцами:
То громко смеяться хотелось всю ночь,
То горькими плакать слезами...

Я всё ей поведал, я всё ей открыл —
Мою изболевшую ранами совесть,
И как я боролся, и как я любил,
И всю мою скорбную повесть.

С тех пор я уж не был покинут и сир.
И часто мы громы с небес призывали!
Но чаще... любовь призывали и мир,
И чаще врагов мы прощали...

— О друг мой! меня не могила страшит,
Не ужас забвенья, вражды с клеветою,
Не край чужедальний, где вьюга шумит,
Но только разлука с тобою!

Дочь света! меня не покинь ты, молю,
И в час, как смежить мне потухшие вежды,
Пропой мне последнюю песню свою,
Прощальную песню надежды!..

Декабрь 1886

* * *

Друг мой, добрый мой друг! Не проси у меня
Больше песен: на них будто клятва лежит!
Скучны будут их звуки в сиянии дня,
А теперь, в эту ночь, буря их заглушит.
Ах! не в ясное утро, румяной зарей,
Вышел с музой моей я на жизненный путь:
Гром сердитый гремел, и во тьме гробовой
Было жутко глядеть, было трудно вздохнуть!
Рано душу зажег беспокойный недуг,
Рано в бурный поток волны нас унесли,
И лишь раненых стон да оружия стук
Вдохновлять нас могли...

Но хотелось бы мне, чтобы стих мой упал
В души чуткие, струны живые задев;
И когда бы гнетущий кошмар миновал,
И над Русью победный раздался напев,
И невзгоды бы все этой мрачной грозы
Захотели грядущим векам рассказать, —
Чтобы в книгу печалей и нашей слезы
Не забыли вписать!..

1886

МОЛИТВА

Дни настали слез и гнева,
Скорби лютой, страха дни...
Звук веселого напева
Смолк, погашены огни.
В эти дни, когда так много
Соблазнившихся о ней,
Правде вечной, правде бога, —
Я один в тиши ночей
С кротким сердцем, с тихим плачем
Повергаюсь перед ним.

К тем мольбам моим горячим,
К тем мольбам моим святым,
Сильный гневом, чуткий слухом,
Боже! слух твой преклони:
Чтобы, ради слабых духом,
Сократились эти дни!

1886

* * *

Ну что за божья благодать:
Крамолы происки убиты,
Корой древесной люди сыты, —
Повсюду тишь, повсюду гладь!..

1886

* * *

И жив и здрав христианин
Во имя Бога, Слова, Духа;
Жандарм же русский — с<укин> с<ын>
Во имя Деда, Сына, Внука.

1886

ДЕД И ВНУК

Дед был надменный, тупой и безжалостный воин,
Взглядом похожий на бога, душой — на раба.
Царственный внук — величавого деда достоин:
Их поравняли не люди — судьба.
В первый же день заготовили оба
Тесу соснового на три просторные гроба.
В первом — Рылеев с Каховским у деда легли,
А Рысаков и Кибальчич — у внука. . .
Братски разделена мука,
Братски и горсть роковая земли!
Подле Бестужева дед Муравьева пристроил,
Возле Желябова, рядом Михайлова внук успокоил. . .
Пестель с Перовскою друга себе не нашли,
В третьих гробах одиноко легли. . .
. . . .
Оба свободу хотели в крови затоптать,
Сделать рабочим скотом человека.
И постановит потомство: в век века
Деда и внука его — проклинать!

1886

МОЙ КОНЬ

И день, и ночь летит стрелой
Мой борзый конь, мой конь лихой.

— Стой, верный конь! Назад, довольно!
Устало сердце от чудес
Чужих, неласковых небес,
Без родины так стало больно.

Но конь не слушает удил
И дальше мчится своевольно.
И страх мне душу охватил.

— Назад, назад! Весны свежее
Мой день взошел. . . в крови — огонь. . .

Я жить хочу... Назад, мой конь!
Лети как вихрь назад скорее! —

И день, и ночь летит стрелой,
Но всё вперед скакун лихой.

«Постой, молю... Здесь хмур и тесен
Широкий божий мир... Назад!
Там струны порваны, молчат,
А у меня так много песен!»

Летит скакун и день, и ночь
От родины всё дальше прочь.
«Смотри: как иней серебрится
Уж голова моя... Назад!» —
Но конь еще быстрее мчится
Без утомленья, без преград.

«Постой, палач, постой, жестокий!
Нет больше сил, огонь погас...
Молю: хоть на единый час
Дай сон отрадный, сон глубокий!» —

И, чудо! речью мне людской
Вдруг отвечает конь лихой:
«Ну, если так — наш путь недолог,
И на тебя со всех сторон
Спущу я ночи льдистый полог,
Чтоб крепок был твой вечный сон».

1886

* * *

Вы говорите: «Не нужна
Нам слава, не страшны потомки,
Укроют наши имена
Забвенья мирные потемки».

Забвенья ждете вы? — О нет!
Вам мало было бы забвенья...

Оставите вы прочный след,
Векам далеким в поученье!
Когда из душной тьмы ночной,
Ликуя, красный день проглянет,
От вас, быть может, внук родной
С тоской и ужасом отпрянет!

В той книге памяти святой
О наших жертвах и печалях
Вы мрачной ляжете чертой
На окровавленных скрижалях.
И уж седая старина
Обвеет нас давно молчаньем,
А ваши будут имена
Всё повторяться с содроганьем!..

1886

СИЛА ЖИЗНИ

В темном море в час ночной,
Бурный, непогодный,
Шумной брошен я волной
На утес бесплодный.

Пронеслась гроза; стоит
Тишь на океане,
И родимый край блестит
В голубом тумане.

Там опять, шумна, пестра,
Жизнь ключом забила,
Об утраченном вчера
Вспоминать забыла!

Где живая кровь текла
И струились слезы, —
Молодая жизнь взошла,
Распустились розы.

Безмятежней глубь небес,
День ясней лазурный

И пышней зеленый лес
После ночи бурной.

Освеженные поля,
Как на пир, рядятся...
И уж милая моя
Стала улыбаться!

Ты усни, любовь-вражда,
И замри, угроза:
Ни оттуда, ни туда
Нету перевоза!..

1886

* * *

Не поминай, что ты меня сгубила,
Не поминай, что я сгубил тебя,
И всё, что нас, как злой кошмар, томило,
Забудь навек, забудь любя!

Но в вихре бурь и новых треволнений,
Для слез иных, для радости иной
Ты не забудь блаженных сновидений,
Так рано прерванных судьбой!

Не всё в них сном — о нет! не всё ведь было?
Их след живой — не праздный сердца стон,
Не сладкий бред, что ты меня любила,
И ты сама — не лживый сон?

Нет, нет, мой друг! Кровавыми слезами
Платили мы за каждый счастья час...
Что ж гнев людской? — Не в силах боги сами
Отнять прошедшее у нас!..

1886

* * *

Всё, всё простить бы вам
Без злобы я готов! —
Что осквернили храм
Моих вы дум и снов,
Ворвались в час ночной
В святой тайник его,
Нечистою рукой
Касаясь до всего.
Он грозен, правды бог,
И вам в глаза в тот час
Смотреть я гордо мог,
Не опуская глаз!

Но не прощу я вам —
Нет, палачи мои! —
Что вы ворвались в храм
И тишь моей любви.
Свежее роз весны
И ландыша скромней,
Она была волны
Полуденной нежней...

1886

КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ

(Отрывок из поэмы)

До утра, в томленьи страсти изнывая,
Не уснет сегодня мать-земля сырая!

Душный воздух полон ароматов жарких,
Вспыхнули зарницы чьих-то взоров ярких...
Чу! уста слилися в поцелуе жгучем...
И по степи ровной, по лесам дремучим,
По дремавшим чутко камышам в озерах,
Как ответ, промчался сладострастный шорох!
Пробил час блаженный: бурею признаний

Хлынули восторги пламенных желаний!
И молений стоны, и лобзаний звуки...

Мать-земля тоскует — близок день разлуки.
«Ах! в моих объятьях ты всё больше стынешь, —
Скоро, скоро, милый, ты меня покинешь,
Я опять останусь сиротой печальной...
Вихрь сорвет осенний мой убор венчальный
И оденет, буйный, пеленою белой
Труп мой бездыханный и оледенелый...»
Так, горюя, плачет мать-земля сырая.
Но, любя без меры и за всё прощая,
Милому сегодня пир она великий,
Пир любви готовит, праздник неги дикой!..
Велики и чудны этой ночи тайны:
Над землей струится свет необычайный;
Божьи очи — звезды кругом тесным стали
И любовно смотрят из лазурной дали...
Каждый цветик малый в изобильи щедром
Льет благоуханье; к сокровенным недрам
Кладов заповедных старины глубокой
Путь открылся вольный и для всех широкий...
Видимо для глаза и для уха слышно
Вырастают травы; расцветает пышно
Папоротник вещий, и с разрыв-травою
Шепчется, кивая яркой головою...

— Сын земли любимый!
Ко груди родимой
В эту ночь любви и нег
Ты, о гордый человек,
Припади с мольбою,
С чуткою душою,
И тебе всё может дать
Торжествующая мать...

Тих курган высокий! Спит... Иль, может, думу
Тайную лелеет? К праздничному шуму
Глух и безучастен. Над его косматой
Шапкою зеленой чередой крылатой
Пролетели годы и века промчались, —
И, бывало, так ли здесь пиры справлялись?

Тут не раз был справлен сабель пир кровавый,
Пир отваги буйной и казацкой славы!
Тут не раз допьяна упивались гости —
Спать навеки клали удалые кости!
А той брагой щедрой, брагой хмельной, жаркой
Степь еще алела, — под луною яркой
Уж кружилась пляска в сладострастьи диком
С топаньем безумным и с разгульным гиком!..

Стихло всё, уснуло,
Замерло вокруг;
Ворог не воспрянет,
Не проснется друг!

1885 или 1886

ЖУРАВЛИ

(Фантазия)

В осенний грустный день, подернутый туманом,
Над Вечным городом, державным великаном,
Тонувшим в зелени причудливой садов,
Над лентой пестрою блистающих дворцов,
Где пóтом был людским омочен камень каждый,
Над грязью нищеты приниженной, — однажды
Станица журавлей на дальний юг неслась.

В заветный, чудный край с решимостью стремясь,
Они, спокойные, необозримой цепью
Красиво выстроясь, с вождями впереди,
Медлительно плыли раздольной, вольной степью...
В заветный чудный край! Отважны их вожди,
Бестрепетны сердца, могучи, быстры крылья!

Но трудный ждет их путь, великие усилья
И жертвы без конца... Жестокою рукой
Их будет человек губить без сожаленья,
Рассеет ураган не раз во тьме ночной,
И много смельчаков, в часы изнеможенья,
Поглотит океан в пучине роковой!
И, точно клятвою пред небом и землей —
Со славой пасть, не изменив решенья,

Вдруг криком радостным ответил брату брат.
И этот гордый клич свободы непродажной,
Могучий зов борьбы великой и отважной
Над оргией людской раздался как набат!

Проник он, словно царь, не ведая запрета,
И в нищенский подвал, и в душный каземат,
К фабричному станку, кровати лазарета,
И в зал сверкающий апостольских палат.
Смущен веселый пир... Замолкли мандолины...
Бледнеет рой гостей: то — буйной черни крик!..
И подле колеса безжалостной машины
Звук тот же услыхал измученный старик.
Он поднял голову, усталый и сердитый,
Но миг — и просветлел, любуется в окно...
И что-то вспыхнуло в груди его разбитой,
Давно забытое, умершее давно!

Один, в глухой тюрьме и на соломе голой
В то время узник угасал.
Из дикой прихоти людского произвола
Он дружеской руки с отрадой не сжимал.
И, чу! он слышит клич, куда-то клич призывный...
И лед отчаянья растаял, точно воск:
Он весь затрепетал; какой-то мыслью дивной
Вдруг загорелся вновь похолодевший мозг!..

И смерть уже крылом чела его касалась,
А скованный язык: «Вперед, друзья!» шептал,
И полумертвою рукой еще, казалось,
Кого-то он благословлял.

1886

ВЕСЕЛЫЙ ЛУЧ

Веселому лучу денницы золотой
Однажды удалось в окне тюрьмы глухой
Минутным гостем появиться.
И узнику, смеясь, шепнул он с вышины,
Что всюду по земле промчался бог весны,
Что всё должно перемениться.

«Уж цепи я сорвал с гремучего ручья,
Уж пухом зелени луга украсил я;
Уже проснулся и глядится
В лазури вешних вод еще прозрачный лес,
И жаворонка песнь звенит среди небес,
И всё должно перемениться!»

И, чу! вот под окном, беспечен и шумлив,
Промчался птичек рой, крича наперерыв
О том, как весело резвиться,
О теплом солнышке, о травках полевых...
Все пели радостно, что в вольном царстве их
Всё, всё должно перемениться!

И вдруг, навстречу им, и там, в душе больной,
Давно замученной, как труп давно немой,
В своих цепях уставшей биться,
Певец таинственный — откуда, кто, бог весть —
Пропел желанную пророческую весть:
«Всё, всё должно перемениться!»

1886

* * *

Ярко небо стран далеких,
Но затмить оно не в силах
Красоту небес родимых,
Полинялых и унылых!

И отдаст больное сердце
Все созвучья в поднебесной
За шуршание осоки
В речке мшистой и безвестной.

Красотой, довольством, счастьем
Сторона цветет чужая,
Но милей в своих лохмотьях
И слезах страна родная!

1886

СОКРАТ

В кругу друзей, учеников
Сидел Сократ приговоренный
И кубок смерти беззаконной
Спокойно выпить был готов.
Тогда, не вытерпев, рыдая,
Пред ним склонился Критиас...
Колени старца обнимая,
Он говорил: «Живи для нас!
Еще не поздно... кони близко...
Бежим! я стражу подкупил».
Но сын великий Софрониска
Ему с упреком возразил:
«Иль я не воин, меч носивший
И победивший в оны дни?
На снег, мой волос убеливший,
На сеть морщин моих взгляни.
Когда бы я, мольбам послушный,
В бою последнем отступил,
И друг, и недруг бы решил:
Он был обманщик малодушный!
Так вот любили вы кого,
Законом вам чье было мненье;
Так вот хваленый ум его
И к смерти гордое презренье!..
Когда ж не дрогну сердцем я, —
Знай: честный пыл моих учений,
Моя вражда, любовь моя
Достигнут дальних поколений.
Глупец! и это ль я отдам
За лишних две иль три минуты?..»

Сказал — и страшный яд цикуты
Поднес к бестрепетным устам.

1886

НАКАНУНЕ

Под вой волков лесной пустыни
Стонала снежная метель
В ту ночь, когда рука рабыни
Мою качала колыбель.
Еще не пробил час заветный:
Ночь, только ночь — и свет блеснет
Во тьме юдоли нерассветной,
И нет обиды безответной,
И нет рабов, и нет господ!
Но накануне избавленья
Свирепый бич еще хлестал,
И не напев благословенья
Мой слух младенческий ласкал.
Отцовский грех, в правдивой злобе,
Народ на сына перенес:
«Тебя, зачатого в утробе
Из наших мук, из наших слез,
Пусть месяц с солнышком не греют,
Ни мать-земля не бережет,
Пусть вихри буйные обвеют,
Пусть ворон черный заклюет!»

Уж рабство гнусное истлело,
Но клятва та крепка была:
Увы! ни солнце не пригрело,
Ни мать-земля не сберегла...
И всё мне снится: глушь пустыни...
Бушует снежная метель...
И в час ночной рука рабыни
Мою качает колыбель!

19 февраля 1886

* * *

Страдай один!.. В себе носи
Свои правдивые мученья
И, точно нищий, не проси
У встречных взора сожаленья.

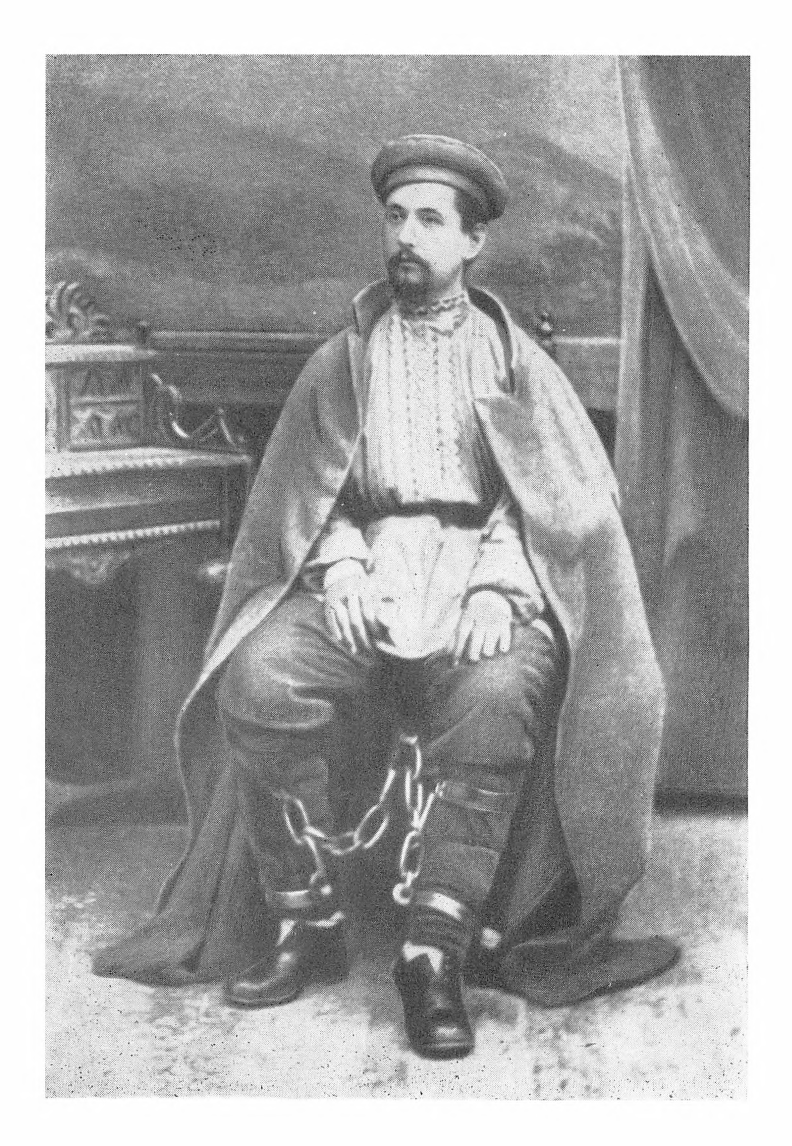
Следы унынья глубже спрячь
И в день тоски, закрывши двери,
В тиши ночной один оплачь
Свои обиды и потери!

Страдай один!.. В твоей груди —
Не у людей — твое спасенье:
В ее сокровищах найди
И свет, и гордое терпенье.
А если час ударил твой
И все надежды пережиты, —
Ну что же? Сгибни как герой,
Разбей свой кубок недопитый!

1886

ДРУГУ ЮНОСТИ

С тех пор, как помним жизнь, товарищ, не носили
Мы праздничных венков на молодых кудрях!
Не с криком торжества, не с чашами в руках
На шумный пир мы жизни выходили.
И там, где на цветах беспечная толпа
Плясала бешено, — одной не смяли розы...
Тесниной жизненной, где не смолкают грозы,
Сквозь бурный вихрь и мрак иная шла тропа:
Друзья возвышенных и чистых наслаждений,
Корыстных помыслов и радостей враги,
Направили по ней мы пылкие шаги...
И там простились мы, —
меня враждебный гений
Повлек стремительно! Изранил, истерзал
О камни острые, о выступы дороги...
Дух изнемог и подкосились ноги —
И к ложу жесткому я головой припал!
Но в муках ярости, в часы недужной грезы,
И в ночь отчаянья, и в просветленья миг —
Не сожаления из сердца рвется крик
О шумных пиршествах, где песни, свет и розы.
Нет, крик иной: «Где ты, о милый брат,
Где ты, друг юности, ее святых видений,

Товарищ первых клятв и первых поражений?
Ужели, — ах, ужель и ты ушел назад?
О нет, ведь нет? Они других венчали,
Те розы пышные, — ты взял, как я, шипы,
Блаженство снов, невнятных для толпы,
Высоких дум и их святой печали?»

1886

СЕСТРЕ

В дни, когда была ночь молчаливая
В истомившемся сердце моем,
Когда юность безумно-строптивая
Опаленным поникла крылом;
Когда вера в друзей надломилася
И темна была даль и страшна,
Когда муза моя отступилася, —
Ты одна мне осталась верна!
Ты была моей музой-подругою,
Ты щитом мне и светом была;
Каждый стих мой под жизненной вьюгою,
Как родное дитя, берегла...

Я же мог лишь обиды жестокие,
Всё, чем мучил тебя, вспоминать
И в бессонные ночи глубокие
Головой со стыдом поникать!

1886

* * *

Перед отравленною чашей
Вам шлем привет прощальный свой,
Вам, кто пошел дорогой нашей,
Кто взял наш крест, тот крест святой —
Вперед идти! .. Под вихрем бурным,
Под громом, в сумраке ночном,
Ни утром ясным и лазурным
Не отступить перед врагом!

Ни пред улыбкою умильной,
Ни пред угрозою его,
Ни перед жертвой непосильной
И стоном сердца своего...

И знайте: нет для вас пощады,
Как после — воздаянья нет:
Венок терновый, без награды,
И вьюгой заметенный след.
Но пред отравленною чашей
Предстать с сияющим челом —
Из глубины могилы нашей
Благословение вам шлем.

Июнь 1887

СЫН

(Отрывок из поэмы)

В мантии черной, в раздумье немом,
Ночь роковая сошла осторожно.
    Бледным обвеянный сном,
Он, как дитя, разметался тревожно.
Губы раскрыты и пышут огнем,
Краски живые в щеках заиграли;
    Над благородным челом
Темные кудри волнами упали...
И из-под них так и чудится — вот,
Полные думы, таинственней ночи,
Моря ясней успокоенных вод,
    Глянут прекрасные очи!..
Ночью последнею черные сны
Были на очи его сведены.

    В бедной, глухой деревушке
    Он увидал свою мать.
    Сил не хватает старушке
    Гостя желанного ждать!

    Ради лишь сына любимого
    Мил еще ей белый свет.

Что-то давно от родимого
Даже и весточки нет...

Или забыл ее, бедную?
Нет, видно сам побывать
В глушь собрался заповедную...
Бедная, бедная мать!

Думает, молится богу...
Долгие ночи не спит,
Ходит что день на дорогу,
В чистое поле глядит...

Пыль ли вдали заиграет,
Просто ль в глазах зарябит,
Как она вся запылает,
Как она вся задрожит!

«Он это, он, ненаглядный,
Больше не быть никому...»
Как она с речью нескладной
Бросится прямо к нему!

Как со слезами обильными
Детище встретит свое,
Как он объятьями сильными
Крепко обнимет ее!

Скажет: «Ну, здравствуй, родимая,
Полно тужить, горевать!
Я, дорогая, любимая...»
Бедная, бедная мать!

Как она нежно бы стала
Холить сынка своего,
Как бы его приласкала,
Как бы пригрела его!

Сон его утренний сладкий
Как бы она берегла!..
Слез безотчетных, украдкой
Сколько б над ним пролила!..

Сколько б, любя, погрустила
Чуткая, нежная мать!..
Как бы поила, кормила,
Только бы, только б дождать!

Прошлым-то разом зеленый
Он воротился... уныл,
Бледен, с душой истомленной,
Словно на каторге был...

Как же потом, расставаясь,
Мать убивалась! А он...
Он полетел, улыбаясь,
В каменный свой Вавилон.

— Сокол мой ясный, сокровище!
Что там тебя веселит?
Душное, злое чудовище,
Сердце к тебе не лежит!

Нет того нрава беспечного,
Нет той улыбки живой:
Пьешь из него ты, сердечного,
Кровь, как вампир гробовой!..

Дума за думою вяжется:
Жизнь-то, как видно, трудна —
Холодом, голодом скажется,
Да и опять — времена...

Он же — с душой непокорливой,
С сердцем горячим — беда!
Он с головой непоклонливой,
Нет, никому никогда!

Всяким-то злом человеческим,
Всякой неправдой болит,
Думам своим молодеческим
Всюду-то вникнуть велит...

Так одинокой старушке
В бедной, глухой деревушке

Сына приходится ждать.
Бедная, бедная мать!..

Матушка, жди! Не поникни душой!
Путь твой недолог... Любовью обильная,
Сердцем незлобная, верою сильная,
Жди до доски гробовой!..

Страхом за милого сына томимая,
Думу за думой гадай,
Но про печальную правду, родимая,
Ты никогда ничего не узнай!

О, не узнай, горегорькая, бедная,
Где доконала его
Молодость гордая, удаль победная, —
Нет, не узнай ничего!

Бей роковую тревогу:
Всё выходи на дорогу,
В чистое поле гляди,
Сына погибшего жди!..

1885 или 1886

III. В ДОРОГЕ

(1887)

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Не плачь, сестра моя, что нет
Надежд для твоего поэта,
Что неба вольного и света
Ему не видеть столько лет!
Самой судьбой для русской музы
Даны гоненья, скорби, узы,
И без тернового венца
Чтó слава русского певца?..

Но, как из двух дубов могучих
Тот в бурях крепок, как утес,
Который не в лесах дремучих,
А в поле, под грозою, рос;
Как в царстве тленья, на кладбище,
Пышнее роз душистых куст, —
Так песнь полней, светлей и чище
Выходит из страдавших уст.

1887

* * *

Оттого моя арфа безмолвна висит,
Что плита гробовая на сердце лежит,
Что изранен я весь, — и бессилен мой гнев,
И звучал бы, как плач похорон, мой напев!

Но придет он, я жду, вдохновенный пророк:
На челе его будет терновый венок,
На руках и ногах неповинная кровь,
А на вещих устах — песнь про жизнь и любовь!..

1887

* * *

Прощай, мой друг! Я бодр — воскресни!
Но душу ты мою,
Мой каждый стих, звук каждой песни,
О, сбереги, молю.

День вспыхнет над ночным туманом —
И, на позор врагам,
Я нашим мукам, нашим ранам
Из них воздвигну храм!

1887

НАДПИСЬ НА СИБИРСКОМ ЭТАПЕ

Прости, о Родина, прости!
Я в край безвестный еду.
Ты, юность новая, расти,
Чтоб тот же крест себе найти,
Идя по правому пути,
Иль наконец — победу.

1887

ПОРТРЕТ

(Р. Ф. Франк)

Странная девушка... Вечно веселая,
Как ты свой век прожила?
Голос серебряный, косы тяжелые,
Смертная бледность чела...

Из-под бровей, округленных решительно,
Звезды сияют очей;
Смех неустанный звучит заразительно,
Как у беспечных детей.
Что означает он? Как эту ясную
Душу в себе ты спасла?
Мимо ль тебя с непогодой ужасною
Темная туча прошла?
Часто казалось мне — думой унылою
Вдруг омрачилось чело:
Миг — и улыбкою детскою, милою
Снова, глядишь, расцвело!
Снова порхаешь ты птичкой болтливою
Между печальных подруг
И оживляешь беседой шутливою
Их затуманенный круг...

А между тем в мою душу сомнение
Черной змеею ползет:
Слава о тяжком кресте и терпении
Вслед за тобою идет.
Вон, позади тебя, терном повитая,
Молодость грустно стоит,
Сны золотые, до срока убитые
Злобой неправд и обид.
А впереди — о, какая глубокая
Тьма нерассветных ночей!
Жизнь догорит, как свеча одинокая,
Жизнь далеко от друзей!

Что же смеешься ты, плача достойная?
Чаша еще ль не полна?
Тише!.. Веселость твоя беспокойная
Мне, как рыданье, страшна!

1887

РАССТАВАНИЕ

Никогда я не забуду,
Как навеки мы прощались!

Кони борзые, продрогнув,
У ворот меня заждались.
В час беды неотвратимой
Я был весел и отважен;
Взор твой грустный, безнадежный
Чудно-нежен был и влажен.
Ах! впервые видел слезы
У тебя я на реснице
И в душе благоговейно
Схоронил их, как в гробнице...
На глазах твоих, поспешно
Кузнецы меня сковали...
Снег копытами взбивая,
В нетерпеньи кони ржали.
Величаво расстилалась
Неба звездного картина;
В даль безвестную тянулась
Снегом крытая равнина.
Руки милые сжимая,
Содрогаясь и бледнея,
Говорил с улыбкой ясной
Речи бодрые тебе я.
А от муки у обоих
Грудь на части разрывалась,
И в последнем поцелуе
Вся любовь твоя сказалась!

Миг — и бешеная тройка
Понеслась неудержимо...
Я еще раз что-то крикнул —
Ты стояла недвижима.

Декабрь 1887, 1891

КРУГОМ БАЙКАЛА

Зеленел Байкал сердитый,
Клокотал гремучий вал;
По бокам висели грозно
Цепи гор и кручи скал.

Утопая в вихрях снежных,
Тройка мчала день и ночь...
Вдаль от Родины желанной
И от счастья с милой прочь!

Пурга злилась, бушевала,
И рыдала, и кляла, —
Заметая след дорожный,
Всё назад меня звала!

Чем темней и безотрадней
На душе росла печаль,
Тем яснее и приветней
Прошлых дней светлела даль.

И светлела, и смеялась,
И вернуть сулила вновь
Неудавшуюся юность
И убитую любовь...

Но, с стихией буйной споря,
Тройка мчала день и ночь
Вдаль от молодости светлой
И от счастья с милой прочь.

Грохотал Байкал сердито,
Зеленел кипучий вал...
Впереди громадой темной
Возвышались груды скал!

Декабрь 1887, 1889

IV. КАРА И АКАТУЙ
(1889—1893)

* * *

Когда с душой, страданьем охлажденной,
И с убеленной скорбью головой
Глядит старик, как зритель утомленный,
    На трепет жизни молодой
И, видя ночь на небесах отчизны,
Не верит в свет и правды торжество, —
Нет у меня ни речи укоризны,
    Ни утешений для него.

Но если с грустью никнет головою
Живая юность, лишь расцвесть успев, —
Смех, горький смех в душе звучит порою,
    Кипя, встает правдивый гнев.
— О вы, певцы, уставшие до срока
Петь о слезах родимой стороны,
И вы, бойцы без страха и упрека,
    Свой меч вложившие в ножны!
Скажите: где, с каким врагом вы бились,
Стремясь вперед сквозь вьюгу и туман?
Каких побед трофеями покрылись,
    Где кровь и язвы ваших ран?
Смиряли ль вы со злобой беспощадной
Кипенье сил и крови молодой
И ваше *я*, божка с утробой жадной,
    Убили ль собственной рукой?
Когда без слов, в ужасный час разлуки,
Старуха мать приникла к вам в слезах,

Вы, отстранив обвившие вас руки,
Ушли ль с безумием в очах?
А сон любви — тот светлый и стыдливый
Блаженства сон — вам лишь на миг светил?
И поцелуй ваш первый торопливый
Навек последним ли он был?
На вольный крест во имя идеала,
В глухом краю, среди чужих снегов,
Вы шли ль, друзья, поникнувши устало,
Бряцая звеньями оков?..
И гнет иной — креста еще страшнее —
Всю вашу жизнь несли ль вы на себе, —
Сознанья стыд, что лучше и полнее
Могли отдаться вы борьбе?

1889
Кара

* * *

Смолк честный голос убежденья,
Забылась Муза мрачным сном;
Позор и мерзость запустенья
На месте, некогда святом!

Всё, всё, что светлого кипело
У пылкой юности в крови, —
Исканье правды, жажда дела,
Порывы чистые любви,
Живые слезы о народе,
Стремлений лучших гордый пыл,
Мечты о братстве, о свободе —
Всё лед иронии покрыл!
Бойцам за правду — укоризны,
Хвалы предателям звучат;
Уносит смерть врага отчизны —
Цветы на гроб ему дарят!
Разгул и пляска карнавала...
Затерты славные стези,
Потушен факел идеала,
И знамя светлое — в грязи!..

1889

* * *

На заре наших дней, ясных, солнечных дней
Люди нас разлучили, —
И гранитами гор, и снегами степей,
Как глухою стеной, разделили!
Как разбойникам, гнетом позорных оков
Отягчили нам руки и ноги
И кипучую юность в венке из цветов
Схоронили в печальном остроге.

Нашей светлой любви каждый нежный побег
Умертвили с усмешкой холодной
И сказали: «Забудьте друг друга навек,
Увядайте в пустыне бесплодной!»
. . . .
Увядать в цвете лет, в блеске сил молодых
И в мечту о свиданьи не верить...
О, способны ли вы этих слов роковых
Всё значенье, весь ужас измерить?
Ни коварству, ни злобе бездушных зверей
Не придумать свирепее мщенья...
И зоветесь вы «братья»?! Проснитесь скорей —
Прогоните злой ночи виденья!
Нет, вы слепы, вы глухи... Вам гимны поют,
На челе у вас лавры победы...
И лишь дети иль внуки с проклятьем поймут,
Что творили отцы их и деды!

Лето 1889

* * *

Часа свиданья дождавшись, в ночной нелюдимой тиши
С трепетом в сердце вхожу я в тайник заповедный души.
Долго и жадно гляжу, как безумный, на этот бездушный,
Бледный рисунок, и мнится мне — тенью воздушной,
Словно с туманной вершины, ты сходишь, живая, ко мне,

. . . .

Как он незлобен и тих, этот облик худой и
бескровный!
Что за святая печаль в этих кротко-лучистых
глазах,
Строгая дума в очерченных гордо устах!
Милая, добрая, чистая! Мне ль, кто на свете беднее
Самого бедного нищего, — сердцем великим твоим
Мне ли по-царски владеть? Я... и тобою любим!
О, поддержи же меня бесконечной твоею любовью!
Будь мне примером живым, воплощенною совестью
будь!
Дай мне отвагу и силу — с душой, истекающей кровью,
Муки Тантала терпеть, горестный выдержать путь!
Взор твой лучистый глядит и струит теплоту и
сиянье.
Грусти в нем нет уже; шепчут уста в малодушьи
упрек,
Благословляют на крест, на разлуку, страданье!
Горькие думы, как тени, бегут; страх и чужд,
и далек.
Черная туча умчалась... На сердце светлее
и тише...
Гордой отваги полна, грудь поднимается выше.
Чувствую душу я чище в себе, бескорыстней,
добрей...
Мне не страшны ни года, ни угрозы царей!

1889

К РОДИНЕ

За что любить тебя? Какая ты нам мать,
Когда и мачеха бесчеловечно-злая
Не станет пасынка так беспощадно гнать,
Как ты детей своих казнишь не уставая?
Любя, дала ль ты нам один хоть красный день?
На наш весенний путь, раскинутый широко,
Ты навела с утра зловещей тучи тень,
По капле кровь из нас всю выпила до срока!
Как враг, губила нас, как яростный тиран!

Во мраке без зари живыми погребала,
Гнала на край земли, в снега безлюдных стран,
Во цвете силы — убивала...
Мечты великие без жалости губя,
Ты, как преступников, позором нас клеймила,
Ты злобой душу нам, как ядом, напоила...
Какая ж мать ты нам? За что любить тебя?

За что — не знаю я, но каждое дыханье,
Мой каждый помысел, все силы бытия —
Тебе посвящены, тебе до издыханья!
Любовь моя и жизнь — твои, о мать моя!
И, чтоб еще хоть раз твой горизонт обширный
Мой глаз увидеть мог, твой серый небосвод,
Сосновый бор вдали, сверканье речки мирной,
И нивы скудные, и кроткий твой народ,
За то, чтоб день один мог снова подышать я
Свободою полей и воздухом лесов, —
Я крест поднять бы рад без стона и проклятья,
Тягчайший из твоих бесчисленных крестов!
В палящий зной, в песке сыпучем по колени,
С котомкой нищего брести глухим путем,
Последним сном заснуть под сломанным плетнем
В жалчайшем из твоих заброшенных селений!..

Весной или летом 1890

КРЕСТ И ИДЕАЛ

Ни дружеской руки, ни любящего взгляда...
Как веру поддержать, чем горе усладить?
У жалких париев не отнята отрада
Отчизны видеть свет, родимый воздух пить, —
Всё отнято у нас!.. Убиты до расцвета
Любви и счастья сны... Средь холода и тьмы,
С душою, полною тепла, добра и света,
Не грея, не светя, в цепях угаснем мы.
Угаснем без следа, в тоске невыразимой,
В порывах ярости, бессильных как мечта,

И средь чужих снегов в пустыне нелюдимой
Нам пу́рга выроет могилу без креста!..

— Путь скорби и тревог, а после — мрак забвенья?..
Нет, нет! Не может быть! Есть правда в небесах:
Когда и жизнь, и смерть — одной лишь цепи звенья,
Когда в веках живет и наш бездушный прах,
Когда сухой листок не упадет бесплодно
И ветер не вздохнет, чтоб не оставить след, —
О, если так, друзья, — скорбям души свободной
Забвенья также нет, уничтоженья нет!
Как грозный океан, волнуясь с плеском мерным,
Род человеческий сквозь сумрак зол и бед
Путем медлительным, но неуклонно верным
Идет, за шагом шаг, вперед, где брезжит свет.
Там вечный день встает! Там — ни вражды, ни муки,
Свободный, лучший мир... Еще рабы страстей,
Всё ж лучше мы отцов, и так же наши внуки
Достойней будут нас названия людей.
Я знаю: на костях погибших поколений
Любви и счастия прекрасный цвет взойдет;
Кровь жаркая бойцов и слезы их мучений
Лишь почву умягчат, чтоб дать роскошный плод.
Из груды их крестов создастся ряд ступеней,
Ведущих род людской к высоким небесам:
Свершится дивный сон — и светлых райских сеней
Достигнет человек и богом станет сам!

Да, там горит звезда неведомого счастья,
Грядущей жизни даль красна и широка...
Что значат перед ней — весь этот мрак ненастья,
Всех этих мук и слез безумные века?

1890

* * *

Как вы, я петь бы мог
Заката пышный блеск,
Луны сребристый рог,
Волны дремотный плеск.

Я так же бы нашел
И нужный склад, и слог,
Ко мне б не хуже шел
Дешевый ваш венок!

Но взор прозревший мой
В испуге увидал
В неволе край родной,
В позоре идеал.
И рай надежд моих
Развеян, как мираж...
Вот отчего мой стих
Так непохож на ваш!

1890

* * *

Нет, еще мало страдал я во имя свободы и света,
Я недостоин, о братья, святого названья поэта!

Истинно божий певец, одаренный любовью,
Скорбью рожденный людской и крещенный изгнаньем,
Каждую песнь покупает страданьем,
Славу же — кровью!..

1890

* * *

Если честно вы храните
Идеалы юных лет,
Если весело стоите
Под грозой утрат и бед;

Если каждый миг готовы
За свою отчизну-мать
И венец принять терновый,
И всю сердца кровь отдать, —

Ни вражды, ни разделений
Я меж вас не признаю,
Братский дар благословений
Всем равно от сердца шлю.

В дни томленья на чужбине,
В час беды в краю родном
Будьте преданы святыне,
Ясны духом и челом!

1890

ЮНОСТЬ

Не с горделивой усмешкой презренья
С юностью вашей прощайтесь, друзья:
Слава ей, светлой заре бытия,
Дивно-блаженной поре — опьяненья,
Траты слепой драгоценных даров,
Дерзкой борьбы и с людьми, и с богами,
Горьких ошибок, ребяческих снов,
Гордых побед и венчанья цветами!
Всё, что живого под солнцем цветет,
К свету и радости взор устремляя,
Движется ею одною вперед...
— Благословенна ты, юность святая!

Пусть мудрецы с охлажденным умом
Трезвому опыту вас поучают,
Небо миражем пустым называют,
Грезы о крыльях — несбыточным сном.
Вслед беспокойной Икаровой тени
Смело, о братья, отважно вперед,
Выше, всё выше: не бойтесь падений
С ясных небесных высот!
Слава победы лишь храбрым дается,
Срама не знает погибший в борьбе...
— Юность, тебе наша песня поется!
Вечная слава тебе!

1890

ПРОЩАНИЕ

Промчалась молодость — и нет от ней следа!
Одних ошибок ряд да поздних сожалений...
А как томилась грудь желанием труда,
Каким избытком сил и светлых вдохновений!
Кто ж, кто виновен в том — ужели я один?
Я честно жить хотел: на жертвенник священный
Любви к родной стране, как сын и гражданин,
Я лучшие дары сложил рукой смиренной —
Свободу, молодость и песен чистый жар...
И если иногда, в уныньи малодушном,
Не как герой встречал губительный удар
Иль самолюбия бывал рабом послушным,
То чаще — жертвой был... Я ощупью вперед,
Сквозь бурный вихрь и мрак, шел к цели
благородной;
Себе я сам был вождь, советник и оплот,
Мне совесть лишь была звездою путеводной...
. . . .
Историк будущий! К тебе взываю я:
Коль посреди имен, отмеченных несчастьем,
Ты вспомнишь и мое, — пускай рука твоя
Мой образ начертит с холодным беспристрастьем.
Не нужно лавров мне, не нужно пышных роз —
Пусть их возьмут бойцы, не знавшие сомненья;
Но тяжких ради мук, обид и тайных слез
Винам моим молю пощады и забвенья!

22 октября 1890

* * *

Да! в мире живых нам свидания нет...
Любя, негодуя, скорбя, проклиная,
Стремлюсь я к тебе, о моя дорогая,
Как узник на вольный и радостный свет!
Напрасны проклятья, напрасны моленья:
Отчаянья ль голос, судьбы ли самой —

«Проститесь, — гремит, точно звон
погребенья, —
Со всякой надеждой, со всякой мечтой!»

Но, друг мой! страданье — стезя идеала:
Блажен, кто с нее до конца не сойдет!
Судьба нас невидимой цепью сковала,
Которой ничто никогда не порвет.
И если года не обвеют молчаньем
Хоть доли терзавших нам душу обид,
То рядом с моим незабытым названьем
Стократной хвалою твое прозвучит!
Грядущих времен обездоленным братьям
Любовь наша будет примером сиять,
А память о наших печалях — проклятьем
На тех, кто терзал и губил нас, лежать!

1890

* * *

Давно предузнал я твой жребий, голубка моя дорогая!
Как племя родное, росла ты, ни ласки, ни счастья
не зная,
И, в бурю от пальмы родимой оторванный вихрем листок,
Умчал тебя в край неизвестный взыгравший мятежно
поток.

В весеннее нежное утро тебя повстречал на пути я;
И только глаза твои встретил и думы прочел в них
родные, —
Как в книге открытой, судьбу твою всю увидал,
И втайне тебя я несчастной, навеки несчастной
назвал!
Недолго небесные громы и бури земные молчали:
Как коршунов хищная стая, как волки, враги набежали
И сыпали в гневе свирепом удары вражды на тебя;
Друзья помогали их злобе — разили, любя!
А то, что в сочившейся кровью душе оставалось
живого,
Сама ты, сама, как палач, убивала сурово...

И жду я давно без проклятий, без горькой на сердце
слезы,
С застывшей душой ожидаю удара последней грозы!

Да, грянет она надо мною, ужасная весть эта, грянет,
Опустится молот тяжелый, раздавит мне душу...
И станет
Всё ясно безумцу — и, слезы в груди притая,
Смеяться я громко начну: «Ты свободна, голубка моя!
Свободна! Отныне ни люди, ни боги не властны над
нами,
Над нашей любовью бессмертной — ведь боги отныне
мы сами.
Мгновенья и годы, о друг мой, пред вечностью — звук
лишь один,
И скоро я встречусь с тобою в сияньи эдемских
равнин...»

1890

* * *

Всё глубже сон и мрак на небесах отчизны,
Всё тягостней кошмар предательств и утрат;
Замолкли голоса бойцов без укоризны,
Нахальней и смелей постыдный клич: «Назад!»

Но чем видней позор и чем слабей мерцанье
Когда-то ярких звезд, нам озарявших путь,
Тем пламенней кипит в душе негодованье,
Сильней волнуется измученная грудь!
Беги, мечта любви, мечта о примиреньи,
Прочь песни рабские унынья и тоски!
Я весь — огонь и меч, я весь — порыв отмщенья,
И гнева я певец до гробовой доски!
И пусть враждебный вихрь измены и сомнений,
Как буря налетев, всё здание сметет
Усилий и трудов минувших поколений,
Пусть сном еще мрачней родимый край заснет, —
Того, что темный мир сияньем озаряло,

Что в жизнь влагало смысл, грозе не истребить,
И на развалинах святого идеала,
Как прежде, буду я и верить и любить!

1890

* * *

Снова в душе загораются
Слезы, гроза и смятение,
Снова встают — улыбаются
Счастья былого видения!..

В ужасах доли скитальческой,
В дальних снегах угасающий,
Образ твой бледный, страдальческий
Снится мне — бодрый, сияющий...

Снится мне: цепи порвалися!
К другу спешишь ты, веселая, —
Косы вкруг плеч разметалися,
Черные косы, тяжелые.

Взор загорелся пленительно...
Голос серебряный чудится...
Верить хочу я мучительно —
Греза блаженная сбудется!

Сбудется, верь мне, желанная!
Слишком уж хочется счастия,
Слишком томит неустанная
Жажда любви и участия...

Мы на пиру мироздания
Были докучные зрители,
Зноем и негой лобзания
Сердца еще не насытили.

Общим судом не развязаны
Нами вопросы несметные,
В тайных речах не досказаны
Думы заветные!..

Сентябрь 1890

* * *

Наш полдень бил — и из всего,
Чем юность вольная пленялась,
Чем сердце радостно цвело,
Одна надежда нам осталась:
Что мертвых нас не разлучат!

Бессильна злость за дверью гроба:
И в светлый рай, и в мрачный ад,
Мой друг, войти должны мы оба...
Рука с рукой соединясь,
Предстанем мы на суд правдивый,
Чтоб палачей совет кичливый
Затрепетал при виде нас...

И верь: награда будет нам, —
О да! Коль верное преданье
К цветущим счастьем временам
Домчит певца любви названье
И славой жертвы окружит,
Ты будешь спутницей-звездою
Его страданий и обид —
Ты не расстанешься со мною!
Но, мой товарищ по судьбе,
Вплетешься в мой венок кровавый,
Как тот цветок, любимый славой,
Который имя дал тебе!

22 октября 1890
Акатуй

* * *

Ты не много опять, но любя написала,
Подаривши меня задушевным словцом, —
И ревнивое сердце мое задрожало,
Точно арфа, задетая грустным певцом...
Не того я боюсь, что под игом страданий
Ты поклонишься воле царящего зла:
Я боюсь — в эти долгие годы скитаний
Вместе с горем и новых друзей ты нашла!
Я боюсь, что к былому страданью и счастью,
К дорогим мертвецам ты остыла душой...
Наяву и во сне с чародейною властью,
Как живые, витают они надо мной!

Ах! не раз мое сердце опять откликалось
На привет обольщающий новых друзей:
Миг один — и со стоном душа закрывалась,
И краснел я постыдной измены своей!
На руины былого гляжу я уныло,
И во тьме ты одна мне горишь как звезда...
То, что молодость скорбью святою крестила,
Только то я люблю, и люблю навсегда!

Ноябрь 1890

* * *

Терпенье, кроткое терпенье!
Не вечно льется братьев кровь —
Исчезнут злые сновиденья...
У гроба встретимся мы вновь.

До нас, любя, несчастны были:
Семь лучших жизни лет губя,
Иаков ждал своей Рахили...
Я — трижды семь прожду тебя!

И буду скот пасти Лавану,
И буду слуг его рабом;

Иаков новый, не устану
Всю ночь бороться с божеством.

Но прозвучит труба рассвета,
Услышат внуки нашу быль,
И вдохновишь ты мысль поэта,
Моя любовь, моя Рахиль!

Декабрь 1890

* * *

Здравствуй, забытый рудник!
Там, где вчера привиденья бродили,
Нетопыри боязливые жили,
Горя и злобы не слышался крик, —
Вновь замигала свеча трудовая.
Снова гранитное сердце горы
Гложут, как черви, стальные буры,
Молот сурово звучит, не смолкая,
Лязгают звенья тяжелых цепей...
Кто здесь томился в минувшие годы?
Вы ли, святые страдальцы свободы,
Темные ль жертвы нужды и страстей?
Крест был один, и, собрат по мученьям,
Вас я одною семьей признаю:
Братский привет одинаково шлю
Вашим бездомным замученным теням!
Нет, не бесследно в могиле живой
Вы, надрываясь, мозолили руки:
Вас уже нет, но живут ваши муки,
Тайно витают вокруг надо мной...
Бедные призраки, скорбные тени,
Вам я великую клятву даю —
Вылить в заветную песню мою
Все ваши слезы, и вздохи, и пени!..

1890
Акатуй

* * *

Мне снилось сегодня — в безвестном краю
В слезах я родимую видел свою.

«Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дождусь ли тебя я, соколик, домой?
Взгляни: мои очи ослепли от слез,
И снега белей стали пряди волос...
Всё грезятся мне наяву и во сне
Страданья твои в чужедальней стране;
Всё слышу бряцанье тяжелых цепей,
Всё вижу замки у дубовых дверей;
За ними — знакомая поступь и речь...
Нельзя мне спокойно в могилушку лечь!»

— «О матушка милая! Рад бы душой
Тебя я утешить, вернуться домой...
Три были бы жизни даны мне в удел —
Все отдал бы я, и к тебе полетел!
Но душу живую посмею ль продать?
Могла ли б меня ты за сына признать? ..»

И слезы лились у родимой рекой,
И дряхлой качала она головой...

1890

БАТРАК

(Из Марии Конопницкой)

В колосьях желтеющих нив утопая,
По узкой меже, сквозь редеющий мрак,
В убогой сермяге, кряхтя и вздыхая,
Проходит свободный батрак.
Свобода и рабство еще не бывали,
Казалось, от века в союзе таком,
Еще не светилось подобной печали
Во взоре разумном людском!
Тот год был тяжелый: по всходам промчался
Серебряный бич многоводных дождей,

И пахарь лишь плевел бесплодных дождался
С заплаканной нивы своей.
За подати выгнан, как зверь нелюдимый,
Из хаты, он брата кругом не нашел;
Заветную горсть лишь землицы родимой
В платок завязал — и пошел!..
Свирель заиграла над синей рекою,
Румяное солнце встает из-за гор...
Свободный батрак! Что ж ты стал и полою
Кафтана ресницы отер?
Свободный... Уж в ясли сегодня буренке
Не нужно душистого сена бросать;
Ты волен теперь из родимой сторонки,
Куда загадаешь, бежать.
Свободный... Ты тягости в мире не знаешь, —
Коса разве та, что звенит за спиной,
Отрепье, которым скелет прикрываешь,
Да боль от тревоги глухой!
Свободный... Малютку последнего — сына
В слезах на кладбище весною ты снес,
И с жалобным визгом остался близ тына
Лежать издыхающий пес...
Назад оглянулся ты с горечью новой:
Опишут там каждую тряпку в избе,
Убогое поле, лесок вересковый...
Коса лишь осталась тебе!
Иди же косить! — Хоть издохни без хлеба,
Хоть силу свою ты вконец изведи,
Но подать — священная заповедь неба,
Ее не нарушь ты, иди!
Чего же стоит он, свободный, как птица?
Живи, коли хочешь, не хочешь — умри,
В реке утопись, иль иссохни, как спица,
Трудясь от зари до зари!

И горстью хоть волосы рви он — не встретит
Ни в ком сostраданья живого бедняк.
Хоть мертвым пади — и никто не заметит...
Свободный он, вольный батрак!

1890

ИЗ СМУТНЫХ ДНЕЙ

(Из Марии Конопницкой)

Глубокая бездна в начале веков разделила
На жертв и тиранов собратьев-людей.
Безбрежна она, как простор неоглядных морей,
Страшна, как отверстая рана, темна, как могила.
Кровавое мщенье работой мечей и костров
Напрасно стремилось наполнить ее до краев:
Века протекают, а дна ее всё не измерить!
Любовь уж прощать устает и надежда крылатая верить!

Волною бурливой людская горячая кровь
Струится в нее непрерывно... Летят преступленья...
Порок, добродетель, измена, любовь,
И скрежет проклятий, и слезы мученья...
Всё тщетно, всё гибнет в пучине без дна,
И пропасть всё так же темна и страшна!

Сердца исполинов, умов бескорыстнейших силы,
Движенья народов, народов могилы —
Всё в ней исчезает, как в море поток:
От берега берег всё так же далек!

Боец в нее лозунг бросает мятежный,
Мыслитель спокойный — закон неизбежный,
Бедняк — свою скорбь и кровавый свой пот,
Герой — свою славу, труды свои — гений,
История — смену и право явлений;
Сам бог, возмутясь, свои громы берет
И мечет в ту бездну: она всё зияет —
Высокое небо без слов упрекает!

О, ужас! О, горе! Погибнет ли труд?
Ужель этим зернам без счета и меры
Плода не дождаться? Ужель не взойдут
Желанные всходы надежды и веры,
Что́ братскую пищу народам дадут?
Спеши, о, спеши, золотое светило!
Над безднами горя людского и зла
Взойди, облеченное славой и силой, —
Тобой ведь одним побеждается мгла!

1890

ЧЕЛОВЕК

1

«Пускай ты — перл земли, могучий царь творенья:
Кто дал тебе, скажи, венец твой золотой?
Ужель ты возмечтал в безумном ослепленьи,
Что я раба твоя, а ты — властитель мой?
Частицу тайн моих тебе постичь дала я,
И ты возмнил, пигмей, что всю меня познал,
Что дерзко заглянул в мое святых святая
И свой там начертал закон и идеал?
Глупец! Я захочу — и, пораженный страхом,
Покорней станешь ты твоих смирнейших псов;
Я землю потрясу — и разлетится прахом
Величие твоих гигантов-городов.
Я вышлю грозный мор с его сестрой — войною,
Цветущие поля я превращу в пески,
Я разолью моря, одену полдень тьмою —
И взвоешь ты, как зверь, от боли и тоски!
Поверь: мне дела нет ни до твоих стремлений,
Ни до твоих скорбей. Я знаю лишь — числа
Безжалостный закон; ни мук, ни наслаждений,
Ни блага для меня под солнцем нет, ни зла!
Живи ж, как всё живет: минутною волною
Плесни — и пропади в пучинах вековых,
И не дерзай вставать на буйный спор со мною,
Предвечной Матерью всех мертвых и живых!»

2

Так в вихре, в молнии, в грозе стихий Природа
Гремит, как легион нездешних голосов.
Но с поднятым челом и с возгласом «Свобода!»
В обетованный край своих лазурных снов,
Сквозь бурю, ливень, мрак, к долине тихой рая,
Шатаясь, падая под ношей крестных мук,
Вперед идет титан, на миг не выпуская
Хоругви мятежа из напряженных рук,
И гордо говорит:
                                    «Кто б этот пыл священный

Мне в душу ни вдохнул, карая иль любя,
Игра бездушных сил, иль Разум сокровенный,
Вновь погасить его нет власти у тебя!
Казни меня, бичуй — пощады не прошу я,
Но знай: и ты во мне пощады не найдешь,
На грозный бой тебя, на смертный бой зову я —
Лишь труп холодный мой ты в цепи закуешь!
Слепа ты и мертва в красе твоей суровой,
А я согрет огнем бессмертного ума.
Из Книги бытия, законодатель новый,
Листы я вырву зла, скажу: погибни, тьма!
Скажу: зажгись, рассвет! Взойди эдем в пустыне,
Где пот я засевал, кровавый пот труда!
И будешь ты сама служить моей святыне,
Иль я с лица земли исчезну навсегда!»

1891
Акатуй

СЕСТРЕ

Печально прошла твоя жизнь, моя бедная!..
Как осень холодная, хмурая, бледная,
Без радостей дружбы, без света любви
Мелькнули все лучшие годы твои.
Природа, как дочь неродную, постылую,
Тебя красотой обделила и силою;
Сокровища ж сердца — что радости в них?
Кто перлы считает в пучинах морских?

В себе ты родник отыскала терпения,
В душе твоей жившего светлого гения,
Струившего волны аккордов святых
Из бледных и немощных пальцев твоих.
И мертвые струны, разбуженны звуками,
Дрожали живыми слезами и муками,
Тоскуя, надеясь, мечтая, любя, —
И свой лучезарный был мир у тебя!

Но темная сила, пощады не знавшая,
Проклятьем на всей твоей жизни лежавшая,

Дорогу и в этот лазурный эдем
Тебе заградила, казалось, совсем:
Иссохли, упали, как плети ненужные,
До срока, до времени руки недужные,
И гибель, конечная гибель грозой
Нависла над жизнью твоей дорогой.

Закрылся рояль, и затихли рыдания,
Уснули мечты... Ни мольбы, ни роптания...
А как твое сердце дрожало в тиши,
Как плакали нежные струны души
Да очи твои молодые, безвинные,
Как слезы их ночи лишь видели длинные, —
Кто знает об этом? Упавшей во тьму
Звезды не найти никогда никому!

И в эту-то ночь своей жизни безбрежную
Всю душу свою милосердную, нежную,
Со всеми дарами любви и тепла,
Чужому несчастию ты отдала.
И к скорбному брату, бойцу недобитому,
При жизни в глухую могилу зарытому,
В юдоль безысходных сомнений и мук,
Как ангел небесный, явилась ты вдруг.

Явилась, как чудная весть утешения,
Любви без конца, упованья, терпения, —
И где та любовница в мире, та мать,
К которым бы мог я тебя приравнять?
Награды ль себе ты просила, родимая?
Ах! даже и песнь моя, тайно хранимая
Твоей не знакомой с корыстью рукой,
Мой друг, не тебе отзывалась — другой! ..

Теперь, когда дни воротились ненастные,
И ты далеко, мое солнышко ясное,
И некому выплакать горечь обид,
И так я бессилен, так всеми забыт;
Теперь, когда, правду изведав жестокую,
Страшась за дорогу твою одинокую,

Последнюю кровь я отдать бы готов,
Лишь был бы твой жребий не столько суров, —

В часы трудовые и в полночь угрюмую
Черты дорогие зову я и думаю:
«О слава! нет правды в решеньях твоих,
Ты только красивых целуешь и злых.
Но если бы я был судьей над вселенною,
Тебя я короной венчал бы нетленною,
Тебя б на вершины бессмертья вознес,
О сердце прекрасное, полное слез!..»

1891
Акатуй

* * *

Во мраке былого, в грядущих веках
Ищу я, под гнетом тоски, утешенья;
Но трудно парить и орлу в облаках,
Хоть он и рожден для паренья!

И он, быстрокрылый, порой устает
Отважные делать усилья
И сходит на землю с лазурных высот,
Слагая могучие крылья...

Как жаждет теперь же усталая грудь
Согреться под кровом родимым, —
Рыдая, прижаться к коленям любимым,
От мук и тревог отдохнуть!

1891

ПЕСНЯ БУРИЛЬЩИКОВ

Там, где, холодом облиты,
Сопки высятся кругом, —
Обезличенны, обриты,
В кандалах и под штыком,

В полумраке шахты душной,
Не жалея силы рук,
Мы долбим гранит бездушный
Монотонным «тук!» да «тук!»

Где высокие порывы,
Сны о правде, о добре?
Ранний гроб себе нашли вы
В темной каторжной норе!
Счастья кончены обманы,
Знамя вырвано из рук...
Заглушая сердца раны,
Мы стучим лишь: «тук!» да «тук!»

С нелюдимого востока,
С плачем снежных непогод,
Этот стук пройдет далеко,
В грудь отчизны западет
И на гибнущее дело
Вышлет сотни свежих рук...
Бейте ж, братья, бейте смело,
Неустанно: «тук! тук! тук!».

1892

* * *

Муки брата смягчая в чужой стороне,
Ты мне пишешь, дитя, в утешенье:
Тот украдкой слезу уронил обо мне,
Тот свое изъявил сожаленье.

И обрывки давно позабытых имен
Из тумана годов выплывают,
Оживая, как смутный, болезненный сон,
И в груди моей желчь поднимают...

Это те, что в сторонке стояли в тиши,
Равнодушные руки скрестивши,

Когда нес на борьбу я все силы души,
    О соблазнах покоя забывши.

. . . .

А теперь, когда пал безрассудный боец,
    Нарушавший гармонию спячки, —
Почему не потешить довольных сердец,
    Не швырнуть ему барской подачки?..

Им дешевая слава дороже всего —
    Что им слезы правдивых мучений?
— Ах, оставьте меня вы страдать одного,
    Не хочу я ничьих утешений!

1891

ЗАБЫТЫЙ МЕРТВЕЦ

Мне снилось — окончились годы
Тяжелой и долгой разлуки:
К тебе я примчался, как ветер,
Простерши дрожащие руки.
Как в старые годы, толпою
Подруги тебя окружали,
Как свежие, пышные розы,
Румянцем и счастьем сияли.
Всё, всё было то же, что прежде,
Ни в чем никакой перемены, —
И те же веселые лица,
И те же уютные стены...
Но только что я показался, —
Смолк говор беседы открытой,
Как будто в кругу беззаботном
Явился мертвец позабытый!
И шепот пронесся смущенья,
Движенье мелькнуло испуга...
Тогда лишь отчетливо-ясно
Увидел я милого друга.
Как мрамор бела, неподвижна,
Сидела ты, грустно-немая,
Скрестив исхудалые руки,

Душою далеко витая.
Застывшие очи казались
Полны бесконечной печали...
И вдруг изумленье и радость,
Как буря, по ним пробежали!
Безжизненно-бледные щеки
Внезапным огнем озарились,
Навстречу объятиям жадным
Поспешно объятья раскрылись.
Минута блаженства... И с криком
Назад ты скорей отшатнулась,
Как будто в устах моих жало
Шипящей змеи шевельнулось!
Упали бессильные руки
Под гнетом тоски беспредельной;
Как снегом, покрылись ланиты
Опять белизною смертельной.
Души моей холод обиды
Струей леденящей коснулся...
Померкла безумная радость...
И снова к тебе я рванулся!
И, складки одежды целуя,
Колени твои обнимая,
Шептал, задыхаясь, волнуясь:
«Я... я, дорогая, родная!
Всё понял я чуткой любовью:
Меня ты погибшим считала,
По мне, как по мертвом, поминки
Живыми слезами справляла.
И годы промчались... Не знаю,
Какие страданья — нужда ли,
Порыв ли минутный участья —
С немилым тебя повенчали.
Была ты глубоко несчастна
В союзе любви подневольной
И память усопшего друга
Хранила в душе богомольно.
Но гроб растворился... Открой же
Слезами залитые очи:
Румяное утро прогнало
Кошмары и призраки ночи!
Дитя дорогое, очнися

От грезы безумной и дикой!
Мы право на счастье земное
Купили ценою великой...»

Но тщетно тебя заклинал я:
Как тень, ты из рук ускользала...
«Нет, нет, никогда до могилы!» —
Устами без жизни шептала...

1891

ПАМЯТИ С. Н. БОБОХОВА и Н. В. КАЛЮЖНОГО

Есть эпохи печалей, есть страшные годы, —
С дрожью гнева историк о них говорит.
Мрак угрюмей, душней в эти ночи невзгоды,
Но терновый венец величавей горит!
Не о вас я скорблю, зо́ву чести послушных,
Жизнь сумевших за други своя положить:
Я печалюсь о нас, о друзьях малодушных,
На руинах святых остающихся жить.
Мрак и ужас былого воочию видеть,
Всё, что, гордые, вы не хотели снести,
Бесконечно любить, горячо ненавидеть
И не чувствовать силы за вами идти —
Есть ли пытка страшнее?..

13 ноября 1889

* * *

Дороже райских благ, всего, друзья, что есть
Для вас святого во вселенной,
Сокровищ больше всех цените вашу честь,
Души алмаз неоценённый!
Блюдите этот клад, как девушка свой стыд,
От юных дней и до могилы,
И пусть ни злато вас собою не прельстит,
Ни поцелуй и смех Далилы!

Ни слезы матери, ни дряхлый век отца,
    Ни вид уже готовой казни
Пусть вашей гордости не сломят до конца,
    Открывши сердце для боязни!
Не верьте разуму, когда он скажет вам,
    Что не измена — ход лукавый,
Что можно смыть с души вины случайный срам
    Годами подвигов и славы.
Не верьте: слабости то шепчет дух больной,
    Прикрывшись логики личиной...
Бойцу прилично быть не робкою женой,
    А чуждым трепета мужчиной!
И если победит сомненья горький час,
    И роковое зло свершится, —
То знайте: нет людей, навек несчастней вас,
    И лучше б в мир вам не родиться!..
Никто, ничто печаль души не усыпит —
    Она растет, растет с годами...
Довольный враг вам жизнь, свободу возвратит,
    Осыплет золотом, дарами, —
Свобода будет вас душить, как свод тюрьмы,
    Червонцы руки жечь вам станут;
Друзья... О, скорбь! о, стыд! — друзья, как от чумы,
    От вас испуганно отпрянут.
Потупит взор отец; мать, дорогая мать,
    Родник прощенья бесконечный,
Грустя о вас, очей не будет осушать...
    Мир облечется в траур вечный!

Но пусть простят друзья иль пусть молчит пока
    Легенда вашего позора:
Коснется ль ваших рук товарища рука —
    Вы стыд почувствуете вора.
Во взгляде любящем прочтете вы укор,
    В беседе дружбы — подозренье...
Всё кто-то будет вам шептать: «Позор! позор!
    Презренье, вечное презренье!»

Чрез много-много лет, когда, попав опять
    В водоворот борьбы кипучей,

Найдете счастье вы, какое может дать
    Бойцу венец его колючий,
Не раз, как божий гром с безоблачных небес,
    Как адский дух средь кущей рая,
Мелькнет забытый сон... И солнца свет исчез,
    И сердце сжала боль тупая!
. . . .

1892

* * *

Проклятье — ваш удел, безумные века...
Когда отживший мир народы перестроят, —
Не всё исчезнет зло, не замолчит тоска,
    И язвы новых ран заноют.

Где свет сплошной горел, увидим бездну тьмы;
Победу возгласив, узнаем гнев бессилья
И снова разбивать о душный свод тюрьмы
    Мы будем трепетные крылья!

Но и в уныньи злом, в ночи без маяка
Ни разум мудреца, ни пылкий дух поэта,
Мечтая и скорбя о днях любви и света,
    Не обратятся к вам, проклятые века!

1892

ИДЕАЛЫ

* * *

Он светит, как маяк над бездною морскою,
Суля нам тихий рай за далью непогод.
Он говорит душе, истерзанной тоскою:
    «Вперед! Без отдыха вперед!»

Но кто он, дивный вождь? Сквозь этот мрак
                                        ненастный
Куда ведет он нас? Кто, дерзкий, хоть во сне

Черты его видал? .. Пленительно-прекрасны
И полны ужаса оне!
Чему еще вчера молились с умиленьем —
Сегодня стало прах, рассеялось, как сон;
И то, что в этот миг зовется преступленьем, —
Святыня завтра и закон!
Свобода, слава, честь, любовь, отчизна, вера...
Нет образам твоим и именам числа.
Ты зажигал костры, ты двигал изувера,
Ты вдохновлял бойца на славные дела!
Как жаждал мир тебя! .. Ты созидал кладбища,
Ты посылал на смерть невинных и святых —
И всё остался чист... Как воздух, солнце, пища,
Как радость бытия, ты нужен для живых!

Падет, падет венец с святыни беззаконной,
Пред светочем ума померкнут ложь и зло,
И из развалин ты, как феникс возрожденный,
Поднимешь светлое чело!

1892

1. ИМЕНЕМ ЛЮБВИ

(30 июня 1680 года)

День голубой занялся над Мадридом,
Томительно-палящий летний день.
Но не садов живительная тень
Влечет толпу: великолепным видом
Порадовать готовится король
Свой пышный двор и уличную голь.

Стук топора и визг пилы был слышен
На площади шестнадцать долгих дней.
Там лабиринт воздвигнут галерей
И ярких лож... Как дам убор там пышен,
Как рыцарей галантны вид и речь!
Жидов и ведьм сегодня будут жечь.

Чу! близятся... Неясный гул движенья..,
И замер дух у зрителей в груди.

С мечами трубочисты впереди...
А вот и *те*... Бредут, как привиденья,
Босые все, со свечками в руках,
В сорочках белых, в страшных колпаках.

С хоругвями, с эмблемами, крестами
Святая инквизиция грядет:
Монахи, патеры, епископы... Народ
Подался в глубь бурливыми волнами,
И с верхних лож благочестивый двор
На сцену устремил горящий взор.

Пришли... Стоят с покорностью печальной...
И зашумела буря голосов:
«Огня, огня! Долой еретиков!»
Но вдруг... Что там? Раздвинув круг опальный,
Фигура отделилась... Вот она
Пред троном королевы склонена.

И кто б решил: которая прекрасней
Была из двух? Она ль, к порфире чьей
Летел восторг бесчисленных очей,
Иль та, которой не было несчастней
Под солнцем, озарявшим этот миг?
В слезах был весь марранки[1] юной лик.

«О, сжальтесь, королева, надо мною! —
Она шептала, руки заломив: —
Пятнадцать лет всего мне... Суд правдив,
Но умереть так рано!.. Я ль виною,
Что богу сил есть в мире тьма имен,
Что мой закон — моих отцов закон?»

Здесь — гнева крик, там — шепот изумленья...
Надежды луч и леденящий страх...
У королевы слезы на глазах,
Дрожит рука — и кроткий звук прощенья
Сорваться с уст трепещущих готов:
На короля глядит она без слов.

---

[1] Марранами назывались в Испании выкресты, вновь обратившиеся к религии предков.

Но вот уста задвигались сухие
(Великий инквизитор встать спешит):
«Король Христовой церкви! Враг не спит...
Отринь скорей его наветы злые,
Сверши свой долг!». И, руку вверх подняв,
Король в ответ: «Клянусь, отец, — ты прав».

И эта клятва мрачными попами
Повторена... Раздался слабый стон —
И грянуло аминь со всех сторон,
И вспыхнуло свирепой казни пламя!
Багровый дым поднялся к небесам
Хвалой тому, кто был замучен сам.

2. СЛАВА

1

Выше, выше, рабы! Громоздите
На утесы утесы, гранит на гранит!
Изнуряйтесь, кричите от боли, умрите
У подножия гордых моих пирамид:
Вы на то лишь и годны, презренные души!
Я — Хеопс богоравный, я — солнцем рожден:
Звуки славы моей на морях и на суше
Отдаленных достигнут времен.
Но гордитесь — вы подвиг бессмертный творите,
Монумент мой под бурей веков устоит...
Выше, выше еще! Громоздите
На утесы — утесы, гранит на гранит!

2

В путь, в неведомый путь, удалая фаланга
Македонских героев! Бесстрашно вперед
Через пламя пустынь, через холод высот
К изумрудным лесам тихоструйного Ганга!
Александру весь мир покорить вы должны,
Чтобы не было имени в мире славнее...

Жгите села и нивы, рубите смелее,
Убеляйте костями дорогу войны!
Не жалейте напитков на тризне кровавой —
На полях этих пышная жатва взойдет:
Александра бессмертного славой
Мир наполниться должен... Вперед!

3

Славься, славься, моя многозвучная лира,
Ты в великом бою посрамила врагов!
Много сильных земли, много гордых певцов
Пред глазами сошлось удивленного мира,
Чтоб украсить чело заповедным венком;
Много песен, угодных богам, прозвучало,
Дивных песен, сердца зажигавших огнем, —
И меня, лишь меня одного увенчала
Лучезарного Феба благая рука.
Пой же, пой, моя лира, греми, не смолкая:
Ты — Эллады краса и утеха святая,
Будут помнить тебя племена и века!

4

И века пронеслись... Мавзолей величавый
Еле виден в наносах горючих песков,
И ободран его драгоценный покров,
И затерты узорные надписи славы.
И не помнят под солнцем ливийских небес,
Кто из смертных придавлен громадою стройной —
Горделивый Хеопс иль могучий Рамсес...
И не меньше забыт Александр беспокойный!
Смутно шепчет молва о великом бойце,
Полном диких страстей и порывов прекрасных...
Да по свисту знакомому розог ужасных
Школяры еще знают о гордом певце,
Тщетно силясь гекзаметр прочесть величавый...
        Вот удел, называемый славой!..

3. МЕЧТАТЕЛИ

Любовь... Блаженный сон!.. Кто в юности прекрасной
Не окружал тебя сияющим венцом?
Была пора — была рабой безгласной
И вещью женщина, мужчина был царем.
Один владел он всем; ничтожной крошки хлеба,
Рабыня, не могла назвать она своей.
В те дни союз любви явился даром неба,
Очеловечившим людей.
Над темным миром зла, над я себялюбивым
Любовь воздвигла мир чарующей мечты,
Зажгла сердца возвышенным порывом,
Из уст исторгла песнь во славу красоты!
Но в позолоте цепь, увы, не легче стала:
Всё доля женская — подобие тюрьмы...

И есть мечтатели, есть дерзкие умы,
Провидящие свет иного идеала.
«Исчезнешь ты, гимен, ты, злое божество
С улыбкой ангела!.. Обман, мираж красивый,
Которым зверь прикрыт сластолюбивый,
В котором нет святого ничего!
Всё для себя — и ничего для мира...
Ничтожный, пошлый круг! Безвыходный капкан,
Где заперты навек два мстительных вампира
Под масками друзей... И это — ты, титан,
Свободы гордый сын? И к этому так жадно
Века стремишься ты с упорством муравья?
Развеется как дым — безумный, безотрадный
Кошмар, название которому — семья.
За милый женский взгляд, за сладкий миг участья
На брата брат меча не вынет из ножон!
Все будут позваны на светлый праздник счастья,
Никто не будет обделен!»

4. СВОБОДА

Во мгле и ужасе промчавшихся веков,
Где каждый шаг вперед живою куплен кровью,
Один прекрасный луч дразнил мечты бойцов,
Враждою зажигал и вдохновлял любовью.
И больше за него пролито крови, слез,
Чем за другие все дары и блага мира!..
Но гордый ли Дантон на плаху шею нес,
Рубила ль головы Кромвéлева секира, —
Всё тот же над землей носился горький стон,
Всё люди вдаль рвались за правдою и светом,
И призрачно мерцал лазурный счастья сон,
Так внятно шепчущий безумцам и поэтам...
. . . .
И с каждой битвою, и с каждой жертвой новой
Как будто глубже мрак над бездной вековой,
Острее и больней язвит венок терновый,
Нахальнее телец сверкает золотой.

— Пловцы, далек ваш путь над глубиной бездонной,
С стихией и судьбой лишь начат гордый спор!
Чем выше и темней хребет волны вспененной,
Тем больше новых бездн смущенный видит взор.
Пред далью грозною — наивный детский лепет
Все грозы прежних дней... На дне своих могил,
Увенчанных хвалой, почувствуете трепет
Вы, славные герои Фермопил!
И ты, железный Брут, и Гракх, и Телль суровый,
Орлы, любившие свободу будто мать,
Вы поняли б борцов любви и правды новой?
Нам руку братскую могли бы вы подать?

И благо, если суд потомства справедливый —
Неумолимый суд — и нас не упрекнет
За то, что наша мысль орлицею пугливой
Бессильно падала с заоблачных высот!..

1892

* * *

В безмолвии ль полночи,
В тревоге ли дня,
Во сне, за работою,
Везде близ меня,
Как призрак блуждающий,
Покоя не знающий,
Мелькает, грустя,
Лицо твое кроткое,
Лицо твое бледное,
Дитя мое милое,
Дитя мое бедное,
Родное дитя!

Всё снится мне мертвая
Изгнанья страна:
Холодная, белая
Снегов пелена
И ты, в них зарытая,
Былинка забытая...
Как будто грустя,
Вокруг тебя шепчется
Тайга неисследная:
«Дитя беззащитное,
Дитя мое бедное,
Больное дитя!»

Чем другу несчастному
Помочь я могу?
Шепчу лишь бессильные
Угрозы врагу,
Да с тайною мукою,
Как няня, баюкаю,
Ласкаю, грустя,
Видение нежное,
Видение бледное:
— Дитя мое сирое,
Дитя мое бедное,
Родное дитя!..

1892

* * *

Были черные дни, страха полные дни,
Как могила, зловещие ночи...
И твою даже волю погнули они,
Оросили суровые очи!
Не уснув, не один ты встречала рассвет,
Потихоньку в слезах облегчая
Боль неправых обид и колючих клевет, —
И не знал я об этом, родная!
Я не мог тебя грудью своей заслонить,
Защитить тебя кровью своею,
Показать, как умею я нежно любить,
Как ласкать и голубить умею.
Друг твой не был с тобою... Чужая рука
Мой цветок дорогой охраняла,
И, как сердце змеей обвивала тоска, —
Ты не мне свою боль поверяла!

1892

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

1

Не ужасы борьбы и злобного гоненья
Проклятием легли на наше поколенье,
Но то, что, знамя взяв свободы и любви,
Все, все грехи отцов носили мы в крови!
И — что́ больней всего — мы, слуги идеала,
Заветных сердца дум так отдавали мало
На то, чтобы никто не мог нас упрекнуть
За пройденный во тьме многострадальный путь;
Чтоб в эту ночь греха, позора и печали
Мы над пустыней зла, как светочи, сияли —
Живой уликою тупым клеветникам,
Примером верности свободе и друзьям;
Чтоб наш обет любви перед порочным светом
До гробовой доски был верности обетом

И наши имена в дали веков зажглись
Бессмертьем Пенелоп, Леандров, Элоиз!

Но жизнь-завистница величия не сносит —
Все светлые мечты без сожаленья косит...
И слышу я кругом: «Чему дивится он,
Мечтательный слепец? Таков судьбы закон».

2

— Мой друг, далекий друг, чей образ незабвенный
Дороже счастья мне и всех даров вселенной,
Чью ласку помню я, как лучших лет мечту,
Без чьей улыбки рай за рай я не сочту,
Любовь души моей! Мне каждый день разлуки
Приносит новый ад невыразимой муки...
Подолгу ль от тебя нет вести дорогой,
Уж страх меня томит, что я забыт тобой;
Придут ли наконец пленительные строки,
Я, жалостью объят, забывши все упреки,
Как мертвую, готов оплакивать тебя,
Безумной клятвою связавшую себя!
Любимая, зачем? За что в поре расцвета
Должна угаснуть ты, восторгом не согрета?
Весталка бедная, к чему огонь блюсти,
Когда алтарь разбит и брошен при пути?
Смотри, как крест тяжел... Смотри, измены всюду...
Пускай же я один живой гробницей буду,
Обеты юных дней до седины храня:
На то певец я твой, на то мечтатель я!
Нет! не возьму я всех сокровищ наслажденья
За старые мечты и старые мученья, —
Пусть их ребячество ребенок осмеет,
Романтиком меня последним назовет!

1892

СТРАННИК

(На мотив из Гейне)

1

Из странствий далеких и долгих
Во сне я вернулся домой,
И только что нá берег вышел —
Был вестью сражен роковой:
Моя дорогая подруга
Давно уж, давно за другим...

Всю ночь на утесе прибрежном
Сидел я, тоскою томим.
Вверху было тихо и грустно:
Как будто над гробом большим,
Мерцая, там двигались свечи,
Клубился таинственный дым...
Внизу же бурливые волны,
Смирясь, начинали шептать:
«Ах, бедный, обманутый странник,
Покинем отчизну опять!».
И было себя мне так жалко,
Так слаб и несчастен я был...
И громко кричал я и плакал,
А ветер мой стон разносил!
Заря уж взошла золотая,
Окрасилась кровью волна,
Когда утомленную душу
Опять обняла тишина.
Ревнивое, темное чувство
Куда-то ушло со стыдом,
Наполнилась грудь умиленьем,
И светом зажглась, и теплом.
Змея оторвалась от сердца, —
Любить захотелось, прощать,
Увидеть ее, преклониться,
«Прости» ей без гнева сказать!

2

Вхожу нерешительно в залу —
Со вкусом она убрана.
Услышишь, как сердце трепещет, —
Такая везде тишина!
За праздно раскрытою книгой
(Я вижу лишь мельком — роман)
Сидит элегантная дама,
Небрежно склонясь на диван.
Глаза наши встретились; жаркой,
Предательской крови волна
Лицо залила мне... Ужели?!

— Но нет: не *она*, не она! —
Холодная светская маска,
Усталый, безжизненный взор...
У милой же был он, я помню,
Глубок, точно пропасти гор!
Раскланявшись чинно и с сердцем
Безумным успев совладать,
Вопрос задаю я учтивый:
Могу ли NN увидать?
— «Увидеть NN?!» — «Да... хоть, впрочем,
Так прежде звалась она...» — «А!
В счастливые старые годы?..
Я замужем нынче... Тогда...
И горя, и радостей много,
Monsieur [1], вы напомнили мне!
Простите, с кем честь я имею?..»

Какое-то имя, вполне
Случайно пришедшее в мысли,
Поспешно назвал я; сказал,
Что долго блуждал по чужбине,
Что там, между прочим, встречал
Лицо, о котором, быть может,
Еще не забыли друзья...
(А сам про себя размышляю:
Ужели же память моя

---

[1] Сударь (франц.). — *Ред.*

Так зло надо мною смеется?
Она... Нет, совсем не она!)
Она поднимается с места,
Взволнованна, страшно бледна:
«Как! вы его знали? Скажите...
И близко?.. Но где же он сам?»
— «Сударыня! — тихо в ответ я, —
Увы, он давно уже там».
(И руку приподнял я к небу)... —
Молчание, вздох — и потом
Беззвучные, кроткие слезы...
«Себя не виню я ни в чем,
Monsieur... Я ждала его тщетно
Не месяц один или год;
Но, знаете, — тягость разлуки,
Оковы житейских забот,
Отчаянье... жажда забвенья...
Потом этот ужас — молва
О смерти его на чужбине...
Я еле осталась жива!
Конечно, прекрасно в романах
Читать о любви без конца,
О верности вечной; мы в школе
Твердили «Любовь мертвеца».
Но это поэзия! В жизни
Она быстролетна, как сон».

Тут вставил и я торопливо,
Что это природы закон.

Тогда, улыбнувшись печально,
К другому она перешла:
Что муж ее — малый честнейший,
В свои погруженный дела;
Что небом дана ей отрада —
Любви их единственный плод, —
Прелестная дочка; что скромный
Они получают доход
(Провинции, впрочем, приличный),
Свой домик имеют и сад.
Из собственных вишен варенье
У них превосходно варят.

И, только что счел я уместным,
Взяв шляпу, отвесить поклон,
«Как можно! — вскричала. — Без чаю?
Нет, нет, извините... Pardon!»[1]
И скрылась тотчас за дверями,
Распущенным шлейфом шурша.
А я... Я остался во мраке,
Рыданья едва заглуша...

3

Вдруг... В сумраке ночи безбрежной
Блеснувший, как молния, свет! —
Дверь скрипнула тихо — и крошка
Шести или менее лет,
С глазами испуганной серны,
С бутонами рдеющих щек
Под рамою локонов черных,
Несмело взошла на порог.
Взошла, поглядела... И с криком,
Бывающим только во сне,
С мучительным криком блаженства
Упала на шею ко мне!
Мы мигом друг друга узнали
(Глаза изощряет любовь)...
И оба мы плакали горько,
Смеялись и плакали вновь.
Спешил и в уста я, и в очи
Малютку мою целовать.
Спешил, задыхаясь, волнуясь,
Про всё ей, про всё рассказать.
Она всё росла, изменялась,
На мать походя всё сильней,
И, с образом милым мешаясь,
Душе становилась родней.
Я все ей печали былого,
Все раны свои обнажил,
И лишь одного всё боялся,
Что главное что-то забыл...

[1] Простите! (франц.). — *Ред.*

И снова спешил, озираясь...
А голос, меж тем, дорогой
Мне на ухо пел, не смолкая:
«Теперь до могилы ты мой!
Ничто нас теперь не разрознит —
Ни гор снеговые хребты,
Ни волны, ни бури, ни цепи,
Ни жало людской клеветы!»

И пел он, так душу лаская,
Так чудно и нежно звеня,
Как будто из светлого рая
Был послан утешить меня!

1892

НА СТРАЖЕ

(А. И. Зунделевичу)

Брат, замученный брат!
Пусть несчастливы мы,
Пусть гнетут и томят
Стены душной тюрьмы;
Пусть не служат добру
Здесь, в безвестной глуши,
И, как свет на ветру,
Гаснут силы души...

Нет! недаром горим
Мы, светя в темноту:
На почетном стоим
Мы, товарищ, посту.
Перед сильным врагом
Не склоняясь в пыли,
Точно клад, стережем
Честь родимой земли!

1892

* * *

Сегодня я всю ночь не мог очей сомкнуть, —
Сомненье черное мне душу истерзало!
Железною рукой сдавивши мозг и грудь,
Свободно чувствовать и мыслить не давало
И грозным шепотом дышало на меня:
«О, горе, горе вам! Вы родину сгубили!
В преддверьи светлого и радостного дня
Она была б теперь — вы только отдалили
Ее свободы час... Безумные! себя
За цвет и соль земли сочли вы горделиво,
Вопросы сложные решая торопливо,
Грехи веков сплеча рубя!
И что отрады в том, что стороне родимой
Желали блага вы, что ваша кровь лилась?
Любя, вы нанесли ей вред непоправимый...
Да, вы преступники! Она осудит вас!»

Так, в тишине ночной, угрюмое сомненье
Нашептывало мне, злорадствуя и мстя...
И, полный ужаса и слабый, как дитя,
Спасенья я искал — и не было спасенья!

1892
Акатуй

* * *

— Пускай обвиняют, клевещут, бранят,
И жалят, и топчут, у спящих в могиле
Венцы отнимают... Пускай говорят,
Что родину мы погубили!
Не вам нас судить! Мы на суд вас зовем,
Убийцы свободы, жрецы вероломства!
Без страха суда мы правдивого ждем —
Из уст неподкупных потомства.
Вы неба не знали! Влачась по земле,
На ощупь вы каждый успех измеряли,
А мы... Мы витали в таинственной мгле —
Мы думой в веках прозирали!

Свободная мысль изнывала в цепях,
И мрак был ужасен, и зло ликовало...
Мы подняли знамя, упавшее в прах, —
И полночь вокруг задрожала!
Горсть храбрых на тьмы ополчилась врагов,
Шатались могучего трона ступени...
Мгновенье... Но целые сонмы веков
Подобных не стоят мгновений!
Всё стихло, предсмертный лишь носится
стон...
Но явится правды поруганной Мститель:
Не тот, кто на землю упал, — побежден,
Не тот, кто разит, — победитель!

1892

* * *

Те годы ужаса, когда во тьме неволи,
Один, в глухих стенах, я гордо изнывал,
А каждый вздох иль стон невыносимой боли
Под сводом каменным бесплодно замирал;
Когда часы и дни, бесцветные, больные,
Докучливо ползли, питая мрачный сплин,
Меж тем как вдалеке куранты крепостные
Не уставали петь: «Страдай, страдай один!», —
Те годы черных снов и тяжкого томленья,
Лишений горьких дни всё ярче и светлей
Рисуются душе во мраке отдаленья,
Я их вернуть бы рад, как дорогих друзей!
И пусть бы я погиб... Пусть у меня до срока
Сгорели б мозг и грудь в горячечном огне,
Зато бы спас я честь! Ни одного упрека
Не сохранил бы я в сердечной глубине!

А здесь, где каждый день — пучина униженья,
Где каждый час встает мучительный вопрос:
«Жизнь, эта жизнь раба — не верх ли преступленья?
Возможно ль, честно ль жить под острием угроз?» —
Ах! Здесь отрады нет... Здесь даже мирный гений
Забвения и сна печален и суров:

Какие бездны зла, какой родник мучений
У этих каторжных, бесчеловечных снов!..
В них всё — позор иль смерть: то, в поисках
могилы,
На дно глубоких шахт кидаюсь я стремглав,
То принимаю яд, то открываю жилы,
Тоскующих друзей вокруг себя собрав.
Кошмары без конца... Я слышу клокотанье
В груди самоубийц, не вынесших цепей...
Проснусь — и душит грудь кипучее рыданье,
И влага жгучих слез струится из очей!

1892
Акатуй

* * *

Ни застенков, ни криков, ни слез,
Ни костров, ни ужасных колес...
Люди мягче, гуманнее стали,
И, чтоб вытянуть жилы из нас
Без невольных брезгливых гримас,
Утонченные пытки сыскали.

И сказали, глумясь над врагом:
«Будь отныне безгласным рабом
Ты, глашатай непризнанный века!
Позабудь образованность, честь,
Всё, что в мире высокого есть,
И венец, и права человека!

Будь рабочим скотом! Трепещи,
Унижайся, работай, молчи,
Избегая неравного спора:
Не почетный и славный конец
Ты найдешь в нем, отважный боец, —
Выпьешь горькую чашу позора».

Бессердечен судьбы приговор:
Или смерть, или вечный позор!..
Без названия скорбь, без исхода,

А в душе еще силы кипят,
И, хоть гроба темней каземат,
Всё ей снятся борьба и свобода!

— О потомки! в тот радостный день,
Как последняя скроется тень
И, развеявши чары заклятья,
Поразивши могучее зло,
Вы украсите лавром чело
И рабов заключите в объятья, —

Упиваясь своим торжеством,
Не глумитесь над павшим врагом,
Той же казнью его не казните;
Но, как лучший эдема цветок,
Как бессмертия тайный залог,
Человека достоинство чтите!

1892

В ГОЛОДНЫЙ ГОД

С далекой родины приходят злые вести
О черных днях беды, нависшей над страной;
Во сне и наяву зовет к борьбе и мести
Изнеможенный лик страдалицы родной.
И в сердце крик встает: «Где вы, друзья свободы?
Чего молчите вы? Чего еще он ждет,
Правдивой казни меч?..»
Мелькают дни и годы...
О боже! кто спасет измученный народ?

Туманная весна. Одетый первым пухом,
Недвижен сонный лес; в заброшенных полях
Не ходит острый плуг... И пахарь, павший духом,
Над мертвой клячею стоит с слезой в очах.
И видит он вдали погнувшуюся хату,
Больные личики детей полунагих

И знает: каждый день сулит ему утрату,
Обиду новую, отраву слез немых...

— Не плачь, несчастный брат! Не думай, что мольбою
Смягчишь ты гнев небес, пославших чашу бед,
Не думай, что вампир, взлелеянный тобою,
Захочет кинуть сам иссохший твой скелет!
От чуда ли ты ждешь желанного спасенья?
Избавит бог тебя от гнета хищных лап?
Защиты в небе нет! Надежды нет в терпеньи —
Иль сам себя спасай, иль погибай как раб!
Но хуже ль ты других? Из полного бокала
Не можешь радость пить со смехом на устах?
Мой край, родимый край! воспрянь... Пора настала
Оковы ржавые разбить и бросить в прах!
Вставай — ударил час!.. Живой огонь тревоги
Воспламени в сердцах, народы всколыхни...
Всели холодный страх в бездушные чертоги,
Зажги по городам зловещие огни!
Темницы распахни!.. И из своей могилы
И мы, забытые, живые мертвецы,
Лишенные давно и мужества, и силы,
Воспрянув, явимся, среди бойцов бойцы.
И если лучший сок пожрал огонь страданья,
И если лучших сил назад не возвратим,
То кровь последнюю, последнее дыханье
Тебе, о Родина, с восторгом отдадим!

1892

НОЧНЫЕ ГОСТИ

Весь вечер слушал я, охвачен дрожью гневной,
До глубины души взволнован, потрясен
Беседой дикой их и темнотой душевной,
И тщетно силился прервать гнетущий сон!
Кровь, сцены грабежа — и хохот бессердечный...
Напрасно в глубь себя замкнуться я хочу,
Вас, тени милые, ваш облик человечный
С болезненной тоской везде кругом ищу,

Ищу, зову, молю... Увы! лишь на мгновенье,
Со взором, полным слез, блеснете вдалеке —
И скроетесь тотчас в испуге и смятеньи...
И я опять один мечусь в бреду, в тоске!

— Жестокий фарс судьбы!.. Как жадною мечтою
Я рвался в вышину к лазурным небесам,
Как мир хотел обнять восторженной душою —
И вот, товарищ я злодеям и ворам!
Мой мир стал мир убийц... Громами обличенья
Перерождать сердца мне дара не дано;
Искать луча небес на глубине паденья —
Хвалы достойный труд, но... он свершен давно!
Умри ж, безумный вопль! Мечты борьбы, усните!
В мученьях пытки злой хотя бы честь сберечь...
О, радость! ночь близка... Уж путаются нити
Разбившихся бесед, ленивей льется речь,
И ангел сна прошел над мрачною тюрьмою:
Как трупы полегли колодники кругом.
Тускнеет лампы свет... И, споря с тишиною,
Ударил барабан, — знакомый, мерный гром.
Мне он не вестник сна! Таинственный и властный,
Он говорит: «Воспрянь! желанный миг настал.
Они идут к тебе, друзья поры прекрасной,
Которых жаждал ты и так безумно звал.
Ты слышишь — легкий шум раздался в отдаленьи?
То шелест крыльев их. Смотри: из всех углов,
Со всех сторон глядят заплаканные тени
Знакомцев дорогих... Ты слышишь нежный зов?
Очнись, страдалец наш! Лови часы свободы!
Стряхни сомнений гнет, ты нами не забыт,
Ты так же дорог нам и в эту ночь невзгоды,
Под властью мелочных гонений и обид.
Гордись! К тебе пятно позора не пристало!
Склонись на нашу грудь, на любящую грудь,
Поведай нам всю боль души твоей усталой,
Так страстно рвущейся от странствий отдохнуть.
О, потерпи, родной! желанный отдых скоро:
Уж виден мирный кров и кипарисов тень...
Страданью есть конец, а правде нет позора!
Что́ ночь, когда за ней сияет вечный день?..»

1892

ОБЛАКО

Сегодня наш рудник весь потонул в цветах!
Толпа колодников, обритых и в цепях,
Вперив еще раз вдаль тоскующие взоры,
Вздыхая и кряхтя, в свои вползает норы.
Безрадостный приют неволи и труда!
С обледенелых стен ручьем бежит вода;
Спускаясь в полутьме, о мокрые ступени
Скользит нога... Склонись по-рабски
на колени —
И в каменную грудь бессмысленно стучи!
А сердце гордое безропотно молчи!..

На вольный божий свет я вышел из могилы,
От холода дрожа, озлобленный, унылый,
И ненавистным всё нашел опять вокруг —
Всей этой красоты бездушной ликованье,
Природы наглый блеск перед лицом страданья,
И ароматный лес, и гор зеленых круг...

Но вдруг — там, в вышине, в лазури чистой
утра, —
Невольно взор маня причудливой игрой,
С каймой из золота обломок перламутра,
От юга облачко промчалось с быстротой.
И в душу брызнул свет поэзии забытой,
И сердце мертвое мгновенно расцвело.
— О, что тебя в наш край суровый занесло,
Чудесный гость весны? Порыв ли бурь
сердитый,
Или бродячий нрав? Из Ганга ль светлых вод,
Из темных ли пучин ты вышло океана?
Отчизну знойную, где рай земной цветет,
Скажи, успело ль ты забыть в стране тумана?
Но вот нахмурился твой лучезарный лик,
Ты дрогнуло и ввысь испуганно вспорхнуло!
Огонь цветов померк... Еще блаженный миг —
И утра дивное виденье потонуло.
Не ужаснулось ли ты вида наших мук,
Свирепости людской, безумья и позора?

В мысль не пришло ль тебе, что от бездушных рук
Не скроешься и ты, любимица простора?..

— Прости, краса небес! Минутный гость, прости!
Спасибо и за то: волшебный сон свободы
Ты пробудил во мне... Счастливого пути
В счастливую страну, где ясен пир природы!
Ты побывай и там, в краю весны моей,
Где милая моя печально увядает,
Где в зелени садов рокочет соловей
Про счастье и любовь и синий Днестр сверкает.
Шепни ей с ветерком, который мчит тебя,
Что прошлое отнять у нас бессильны годы,
Что всё я верен ей, что всё я жду, любя:
Затворы упадут — и грянет весть свободы!

1892

* * *

Потомство узнает, потомство услышит
Все ваши неправды, всю нашу печаль.
Оно заклеймит вас, оно нас запишет
В кровавую славы скрижаль!
Оно изумится тому, как жестоки
И холодны были людские сердца,
Как нагло толпою побиты пророки,
Задушены песни певца!
Оно содрогнется, узнав, как томили
Тебя в чужедальних снегах,
Как нашу любовь, милый друг, умертвили
Во мраке разлуки, в цепях!

И юность правдивая, вспыхнувши грозно,
Отвагой святой закипит:
«Зачем, о! зачем родились мы так поздно
Для мщения страшных обид?»
Падет безошибочно меч приговора —
Тираны в гробах затрепещут своих!..
Поставят к столбу роковому позора
В тот день не тиранов одних,

Но также и вас, малодушные братья,
Которые мимо распятых идут —
И громкого, страстного слова проклятья
Насилью в лицо не швырнут!..

1892

* * *

Цвет жизни сорван!..
В сердце мрак немой,
И муза редкой гостьей стала.
И нет души, которая б со мной
Одним биеньем трепетала!
Ах! есть, была... Но лучшие года,
Тот «праздник, розами увитый», —
Пройдут, как бледный сон, без счастья,
без следа,
В разлуке, холодом облитой!

И тайный страх мою сжимает грудь:
«Что, если с новыми друзьями
Средь новых бурь пройденный вместе путь
Положит бездну между нами?
Что, если вновь с волненьем молодым
Сойдемся мы к поре заката —
И сердцу сердце скажется чужим,
Родное, близкое когда-то?
Что, если?..»
Нет, прочь дума, демон злой!
Довольно без тебя страданья,
Не отнимай у сломленных грозой
Последней искры унованья!

1893

КУЗНЕЦЫ

Мех гудит и дышит шумно,
Близ горна кромешный ад;
В пляске бешено-безумной
Миллионы искр летят.

Скачут огненные стрелы,
Спеет вар, — и блеск, и шум...
Плавны, быстры и умелы
Взмахи молота: дзинь! бум!

Вот кузнец. Он весь — забота,
Черен, страшен, будто гном;
Щеки, мокрые от пота,
Красным светятся огнем.
Ломит спинушку больную,
Очи жжет, мутится ум;
Но кормилицу мирскую —
Сóху он кует: дзинь! бум!

Крепче, ноженьки, держите,
Не катись, слеза, из глаз!
Духи мрака, кровь сосите,
Но блесни и светлый час,
Чу! как будто ада звуки...
Грохот, пламя, лязг и шум...
А натруженные руки
Ходят весело: дзинь! бум!

Так и вы, друзья свободы,
Кузнецы земли родной,
Стойте бодро в дни невзгоды
У горна борьбы святой!
Пусть грохочет непогода:
Молот ваших мышц и дум
Счастье выкует народа,
Волю-долю... Дзинь-дзинь! бум!

1893

УЧИТЕЛЮ

(Петру Лавровичу Лаврову)

В изгнаньи своем сиротеющий гений,
Ты часто нам снишься, учитель родной,
В тяжелые годы измен и сомнений
Один не поникший могучей душой!

Какие столпы вкруг тебя упадали,
Какие герои бросали свой щит,
Какие картины стыда и печали
Твое наболевшее сердце хранит!

Но бодро ты светоч держал идеала,
И путь наш, окутанный в холод и мрак,
Твоя величавая мысль озаряла,
Учений твоих благородных маяк.

В залитую кровью борьбу роковую
Мы, гордость свою, не пускали тебя,
Но все возлюбившие землю родную
Твоими детьми признавали себя.

И сколько отважных, бойцов без упрека,
В слезах проводил ты, как нежная мать,
В тот путь неизвестный, далеко-далеко...
И многих ли принял в объятья опять?

Как старое дерево, ветви теряя,
Стоишь ты недвижно, титан-инвалид,
Последний из славных, о ком, помышляя,
Душа молодая восторгом дрожит!

В темницах отчизны, на солнце чужбины,
Над Леной, под злым акатуйским ярмом
Нам светят твои дорогие седины
Надежды и веры отрадным лучом!

1893
Акатуй

* * *

Есть ужасные мгновенья!
Робкий ум пытая,
Демон скорби и сомненья
Шепчет не смолкая:

«Правда, солнышко сквозь слезы
Глянет после ночи,
Но пока-то стихнут грозы —
Роса выест очи!»

1893

* * *

День ли, ночь ли — тьмой равно объяты
Для меня и небо, и земля:
В этом мире больше не моя ты,
Навсегда тобой покинут я!

Звуки песен в сердце замолчали,
Замер ум в безжизненной тиши;
Все пути-дороженьки запали
Без тебя, звезда моей души!

Перед этой скорбью, о родная,
Что́ разлука? Что́ и смерти час?
Хоть бы знал я, кровью истекая,
Что виновен кто-нибудь из нас!

1893
Акатуй

* * *

Кошмары, стоны — царство муки...
Свободы кроткий идеал —
И цепью скованные руки...
В груди — любовь, в руке — кинжал!
И стыд, и ужас пораженья,
Ошибок горечь, яд клевет...
Удел жестокий поколенья,
Для казни посланного в свет!

Ужель как сон прошли бесследно
Твоя любовь и правый гнев, —
Как дым прошли, отчизны бедной
Не озарив и не согрев?

Все эти жертвы, скорби, муки,
Вся эта боль живых утрат —
Ужели сгибло всё?.. И внуки
Твоих обид не отомстят?..

О доле светлой и широкой
Мечтало ты для всех людей —
И как оскорблено жестоко
В мечте заветнейшей своей!
Огромный мир казался тесен,
А миром стал — тюремный свод...
Скажи ж: где звуки мощных песен,
В которых скорбь твоя живет?
Иль не придет он, чудный гений,
Несчастьем избранный певец,
Который для твоих мучений
Сплетет бессмертия венец?..

1893

* * *

Он будет прав, потомства суд!..
И прав, и грозен будет он:
Чей мертвый слух не потрясут
Ни клич добра, ни братьев стон,
Кто праздным вымыслом зовет
Слова: отчизна, братство, честь, —
Утешьтесь, страждущие, — тот
В веках себе готовит месть!

Он будет прав, потомства суд:
От злых он добрых отличит,
Оценит каждый светлый труд,
И вес, и горечь всех обид,
И жертву каждую зачтет,
И слезы все, и каждый стон...
Придет он, правый суд, придет —
И гнев, и милость будет он!

1893

V. В СТРАНЕ СОПОК

(1894—1895)

НА УТЕСЕ ПОЭТА[1]

Внизу, в котловине угрюмой — селенье.
Пустыня вокруг. Замыкая простор,
Как будто на страже, стоят в отдаленьи
Вершины уныло темнеющих гор.

Здесь, в этой глуши чуждедальней, почило
Кипучее сердце поэта, уста
Тревожные смолкли...
Но где же могила?
Лишь высятся два одиноких креста
Над славой кровавою Польши. Печален
Нерусской их надписи смысл и звучит
Упреком судьбе горделивым; повален
Грозою, их третий товарищ лежит.
А русской заветной могилы забыто
И самое место — уж спорят о нем.
Природа к погибшим добрее: покрыта
Вся горка живых незабудок ковром;
В безбрежном, лазурью сверкающем поле
Незримое пенье весь день разлито —
О жизни, о счастье, о солнце, о воле,
О всем, что любил он и верил во что...

Сажусь на поваленный крест и к былому
Мечтой улетаю... — «О дух дорогой,

[1] Известный поэт 60-х годов Михаил Ларион<ович> Михайлов, осужденный в каторжные работы по делу о прокламации «К молодому поколению» и умерший в 1865 г. в дер. Кадаé (Забайк. обл., Нерчинск. округа).

Мой старший товарищ по делу святому,
Ты слышишь ли оклик приветственный мой?
Увы, не посол и не гость добровольный,
Не с доброю вестью пришел я к тебе —
Поведать, что жребий счастливый и вольный
Отчизне достался в суровой борьбе.
Узнай: не светлей была доля и наша,
Победа венком не венчала и нас...
. . . .» —

И, чудо! лишь смолк я — витающий гений
Поэта с лазурной пропел вышины:
«Усилья отбиты двух-трех поколений —
Ну что же? Иль три в океане волны?..
За днем опускается ночь, но смениться
Рассветом в урочную пору должна;
Волна за волною бесплодно промчится —
Победная, знаю я, грянет волна!
Пускай же сгущаются мрак и ненастье,
Пусть дикая пу́рга о смерти поет, —
Верь в молодость! Верь в ее силу и счастье,
Зови ее песней отважной вперед!»
Таинственный кончил певец, но звучали
Аккорды любви и надежды во мне.
Уверенным взором, без прежней печали,
Смотрел я на запад, пылавший в огне.
С востока уж мрачные тучи сползали,
В долине всё было уныло, мертво,
А там было солнце... Туда улетали
Два братские сердца — мое и *его*!..

1894
Дер. Кадая

МОЛИТВА

Как тяжкий сон, минула ночь разлуки —
Еще темно, но чую солнце я.
Грозой вдали смолкают сердца муки...
Немного дней — и ты моя, моя!
Со мной навек... Бегите ж, тени ночи!

Что медлите? Уж властно занялась
Заря во мгле... Пора! откройте очи,
Несчастные, — награды близок час.

Чу, голос злой:
«Не верь, не верь, безумный,
Что сжалилась судьба и над тобой,
Что зло и мрак промчались бурей шумной
И начат вновь пир жизни молодой!
Что сгибло раз, тому уж нет возврата;
Не верь, чтоб дважды молодость цвела...
Цветок могил — нарядный блеск заката,
Не принесет он света и тепла!
Не верь! Твой день — лишь новых бед начало,
Разуверений, слез, скорбей, обид...
Кого весна не розами венчала,
Тому зима улыбок не дарит!»

— Прочь, демоны, прочь, коршуны сомненья!
Как милости, молю я у судьбы
Не вечности без черного мгновенья —
Лишь отдыха, минуты без борьбы.
О, неужель предвечными судьбами
Лишь мы одни обречены скорбям
И не дано иссохшими устами
На миг прильнуть к заветной чаше нам?..

Август 1894

ГИМН ЛЮБВИ

Под хохот злорадный могучего зла,
Под стон непогоды мятежной,
Как ландыш укромный, любовь расцвела
В душе боязливой и нежной.
Лазурные грезы ее стерегли
Не добрые феи и гномы,
А стаи шакалов, бродивших вдали,
И злобно роптавшие громы.
Преграды со всех поднимались сторон,
Как сказочных стран великаны, —

Различие веры, враждебность племен,
Людских предрассудков туманы.
Все призраки ада, все духи скорбей
Теснились к ее изголовью;
Но бодрствовал ангел-хранитель над ней
С небесной своею любовью!

И пытки самой не страшилась любовь!..
Судьба тогда злей ополчилась:
Друзей наших брызнула чистая кровь,
За нами — тюрьма затворилась.
Томленье разлуки, людская вражда,
При жизни весь ужас могилы...
Без вести живой за годами года,
Убившие лучшие силы...

Ах! часто я чудного демона клял,
Который так долго и жадно
Из сердца всю лучшую кровь выпивал,
Томил и терзал беспощадно.
И звал я отжившею ложью любовь,
В грядущее мысль устремляя;
Но гнев укрощался — и славил я вновь
Ее, как посланницу рая.
И свято я верю, мой друг: победить
Любовь и могила не властна!
Векам она будет далеким светить,
Как греза эдема прекрасна!

1894

* * *

Здесь наконец ты, родная, — со мной!..

Горы да горы... Под снегом поляны...
Море холмов под волшебной луной...
Друг мой! не волны ли то великаны,
Волн заколдованных сонм ледяной?
Мы среди них затерялись, родная,
Будто челнок в бесконечности вод.

В мире душа не узнает живая,
Если волна этот челн захлестнет!
Месяц, исполненный грусти и лени,
Тихо дорогой лазурной плывет...
Где эти краски природа берет,
Эти воздушные тоны и тени?
Как прихотливо по синим горам
Сумрак змеится! Как гребни блистают!
Что же дрожишь ты? Зачем улетают
Думы больные к далеким полям?

Небо глядит величаво, бесстрастно,
Дикой сияет земля красотой...
Прелести нет в ней знакомой, родной, —
Смотришь, дивишься — а сердце безгласно!
Тихо, так тихо, что робость берет:
С родины дальней ни вздоха, ни звука...
Вырвись и наша сердечная мука
Криком иль стоном, — он здесь и умрет!

1894

* * *

Как пленники весь день в стенах мы провели!
К обмерзлому стеклу приникнув головою,
Ты смотришь, как дитя, на бледный труп земли,
Обвитый сумерек холодной пеленою.
В затишье мертвенном как будто белый рой
Огромных бабочек летит с небес, пестрея,
Кружится, падает... И вся земля, белея,
Печальным саваном легла перед тобой!
Уж сопок не видать за сеткою туманной,
Лишь ближняя порой мелькает в облаках,
Неясный облик свой меняя беспрестанно,
Как великан-мертвец, стоящий на часах.
Глаз желтый месяца как око привиденья
Блеснул в молочной мгле — и в тот же миг исчез.
Без звука, без конца, не зная утомленья,
Клоками белыми снег валится с небес.
Неспешно сыплется, как из мешка с дырою!

И в страхе шепчешь ты, под гнетом дум
больных:
«Уж не засыпать ли он хочет нас с тобою,
В стране изгнания похоронив живых?»

1894

* * *

Белый снег, холодный снег кругом,
Да лазурь, да тишина немая...
Ледяным серебряным крылом
Веет ночь, над миром пролетая.

И чем выше месяц в небесах,
Тем странней, причудливей картина:
Вон — за льдиной будто встала льдина,
Вон — корабль, затертый в их стенах.

Смерть кругом... Остановилось время,
Давит мысль пространство без конца...
Мы с тобой — два позабытых всеми
В океане холода пловца!

1894

* * *

Семьею крестов дорогих заселенная,
Знакомая сопка так ярко блестит,
Волшебной луной озаренная, —
Туда моя дума летит.
Здесь черствые люди живут, безучастные:
Не знает, не спросит никто,
Какие сердца там зарыты прекрасные,
Убитые кем и за что...

О друг мой, уйдем! В этом крае забвения
И мертвым ведь холодно спать.
Бог правды ужель нам не даст утешения
В родимой земле почивать?..

1894

* * *

(Памяти Павла Осиповича Иванова)

Горемыкой покинутым,
Далеко от друзей,
В крае, богом отринутом,
В мире тьмы и цепей,

Под снегами холодными
Ты лежишь как живой,
Лишь волками голодными
Навещаем порой...

В эту полночь глубокую
Грезишь ты, бедный друг,
Про отчизну далекую,
Про лазурный свой юг!

1894

* * *

О, пасынок природы нелюбимый,
Изгнанья край!
Ни голубых озер,
Ни темных рощ: пустынный, нелюдимый,
Грядами гор стесненный кругозор.
Спеша иду на голую вершину,
В надежде там родной сыскать простор —
Открытый вид на мирную долину,
Иль на густой, в короне снежной, бор.
Забвенья миг... И вот мечтою смелой
В больной душе роскошный создан пир:
Не там ли, там, за этой гранью белой,
Лежит и он, отчизны светлый мир?
Вот верх скалы... О, тише, сердце, тише!
Поднялся я — и слезы чуть сдержал:
Ряд новых гор, еще мрачней и выше,
К отчизне путь сурово преграждал!..
Спускалась ночь; кричала где-то птица;

Валился снег на свежий волчий след...
Мечтатель, стой! Прочна твоя темница —
На родину пути отсюда нет!

1894

* * *

Странные, неясные, полные печали,
Под луной туманною волны сопок встали,
Над хребтами снежными я лечу мечтою...
Вот лощина мрачная с мрачною тюрьмою.
На тени огромные, словно духи ада,
Часовые зоркие ходят вдоль фасада.
Ружья тихо брякают, мерен шаг унылый...
За стеной гранитною тишина могилы!
. . . .
В эти ночи ясные тих ли сон ваш, братья?
Снится ль мать вам, родина, братские объятья?
Снится ль, что невидимо, под луною белой,
Здесь как дух отверженный я брожу несмело?
Тяжко спят колодники... Слышен звон кандальный,
Чей-то скрежет яростный, чей-то вздох печальный...
Ноги крепко скованы, головы обриты —
Божество поругано, счастья сны убиты!..

Ночь глядит, залитая серебром морозным,
Сопок ряд чернеется в отдаленьи грозном.

1894

* * *

Опять над горами поднялся
Холодный серебряный шар,
Бесстрастный, немой, величавый,
Обвеянный тайнами чар.
Как эти гранитные глыбы
И снега алмазный ковер
Идут к красоте его мертвой,

Страшащей и нежащей взор!
Из камня, лазури и снега
Волшебное царство зимы...
Но нам оно, друг мой, не страшно —
От чар заколдованы мы.

На руку мою опираясь,
Ты слышишь, как бьется во мне
Надежное братское сердце,
Твое навсегда и вполне?
Смотрю на лицо дорогое —
Улыбка блестит мне в ответ,
Блистают и звезды живые,
Которых прекраснее нет.
Вон, день уж горит на вершинах,
А месяц, бродяга ночной,
Один, замечтавшись уныло,
Стоит над долиной седой.
Очнувшись от грезы, в испуге
Он смотрит, как тени бегут, —
И вот, спотыкаясь, смущенный,
Спешит в свой угрюмый приют.

1894

* * *

Как странник, вóвремя среди пути глухого
Из снега вырытый заботливой рукой,
Моя душа оттаивает снова
Для счастья и любви былой.
Дивясь еще, гляжу на снеговые горы,
Стеною ставшие кругом моей тюрьмы,
Где столько черных дней без дружбы и опоры
Я прозябал один средь холода и тьмы.
Окончен злой кошмар... Любимая, родная!
Ты наяву со мной? Гранитам и снегам
Вновь не разрознить нас? Ликуя иль страдая,
Всё, всё разделим мы отныне пополам!
Взгляни, мой друг, взгляни: как чудно озарилась
Морозной ночи даль! Как мертвая луна

Внезапно расцвела, — и словно воротилась
Погибшей юности блаженная весна!
Ты слышишь, как вокруг звучит призыв: «Воскресни!»
Как сердце у тебя ликует и поет,
Как у меня в груди вновь пробудились песни,
Что славили тебя и светлый наш восход?..

1894

* * *

В долины тень с вершин сползает,
И, точно лань, заслышав рог,
На запад дальний убегает
Румяный, светлый жизни бог.
Бежит... и скрылся за горами!
Но от востока злобный враг
Уж веет черными крылами...
Кто одолеет — свет иль мрак?

Тот трепет радостный и бурный,
Каким полны сердца людей,
Когда восходит день лазурный, —
Порукой нам, что свет сильней!

1894

VI. НА РОДНОМ РУБЕЖЕ
(1895—1899)

НА РОДНОМ РУБЕЖЕ

Едва вступил я в свежий мрак долины,
Где темный бор в затишье полдня спал,
Встревожились могучие вершины —
По соснам шум невнятный пробежал.
И был ли то отчизны зов приветный,
Укор ли в чем, иль только ветра стон, —
Меня восторг наполнил беззаветный,
Далеких лет восстал прекрасный сон!
И всё, чем грудь в разлуке наболела, —
Волна надежд, проклятий, жалоб, слез,
Всё, что навек, казалось, догорело
И, как струна, в тиши оборвалась, —
В немой душе всё зазвучало снова:
К корням стволов-гигантов я припал
И, не таясь от полдня голубого,
Седой их мох со страстью целовал.
«Привет тебе, о лес широкошумный,
Привет тебе, рубеж полей родных!
Свершился сон несбыточно-безумный:
Отчизна-мать, я вновь у ног твоих!
Возьми ж меня — всего, со всею кровью,
Всем пылом дум и волею моей!
Пока дышу, клянусь я петь с любовью
Твою лишь скорбь и скорбь твоих друзей!

Томясь вдали, в краю чужом, угрюмом,
В любви к тебе мой стих я закалял...»

И лес, в ответ, с печально-кротким шумом
Мой путь дождем колючим осыпал.

1895
Курган

В ДЕРЕВНЕ

Как в сказке я живу... Чуть утро зарумянит
Верхи сосновых рощ и в окна солнце взглянет,
Меня уж будит рог призывный пастуха.
Поклясться бы я мог, не побоясь греха,
Что в жизни не слыхал таких я звуков странных —
Из детских грез они и снов благоуханных!
И долго чудный рог не устает звучать.
Но мне, ленивцу, глаз не хочется разжать:
Мне снится, что колдун, завидев стан враждебный,
С угрозою летит, трубя в свой рог волшебный...

Мой день еще велик, и много в нем чудес.
Вхожу ли в полдень я в пышно-кудрявый лес —
Дивит меня его торжественная дума,
За мигом тишины волна глухого шума.
А под вечер — как свеж берез оживших лист!
Каких тут звуков хор, веселый треск и свист!
Протяжно вдалеке кукушка прокричала,
Проплакал ястребок, телега простучала...
И вот по просеке, наезженным путем,
Трусит себе рысцой с понурым мужичком
Нехитрая на вид, мохнатая клячонка.
Замедлен ход колес; кургузая шляпенка
С затылка падает в почтении немом.
(Родной, забытый вид, он кажется мне сном!)
Немудрый разговор: «Куда, да кто? откуда?»

И сам себе кажусь я чем-то вроде чуда,
Скиталец сумрачный, отверженец людской,

Обнявший вновь порог отчизны дорогой,
Готовый вновь мечтать о близком царстве
света,
Печальной родине слагая гимн привета...

1896
Курган, дер. Крюково

* * *

Поэтов нет... Не стало светлых песен,
Будивших мир как предрассветный звон!
Так горизонт невыносимо-тесен
И так уныл тягучий жизни сон!
И граждан нет... Потоки благородных,
Красивых слов, но... лишь бесплодных слов:
В ненастный день не больше волн холодных
Рокочет у скалистых берегов!

А между тем — всё так же небо сине,
Душисты рощи, радужны цветы;
В пучинах звезд, в толпе людской, в пустыне
Всё столько же бессмертной красоты.
И так же скорбь безмерна, скорбь людская...
. . . .

30 августа 1896

* * *

Оборван у музы цветущий венок,
И звучные песни допеты!
Зловеще молчанье, и сумрак глубок...
— О гений поэзии, где ты?
Где голос твой прежний, что юность зажечь
Умел вдохновеньем и страстью, —
Свободная, смелая, честная речь
С ее обаяньем и властью?
Ужели навек ты от нас отвратил
Свой лик лучезарно-прекрасный

Поэзія.

Оборванъ у Музы цвѣтущій вѣнокъ,
И звучныя пѣсни допѣты
Зловѣще молчанье, и сумракъ глубокъ...
— О, геній поэзіи! гдѣ ты?
Гдѣ голосъ твой дивный, что сердце зажечь
Умѣлъ вдохновеньемъ и страстью?
Свободная, честная, смѣлая рѣчь
Съ ея обаяньемъ и властью?
~~отвернулся ты~~ навѣки ты отъ насъ
Ужели ~~навѣки ты свой ликъ~~ отвратилъ
Свой ликъ лучезарно-прекрасный
~~Въ родной [illegible] печальной~~
~~и [illegible]~~ утра отъ
~~И день нашъ, [illegible] радости [illegible]~~
~~[illegible]~~ не утра предвѣстникомъ былъ
~~Улыбкою старца [illegible]~~
~~предвѣстникомъ~~
А ночи тревожно-ненастной?
~~[illegible] отчизна! [illegible]~~ ночи!
~~— И прочь ты, сомнѣнье гнетущее! Ночи!~~
Прочь! прочь ты, сомн. гнетущ.
Минетъ эта туча безсилья,
И солнцемъ желаннымъ возникнетъ поэтъ,
~~Весь~~ ~~[illegible]~~ Весь — пламя, отвага и крылья!
~~И все~~, что ~~бездыханно~~ ~~[illegible]~~ и поникло кругомъ,
и то
Какъ птица въ предчувствіи бури,
~~при первыхъ лучахъ его~~
~~Въ зарю [illegible]~~ встряхнетъ крыломъ
при первыхъ лучахъ его
И съ пѣсней взовьется къ лазури!

13 авг. 96 г.
Кулико(во).

О, ночи, невозможно! Не вѣрю я.. Ночи!

И свет твой не утра предвестником был,
А ночи тревожно-ненастной?

Нет, нет! эти тучи бессилья и сна
Промчатся над родиной бедной,
И снова придешь ты, как жизни весна,
В сиянии власти победной.
И песня, поникшая грустно челом,
Как птица в предчувствии бури,
Очнется внезапно, ударит крылом —
И гордо взовьется к лазури!

14 августа 1896

* * *

Долга, упорна ночь! Угрюмое сомненье
Растет в душе моей давно:
Он будет, красный день, но наше поколенье
Его увидеть не должно!

Так старый Моисей, один, вдали от стана
И шума воинских тревог,
Скорбя, глядел с горы в долину Ханаана,
Войти в которую не мог.

Август 1896

ПОЗДНЯЯ РАДОСТЬ

(Посвящается Вере Николаевне Фигнер)

Лес увядает, и падает
Листьев шумливый поток.
Поздняя радость не радует:
Вот ароматный цветок
Выглянул... Счастьем сияющий,
Синий смеется глазок...
Грустно гигант умирающий
Смотрит на бледный цветок!

Поздняя радость не радует —
Тайный лишь будит укор.
Годы промчались — и падает
Тяжкий тюремный затвор.
Света поток ослепительный
Вспыхнул на мрачных стенах,
Воздух ворвался живительный...
Узник выходит в слезах.

Что́ ему солнце веселое,
Краски и запах цветов?
Сброшены цепи тяжелые —
Сбросишь ли тяжесть годов?
Скроешь ли волосы белые,
Силу воротишь ли вновь?
Сгибли товарищи смелые,
Юность, отвага, любовь!

1897

* * *

Не в шуме гроз, не в красоте стыдливой
Румяных зорь мне снится край родной,
Не в блеске дня над опаленной нивой, —
Он снится мне под утреннею мглой.

Густой туман клубится над полями;
Как призрак бор синеет вдалеке;
Едва блестит за влажными кустами
Отсвет зари в извилистой реке.

Вот сонный пахарь едет в отдаленьи, —
Поник Гнедко, чуть дребезжит соха...
Вот каркнул грач... И мертвое селенье
Рог огласил тревожный пастуха.

Промчался вдаль работы зов бодрящий,
Но солнца лик еще в туманной мгле.
И столько грусти кроткой и щемящей
Везде, во всем — на небе, на земле!

14 января 1898
Курган

* * *

Волна упала, прошумев,
Блеснув как дивное виденье...
Погибло наше поколенье —
Любовь угасла, замер гнев!

Но так был грозен этот блеск,
Что полночь дрогнула пугливо...
И до поры иной, счастливой
Дойдет волны погибшей плеск!

И волны новые придут
На берег, сумраком повитый,
И жизни острые граниты
Усилий их не разобьют!

18 октября 1898

СВЯТАЯ

(М. Ф. Якубович)

Когда, опустив малодушные руки,
Я с болью в душе помышляю о том,
Что жизнь оборвется — и все мои муки
Потонут бесследно в забвеньи немом, —

Страдалица скромная! Образ твой чистый
Вдали мне сияет укором живым:
Без жалоб идешь ты дорогой тернистой,
Награды не требуя мукам своим.

— Награды? — Но ты удивиться готова:
За что? Разве сердце справлялось с ценой?
Без сладости жертвы, без счастья чужого
Ты вкус бы утратила жизни самой,

Той жизни, что учит одним лишь изменам,
Расчетам корысти и мелких обид,
И трауром нас облекает бессменным,
И сердце отравою злобы поит.

Любя, ты другим отдалась — и забыла,
Что также могла бы любимою быть!
О, где же ты мужество жить находила,
Где черпала силы, чтоб греть и светить?

Ты светишь — и так колебанья постыдны,
Так хочется бодрым пребыть до конца!
Чтó властное, гордое зло, если видны
Во мраке подобные звезды-сердца?

Незримая миру, стезею суровой
Идешь ты, и долга сознанье — твой щит.
Святая! Венок твой колючий терновый
Светлей диадемы алмазной горит!

8 октября 1898

ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО

(К 50-летней годовщине смерти)

Я помню этот сон прекрасных юных дней,
Я уберег его под вихрем непогоды:
Могучий храм стоит в родной земле моей, —
И ночь, и день горит в нем жертвенник свободы.

Каким величием и помыслов, и дел
Я наделял жрецов, — там, на горе, стоящих!
Звук каждый слова их в душе моей горел,
Как отблеск их сердец, на высоте парящих.
Мне говорила жизнь: «Не верь! Смотри — твой жрец
И силе гимн поет, и злу кадит свободно,
А над свободою глумится всенародно...
Ему ль пристал из терниев венец?»

Не раз я унывал, лица поднять не смея!
Но греза юных дней с победным торжеством
Вновь пела мне:
«Пускай порой и фарисея
Курится фимиам на алтаре святом,
И волки хищные под видом агнцев бродят...
Забвенье — их удел за жизненной чертой!

В святилище сердец лишь те, как боги, входят,
Чьи думы далеки от пошлости мирской! —
Они — избранники, с душой неоскверненной,
Любовь свою чужим отдавшие скорбям, —
Чьим мукам чистым и слезам
Поклонится потомок отдаленный! . .»

1898

ПЕСНЯ ТРУДА

(Из Бланчарда)

Братья, нет силы терпеть! Мы устали
Биться за жизнь, эту жизнь нищеты и печали!
Красного солнца хотим мы, душистых цветов, —
Да, это богу угодно, — мы требуем: «Восемь часов!»

Всюду — на фабриках, в доках, в собраньях взывайте народных:
«Восемь часов для труда! Восемь для сна! Восемь — свободных!»
Наши волы, что пасутся, покончивши труд,
Птицы небесные, звери — счастливей живут.

О, если так... для чего же душа в нас живая?
Сдвинемся, братья, сомкнемся! Всюду, от края до края!
Если молчать будет голос нужды и труда,
Камни немые начнут вопиять от стыда!
Верьте: не темная сила — дух правды и света
Нас призывает стоять, не страшась перед богом ответа.
Тот, кому образ свой вечный с любовью он мог даровать,
В прахе, как червь бессловесный, не должен лежать!

Пусть же звучит и в полях, и в собраньях народных:
«Восемь часов для труда! Восемь для сна! Восемь — свободных! . .»

16 января 1896

СОН НА ЧУЖБИНЕ

На чужбине далекой тоскуя вдвоем,
Мы, как дети, однажды тихонько болтали
В полумраке вечернем о горьком былом
(Нашей старой, но всё еще свежей печали!).

«Нет, тех дней я забыть не могу никогда,
Никогда не прощу! — ты, бледнея, шептала. —
Ни одна впереди не мерцала звезда,
Ум мешался, душа умирала...

Днем и ночью шумела река под окном,
Шевелясь, точно лапы чудовищ враждебных...
Рек таких мы в краю не видали родном,
Разве — в грезах иль сказках волшебных.

Величавый, холодный, безлюдный простор...
Наша лодка, да влажные черные бездны,
Да по берегу стены отвесные гор...
О возврате мечты бесполезны!

За утесом-гигантом вздымался утес,
Всё безмолвней, угрюмей, печальней...
Всё на север поток нас безжалостный нес,
Дальше, дальше от родины дальней!

Раз, я помню, под гнетом безумной тоски,
Вся пронизана влагой холодной,
Я заснула под мерные всплески реки,
И приснилось мне: вновь я свободна!..

Я лечу, будто птица... Мелькают вокруг
Занесенные снегом равнины...
Я лечу на желанный сверкающий юг
Из холодного мрака чужбины.

Ближе, ближе родная страна —
Небо блещет лазурью и светом...
Сердце чует: весна, золотая весна!
Пахнет белой акации цветом.

Вот и Днепр, утопая в вишневых садах,
Засверкал бирюзою... Я вся задрожала —
И, на берег родимый упавши в слезах,
Долго, жадно его целовала!..

. . . .

Я очнулась на мрачной, холодной реке —
Волны с грозным нахлынули плеском.
Сердце билось в груди, точно птица в силке,
Еще полное радостным блеском.

И казалось в тот миг: если б родину я
Не во сне — наяву увидала,
Я упала б на землю и, слез не тая,
Целовала ее, целовала!»

Милый голос во тьме как струна зазвенел,
Ты внезапно замолкла угрюмо.
И утешить тебя я, мой друг, не умел,
Полон той же мучительной думой!

14 октября 1899
Курган

К МОЛОДОСТИ

С тех пор как жизнь железными сетями
Забот и нужд опутала меня
И бледным сном проходят дни за днями
Без прежних бурь, без прежнего огня;
С тех пор как, стон услышавши страданья,
Уж я не рвусь с отвагою вперед, —
Томит меня тревога ожиданья:
Что юность даст? Что завтра принесет?

Ты, молодость, подвижница святая,
Себе не вьешь уютного гнезда;
О счастье всех болея и мечтая,
Беречь свое не хочешь никогда.
Весь мир — твой храм, где сложены без счета
Твои дары... Скажи: в каких краях

Не пролила ты крови или пота?
Где не лежит твой благородный прах?

Лишь об одном скорбишь ты ежечасно,
Что жизнь пройдет среди тупого сна,
А не в грозе живительно-прекрасной...
— Бокал тревог испить до дна, до дна,
Как бурный вал разбиться в шумном беге —
И чем бы стал наш скучный мир скорбей,
Когда б не вы, зеленые побеги
Поросших мхом, грозой разбитых пней?

К родной стране, к народной лучшей доле
У вас одних живая есть любовь,
Любовь — огонь, который жжет до боли,
Любовь — вампир, сосущий сердца кровь!
Народу в дар, без дум и колебанья,
Свободу, жизнь несете вы, любя,
И впереди не ждете воздаянья...
— О молодость! я верую в тебя!

Один твой взгляд — и громче сердце бьется,
И живы вновь виденья прошлых дней:
Из смолкших уст беседа дружно льется,
Горит огонь потухнувших очей...
Я молод вновь... Забыл, что под грозою
Мой челн погиб среди ревущих вод,
И снова рад бесстрашно мчаться к бою:
— Вперед, друзья! Товарищи, вперед! —

Но есть одно, чего не станет силы
И у тебя, волшебница, затмить,
Что буду чтить я свято до могилы,
Что, как врагов, нас может разделить, —
Героев кровь... те славные скрижали...
Верь в свет иной, мечом иным борись,
Но — кто стезей страданья и печали
Шел до тебя, — пред теми преклонись!

Август 1899

АПРЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

За бедою беда... На чужой стороне
Даже солнышко светит неласково мне!
Люди ль мимо идут, — как под осень волна
Их неласков привет, и рука холодна.

Не заметил в тоске я, поникнув челом,
Как от юга весенним пахнуло теплом
И, апрельской веселой лазури певцы,
Под окошком моим затрещали скворцы.

Дни изгнанья прошли, дни скорбей и тревог —
И вернулись они в свой родной уголок:
Суета, хлопотня, без конца разговор...
Как их песня громка! Труд и весел, и спор!

Звуки счастья гремят, и дразня, и маня,
Но о счастье давно песен нет у меня!
Под окном я стою с приунывшей душой:
Не бывать, видно, мне на сторонке родной!

1899

ГОРОДОК

Вспомнился мне мой родной городок:
Церковь убогая, улица сонная,
Уток раздолье — зацветший прудок...
Жизнь там катилась, как мирный поток,
Серая жизнь, монотонная.

С ветхими кровлями карлы-дома,
Радуги стекол оконных с заплатами,
Осени долгой тоскливая тьма...
Всё там давило меня, как тюрьма,
Люди казались врагами заклятыми!

«Дальше скорее! Не нýжны вы мне,
Люди смешные, дома кособокие!
Счастье найду я в чужой стороне...»

Счастье, увы, я нашел лишь во сне —
Родины грустной картины далекие...

Сколько в вас прелести горькой, больной,
Как в вас нуждается сердце усталое!
Весь я бледнею при мысли одной,
Что городок не увижу смешной —
Пруд засоренный, дома обветшалые...

1899

* * *

Он выстрелил в сердце с рассветом дневным,
И грустная новость как гром пробежала...

Он не был героем — он был рядовым
В толпе несчастливцев. Его угнетала,
Как многих, тяжелая лямка труда,
Лишений, недугов; он нес молчаливо
Ярмо своей доли года и года.
И если порой монотонно-ворчливо,
Как дождик в осеннюю скучную ночь,
Роптал, уверяя с глухим раздраженьем,
Что дольше терпеть ему стало невмочь, —
Глядели друзья на него с удивленьем.
И думалось каждому: «Это слова!
Терпенье людское — для мудрых задача...
Кнуту покоряясь, не день и не два
Еще проползешь ты, смиренная кляча».

Но мудрость ошиблась — и кляча лежит:
Упала, раздавлена жизненным гнетом!
Приняв виноватый, растерянный вид,
Идем мы к своим повседневным заботам...
И тот, кто вчера был бессильным рабом, —
Как стал вдруг могуч! Непонятная сила
Все мысли, все чувства ему покорила —
И верят ему, и тоскуют о нем...

Что жизнь отнимала, то смерть подарила!

1899

* * *

Ветку сирени ты держишь в руке,
С грустной улыбкой цветы разбирая;
«*Счастья*» ты ищешь в бездушном цветке...
— Полно! О, полно, моя дорогая!

Сила и радость повержены в прах...
Нам ли с тобою мечтам предаваться?
Косы твои, точно снег, серебрятся,
Снег и в моих уж блестит волосах.

Только над сердцем, изнывшим в тоске,
Видно, бессильны гроза и ненастье:
Ветку сирени ты держишь в руке —
«*Счастья*» в ней ищешь, не веруя в счастье!..

14 мая 1899

ТИШИНА

Вечер румяный притих, догорая,
Лист не прошепчет в лесной глубине;
Тучек перистых гряда золотая
В недосягаемой спит вышине.

Тихо мелькнула звезда, и другая...
Ночь надевает свой царский венец...
Мука, великая мука людская!
Стихла ли ты наконец?

1899

* * *

В чужбину мне пишут друзья: «Не мечтай,
Что родина нежно любимая — рай,
Что в нашей лазури не бродит туман,
Что сердце у нас не изныло от ран!..»

Так дружба мою утешает печаль.
Но сердце всё рвется в заветную даль,
Всё верит — там воздух струится иной,
Там люди добрее и лучше душой...

Там юность, крылатая юность цветет,
О правде мечтает, на жертву идет...
И если не видеть ей красного дня, —
Пусть общая чаша отравит меня!

1899

* * *

Радость, влюбленная в солнце и смех,
Льнет к золоченым палатам;
Горе людское, в сторонке от всех,
С видом стоит виноватым.

Радость крикливa: ей нужен исход,
Ей в одиночестве тесно.
Мышкой пугливою горе шмыгнет,
Скроется в норке безвестной.

В темных подвалах, в мансардах глухих,
Миру незримые, льются
Слезы несчастных, голодных, больных, —
Силы последние рвутся...

Если же к радости шумной с мольбой,
Полною трепетной муки,
Горе людское протянет порой
Тощие, бледные руки, —

Взгляд ему злобный она подарит,
Оскорблена безгранично:
«Что за навязчивый голос и вид!
Горе должно быть прилично».

1899

НА ПРАЗДНИКЕ ПУШКИНА

Венки, огни, хвалебных гимнов пенье,
Душистый чад бряцающих кадил...
И, вечный сон прервавши на мгновенье,
Свой чуткий слух поэт насторожил.
Его зовут, ему поется слава...

«Но где же тот, чей горестный удел,
Достоинство и попранное право,
В жестокий век в укор я сильным пел?
Народ! Народ! Иль были тщетны годы —
Твой день далек, предела скорби нет?
И где же вы, печальники свободы,
Принявшие мой факел и завет?
Не слышу вас: чужие сердцу звуки...
Враждебный пир... О том ли я мечтал,
Когда в часы душевной горькой муки
В туман времен далеких прозирал?
Иль я забыт? Иль я отвергнут вами?»

И вот, сквозь гул веселых голосов,
Как стон пловца, задушенный волнами,
Доносится чуть внятный, грустный зов:
«Слагать хвалы, когда над головою
Губящий меч с угрозою висит
И новый день не радостью живою —
Обидами нас новыми дарит?
Сплетать венки, когда наш слух терзает
Голодный плач измученных детей
И скорби тень как траур покрывает
Немой простор заброшенных полей?..
Нет, нет, поэт! На оргии лукавой
К лицу лишь им победно ликовать,
Кто над живой глумиться может славой,
Чтоб мертвую цветами убирать!..»

1 июня 1899
Курган

VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ

(1900—1910)

СВИДАНИЕ[1]

(Посвящается М. П. Орлову)

1

Не к матери родной и не к сестре любимой
В волненьи радостном я к первым прибежал —
Туда, где на дыбы скакун неукротимый
С железным всадником у края бездны встал.

Вдали, в чужих снегах, в разлуке сиротливой,
Средь мук забвения и боли старых ран, —
Как первых лет любовь, — душе моей строптивой
Он грезился, земли родимой великан.

Не там, где наглый блеск и гул людских волнений, —
Поодаль от дворцов и шумных площадей,
В укромной зелени акаций и сиреней,
Где нежно смех звучал резвящихся детей,

Стоял Он в вышине, объятый вещей думой,
Со взором, поднятым к невидимой заре;

---

[1] Внешняя обстановка памятника Петра В<еликого> в Петербурге менялась несколько раз. В годы моей юности, в конце 70-х — в начале 80-х годов, Александровский сад замыкал его внутри своей ограды, и только в начале 90-х годов — говорят, по желанию и совету императора Вильгельма II — часть этого сада была уничтожена, и памятник принял современный казарменный вид. Старожилы утверждают, впрочем, что такой же вид имел он и когда-то прежде.

В чертах властительных горел огонь угрюмый,
Огонь презрения к довольной мишуре!

И между мной и им — песчинкой и скалою —
Таинственная связь мне чудилась порой...
То был ли сон? — Не раз, задумчивой весною,
Когда скитался я над царственной рекой

И пышный город спал в сияньи ночи кроткой,
И думы дерзкие рождались в тишине, —
Я помню, там, в саду, за темною решеткой,
Ездок над пропастью кивал с улыбкой мне...

2

Но цепь тяжелых лет, увы, легла недаром —
С трудом я отыскал заветную скалу.
Как будто смерч прошел, дыша губящим жаром,
Всё опалив кругом, оставил смерть и мглу!

Ни травки бархатной, ни шепчущей березки,
Левкоев, хризантем исчез цветистый луг...
Казарма мрачная, булыжник серый, жесткий
Пустыней голою раскинулся вокруг!

И Он... Всё тут же Он, над роковым обрывом,
На топчущем змею взбесившемся коне,
Но — сколько холода в полете горделивом,
Как странно и знаком, и незнаком Он мне!

Простерта в воздухе могучая десница,
И, чудится, гремит угроза с высоты:
«Проклятие тебе, моих надежд гробница,
О город роковой, где гибнут все мечты!

И ты, потомок-червь, мой тихий сон могильный
Безумным ропотом дерзнувший возмутить, —
Тебя не знаю я... Ничтожный и бессильный!
Мой гордый замысел тебе ли завершить?»

3

— Да... Пусть бессилен я! Пускай во мраке глухо
Замрет мой вопль, — как раб, не сдамся я судьбе!
Пигмей я и червяк, но в светлом царстве духа,
Средь малых и больших, родной я сын тебе.

Навстречу пошлости бесстыдной и бесславной,
Во имя Истины, Добра и Красоты,
Ты первый поднял бунт рукой самодержавной,
И первый ты зажег свободные мечты!

И жив он, твой завет бойца и гражданина:
Лишь Родину любить, как истинную мать,
Бестрепетной рукой себя, родного сына
В годину черную на жертву ей отдать!

И если дел твоих и дум кипучих пламя
На искры малые распалось в бурной мгле,
Твой дух живет и в них! Твое несем мы знамя,
Разбитые, с венком терновым на челе...

. . . .

И — чудо! Медный лик внезапно прояснился...
На миг вновь расцвела душистая весна —
И снова наяву мне сон блаженный снился,
И поднимала грудь могучая волна!..

1900
С.-Петербург

СЕСТРЕ

«Слез не нужно, моя дорогая,
Полно... полно... Я снова с тобой!» —
Говорю я, тебя обнимая,
А из глаз льются слезы рекой.

«Это — правда, не сон лишь блаженный!
Верь, любимая, страх твой смешон...» —
В тайне ж сердца страшусь, что мгновенно
Оборвется мой радужный сон.

Ночью мучат кошмары больные:
Кони черные мчат меня прочь. . .
И, лучи увидавши дневные,
Я не верю, что кончилась ночь.

Греясь возле голубки родимой,
Всё ловлю свою мысль на одном:
«Надо ей, моей доброй, любимой,
Написать поскорей обо всем. . .»

1900

НА РОДИНЕ

Я что-то потерял — и не могу сыскать. . .
Чего еще, чего душе строптивой надо?
Смеется глубь небес, как ласковая мать,
Вся в блеске утонув весеннего наряда.
И вижу снова я любимый город мой,
Рокочущий, как гром, сверкающий, как море,
Ступаю наяву по плитам мостовой,
Где юношей мечтал о счастье и просторе. . .

Чего ж так грустно мне? Чего безумно жаль?
Иль этот смутный гул, немолчный гул потока,
Где слиты в стон один и радость, и печаль,
Спугнул те сны мои, что снились там, далеко?
Подавленный, бреду. . . Ни сладких, жгучих слез,
Ни смеха радости знакомому, родному. . .
Как это вышло всё бледнее, по-иному,
Чем в сказке золотой моих прекрасных грез!

И тех же всё дворцов блестящих вереница,
И тех же синих вод дразнящий зыбкий свет,
И сфинксов каменных загадочные лица,
Но сердцу чудится — чего-то больше нет!
Вот юношей толпа. . . Их лица бодры, ясны,
Но — словно чуждая меж нас черта легла:
Губительный ли вихрь развеял сон прекрасный,
Иль молодость моя с собою унесла? . .

Болит душа, болит! Как пойманная птица,
Тревожно мечется и рвется на простор. . .
Туда ль, туда ль опять безумная стремится —
В пустыни дальние, за цепи льдистых гор?
Туда, где что ни шаг — отвесных скал граниты,
Где реки — как моря, и души — точно лед,
Где лучшие друзья в чужих снегах зарыты,
А песни лучшие сгубил угрюмый свод? . .

Туда! .. И мрачно там, и холодно, и дико,
О дальней родине томит до слез мечта,
Но греют сердце там отрадою великой
И гордый гнев, и боль обиды и креста.
Страна полночных вьюг, моей весны могила,
Угрюмых сыновей неласковая мать, —
Язык клянет тебя, а сердце полюбило. . .
Я что-то потерял — и не могу сыскать!

1900

* * *

Всё выше волны,
Грознее шум.
Час, страха полный
И гордых дум!

Как жадно сердце
Стремится жить,
Всё, всё увидеть,
Обнять, вместить!

Как сладко думать:
Подобный миг
Среди столетий
Лишь раз возник!

Но... челн твой в бездну
Летит с горы:
Ты не узнаешь
Конца игры.

1900

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Грустят поля под бурыми снегами,
Раздетый лес окован мрачным сном...
Нет сил страдать! Как узник за стенами,
Томится мир в затишье ледяном!
И ночь сошла, как крыша гробовая...
Вдруг странный шум раздался в тишине, —
Как будто птиц неслась большая стая,
Огромных птиц в незримой вышине.
Сильней, слышней... С тревогою тяжелой
Блуждает взор по темным небесам...
И первый дождь, как молодость веселый,
Могучий дождь ударил по полям!
Как он хлестал! Как налетал он шумно,
За строем строй кидая звонких стрел!
С каким огнем и радостью безумной
Он песнь борьбы не уставая пел!

. . . .

Всю ночь, гремя, стихии бушевали...
Под утро смолк нестройных голосов
Сердитый спор; лишь капли лепетали,
Как вздохи умирающих бойцов.
Блеснул рассвет... Где ж бурый снег?
Стыдливо,
Как юная невеста под фатой,
Глядит земля с улыбкою счастливой,
И льется трепет жизни молодой...

1900

* * *

Мне кажется порой — живу я сотни лет!
И мир печальней стал, и молодость старее:
Ни смеха детского, ни песен звучных нет,
Природа мертвенней и красками беднее...

Вчера я девушку случайно повстречал,
Напомнившую мне прошедшее страданье,
Но... смерти холодом прелестный взор дышал,
Покоем пошлости и скукой прозябанья!

1900

В ПЛЕНУ

Душа моя в плену — в плену у тяжких дум,
У дней без радости, у ночи без рассвета!..
Ни мирный сон полей, ни улиц пестрый шум
Не будят больше в ней созвучного ответа.

Рвануться бы, стряхнуть докучный гнет цепей,
Взмахнуть бы широко орлиными крылами!
Но цепи — где они? Вдоль стен тюрьмы моей
Не ходит часовой с бессонными глазами.

Куда, куда бежать? Пустынен кругозор,
Зной опалил его дыханьем черной скуки...
И солнце, как сквозь дым, бросает мертвый
взор,
И призрачны, как сон, и радости, и муки!

Душа моя в плену!.. И грезится вдали
Ей край пленительный, волшебный край свободы,
Где шумный жизни пир, цветущий пир земли,
Кипит, как вешние сверкающие воды...

— Далекой юности блаженные края!
Как всё там солнечным залито светом было,
Как сердце верило и пламенно любило
Весну, людей и жизнь...
В плену душа моя!

Июль 1900

* * *

Помнишь ли, друг мой, дорогу глухую, пустынную,
В чуждом краю, под покровом сыпучих снегов?
Сани с больными ползли вереницею длинною,
Пешие — слух раздирали бряцаньем оков.

В рыхлом снегу увязая ногами усталыми,
Вся раскрасневшись под свежим дыханьем полей,
Шла молчаливо и ты, — и живыми опалами
Слезы, застыв, на реснице блистали твоей.

Выбились косы, чернея, как змеи огромные...
Цепи влача, я едва поспевал за тобой...
В даль мы безвестную шли, и отчаянье темное,
Злое, холодное, грудь обливало змеей.

Враг беспощаден!.. Мгновением сна лучезарного,
Сказкой волшебной свиданья часы пролетят:
В дальнем, безлюдном краю, там, у моря полярного,
Гроб тебе ранний готов, не вернусь я назад!

Но — воротились мы... Жизни сурового молота
Вынесли тяжесть: на диво силен человек!
Только... душа моя словно на части расколота,
Только... твоя голова побелела как снег!

19 октября 1899

* * *

Нет, легче жить в тюрьме, рабом,
Чем быть свободным человеком
И упираться в стену лбом,
Не смея спорить с рабским веком!

1900

* * *

В искусстве рифм уловок тьма,
Но тайна тайн, поверь, не в этом:
От сердца пой — не от ума,
Безумцем будь, но будь поэтом!

1900

НА СЛАВНОМ ПОСТУ

(Н. К. Михайловскому)

Не в эти сумрачные годы
Ты дорог мне и близок стал:
Как светоч правды и свободы
Ты в дни весны моей сиял.

Я помню с мига пробужденья
Твой голос честный и живой...
Красе и цвету поколенья
Ты лозунг бросил боевой!

Когда заслышу сквозь туманы
Я и теперь твой бодрый зов, —
Смелей гляжу, забывши раны,
Во мрак нависших облаков.

18 августа 1896, 1900

В ДУМАХ О ШЛИССЕЛЬБУРГЕ

Решетки, бойницы... Об стены тюрьмы
Волна ударяет бессонная...
Здесь, в царстве безмолвия, страха и тьмы, —
Надежда страны побежденная,
Ты, юность великая, в сердце больном
Святые мечты затаившая,
Поникшая скорбно высоким челом,
Но гордость и гнев сохранившая!

И гаснет безрадостно солнце весны,
Проносятся зимы тоскливые...
Лишь снятся мучительно-яркие сны
Былого виденья счастливые!

1901

* * *

(Посвящается М. П. Шебалину)

Страдания чашу испивши до дна,
Ты к жизни вернулся из страшного гроба:
Развеяны чары проклятого сна,
Смирилась бездушная злоба!
Не сразу нашел я привета слова —
Перо от волненья из рук выпадало...
...«Всё глухо, товарищ; мерцает едва
Далекий маяк идеала.
Что братья, друзья? — Ах, блаженны стократ
Погибшие в цвете надежд и стремлений!
Не счесть мне обидных и горьких утрат,
Ошибок трусливых, падений...»
И всё описать я спешил без прикрас,
Что было за черные дни пережито, —
И чувство обиды и гнева не раз
В груди клокотало сердито...
Дрожащей рукою печать я срывал
С письма дорогого из дальнего края.
Меня утешая, товарищ писал,
С печалью шутливость мешая:
«Спасибо за вести про старых друзей!
Укрывшихся в гавань от злого ненастья
Оставим... Пусть радость вкушают! Сильней
Печалят меня их несчастья».

И образ знакомый мелькнул из-за строк...
Я долго сидел, молчаливый, смущенный:
Ка́к нежности столько ты в сердце сберег,
Боец, под грозой непреклонный?

1896

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Липы качались вчера обнаженные, —
Сколько сегодня зеленых кудрей!
В воздухе крики стоят отдаленные
    Первых крылатых гостей.

Что это? Грома раскаты веселые...
Радостно дрогнул проснувшийся сад!
Словно упали затворы тяжелые
    С двери в глухой каземат.

Чудо, воочию чудо свершается:
Ожило мертвое сердце в груди,
Снова куда-то лететь порывается...
    Крылья растут позади!

День весь, с утра, я охвачен тревогою:
Дверь широко растворю на балкон —
Жадно слежу за пустынной дорогою,
    Слышу таинственный звон.

Кто там? Не ты ль это, юность блаженная,
С гордой улыбкой летишь в вышине?
— О, воротись хоть на миг, незабвенная,
    С вестью надежды ко мне!

1901

* * *

Не знаете, когда придет хозяин дома — вечером, или в полночь, или в пение петухов.

Марк, 13, 35

Бывают годы мрачного бессилья:
Лишь редкий стон разбудит тишину,
И молодость влачит уныло крылья,
    Как сокол раненый, в плену.

И кажется — конца не будет ночи,
В пустынной мгле затерян к солнцу след...
Седой мудрец потупил скорбно очи,
И ты безмолвствуешь, поэт!

Но, жизни свет, живая мысль — свободна!
Когда грозней сомкнется злая тень
И будет скорбь людская безысходна, —
Он воссияет, красный день.
Придет он вдруг, негаданный, нежданный:
Раздвинется угрюмый, тесный свод,
Песнь зазвучит — и гостьею желанной
На праздник жизни молодость войдет!

Октябрь 1901

* * *

Средь мук и стенаний на свет
Живая душа прилетает;
В грозе испытаний поэт
Дар песен живых обретает —
Тех песен, что лед разбивают сердец...
Страданье — искусный, умелый кузнец!

Под небом холодным, чужим,
Во мраке бездомных скитаний,
В разлуке со всем дорогим,
В крушении всех упований —
В дни черные бед познается боец:
Изгнанье — искусный, умелый кузнец!

Но славы достоин лишь тот,
Кто, гордый своей правотою,
На верную гибель идет
С спокойной и ясной душою.
Прекрасен и прочен героя венец —
Ты, смерть, — для бессмертья кующий кузнец!

1901

НОВАЯ ВЕСНА

С цветущих берегов залитых солнцем стран,
Соскучась по земле родимой,
Несется вновь гостей веселых караван
На север грустный, но любимый.
Вблизи лесных озер опять и звон, и гам!
И, прерывая сон глубокий,
Дивится мертвый лес: по старческим корням
Текут живительные соки...
Обласканы теплом полуденных лучей,
Глядят былинки из-под снега...
Всё новой жизни ждет — приволья ясных дней,
Веселых, шумных бурь набега!

Тяжел и долог был природы мрачный сон:
Казалось, сном он смерти будет,
Казалось, дряхлый мир ни новой жертвы стон,
Ни гром победы не разбудит.
Над степью голою лишь ворон каркал злой
Да мерзлый лист шуршал уныло:
«И я когда-то жил... давно-давно, весной...
Всесильна смерть! Крепка могила!»

И первый вольный звук стряхнул унынья гнет!
Мелькнул цветок на талом снеге...
Кричат ватаги птиц, гремят потоки вод,
Поют зеленые побеги...
И мой усталый дух поет весне привет —
Забыты дни тоски мертвящей:
— Жизнь новая, цвети! И пусть не меркнет свет
Твоей звезды путеводящей!

Май 1902

* * *

Дитя! ты веришь в близкий рай?
Еще порыв свирепой бури —
И в блеске солнца и лазури,
В цветах, сойдет к нам вечный май.

Конец угрозам темным ада,
Забвенье мукам и слезам, —
И велика бойцов награда,
И сладок ранам их бальзам...

Дитя, дитя! В дали безбрежной —
Эдема светлого маяк...
Еще не раз под вьюгой снежной
Пловцов зальет холодный мрак!
Не раз промчится грозный шквал
Вражды, насилья, скорби, страха,
Каких, быть может, мир не знал,
И обагрятся меч и плаха!
Я вижу ряд великих бед,
Позор и ужас поражений...

Но вновь и вновь вернется Гений
Любви и правды: «Радость! Свет!»...
И, возвышаясь над костями
Борцов погибших, каждый раз
Бедней всё будет мир цепями,
Всё ближе возрожденья час.

1902

НА СТАРОМ ПЕПЕЛИЩЕ

1

Дул ветер с утра... Как свинцом налитá,
Сердито вздувалась река за кормою;
Еще раз проведать хотел я места,
Любимые некогда мною.

Вдоль стройных, одетых в гранит, берегов
Я плыл с затуманенным сердцем и взором;
И тускло светилась фаланга дворцов
За водным широким простором.

Застыли гиганты в таинственном сне
Среди величавой, угрюмой пустыни...

Вон серой змеею в другой стороне
    Стена притаилась твердыни.

И долго туда я и жадно глядел
На мрачный застенок свободы родимой,
Где рано весны моей цвет облетел...
    — Вы, стены проклятые, мимо!

Лениво тянулся зловещий гранит,
И слезы в груди закипали невольно, —
От старых страданий и старых обид
    Так было и сладко, и больно!

Чу, свист... Пароход меня дальше понес.
Угрюмые своды из камня и стали,
С рокочущим гулом копыт и колес,
    Не раз надо мной пролетали,

И грозно в пролетах шипела волна.
Исакия шлем замелькал золоченый...
Вот узкая красная лента видна
    Средь липовой рощи зеленой.

И дрогнуло сердце опять! — Я узнал:
Здесь, в этих стенах незабвенных, когда-то
Я воздух познанья так жадно вдыхал,
    Так в Истину веровал свято.

Но с гордых, заоблачно-льдистых высот
Она как царица на землю глядела;
До боли вседневных скорбей и забот
    Владычице не было дела.

А мы.. Мы отчизну любили, как мать,
Всем пылом сердец беззаветно влюбленных,
За братьев всю душу хотели отдать,
    За братьев, судьбой обойденных!

И душен нам стал величавый чертог...
. . . .

Но вот уж и сфинксы... Пришельцы из Фив
Загадочным взором глядят друг на друга:
Всё снится им желтого Нила разлив
Под солнцем сверкающим юга.

В чужбине холодной уж семьдесят зим
Вкруг них отшумело — всё длится изгнанье...
Печальные сфинксы! Я болен другим,
Но ваше ценю я страданье.

Мы старые с вами знакомцы... Не раз
Вверял я вам тайну святого обета, —
И долго бродил здесь, и спрашивал вас
О часе, минуте рассвета.

Теперь, после многих мучительных лет,
Я знаю — конца не дождусь уж ненастья:
Лишь в буре кровавых страданий и бед
Дается народам их счастье...

. . . .

Свинцовое небо грозило дождем.
Мне горькое в душу сомненье закралось:
Здесь камни повсюду твердят о былом,
Но люди... Что в людях осталось?

2

В огромной столице один уголок
Я вспомнил — душе дорогой и заветный.
Бесшумно катился там жизни поток;
Теснился в нужде беспросветной

Рабочий народ... Там и мы, молодежь,
Ютились по скромным мансардам и кельям,
Враждою встречая лишь трусость и ложь,
А муки лишений — весельем.

В средину беседы там бледный рассвет
Врывался нередко холодной волною;

Там зрели герои, дивившие свет
Душевной своей красотою...

Всё сразу узнал я — ту улицу, дом,
Где, помню, до света окошко мелькало,
Как звездочкой ясной, маня огоньком
В укромный приют идеала.

Но каменный вырос гигант впереди —
Исчезло окно за стеною огромной...
С безумно забившимся сердцем в груди
Взбегаю по лестнице темной...

Минута — и юность вернется назад:
Войду я — приветливо солнце засветит,
С серебряным смехом, с косою до пят,
Меня моя милая встретит!..

. . . .

Я долго звонил... В нетерпеньи рванул
Заветную дверь — и во тьме коридора
Один очутился... Несдержанный гул
Услышал я жаркого спора.

Звенела толпа молодых голосов,
Обрывки речей до меня долетали...
Спадала завеса — из мрака годов
Знакомые тени вставали...

Дверь скрипнула — выглянул стройный брюнет:
Глаза удивленно и строго глядели...
Мелькнула головка кудрявая вслед,
С глазами пугливой газели.

Еще и еще, точно в поле цветы...
В смущеньи стоял я, слова подбирая,
А в сердце победные пели мечты:
Да здравствует жизнь молодая!..

1902

ПАМЯТИ ГЛЕБА ИВАНОВИЧА УСПЕНСКОГО

С горькой думой в очах
И тоской на челе,
Тенью светлою он
Промелькнул на земле.

Будто горечь и боль
Всех мучений людских
В чутком сердце собрав,
Он твердил нам о них.

От улыбки его,
Полной скорбной вины,
Улетали как дым
Счастья мирные сны.

Звал он к жертве, к любви,
Весь любовью дыша...
Он горел, как маяк,
И... сгорела душа!

Не забудешь его
Ты, родная страна!
Задрожавшая раз,
Всё рыдает струна —

О великой вине
С гневом, скорбью поет
И на подвиг святой
Неустанно зовет.

1902

* * *

Ни о чем не жалею я в прошлом, друзья,
Ни одной бы черты в нем не вычеркнул я...

Боль и слезы его — звучной песни слова:
Слово выкинешь вон — и вся песня мертва!

Там, за каждой слезой, в каждом сумрачном дне
Солнца яркого луч вспоминается мне:

Это солнце я в сердце горячем носил —
Я одними страданьями с родиной жил!

Жизнь мелькнула волшебным, сверкающим сном...
Ни о чем не жалею, друзья, ни о чем!

1903

* * *

Я жду, упорно жду...
Мне душу истерзала
До ран кровавых жизнь, — живого места нет...
Но всё я жизнь люблю, всё верю, как бывало:
Он близок, он идет, спасительный рассвет!

И лишь порою страх волнует малодушный:
Не станет сил страдать, бороться и терпеть,
Меня раздавит свод моей темницы душной,
Я не дождусь зари...
Взглянуть — и умереть!

1903

ЛЕДОХОД

Берег пустынный опять пробужден —
Свист, гоготанье веселое, стон...
Лед на реке посинелый лежит,
Вздулся сердито и гулко трещит.
Холодно, жутко...
Но радостно-дик
В небе высоком несущийся крик.
«Скоро, уж скоро!» — поют журавли,
«Скоро!» — холмы отвечают вдали.
Сердце безумной тревоги полно,
«Скоро! — восторженно вторит оно. —

Порваны путы тяжелого сна —
Это шумит молодая весна! ..»

Сумерки. Ветер подул верховой.
Лед шевелится внизу, как живой...
Странные думы родятся в уме:
Грозное что-то куется во тьме! ..

1903

* * *

Дни скорби и стыда... Сжимают горло слезы, —
Мне стыдно за тебя, возлюбленный народ!
Так скоро отцвели мечтаний ярких розы,
Так он далек опять, спасительный исход!
И с болью вижу я, что над твоей душою
Еще простерта ночь, витают злые сны,
И ты не видишь их, укрытых темнотою,
Всесильных хищников родимой стороны!
На них поднялся б ты могучей бурей мщенья,
Из жалкого раба бойцом свободным стал...
Но ты на слабого напал без сожаленья,
Ты у несчастного младенцев растерзал!
Позора, скорби дни...

1903
После Кишинева

* * *

Ты говоришь, что жизнь пустынна и мертва,
Что молодость твоя, как нива в зной, томится, —
И некого любить, и некуда стремиться,
И сила вянет, как трава? ..

Брат! Или высох след людских кровавых слез?
Огромный мир кругом не напоен страданьем?
Лишь мертвый не кипит живым негодованьем,
Не шепчет пламенных угроз!

И стоны, и мольбы летят со всех сторон:
«Пора! Нам тяжко здесь... Дышать не стало силы...
Так тесен свод безжалостной могилы...
    На помощь, брат! Прерви свой сон!»

Ты слышишь? Ты спешишь? Унынья больше нет!
Вся грудь твоя дрожит от слез блаженно-ясных,
От счастья — жизнь отдать за слабых и несчастных,
    За страстно, долго жданный свет!

1903

ОТЕЦ

(Из Розенфельда)

Один, как в небе солнышко,
    Сыночек у меня.
Со мной он — в бедной комнатке
    Властитель мира я!

Но редко, редко вижу я
    Малютку моего:
Ночь стережет уж темная
    Глубокий сон его,

Когда вернусь усталый я
    В свой бедный уголок;
А чуть заря забрезжила —
    Опять завыл гудок!

Откроет дверь мне вечером
    Печальная жена —
Тотчас о нашем мальчике
    Начнет рассказ она.

Как он резвится весело,
    Лепечет день-деньской:
«Когда же добрый папочка
    Придет играть со мной?»

Я, с дрожью в сердце, слушаю...
    «Да, да! Ты прав, сынок!

Отца увидеть должен ты...
Иду, иду, дружок!»

В постельке разметался он...
Тревожных снов толпа
Плывет над ним, и шепчет он:
«Где па, где милый па?»

Его целую в глазки я...
И вот, глядят они,
Две ясных незабудочки...
«Дитя, я тут... Взгляни!»

Но снова поплыла над ним
Туманных снов толпа...
Лишь губки смехом дрогнули:
«О, где же, где же па?»

Стою больной, разбитый я,
Бессильный раб труда...
«Мой мальчик, скоро, скоро мы
Простимся навсегда!..»

1903

МАТЬ

Над больным ребенком,
Крошкой беззащитным,
Ты все дни и ночи
Бодрствуешь упорно.

Огненная птица
С черным хищным клювом
Над малюткой реет
Всё быстрей, всё ближе.

И горит, и сохнет
Маленькое тельце,
Вянут розы щечек,
Отлетают силы...

— Отойди, исчезни,
Грозное виденье!
Там, в огромном мире,
Мало ль злых, отживших?

Мой сыночек — птенчик,
Не видавший света,
Мой сыночек — зорьки
Утренней яснее.

Может быть, с годами,
Возмужавшей мыслью,
Как орел могучий,
Он взовьется к солнцу!

Может быть, надежда
В нем отчизны бедной:
Ей в борьбе великой
Он добудет долю! —

Огненная птица
Реет ниже, ниже...
Богу сил и правды
Шепчешь ты молитвы...

1903
Ст. Удельная

В. Г. КОРОЛЕНКО

В пустыню, где шепчется вьюга с тайгою,
Где бледное солнце не радует глаз,
Был брошен когда-то жестокой рукою
 Бесценный, прекрасный алмаз;
Рожденный для счастья, свободы и света
Цветок, не успевший в отчизне расцвесть, —
Живое, горячее сердце поэта,
 Влюбленного в правду и честь...

Всё в мире проходит... И дни испытанья
Промчались — отчизну поэт увидал.

Ему не грозит уже холод изгнанья —
Он славою родины стал!
Из мрачного края суровых метелей,
Из юрт неприглядных, из тундры скупой
Принес он гирлянды живых иммортелей —
Чарующих образов рой.
Как сердце он нам охлажденное греет,
В тьму жизни льет ласковый свет!

А там... злая пу́рга по-прежнему веет, —
И скольким возврата уж нет!..

14 ноября 1903

«ТУК-ТУК!..»

Он вернулся, мой старый, проклятый кошмар:
Загремела тяжелая дверь —
И опять я один в ненавистных стенах,
Как в ловушку захлопнутый зверь!
Всё как прежде: с тройною решеткой окно
И со сводом глухим потолок...
Тускло светит ночник; в тишине гробовой
Громко кровь ударяет в висок.
Словно кто-то настойчивый злобно твердит:
«Нет возврата! Надеждам конец!
Молчаливою бездной навек отделен
Ты от мира живых, ты — мертвец».

Вдруг я вздрогнул... Прислушаться жадно спешу:
Чу! невнятный, таинственный звук...
Будто кто-то в стене молоточком стучит:
«Кто ты? Кто ты, товарищ? Тук-тук!»
И к холодному камню, дрожа, я приник.
«...Брат! уж близок последний мой час:
Враг жестокий, не зная пощады, терзал —
Я разбит, но я честь мою спас.
Если родину ты повидаешь опять,
Ей снеси мой прощальный привет,
Братьям милым скажи...»
Молоточек замолк...

Что с тобой, мой печальный сосед?
Вот с угрозой в дверях злобно щелкнул «глазок» —
И вскочил я, как раненый зверь...
. . . .
«Нет, не сдамся, не сдамся я вам, палачи!
Вы могли мое тело сковать,
Но свободную душу бессильны убить.
Не хочу я, не буду молчать!..»

Что-то грудь мне сдавило железным кольцом...
— Ах!.. — и сбросил я тягостный гнет.
То был сон!..
Но от боли я вновь застонал:
Наяву тот же ужас гнетет!
Без решеток тюрьма и без каменных стен,
А безмолвие то же вокруг...
Лишь порой заглушенный призыв долетит:
«Брат, ты слышишь? Откликнись! Тук-тук!»

1903

SENILIA[1]

1

И звезды погаснут, и сгинет наш род!
Лишь мертвое — вечно, живое — пройдет.

Но юные жизни из темных могил
Возникнут в сияньи нетронутых сил.

Так травы душисты, так ярки цветы
На старых кладбищах, где никнут кресты...

Чтоб новому колосу жизни созреть,
Мы, старые зерна, должны умереть.

---

[1] Senilia — стариковское (лат.). — *Ред.*

2

Ее мы ждем из мрака ночи,
Из-за угла, как вора, ждем, —
Она ударит прямо в очи,
Средь блеска дня, сильна, как гром!

Как свиста бури лист осенний,
Ее мы в страхе, в скорби ждем, —
Она впорхнет неслышней тени,
Приникнет лучезарным сном!

16 июля 1903

У СФИНКСОВ

Вот они... Дремлют, как встарь, над Невою...
Город вечерней окутался мглою,
Цепью бегут золотой огоньки,
Слышатся мощные всплески реки.

В маленькой шапочке, в кофточке тонкой,
Девушка, с обликом нежным ребенка,
В полосу света бесшумно вошла;
Юноша рядом — со взором орла.

В тень я укрылся за темным гранитом.
Влажного ветра порывом сердитым
Несколько слов до меня донесло.
Он говорил, улыбаясь светло:

«Нет, бескорыстные жертвы не тщетны!
Это сгущается мрак предрассветный,
Грозный девятый вздымается вал, —
Час избавленья желанный настал!..»

Дальше прошли — и в тумане пропали.
Смелые ж звуки все будто дрожали,
Сфинксов будя очарованный сон,
В сердце моем отзываясь как стон.

Вспыхнуло что-то во мраке душевном,
Бурно прошло дуновением гневным...
Словно вперед я сумел заглянуть —
В темную ночь, на грядущий их путь.

В чуждых, пустынных снегах утопая,
Стелется он без конца и без края...
Что там, вдали, так уныло звенит?
Что так душа безутешно болит?

В мертвом краю, в безотрадной разлуке,
Годы потянутся, полные муки,
Полные злобы, бессильных угроз,
Гибели всех упований и грез...

Холодно. Ветер сильнее. Сердито
Плещутся волны о глыбы гранита.
Газ в фонарях задрожал, зашипел...
— Сфинксы, откройте: где скорби предел?

1903

У ГРОБА Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

С спокойно-мраморным челом,
Как будто задремав случайно,
Лежит он, полон думы тайной
О чем-то важном и большом.
И вот возносит хор бесстрастный
О нем последнюю мольбу...
Не сон ли снится, сон ужасный,
Что, мертвый, он лежит в гробу?
Он — мертв?! Всю жизнь будивший к жизни!
Сквозь грохот бури, ночи мрак
Светивший горестной отчизне
Как призывающий маяк!
Не может быть! Мы здесь — ошибкой...
Вот он услышит наш призыв
И встанет с ясною улыбкой:
«О чем вы плачете?.. Я — жив!»

Нет! не дойдет к тебе стозвучной жизни шум,
Уж не увидишь ты луча зари желанной:
Ты взором лишь орла, с вершины гордых дум,
Провидел край обетованный...

Но подвиг твой живет. Учитель дорогой,
Спи безмятежным сном, людских угроз не зная!
В далекой памяти страны своей родной
Ты будешь жить, не умирая!

29 января 1904
СПб.

* * *

День без ясного солнца, без месяца ночь, —
Будто тени, уносятся прочь!
И в толпе, и один, я всегда одинок:
Я — как вырванный с корнем цветок.

Опаленный грозой, тих и сумрачен сад —
Только пни сиротливо торчат.
Не ласкает его мягкий солнечный луч,
Не поит сладко шепчущий ключ...

И в зеленом шатре уж певец не гостит:
Песни спела душа — и молчит!
Дальше, дальше бежит шумный жизни поток...
Я — как вырванный с корнем цветок!

1904

* * *

Бог благости щедрой, бог правды великой!
Меч силы в деснице ль твоей?
Считал ли ты слезы, кровавые слезы
Смиренной отчизны моей?

Что ж медлишь сойти ты с грозою и гневом
Из вечных чертогов своих?
Даров ли свободной и радостной доли
Она недостойней других?

Иль мало она безответно страдала,
Томилась, как в келье глухой?
О цепи всё тело свое истерзала,
Ослепла от тьмы вековой!

Не хватит уж скоро отваги орлиной,
Могучие крылья в крови...
Пощады!.. Пощады!.. Дай луч хоть единый,
Дай каплю живую любви!..

1904

* * *

Мне чудится кругом какой-то шорох странный,
Тревожно-радостный, как веянье весны:
Так узник сторожит свиданья час желанный,
Проснувшись до зари, средь чуткой тишины...
Я жду, кого-то жду со страхом и любовью,
Кого-то, чья рука чудесное свершит,
Кто образумит нас, залитых братской кровью,
Залечит раны все и скорби облегчит.
«Пора! — я слышу стон в безмолвьи тяжком ночи. —
Довольно злых угроз! Раскройся, мир-тюрьма!»
Во мрак вперяю я расширенные очи:
Вот дрогнет наконец испуганная тьма!
Миг — и рассвет блеснет, и защебечут птицы,
И развернется даль, заманчиво-пестра...

И крылья распахнет проснувшейся орлицы,
Быть может, песнь моя...
— Скорей! Пора, пора!

Август 1904

СОН

В небе странно-высоком, зловеще-немом
Гас кровавый вечерний закат.
Умирал я от ран в гаоляне густом,
Позабытый своими солдат.
Как ребенок, затерянный в чаще лесной,
Я кричал, я отчаянно звал —
И на помощь ни свой не пришел, ни чужой,
Гаолян только глухо шуршал!
Да орел целый день над горою парил,
Хищный клекот носился кругом...
Всё на север, в безвестную даль уходил
Затихающих выстрелов гром.
И скользил угасающий взор мой, в тоске,
По менявшим наряд облакам:
Что там парусом белым стоит вдалеке —
Не села ли родимого храм?
Вон старуха с клюкой... Не моя ль это мать
По кусочки с сумой побрела?
Горегорькая! Сына тебе не дождать —
Ты на муку его родила!
Злобно лязгают цепи... В дыму и в огне,
Будто стая встревоженных птиц,
Вьется лента вагонов, — и в каждом окне
Сколько бледных, измученных лиц!
Бесконечен ваш путь, и тяжел, и суров:
Мертвой степи пустынная гладь,
Выси грозные гор, темень диких лесов...
Вас в чужбину везут умирать!
. . . .
Умирал я от ран на чужой стороне...
Так хотелось мучительно жить,
О жестокой, безумно-кровавой войне,
Как о грезе проклятой, забыть!

Ночь сошла... Или смерть?.. Сеть туманов сырых
Поползла над ущельями гор;
В черном небе невиданно-ярких, больших,
Странных звезд засветился узор.

И в зловещей тиши, мне казалось, не я —
Кто-то чуждый бессильно стонал...
И от жалости в сердце больном у меня
Слез кипучих родник клокотал!

1905

КРАСНЫЙ СНЕГ

Как прилив могучий,
Шел и шел народ,
С детски ясной верой,
Всё вперед, вперед.

Чтоб врага свободы
Поразить в бою,
Нес одно оружье —
Правоту свою...

Непорочно-белый
Снег кругом лежал;
Воздух, чуть морозный,
Еле трепетал.

Вдруг... ряд залпов грянул!
Меток был прицел:
Как под бурей листья,
Пали груды тел!

Юноши и дети,
Жены, старики
Бездыханны пали
От родной руки.

За одно лишь слово
Отнят белый свет:
«Жить в ярме постылом
Больше мочи нет!»

Тупо взор уставя
В обагренный снег,

Мы стояли молча...
Миг один, иль век?

— Каин, что ты сделал?!
Прячась, словно тать,
Божьего проклятья
Смоешь ли печать?

Знай: покамест в жилах
Капля крови есть,
Мысль одну мы держим —
Про святую месть!

У престола бога,
В утро райских нег,
Все мы видеть станем
Этот красный снег!

1905

* * *

Как солнце, мне твоя улыбка дорога!
Ты взглянешь весело — я пытку забываю...
Но тверже и острей я лезвия не знаю,
Чем блеск очей твоих перед лицом врага.

То — оскорбленная души твоей святыня
Глядит, безмолвная, как гордая звезда...
Я, втайне умилен, тебе молюсь тогда:
И ненавидишь ты, и любишь, как богиня!

1905

* * *

Снова в путь-дорогу, старый верный друг! —
Золотые грезы, видно, лгали нам,
Что за нашей дверью смолкли стоны вьюг,
Отдохнуть пора измученным костям.

Налетела буря, сжала страхом грудь...
Грозный мрак кругом... Но ты сильна душой,
Смело ты стоять умеешь под грозой, —
Счастлив, кто с тобой свершает жизни путь!

1905

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Вкруг Африки знойной, по бурной равнине
Безбрежных тропических вод,
К далекой стране восходящего солнца
Семья броненосцев плывет.
Прекрасны и грозны стальные гиганты —
Окрашены в цвет боевой
И жерлами сотен орудий зияют,
Готовые ринуться в бой.
Но странно-безмолвны они, как гробницы:
Ни кликов, ни песен живых;
Недвижнее статуй, угрюмые люди
Стоят у лафетов стальных:
Так узник стоит перед плахой кровавой...

«Погибель верна впереди,
И тот, кто послал нас на подвиг ужасный, —
Без сердца в железной груди!
Мы — жертвы... Мы гневным отмечены роком...
Но бьет искупления час —
И рушатся своды отжившего мира,
Опорой избравшего нас.
Заря золотая свободы родимой,
Не мы твой увидим восход,
Но если так нужно, — возьми наши жизни...
Вперед, на погибель! Вперед!»

И вот зашумели восточные воды,
Седой буревестник кричит...
Привет тебе, грозное Желтое море!
Чу! выстрел далекий гремит...

«Не флот ли Артура? .. Взгляни: „Петропавловск",
„Полтава", „Победа", „Баян"...
То старый Макаров к нам едет навстречу,
Салют отдает „Ретвизан"...»

Безумная греза! .. Уж гордо не грянет
Огонь из родных амбразур:
В развалинах дымных, кровавою раной
Зияет погибший Артур!
И путь туда русскому флагу заказан...
Смелее ж направо! Вперед —
К безвестным утесам враждебной Цусимы,
В зловещий Корейский проход!

«Ты сжалишься, сжалишься, праведный боже,
И волю изменишь свою:
Пусть чудо, великое чудо свершится —
Врага поразим мы в бою!»
. . . .
Свершилось! .. На дне ледяном океана
Стальные красавцы лежат,
И чуда морские, акулы и спруты,
На них в изумленьи глядят.
Разбиты, истерзаны, кровью залиты
Грот-мачты, лафеты, рули...
Ни стона, ни звука... В могильном покое,
Недвижимы, спят корабли...

Но бурею весть по отчизне далекой
Промчится, темна и грозна, —
И кличем могучим: «Довольно!» ответит
Одетая в траур страна.
Довольно! Довольно! Герои Цусимы,
Вы жертвой последней легли:
Рассвет уже близок... Она у порога —
Свобода родимой земли!

1905

* * *

Отчизна хризантем, любимый солнцем край!
Волна морей гремит твоей расцветшей славой,
Твой лучезарный флаг, при возгласах «банзай»,
Победно осенил Артура рейд кровавый.
Но слава хищная — коварный дар богов, —
Нипóн, иным гордись!..
Актеры грозной драмы,
Бойцы усталые, — под мирный отчий кров
Вернутся воины счастливые Ойямы.
Свобода и любовь в объятья примут их!
На клич земли родной они как барсы встали,
За право равенства в семье племен людских
Бестрепетно в полях чужбины умирали.
И яркий вспыхнул день — награда всех трудов, —
Ликуйте, мертвецы Мукдена и Телина:
Отныне желтый цвет — не подлый цвет рабов,
Отныне Азия не знает господина!

А мы?.. Ущелья гор, долины рек чужих
Дождем кровавым мы бесплодно оросили;
С покорностью волов безгласных и тупых,
Как снегом, нашими костями убелили!
Над мирным краем манз прошли мы бурей злой, —
Потомок дальний их проклятьем нас помянет...
И рабскою ордой вернемся в край родной,
И рабство прежнее нам тупо в очи глянет?!.

. . . .

Проснулась родина... увы, для новых бед!
Изранена, в крови, отягчена цепями,
Всё ждет зари она, — зари желанной нет...
На помощь к ней, вперед! и бог свободы с нами!

20 августа 1905

ИЗ ДНЕВНИКА

1

В дыму пожаров города̂,
И кровь и смерть кругом,
Как будто дикая орда
Прошла с мечом, с огнем.
Жесток был враг, безумно-дик,
Не дрогнула рука:
В родную грудь вонзился штык
Солдата-земляка!
Его послали убивать
Голодных старцев, жен,
Посмевших стоном нарушать
Беспечный царский сон,
Посмевших думать, что равно
Всем нужен солнца свет...
— Давно, мой край родной, давно
Тебя несчастней нет!
Для всех морей, для всех широт
Свободы день взошел, —
Тебя лишь, мученик-народ,
Двуглавый рвет орел.
Смотри: вся грудь твоя в крови,
А хищник всё не сыт...
Когда ж придет герой любви —
Его на смерть сразит?..

Январь 1906

2

Чуть утро — шелестом разбужен я газет,
Еще сырых слегка, пропахших свежей краской...
И мозг больной горит! Сил оторваться нет,
Вновь зачарован я кошмарной жизни сказкой!
Насилий новых ряд!.. Мятежно-громкий стон
Замученных рабов нарушил сон кладбища —
И меч карающий над ними занесен,
И мстительный огонь их истребил жилища!

Вот девушка-герой, Шарлотта новых дней,
Народного врага бесстрашно поразила —
И свора темная развратных палачей
Цветок прекраснейший безжалостно сгубила!..

. . . .

Кричать? Но криков нет столь громких на земле,
Чтоб муки выразить томленье.
Молчать? Но жуткий страх стоит в окрестной мгле,
И веком кажется мгновенье...
Как будто в давний мир открылась снова дверь:
Гигантский лес... зловещий шорох...
И человек ползет, затравленный, как зверь,
От братьев прячась в дуплах, в норах.
Кошмары дикие приходят наяву, —
Дрожишь, услышав треск камина:
Уж не громят ли вновь мятежную Москву
Дружины Римана и Мина?..
Убийства, казни, кровь...
И люди в силах жить?
Работать, как всегда, любить, мечтать, смеяться?
Нет, в сердце у меня порвалась жизни нить,
Я разучился улыбаться!
Друзьям любимейшим я не гляжу в глаза,
Читая в них огонь убийственный презренья...
И сердца тишина зловеща, как гроза...
И губы шепчут: «Мщенья! Мщенья!»

1906

М. А. СПИРИДОНОВОЙ

(В ДНИ ГР. ВИТТЕ И П. Н. ДУРНОВО)

Немая, гордая, со скорбными очами,
В застенке сумрачном, в руках двух палачей,
Ты — образ горестный родной страны твоей,
Таких же двух зверей истерзанной когтями.
Лисица старая с игрою хищных глаз
И мерзостный вампир с кровавой алчной пастью,
Сам ад соединил союзом гнусным вас,
Чтоб родину предать позору и несчастью!
В те дни ужасные ее покинул бог:

Убийцы злобные, вы руки ей связали,
Уста замкнули ей — и тихо, без тревог,
С искусством дьявольским страдалицу терзали...
И нет прощенья вам! .. В веках забвенья нет! ..
Друг с другом скованы вы цепью неразрывной,
И имя одного, как звук трубы призывной,
Из гроба вызовет другого на ответ!

Между январем и мартом

ЛЕСНЫЕ ТАЙНЫ

1. В ГЛУШИ

Не в царство ль сказок я русалкой заведен? ..
Волшебная глазам открылась панорама:
Гигантов-сосен ряд стоит, как строй колонн
Богами и людьми заброшенного храма.
Все звуки умерли; вокруг — зеленый мрак,
Насыщенный больным, тяжелым ароматом...
Здесь лишний — человек! Лес, как заклятый враг,
Мой каждый жест следит...
Сижу на пне косматом
И силюсь оживить какой-то древний сон,
Унять волненье дум и крови шум мятежный...

Нет, нет, мне душно здесь! Скорей отсюда вон,
Туда, на вольный свет и на простор безбрежный!

2. ГОРЕЛЫЙ ЛЕС

Грустный мир деревьев опаленных,
Черных пней, обугленных стволов...
Вон — дымки́ еще в вершинах сонных,
Струйки красных хищных языков.
Нет! то рыжих хвой висят лоскутья...
Умер лес, кладбища сон кругом...
Но смотри: все в нежных почках, прутья
Снизу светлым брызнули ключом.

Обвили зеленые листочки
Голый ствол; веселые цветы
Там глядят из обгорелой кочки...
— Здравствуй, жизнь! Сильнее смерти ты!

3. ЛЕС ПОЕТ...

Лес поет, приветным шумом
Вторит птичьим голосам
И моим свободным думам...
Где я, кто — не знаю сам.
Я — царевич.. Волк дубравы
Верой-правдой служит мне;
На спине его шершавой
Мчусь я с ветром наравне.
Города, поля мелькают, —
В край Жар-птицы мы спешим...
Грезы пышно расцветают,
Расплываются, как дым.
Лес поет... В простор безбрежный,
Мнится, я плыву, плыву
На волне зелено-нежной...
Явь ли? Сон ли наяву?

4. ДЯТЕЛ

Я б хотел быть вольным дятлом
С красноперой головой!
И нарядный, и веселый,
Он в работе день-деньской.

По стволам могучих сосен
Быстрой тенью он скользит
И, чуть утро, с звонким кличем
По коре стучит, стучит:

— Просыпайся, подымайся,
Весь лесной пернатый род!

Раньше солнца по лесам я
Совершаю мой обход.

5. В БУРЮ

Разгневан темный лес... Я с робостью вступил
Под хмурые его, бушующие своды...
Могучий шум гудел как шелест тысяч крыл,
Как моря грозный гул под злостью непогоды.
Зеленый свод ветвей страшнее был тюрьмы,
И листья тучами летели, будто стрелы,
В незримого врага... Прочь, духи зла и тьмы!
Оставьте мирные и светлые пределы!
Еще вчера он спал, доверчив и влюблен,
В объятьях тишины, как на груди Далилы,
Сегодня он — на месть поднявшийся Самсон,
В величьи гордых дум, во всеоружьи силы!

6. РЕБЕНОК

Я с ребенком иду по тропинке лесной...
Я, как лес этот старый, задумчив и тих,
Он, как птичка, лепечет о думках своих —
Молодая осинка под старой сосной.
Нет расспросам конца: «И зачем этот сук
Так изогнут, и что там шуршит в вышине? ..»

Детский лепет да сердца размеренный стук;
Сосны стройно стоят, тихо грезя во сне.

7. ТАЙНЫ ЛЕСА

Если хочешь тайны леса
Ты узнать, дитя, — садись
Здесь, на мох под елью темной,
И молчи, не шевелись!

Этот пень седой, рогатый —
Посмотри — совсем не пень:
Это — бегом утомленный,
Чутко дремлющий олень.

В красных шапках мухоморы
Подле чинно стали в ряд...
Но вглядись: то крошки-гномы
Стерегут забытый клад.

Вот промчался по вершинам
Гул протяжный и глухой...
В одеяньи сером, длинном
Смотрит сверху царь лесной.

Тихо! Нет здесь человека —
Там он, в шумных городах...
Мирно спят лесные тайны,
Крошки-гномы на часах.

Лишь кукушка плачет где-то
Да малиновка свистит;
Лапы длинные раскинув,
Вещий папоротник спит.

1907

ПАМЯТИ ФРУМЫ ФРУМКИНОЙ

Жизнь готовясь отдать палачам
С детской ясностью сердца спокойного,
Ты в завете последнем друзьям
Помянула меня, недостойного, —
Старшим братом меня назвала...
Что ж не слышу я слез умиления,
Гордых, сладко волнующих слез,
В сердце, полном тоски и смятения?
От стыда я поник головой...
О душа беззаветная, чистая!
Перед жертвой твоей что́ моя —
И любовь и дорога тернистая?

И для братьев несчастных твоих,
Над которыми враг наш ругается,
Что́ бессильный мой сделает стих
Там, где кровь, как вода, проливается...

8 октября 1907

СНЫ

Холодная тоска
Со дна души встает,
Как серый, злой туман
В дни осени с болот.
Всё снится — в мрачный склеп
Навек попали мы:
Стучим, зовем... Увы!
Недвижен свод тюрьмы.
Нет песен, смеха нет...
Ни солнца, ни цветов...
Печален круг друзей,
Темно лицо врагов!

А вам, на чьих руках
Святая кровь борцов, —
Вам посылает бог
Отраду мирных снов!

Иль целый мир для вас
Кровавой мглой одет
И сном, отрадным сном
Забыться силы нет?
Насупился палач,
Как сытый, злой удав,
Веревку надевать
На шею жертв устав.

. . . .

Нет, если ясный взор
Ты хочешь видеть, брат,
Войди, как тень, как вор,
В тюремный каземат.

Вот девушка, — взгляни:
Одна, в тиши немой,
Она проводит здесь
Ночлег последний свой.

Спокойных снов ее
Не потревожит страх:
В ланитах — жизни кровь,
Улыбка на устах.
И, чуть в окне тюрьмы
Блеснет заря, — взойдет
С улыбкою она
На грозный эшафот!..

Холодная змея
Мне сердце обвила:
Жизнь сумрачна, как смерть,
Лишь смерть — как жизнь, светла!..

1907

* * *

В Сибири, окованной лютым морозом,
Пустынной дорогой я встретился раз,
Изгнанник усталый, со странным обозом,
Дремоту и сплин мой прогнавшим тотчас.

Шарахнулась тройка моя боязливо, —
Всем телом дрожа, понеслась напролом...
Ямщик, обернувшись ко мне торопливо,
В степь, ярко белевшую, тыкал кнутом.

Гляжу: целиной снеговою, ныряя,
Влачась, точно грузные барки, вперед,
Страдальчески-кротко и мерно шагая,
Лохматый верблюд за верблюдом бредет.

Веревка сквозь мягкие ноздри продета,
Прикручен к горбу исполинский мешок...
Не родина ль праотцев, полная света,
Им грезится? знойный сыпучий песок?

Вон близко уж пальмы с узорчатой тенью...
Оазис! Ключа переливчатый звон!
Вдруг дернул вожжою киргиз в нетерпеньи —
И жалкий, визгливый послышался стон...

И нет чудной сказки!.. Походкой убогой
Пошли они дальше в морозную даль...
Я еду своей бесконечной дорогой
Один, затаивши на сердце печаль.

1907

* * *

Грядущего счастья далекие дни
С сиянием солнца, цветов и лазури...
В ненастную ночь, под раскатами бури,
Не верится сердцу, что будут они!
Конца нет дороге томительно-трудной...
Не сон ли то людям мерещится чудный?

Но, солнце, ты будешь!.. И люди с трудом
Поверят кровавой и горестной были
И в ужасе спросят: «Да вправду ль вы жили —
Любили, смеялись, боролись с врагом?
На празднике светлом любви и свободы
Не снятся ль тюрьмы вам угрюмые своды?»

1907

БРЕД

1

Когда болезнь, как узника, меня
    Цепями к ложу пригвоздила
И черной птицею, с зрачками из огня,
    Над головой моей парила, —
Не к югу светлому мечтой я улетал,
    А в льдистый сумрак тундры скудной,

И из-под снега там, как зверь, я отрывал
Осенних ягод нектар чудный.
Безбрежность снилась мне полярных вод морских...
Гигантских льдин мелькали тени,
И лоб пылающий дыханьем грозным их
Я освежал... И рой видений
Вставал во мгле таинственной ночей:
Всё небо зыблилось цветами,
Ходили всполохи беззвучные огней
Большими яркими столбами...
И тих, и дивен был кругом пустынный мир,
Как уголок последний рая,
Где лишь природа-мать свободный правит пир
И так ничтожна власть людская!

2

А там, где шепчет мирт о счастье на земле
И море теплое синеет, —
Тирана мрачного, мне снилось, на скале
Дворец разрушенный чернеет.
Сюда он уходил от царственных тревог,
От власти страшной и кровавой...
Всю ночь тогда сиял, как яркий день, чертог
Под лирный рокот величавый.
Душистых смол и трав курился сладкий дым,
Столы под яствами ломились,
Фалерна щедрого напитком золотым
Амфоры весело светились.
Сенатор с консулом, забыв свой важный сан,
Кружились в пляске неприличной;
Развенчанный царек каких-то дальних стран
Шута разыгрывал отлично.
Но тот, чей взгляд ловил пронырливый актер, —
С надменным видом полубога
Безрадостно смотрел на блеск и на позор,
Молчал загадочно и строго.
Что, что больной тиран таил на дне души?
Презренье к людям и к престолу?
Кровавый новый план обдумывал в тиши —
Из Рима вывести крамолу?

Но вот он знак дает...
И кубки уж блестят
Цекубским током несравненным
(Лозу его сам Вакх когда-то, говорят,
Взрастил в саду своем нетленном).
И горы новых яств рабы приносят вслед:
Вот — дальней Индии бананы,
Из соловьиных горл и языков паштет,
Колхиды сказочной фазаны.
Все снова чавкают, торопятся глотать,
Как псы с голодными зубами;
Иного тут же рвет... Но миг — и вот опять
Задвигал жадно челюстями!

. . . .

Вновь цезарь подал знак — и пышный зал притих.
Стена, как волшебством, раскрылась:
Гирлянда девочек и отроков нагих
Средь рощи пальмовой явилась.
Смущенья прелесть, смоль разметанных кудрей,
Невинных детских глаз блистанье...
И бешеный восторг зажег сердца гостей,
Как гром гудят рукоплесканья!
«Сюда! — вопят, — сюда!». . . . .

. . . .

Белеет в окнах свет. Замолк и смех, и стон.
Рабы стопой скользят беззвучной
И детских трупиков ряды выносят вон,
Как сор ненужный и докучный.
Всё выше светлый Феб — из исполинских ниш
На сон убийц глядит с укором...
Но ты смешон им, бог! Не их и ты смутишь,
Историк, гневным приговором!

3

...Горит больная кровь,
Виденья страшные приходят вновь и вновь.
Всё ты мне грезишься, несчастная Россия!
Что это? Грозное ль нашествие Батыя,
Когда народ завыл и из конца в конец
Бежал в леса толпой испуганных овец?

Безумства ль Грозного? Петровы ли расправы?
Иль ужас наших дней, безумный и кровавый?
Всё спуталось в уме...
Чу! шествие идет —
Гул тысяч, тысяч ног... Всё молодой народ.
Мелькают изредка и женские головки...
На шеях сдавленных болтаются веревки,
Противно лязгают оковы на ногах,
Железо за спиной на скрученных локтях...
Есть лица гордые с орлиным смелым взором,
Но больше — скорбные, с вопросом иль укором.

Что ж я отвечу им? Что слезы сердце жгут?
В безвестном тайнике происходил ваш суд.
Кто обвинитель ваш? Как ваших судей звали?
Что вы сказали им — лишь камни стен слыхали!..
...О, если бы давно великому народу
Был светоч знанья дан и выход на свободу, —
С какой бы красотой и мощью гордых сил
Орлиный дух его к вершинам воспарил,
Каким бы Русь цвела могуществом и счастьем!..

Всё, всё загублено проклятым самовластьем!
В болезнях, в нищете, в невежестве тупом,
Приниженный, народ во тьме живет как гном.
Дня не запомню я, короткого мгновенья,
Когда б в душе не тлел огонь вражды и мщенья,
Когда бы я не ждал, что божьей правды гнев
Проснется наконец, как разъяренный лев!..
Да, да, преступен я... И цел еще строптивец?!

А! вот идут... гремят... Басманов-нечестивец,
Малюта, злой палач... Все — в бархатных тафьях,
В кафтанах расшивных и с саблями в руках...
К дверям моим пришли — и тихо, тихо стало:
Примолкли, будто ждут какого-то сигнала...
Минута — и как вихрь ворвутся в мой приют,
Больного, слабого в застенок повлекут!..

Кошмар... Проснуться бы!..

1908

ЗЕМЛЯ
(ИЗ НЕДАВНИХ ДЕРЕВЕНСКИХ НАСТРОЕНИЙ)

«Народ оказался фефелой. . .»
«От русской истории издавна пахло клопом. . .»

Из признаний разочарованного публициста

Раздолье нив кругом да неба синева. . .
По пояс борода — как белый снег — у деда,
Как мягкий, чистый лен — у внука голова! . .
Сердитых слез полна, кипит-журчит беседа.

. . . .

— Что змеи залегли помещики кругом,
Забрали всё себе — луга, леса и воды!
На клиньях мы, в песках, душ тысяч пять живем,
Знай, пухнем с голоду, ждем ý моря погоды.
Мы были графские. . . Ох, вспомнить — страшный сон!
Возами, слышь, везли березовые прутья,
И в поле, как в аду, стоял кромешный стон —
Из спин лилася кровь и падали лоскутья.
Да, пóпил старый граф живой слезы людской!
Святая тут земля: мужицкой алой кровью
Вся полита она, что божьею росой. . .
Ей поклонись, дружок, с смиреньем и любовью!
И помни: бог ведет слезам сиротским счет,
Мне, может, не видать, а ты дождешься, милый,
Денечка красного: пробудится народ
И землю, кровь свою, возьмет *добром иль силой!*

То было в темные, глухие вечера,
Когда в полях пустых носились волчьи стоны.
Как свечи вспыхнули усадьбы, хутора,
Колонны гордые, террасы и балконы.
Красу заветных лип и стройных тополей,
Приют мечтательный, где в сумраке аллей
Бродили некогда Елены и Ирины,
Где щелкал по зарям влюбленный соловей
И были роз полны укромные куртины, —
Без жалости топор мужицкий вырубал. . .
Как буря шумная примчался гнев народа

И роскоши цветы злорадно растоптал!
Грозящим призраком из мрака шла Свобода...

Но снова тихо всё. Недвижный смерти сон.
Лишь гарью душною с пожарищ вдруг потянет,
Да пьяных стражников разгульный хохот грянет,
Да злое карканье послышится ворон...
. . . .
— А, узнаю тебя, народ родной, смиренный!
На шее — лик Христа, в руке — убийцы лом;
Кулак бессмысленный — девиз твой неизменный,
Душа холопская — клеймо на лбу твоем.
Что́ создал ты в веках? Какой украшен славой?
Оплеван, сечен, бит — вот вся твоя судьба.
Построил ты кабак, торгующий отравой,
Да с перекладиной позорных два столба.
Нет, не зови своим прекрасный сон свободы,
Не для тебя — борцов лучистый ореол...
Гниенье смрадное упавшей в ил колоды —
Удел бессменный твой... Терпи, покорный вол!

Как будто вымерла деревня... Хмурый ряд
Избенок скривленных чернеет над рекою,
И не слыхать собак, и не видать ребят...
Нет! вон, задумчиво склонившись над клюкою,
Там, на завалинке, седой старик сидит.
С ним рядом внук. Как лен белеет головенка.
Зверьком испуганным на деда он глядит,
Шершавою рукой ласкает дед ребенка.
«Слышь: перед волею вот так же встал народ,
И так же господа над нами лютовали —
Томили барщиной, сосали кровь и пот,
Пороли, мучили, зубами лишь не рвали!
А слух о воле рос, рос снежною горой...
И час приспел: пришла желанная Свобода —
С мякиной-матушкой, с сосновою корой...
Теперь — черед Земли, кормилицы народа!

Между ноябрем 1907 и январем 1908

* * *

Как сотни лет назад, сегодня ночь прекрасна!
Узоры те же всё сплетают хоры звезд,
Красавец Орион горит всё так же ясно,
И Млечного Пути дрожит алмазный мост.
Но к тайне нет ключа: кто там живет, страдает?
Как мы же, смертные с стремленьем без конца?
Иная ль красота мечту их окрыляет
И о добре ином тоскуют их сердца?
Ужель и там — вражда? За светлый дар свободы
Немолчный бой кипит, живая льется кровь?
Как жалкий вьючный скот, влачат ярмо народы,
В колодках — мысль, и гений, и любовь?

Так эта даль светла, так эта ночь прекрасна,
Так тихи хоры звезд, что мысль о зле бежит.
Нет, люди — братья там! Невозмутимо-ясно
Там Разума величие горит!

1908

СОСНА

У моего окна
И день и ночь сосна
Таинственно шуршит...
Ей много-много лет.
Старуха знает свет
И много тайн хранит.

И, мудрости полна,
Ворчит она со сна:
«Весенний вольный дух...
Опять безумный мир
Заводит шумный пир
И счастьем бредит вслух.

Мелькнет, как миг один,
Краса полей, долин...
Нет! счастье — мирный сон.

Пусть беден мой наряд
И жесток, говорят,
Зато — как прочен он!»

И робко смолкла вдруг:
Раздался светлый звук,
Веселый смех звенит.
То — вкруг корней седых
Березок молодых
Семья поет, шумит.

Привольно, любо им,
Кудрявым и густым,
Под лаской вешних дней...
Жить! Каждой почкой жить!
Как воздух, радость пить,
Хоть миг — да грудью всей!

1908

ДУМКИ

1

Я умер один, в чужедальнем краю...
Родная рука моих глаз не закрыла,
Отчизна давно позабыла
Печальную музу мою.

Что старые песни! Есть новые муки,
Безвестные прежним бойцам, —
По-новому страстные, гневные звуки
Ударят по юным сердцам...

Я умер — и лебедем гордым поднялся
К лазурной, горевшей огнем вышине.
И юная сила вернулась ко мне —
Я пел... я любил, я смеялся...

2

Ах! в жизни сумрачной я не припомню дня,
Когда б на божий мир взглянул я вольно, ясно,
Когда бы злая мысль покинула меня,
Что родина — раба, что родина несчастна.

Не помню ночи я без гнета страшных снов:
То я, как новый Брут, разил врага свободы,
То сам на плаху шел... Гремел тюрьмы засов,
Зияли, точно гроб, удушливые своды.

Кошмар, вся жизнь — кошмар... Кровавый дикий бред...
Отравлена душа виденьями больными...
И — вспыхни красный день — лучами золотыми
Свободы и любви не буду я согрет!

3

Часто сон мне яркий снится:
Волен, счастлив край родной...
Уж в гробах давно истлели
Враг народа и герой.

Пышно нивы колосятся,
Песня смелая звучит,
В светлых, праздничных нарядах
На работу люд спешит.

Где-то ряд столбов позорных
Возвышался здесь, давно...
Но о них лишь книги помнят,
Всё забыто, прощено!

И дрожит от гнева сердце:
Как! забвенье — их удел,
Тех жестоких, тех проклятых,
Кто от наших слез пьянел?!

Кто у вольного народа
Жизнь хотел отнять и честь?

Сон гнетущий... Прочь забвенье:
Месть! За дверью гроба месть!

4

Гром грохочет всю ночь, небо — словно горит...
Ветер ду́бы столетние клонит...
Полон ропота лес. Сыч пронзительно стонет.
Лишь эолова арфа молчанье хранит.

Новой бури порыв, новый грома раскат.
Мрак — и тучи опять, будто кровь, покраснели...
Словно трупы казненных, качаются ели...
Песни грустной и нежной не надобно, брат!

Буря струны порвет... Разве кротких слеза
Может выразить ужас безвестно казнимых?
Муку девушек милых, в застенке томимых?
Смолкни! Смолкни! Бушует гроза...

Июль 1909
Бад-Наугейм

* * *

Под пологом ночи глухой
Шли долгие, скорбные годы;
Неясной чуть брезжил звездой
Загадочный призрак свободы.

«Идите! — властительно звал
Таинственный голос. — За мною!
За гранью чернеющих скал
Уж небо алеет зарею».

И верило сердце ему,
И верить порою не смело...
Закутаны в снежную тьму,
Мы двигались вдаль без предела.

И вдруг ослепительный луч
Блеснул над холодным простором!
По ребрам зардевшихся туч
Скользили мы трепетным взором.

То миг был, один только миг,
Блаженный, как первая ласка:
Пленительный образ возник —
И в сумраке скрылся, как сказка...

Но в сердце сверкающий след,
Сочащийся кровью, хранится:
Слепцу ли, узревшему свет,
С царящею тьмой примириться?..

1910

VIII. ПРИЛОЖЕНИЯ К ЮНОШЕСКИМ СТИХОТВОРЕНИЯМ
(1877—1883)

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Звездочка кроткая, звездочка ясная,
　　Что ты глядишь на меня,
Вечно спокойная, вечно прекрасная,
　　Полная вечно огня?

Если б ты знала, с какими страданьями
　　Здесь, на земле, нужно жить,
Тщетно томиться мечтами, желаньями,
　　Годы без смысла влачить!

Если б ты знала, как сердце горячее
　　Рабскую долю клянет,
Рвется покинуть болото стоячее,
　　Жаждет лазурных высот!

Но, лишь блеснула заря золотистая —
　　Слышен уж грома раскат!
Передо мною дорога тернистая...
　　Ясен ли будет закат?

Звездочка кроткая, звездочка ясная,
　　Что же ты грустно глядишь?
Вечно спокойная, вечно прекрасная,
　　Словно в испуге, дрожишь.

1877

МОЯ ДОРОГА

Небу родной я, родной я душой!
Где же искать мне святую задачу?
Тщетно ищу я, тоскую и плачу —
Знаю я жребий страдальческий свой.
. . . .
Светлая ль то, роковая ль звезда
В жизни мой путь освещает, —
С музой моей никогда, никогда
Счастья душа не узнает.
Вечно мы будем страдать и страдать, —
То задыхаться под бурной любовью,
То всё чего-то в тумане искать,
То не слезами оплакивать — кровью
Этот страдающий, гибнущий мир,
В тягостный сон погруженный,
В цепи закованный, в пошлый кумир —
В золото только влюбленный! ..

1877
Новгород

* * *

Вот и кончился день, от которого я
Ожидал так безумно отрады...
Не пройдет ли так пусто и жизнь вся моя,
Как в подвале глухом без лампады?

И болит, и томится тревогой душа...
Я стою, озаренный весь лунным сияньем,
Точно в храме безмолвном... Как ночь хороша,
Как она незнакома с страданьем!

Сердце ж просит любви, жаждет ласки родной...
Громкий вопль на устах замирает напрасно...
Ах! зачем нельзя жить для идеи одной?
Для чего эта грудь так волнуется страстно? ..

1877

НА СМЕРТЬ НЕКРАСОВА

Закатилась яркая звезда —
И утихли гордые мученья...
И поэта горькие сомненья
Разрешились смертью навсегда!
О, певец карающий, но милый,
Верный друг бездомной нищеты,
Перед душной, тесною могилой
В свой народ так свято верил ты!
Верил ты в тот день с горячей верой,
Что́ настанет на Руси родной,
Заблистает в нашей жизни серой
Красоты и истины звездой.
Жаждал ты отчизны возрожденья,
Чтоб до слуха ветер не донес
Из родного русского селенья
Накипевших от страданий слез.
Но народ, которого стенанья
Муза пела, — песен не слыхал
И, как прежде, под ярмом страданья,
Ниц склонясь, стонал, стонал...
. . . .
Пусть, поэт, приют твой глух и тесен:
Широки у Волги берега —
Будет звук твоих чудесных песен
Оглашать родимые луга!

1877

ЛОВЛЯ БЕЛКИ
(ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ)

«Белка! белка! — крик раздался. —
Эй, сюда, Арап, Заграй! [1]» —

И стрелою я помчался
На призывный шум и лай.

---

[1] Клички собак.

У густой зеленой ели,
Посредине полосы,
Злились, лаяли, ревели
Разъярившиеся псы.
А один, герой примерный,
Прыгал, дерево глодал...
Федя, мой товарищ верный,
Им ни в чем не уступал.
Прибежал и я в волненьи...
— Что такое?
Без речей
Сыплем камни в углубленье
Двух сомкнувшихся ветвей.
Наша белочка-голубка
Там, прижавшись, ждет врага:
Красно-пепельная шубка,
Хвост изогнут как дуга.
То раскроет глазки шире,
То ушами поведет...
На одну идут четыре —
Всё забористый народ!

Федя живо изловчился:
Подсадил Федюшу я —
Он за ветку ухватился,
Изогнулся как змея.

«Ну, голубчик, примудрись-ка,
Подцепи ее живой!»
Прыток Федя: вот уж близко,
Хвать — и взвыл охотник мой!
Укусила! .. Неказистый,
Да отчаянный зверек.
Развернулся хвост пушистый,
Словно парус, и — прыжок!

Крик, содом на всю полянку...
Я кричу: «Ату! Ату!»
Псы визжат, и вот беглянку
Подхватили на лету.
Я затеял с ними драку,
Федя с ели кувырком,

И едва-едва собаку
Укротили мы вдвоем.
Белку отняли...

Бедняжка!
Краток был конец ее:
Раза два вздохнула тяжко,
Лапкой дрогнула — и всё...
Тело быстро остывало,
Кровь сочилась вдоль спины...

О, как мало ты дышала
Свежим воздухом весны!
Заструились только реки,
Только ожили леса —
И сомкнула ты навеки
Эти кроткие глаза.
По кудрям берез веселых
Уж не будешь ты скакать,
С елей темных и тяжелых
Шишки красные ронять.
Всё погибло: край родимый,
Птички вольное житье...

Тут вопрос неотразимый
Встал: куда же нам ее?..

Долго в горе мы стояли...
Наконец, прогнав собак,
Белку в ямку закопали
Там, у рощи, где овраг, —
Где, резвясь, ручей студеный
Воды звонкие несет,
Соловей в листве зеленой
Рокотать не устает.

1878

КОРАБЛЬ

Лазурны, ласковы и знойны
И океан, и небеса;
Корабль наш, гавани краса,
Стоит, торжественный и стройный.

— Проснись, душа моя! Воспрянь!
Пора из омута мирского
Направить путь, пора на брань,
Долой мертвящие оковы!
Исполнен гнева и любви,
Я поплыву легко и смело...
Вперед, друзья мои! За дело,
Матросы верные мои:
Сознанье молодости, силы,
Ключом бунтующая кровь,
Решимость биться до могилы,
К порабощенному любовь...
Снимайтесь с якоря проворно!
Мы нашу леность победим
И цепью крепкой и позорной
К корме высокой привинтим.
Одно, еще одно усилье —
И якорь вытащен... Ура!
Корабль, почуяв будто крылья,
Зашевелился, как гора.
Надулся парус белоснежный...
Невозмутимы небеса,
И ветер ласковый и нежный
Несет нас в океан безбрежный...
Корабль наш — гавани краса!

1879

* * *

Хотел бы я владеть стихом
Таким могучим и разящим,
Чтоб он звучал как божий гром
Над человечеством скорбящим!

Чтобы проклятия мои
Сердца́, грубей и тверже стали,
Дрожать и плакать заставляли;
Призывы правды и любви —
Надежду в слабых поднимали!
Как светлый дух, не знал бы я
Запретной грани и дороги, —
И песня вольная моя
Входила б в нищие жилья
И в золоченые чертоги,
Повсюду славя новый мир,
Где смолкнут злобные проклятья,
Где люди, любящие братья,
Начнут великий счастья пир!
И в тот эдем благословенный
Моей пророческой мечты
Сзывал бы я с концов вселенной
Семью печальной нищеты.
Она на праздник обновленья
В одеждах праздничных вошла б,
И сбросил бы усталый раб
Оковы гнета и презренья!

12 июня 1880

РАЗРЫВ

Гремел оркестр, и зал сверкал огнями.
Рой юношей и дев порхал между колонн,
И воздух весь дышал любовью и мольбами...
А я один, волнуемый мечтами,
Стоял вдали, подавлен, оглушен!

Ни вальса вихрь, ни рокот музыкальный,
Ни яркий блеск, слепивший им глаза,
Не покорял души моей печальной, —
Нет! всё ей чудилась, за шумом жизни бальной,
Людских скорбей встающая гроза...

И мне шептал, на миг не умолкая,
Какой-то враг иль друг: «Уйди от них!

Здесь смерть царит, холодная, немая,
Здесь осмеют, минуте угождая,
Святейшую из дум возвышенных твоих.

Здесь жизни бог — минута наслажденья.
Серебряный туман иллюзий позади,
А впереди — холодный мрак забвенья...
Уйди ж, уйди, не медля ни мгновенья, —
Тут ложь царит, — скорее уходи!»

И я ушел поспешными шагами...
Как пышный пир, как светлый божий храм,
Небесный свод горел, дышал огнями...
Я поднял взор, увлаженный слезами:
Как мирно всё, как тихо было там!

<1880>

* * *

Я умру, а солнце над землею
Будет так же весело гореть.
Я умру — и для меня со мною
Всё погибнет... Стоит ли жалеть?

Не о том ли пожалеть украдкой,
Что я славы не успел нажить?
Нет! Зачем мне славы шепот сладкий,
Если сам я должен глухо гнить!

Отчего же сердце тихо стонет
И о чем-то ноет втайне грудь?
Кто по мне хоть вздох один уронит,
И о ком я сам бы мог вздохнуть?

Жаль расстаться мне с красой-природой:
Лишь она, как любящая мать,
Мне умела с жизнью и свободой
Тишину сердечную давать!

1880

* * *

Давно сказал мне голос неземной:
«Нет счастья для тебя! Ты — мой, ты — мой!»

Когда, мечтой волнуемый жестокой,
Скитаюсь я, унылый, одинокой,
По зеленеющим лугам,
И вижу — чуждо всё сомненья и страданья,
И мир цветет, и песня ликованья
Звенит и льется здесь и там, —
Тогда о счастии мечтаю я невольно;
Грядущего зияющая даль
Меня страшит... И сердцу больно, больно,
И расставаться с жизнью жаль!

Идти безропотно на муки и гоненья,
. . . .

31 мая 1880

* * *

Здравствуйте, бодрые мыслью и духом! —
Все вы, в ком барства надменного нет,
К братским страданиям чуткие слухом,
Все мой примите привет!
Братья! Есть воля у нас непреклонная,
Есть у нас вера... Наш лозунг: «Вперед
Все, кому жизнь эта бледная, сонная
Жизни живой не дает!»
Ночи, темневшей столетия целые,
Призраки скрылись... Заря занялась...
Выйдем же встречу ей, бодрые, смелые, —
Время и правда за нас!
С первыми красного солнца лучами
Скроется ввысь непроглядный туман;
День нескончаемый вспыхнет над нами
Весел и пышно-румян!

21 июня 1881

* * *

Безумец! Пора привыкать
Страдать без чужого участья,
Наивные бросить мечты —
Погоню за призраком счастья.
Не слабым и робким идти
Под знаменем гордым рассвета —
Суровым и грубым бойцом,
Не ждущим ни ласк, ни привета!

Ты, сердце! не бейся в груди
Так страстно, мучительно-страстно,
Не плачь неутешно о том,
Чего воротить ты не властно.
Забудься, больное дитя,
Печаль тишиной убаюкай
И личную боль заглуши
Людскою великою мукой!

18 июня 1882

ТИРТЕЙ

Была пора, когда в годину бед
    Перед испуганной толпою
Стоял, как вождь — как бодрый вождь — поэт
    С своею песнью огневою.
Могучих струн призывный, смелый звук
    Был то же, что свободы знамя.
Вокруг певца звучал оружья стук,
    Сильней горело битвы пламя.
Копье врага щитом он отражал,
    К друзьям бросался с гордым словом
И грудь свою бесстрашно подставлял
    Мечам и дротикам суровым...

А в наши дни, в чудовищные дни
    Битв небывалых под луною,
Сыны богов, поэты, где они —
    Тиртеи с песнью огневою?

Когда чириканье трусливое порой
До слуха воина коснется,
Он, покачав усталой головой,
С усмешкой горькой отвернется...

6 ноября 1882

* * *

О, подлое, чудовищное время
С кровавыми глазами, с алчным ртом —
Година ужаса! Кто проклял наше племя,
Кто осудил его безжалостным судом?
Пришли мы в мир с горячею любовью
К униженным, к обиженным, ко всем,
Кто, под крестом борьбы сам истекая кровью,
На стон собратьев не был глух и нем;
Пришли мы в мир с решимостью великой
Мир погибающий от гибели спасти,
От бойни вековой, бесчеловечной, дикой...
И что ж? — Нас ра́спяли, предав на полпути!
Жизнь умерла. Кто скрылся в катакомбы,
Кто пал в борьбе. Чудовищам богам,
Что день, приносятся живые гекатомбы
И курится кровавый фимиам...
Ликуют псы, и торжествуют шумно
Жильцы хлевов своей победы час...

И рвется стон из сердца — стон безумный:
«Кто проклял нас? кто проклял нас? ..»

Ноябрь 1882

* * *

Ни в чем очарованья нет!
Бескровны, будто привиденья,
Без радостей, без тяжких бед
Влачатся скучные мгновенья.
И тот, кто размышлять привык,

Не покорится вновь обману:
Ему веселья возглас — дик,
И каждый день наносит рану...
. . . .
«Не бойтесь смерти... Смерти ночь
Страшнее ль жизни бездыханной?
Ярмо бессилья сбросим прочь —
И в путь к земле обетованной!
Вперед, дороги нет назад!»

Но клич «вперед!» злорадным смехом
Слепцы встречают — и вопят,
Отдавшись суетным потехам:
«Безумцы! гибель, гибель вам!»
И бьют безумцев беспощадно...

А солнце жизни светит чадно
Самим угрюмым палачам.

18 июня 1882

* * *

Часто с любовью горячей, со страстью мятежной
Рвусь я к тебе, моя милая... Строго,
Властно царит надо мною твой образ... Так нежно,
Так беззаветно люблю я, так много!
Столько сказать я тебе, как сестре и как другу,
В эти минуты хочу... Все сердечные раны
Рад обнажить, чтоб развеять туманы,
В сердце смирить беспокойную вьюгу!

Что за дитя — человек!.. Повстречавшись, сурово,
Кратко и холодно мы говорим и порою,
Сами не зная зачем, ядовитое слово
В сердце друг другу вонзаем с тоскою...

Слезы глотая, ломаю я руки...
Муки любви, вы, безумные муки!

1883

ДУМА

Мозг опьянел от долгой муки; в жилах
Течет не кровь — ключом бунтует желчь.
И вера пылкая иронией холодной
Убита вероломно... Как скупцы,
За девятью мы бережем замками
Мечты заветные, и — есть они иль нет —
Ни друг, ни враг не знает, ни... хозяин.
И часто жгучее, безумное блаженство
Находим мы и вместе муку злую,
Бессмысленно терзая, без нужды,
И без того измученного друга, —
Незримые толпе, но верные удары
В больное сердце нанося, бросая
Слова вражды, безумные слова...
И для чего? Кто мне ответит — кто?..

Друг милый мой (наедине с тобой
Даю тебе нежнейшее названье)!
Бесценный друг! Взгляни кругом, вперед,
В больное сердце загляни: уходит
За годом год, слабеют жизни силы...
Всё ближе ночь без проблеска зари...
Всё даль страшней и круг друзей теснее,
Всё холодней в душе и безнадежней...

Скажи: ужель нигде спасенья нет?
Любимый друг, ужели невозможно,
Смирив гордыню, сбросить маски с лиц
И вырвать ложь-чудовище из сердца?
Заплакать громко, громко без стыда,
Пожать друг другу крепко руки —
И выйти в путь на труд великий!..

7 марта 1883

II

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПОСЛЕДНЕЕ ПРИЖИЗНЕННОЕ ИЗДАНИЕ, И НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ПАХАРЬ

Только стает снежок с пробужденных полей,
Уж на них мужичок с верной сивкой своей.
И трудится все дни он до поздних теней,
До вечерней зари над землицей своей:
По полянке идет, проводя борозды,
И рекой льется пот у него с бороды. . .
У одних лишь небес просит милости он;
Как родной его лес, стоек он и силен!
Урожай ли пошлют небеса, или так
Пропадет его труд — всё выносит бедняк,
И на будущий год с теплой верой опять
Он на ниву придет, чтобы сеять, пахать.

1876 (?)

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Рассвело. Журчит и плещет
Под окном моим ручей.
Я проснулся — так и блещет
Солнце золотом лучей!
С нежной лаской и приветом
Улыбалось мне оно,
И таким волшебным светом
Было залито окно!

Я взглянул: пестрело поле
Всё в цветах, дарах весны,
И гремели гимны воле
С беспредельной вышины.

1876 (?)

ОСЕННЯЯ ДУМА

По листьям опавшим, без шуму,
Бреду я тропинкой лесной
И думаю горькую думу
О жизни моей молодой.
Плывя по житейскому морю
В убогом и утлом челне,
Огни я прибрежные вижу,
Но с бурей не справиться мне!
Налево — утесы чернеют,
Направо — болота лежат,
А прямо — зловещие волны
Бушуют и смертью грозят.

И чудится тихий мне шепот —
В нем жалость, и гнев, и упрек:
То — ветер качает деревья,
То — шепчет опавший листок:
«Не бойся угрюмых утесов!
Не стыдно погибнуть в борьбе,
Страшнее — завязнуть в болоте,
Подобно беспечной толпе».

Между 1877 и 1879

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда засвищет ветер в непогоду
И ель угрюмая глядит в мое окно,
Я долго выношу душевную невзгоду, —
Готов рыдать я, с бурей заодно...

И вспомню домик я — заброшенный, угрюмый,
Простор лугов, лазурь родных небес.
Встают опять волшебные те думы,
Что навевал мне гордый лес.
Так ласково, так мирно там журчала
Родная речка в сладком полусне:
Она отрадное мне что-то напевала —
И было так тепло и сладко мне!

Там муза в первый раз со мною подружилась,
И лиру звонкую она вручила мне:
Коснулись пальцы струн — и сердце вдруг забилось,
И звуки полилися в тишине...
Такие грустные, полны таких страданий,
Такой тоски, отчаянья и мук,
Что я не удержал подавленных рыданий
И лиру уронил из слабых рук.
С тех пор глаза мои открылись и прозрели,
И я спросил у сердца своего:
«Куда же рвешься ты? К какой высокой цели,
Когда так жалок мир и немо божество! ..»

1878 (?)

С ПЕСНЕЮ ТОРЖЕСТВЕННОЙ...

С песнею торжественной,
Полной гордых сил,
В небесах синеющих
Жаворонок плыл.

Посылал проклятья он
Ненависти, злу,
Гимны пел прекрасные
Свету и теплу.

Из страны, приниженной
От позорных дел,
Звал он в страны дальние,
О свободе пел.

В солнечном сиянии
Утопал певец,
И гремела песня та
Из конца в конец.

Лес ее подслушивал,
Волны камыша,
Даже ты, безумная,
Ты, моя душа!

Чувство непонятное
Обняло тебя:
Рвешься ты в далекие
Чудные края.

Нет там слез и зависти,
Злобы нет земной...
Но с землей ты скована
Цепью роковой!

В небесах синеющих
Жаворонок плыл
С песнею торжественной,
Полной гордых сил.

21 июня 1880

КРИК ЖУРАВЛЕЙ

Печальный, желтый, как старик,
Едва душист,
В лесу шумел и опадал
Последний лист.
Всё было грустно и мертво —
Всё, всё вокруг...
И с криком стая журавлей
Неслась на юг.
Я уловил их гордый зов:
«Друзья, вперед!

Здесь пусто, холодно, темно,
Здесь зол народ.
Певец, что толку проклинать
Свою тюрьму
И песни громкие слагать?
Скажи, кому?
Тебя мы братом признаём...
Летим же прочь
Из этой мертвой стороны,
Где злоба, ночь!
Где нужно сердцем обладать
Прочней скалы,
Чтобы бороться и страдать...
Курлы, курлы!»

Я поглядел за ними вслед
В тоске немой...
И понял я, что силы нет
Забыть, любивши столько лет,
Свой край родной!

Осень 1880

УЧИТЕЛЬ

Веря в силу истины и света,
Полон думой строгою своей,
Со словами правды и привета
Обходил Он нищих, богачей.

И громила, точно меч суровый,
Жизни ложь восторженная речь:
Звал разбить земные Он оковы
И стряхнуть все цепи с плеч!

Много сирых, слабых и печальных,
Угнетенных злобою людской
Шло к нему со всех окраин дальних
На призыв мечты святой.

Говорил Учитель благородный:
«Моя чаша горькая полна.

На земле преступной и холодной
Гибель мне, о братья, суждена...

В вас, друзья, посыплются каменья,
Дикой злобы вихорь вас умчит
И погубит всех без сожаленья...
Но для веры гордой нет сомненья:
Ночь пройдет — и солнце заблестит!»

И погиб Он жертвою бессудной,
Полный веры в истину и свет...
О, когда б такой же верой чудной
Верил ты, карающий поэт!

28 декабря 1880
Новгород

* * *

О, пока мы так свежи и юны,
Пока пламя пылает в крови,
Ударяйте проворнее в струны
Вы, певцы красоты и любви!
Пусть сильней молодые порывы
Шевелят и волнуют умы,
Чтоб остались мы чисты и живы
Посреди воцарившейся тьмы.
Чтоб сердца наши, чуждые барства,
Вашим струнам прекрасным вослед
Уносились в грядущее царство,
Где не будет ни лжи, ни коварства:
Только правда, свобода и свет.

1880

* * *

Еще борьбы тяжелый молот
Моей души не закалил;
Но проклял я житейский холод!

И, встав от сна, кипуч и молод,
В себе нашел я много сил.

Взамен неведенья слепого
Тупой и ветреной толпы
Я выбрал правды горькой слово,
Тревогу сердца молодого
И знамя вольное борьбы!

Иным, прекрасным идеалам
Порывы сердца покорил:
По высям горным и обвалам
Пошел к униженным, к усталым —
И жребий свой благословил!

13 апреля 1881
Новгород

ПОСЛЕ БОЯ

При виде рабства, чуждого стыда,
При вопле мщения из жалких уст невежды,
Кипит в груди бессильная вражда.
Грядущее темно — темно, как никогда!
И некого молить о проблеске надежды.

Ликует зло, насилие. Позор
Надменно голову вздымает из трясины...
И стаи гадов, змей — настал и им простор! —
Ползут на божий свет из потаенных нор —
И в ужасе бегут <разбитые> дружины.
На поле битвы, кровью залита,
Под грудой тел, хрипя и умирая,
Лежит она — прекрасная, святая,
Когда-то гордая Мечта...
И кто мне скажет, кто, что труп ее холодный
В других сердцах огонь любви зажжет,
Что снова в бой героев рать пойдет
За идеал свой благородный?..

10 марта 1881
СПб.

ОТВЕТ МАРТОВУ

Да, мы верим! Свято верим,
Что придет-таки пора
Царству света и свободы,
Царству братства и добра.
Братья! нас во тьме держали
Долго сильные земли —
Для того чтоб перед ними
Пресмыкались мы в пыли;
Для того чтобы голодный
Не видал, где хлеб лежит,
Чтоб не ведали мы, братцы,
Кто душой за нас скорбит,
Кто готов на брань святую
Выйти гордо, как на пир,
И мечом могучим правды
Возродить наш дряхлый мир.
Да, мы верим! Верим страстно,
Что придет-таки пора
Царству света и свободы,
Царству братства и добра!
С этой верой неподкупной
Выйдем в путь, *коль час настал,*
Коли подан к битве грозной
Призывающий сигнал!

Март 1881

В БУРЮ

Глухою полночью стоял
Я на обрыве. Там, за мною,
Старинный город мирно спал;
Внизу же — пеною седою
Кипело море и стонал
Стихии разъяренный вал.

Ветры злились, свирепели. . .
Было несколько минут —
Мне казалось, что придут
Их усилья к страшной цели:

И на город океан
Налетит как ураган!

Глухой, неумолимо строгий,
Презрев мольбы, проклятья, плач,
Разрушит всё он, как палач,
Всё: нищеты приют убогий,
Твердыни храмов и дворцов,
Поглотит гениев, глупцов...

Усыпит бессонный голод,
Злобу дикую, любовь,
Молодого сердца кровь,
Нищеты суровый молот;
Равной казнью всех казня,
Погребет в волнах забвенья
Силы, полные огня,
Благородные стремленья...
Всё умчит: мечты мои,
Плод мучений и любви!

Но я стоял без содроганья.
О нет! Я звал волну и гром!..
Я звал их: в сердце молодом,
В порыве жгучего страданья,
Вставало громкое желанье,
Чтоб бури грозная вражда
Всё истребила без следа!

— Здравствуй, смерть!.. Сильней ревите,
Волны моря! В эту ночь
Жалость прочь! Пощаду прочь!
Духи злобы, выходите
Из бушующих пучин:
Вместо *дней* тоски бесцельной
Лучше, лучше *миг один*,
Миг агонии смертельной.

. . . .

Вдруг заметно тише стал
Бушевавший в море шквал...

Будто полные печали,
В диком гневе замирали
Стоны моря, — и заря
Тихо брезжить начинала
В дальнем небе, серебря
Волны серые. Светало...

И вдруг, как божество живое
Любви и правды мировой,
  Над примиренною землей
  Явилось солнце золотое!
Оно шепнуло мне, блестя
Лучами теплыми привета:
«Не рано ль унывать, дитя?
Ужель у истины, у света
И у любви так мало сил,
Как малодушно ты решил?»

6 июня 1881

* * *

Не кори меня, друг милый,
И фразером не зови,
Если думой легкокрылой
Уношусь я в мир любви,
Для которой нет здесь воли
В царстве пошлости и зла!
Много жгучей, злобной боли
В сердце гордого орла,
Если он в железной клетке
Ночью темною сидит
И на луч рассвета редкий
С тайной злобою глядит.

Друг мой! Нет здесь света, воли
В мире лжи, вражды и зла:
Много жгучей, злобной боли
Жизнь нам в душу пролила.
Но порой полетом гордым

Вольной птицы мысль летит
И оковам жизни твердым
Вопль проклятия гремит.
В этот миг я ощущаю
Силы мощные в себе:
И люблю, и проклинаю,
И других зову к борьбе;
Стих мой скорбный и унылый
Полон света и любви...
Не кори меня, друг милый,
И фразером не зови!

8 января 1882

ПЕСНЯ ПАРИЕВ

Мы точно прокляты у матери в утробе,
Судьбой заранее на ад обречены;
От колыбели учимся мы злобе
И слышим крики грозные войны.

Мы точно пасынки у любящей природы:
Едва прозреть позволивши очам,
Не дав вкусить ни жизни, ни свободы,
Она могилы роет нам.

Как бы отмеченных печатью отверженья,
Нас в жертву подлости приносят всякий день,
Плюют в нас бешено, бросают в нас каменья
И гонят все, кому не лень!..

И не поймет никто, не хочет в том сознаться,
Что сердце есть у нас и в нем живая кровь...
Что мы должны же злобе поклоняться,
Когда поругана любовь!..

21 сентября 1882

CREDO[1]

В нашей бедной, сумрачной отчизне
Тяжко жить... О, где же ты, — приди,
Солнце правды! Пламя веры, жизни
Нам зажги в озлобленной груди!
Мы устали ложью ядовитой,
Клеветой позорною дышать,
С головой — опасности открытой —
Под грозою бешеной стоять!
Наших братьев, волею могучих,
Жизни вихрь сердито уносил;
Много мыслей замерло кипучих,
Отцвело едва расцветших сил...
Мы смыкали, размыкали вежды —
Мрак стоял над нашей головой
И твердил с усмешкой: «Нет надежды,
Не придет день счастья золотой!»
— Прочь, сомненье! Прочь! Я верю страстно:
Он придет — бог света и любви,
Он придет... Огнем улыбки ясной
Озарит он этот мир несчастный —
Дряхлый мир, в лохмотьях и в крови!
От лучей живительного света
Дух вражды с позором убежит,
И над Русью чудный гимн поэта
В первый раз свободно прогремит!..

21 июня 1882

СТОНЫ

«Исхода нет!» — вопит газетный лгун
И то же повторяют хором
Озлобленный мыслитель и болтун,
Не чуждый совести укорам.
«Исхода нет!» — кричит толпа невежд,
Кричат ее кумиры, боги:
«Ночь, бездна впереди... ни света, ни надежд...
Ни провожатых, ни дороги»...

[1] Убеждения, система взглядов (лат.). — *Ред.*

«Исхода нет!» — рыдает нищета
И, в поэтическом экстазе,
На то же плачутся позорные уста
И тех, чья совесть — лужа грязи...
Всё стонет — целый мир: и жертва и палач...
«Нет, нет исхода! Нет рассвета!»
Но самый скорбный, самый громкий плач
В напевах слышится поэта.
Он не толпу клянет — клянет себя:
В его душе вражда и пламя,
А он, безумней всех, теплее всех любя,
Не развернет святое знамя!
Он ощупью бредет, куда глядят глаза —
За вожаками, за толпою...
И нет учителя, и немы небеса!
И плачет он живой слезою —
Слезою жаркою и жгучею, как яд
(Не смерти яд, а только пытки),
И песни громкие о *муке* говорят...
Исхода жалкие попытки! ..

Когда же утомит твой слух концерт страданья
И ты закроешь уши хоть на миг
И поглядишь вокруг с тоскою состраданья, —
О! верно, вырвется — помимо, сверх желанья —
Проклятие из уст твоих!
Всё так же, как и сотни лет назад
(Хотя с кривляньями, ломая горько пальцы),
И паразитствуют, и жизнью дорожат
Все эти гордые страдальцы! ..
И вряд ли сознают, что славный Прометей,
Быть может, не был бы для всех нас Прометеем,
Когда б в залог святой любви своей
Не отдал сердца коршунам и змеям! ..
А между тем... О, много ли меж нас
Таких титанов мы считаем?
«Исхода нет!» — твердим мы каждый час —
И всё живем, и всё болтаем!
И дни идут, ползет за годом год...
. . . .

1882

* * *

Довольно стонов, фраз пустых довольно!
Мы можем все кривляться, если больно,
Мы можем все и хныкать и хандрить:
Поэт Тиртеем должен быть!

А если нет, а если он не в силах, —
Обманщик, прочь! Жить нужно на могилах.

1882

НА СМЕРТЬ ТУРГЕНЕВА

Перед свежей могилой того,
Кто из первых ударил тревогу
И блуждавшую русскую мысль
На тернистую вывел дорогу,
Кто умом и душою болел
За судьбу молодых поколений, —
Перед прахом священным певца
Красоты без упрека и тени —
На колени, друзья! На колени!

Молодая казачка, дитя
В колыбели баюкая нежно,
О походах далеких поет
И о воле казацкой мятежной!
Но когда возмужает орел
И могучие крылья расправит,
Грудь слезами ему обольет
И сомненьями душу отравит...
Кто, жестокий, ее упрекнет,
Ей любовь в преступленье поставит?..

Он был сын для отчизны своей.
Но в минуты опасности грозной
И орлица бросает детей,
В отдалении сетуя слезно:
Он от скорбных родимых могил
На чужбину скорбеть уходил...

Вы, которые солью земли
Дерзко мните себя в ослепленьи
И беретесь решать, и вязать,
И бросать в отступивших каменья, —
Вы, которым у ближних видна
И соринка в глазу, а порою
У себя не заметно бревна,
Не спешите с хулой и хвалою!

Точно вихрь пролетел над страной
Тихий стон из груди молодой...

Всё, что мыслит на севере диком,
Что душою о правде болит,
Что мечтает о деле великом
И на жертву святую спешит, —
Всё оделося в траур!..

1883

ВИДЕНИЯ

В сумраке прошлого, миром забытые,
    В полночь встают предо мной
Тени замученных, кровью облитые,
    С тихой и скорбной мольбой:
«Бросив могилы свои отдаленные
    В области вечного льда,
Думой поэта к нему привлеченные,
    Все мы слетелись сюда.
Много терпели мы злого мучения,
    Всё за родимый наш край.
Вспомни хоть ты нас и в бездну забвения
    Нам погрузиться не дай.
Братьям скажи нашу жертву великую,
    Подвиг любви роковой;
Ненависть к злу, беспощадную, дикую,
    Грустною песнью воспой!
Хоть на минуту те звуки печальные
    Новую жизнь в нас вдохнут,
Снова на родину милую, дальнюю
    К братьям любимым вернут...»

Много их... Гордые жертвы страдания,
Их не смирившей судьбы,
Из-за могилы нам шлют завещания
Непримиримой борьбы.
Сестры прекрасные нам улыбаются,
Дети лепечут привет,
Все вереницею братской сплетаются...
Много их... счету им нет...
Все, что в пустыне ногами усталыми
Тихо и молча брели;
Все, что служили крупицами малыми
Делу родимой земли;
Все, что любили любовью глубокою
Русский несчастный народ;
Все, что боролись со властью жестокою,
Шли, не бледнея, вперед...

Братья любимые! Сестры мне милые!
Мне ли исполнить ваш зов?
Слово бессильное, слово постылое
Не разрывает оков.
Нет, оживят вас не песни печальные —
Жалких страдальцев удел —
Грянет в могилы к вам в стороны дальние
Гром совершившихся дел!

1883

* * *

Глухая ночь... Ни проблеска, ни света...
Всю жизнь молчи, до смертного конца!
Ни песнь любви здесь не найдет ответа,
Ни стон не тронет мертвые сердца.
Зачем же я безжалостной судьбою
Один мечтою страстной возбужден,
Когда уста не могут крикнуть: «К бою!»,
Когда их стон темницей заглушен?
Мой голос не дойдет к друзьям далеким:
Враги друзей замучили твоих.
Молчи, поэт! Бесплодным, одиноким

Пускай замрет проклятый, жалкий стих!
Молчи, молчи, когда горячей кровью
Покрыты нивы родины твоей
И к твоему ночному изголовью
Доносит ветер звяканье цепей!
Молчи, поэт, когда с тобой из гроба
Знакомый голос тихо говорит!
Пускай в груди растет в молчаньи злоба!
Пускай о деле сердце всё твердит!
Поэт — не раб. Позорному кумиру
Хвалебных песен он не пропоет, —
Скорей свою беспомощную лиру
О первый камень с гневом разобьет.
Не станет он несчастному народу
Бросать цветы в суровую тюрьму:
Он меч возьмет и в битве за свободу
Исполнит долг, завещанный ему.
Да, горе тем, кто грязными руками
Потушит факел истины святой!
Придет их час, и тщетными слезами
Им не омыть след крови пролитой.
Судьба грозна, судьба неумолима!
Придет пора, пробудится народ,
И старый мир среди огня и дыма
В потоках крови в бездну упадет.

1883 или 1884 (?)

МЯТЕЖНИК

Мрак отлетел, кровь перестала течь,
Вражда племен забытой стала сказкой;
Мир начал жить умней и справедливей. . .
Что преступленьем было в старину,
Что называлось ложью и химерой,
Законом стало, азбучной моралью.
Те, что веревку с цепью заслужили б
Сто лет назад, те превратились ныне
В друзей основ и мудрецов порядка. . .

Но гений человечества, казалось,
На время был забыт и утомлен.

Работа дня, все поглотивши руки,
Сушила пламя сердца и ума:
Сравнялись все и сделались толпою!
Открытия науки прекратились,
Искусство и поэзия завяли,
Казалось, мерк и самый идеал...

И вот опять является мечтатель
С глазами, воспаленными враждой,
Безумием, отчаянием, гневом,
И говорит: «Как! Только?.. Это всё?..
И этот-то животный, сытый сон
Той был мечтой, к которой мы стремились?
За то, чтоб стать самодовольным стадом,
Рабом мамоны и слугой покоя,
Мы принесли великих столько жертв —
Прекрасные создания искусства,
Порывы гения и всё, что в нас,
Червях земли, божественного было?..
О нет! О нет! Я громко объявляю
Войну! Война постыдному порядку,
На жизнь и смерть, без жалости война!
Назад, скорей к тем временам страданий,
Неравенства, неправды и борьбы,
Хотя б пришлось и нам, и детям нашим
В рабочий скот теперь же превратиться
Для малой горсти избранных собратьев,
Которые богами могут стать!»

И этот крик восставшего безумца,
Ужасный, как само предупрежденье,
Был облечен в такой порыв и трепет,
Такой угрозой страстной прозвучал,
Что целый мир внезапно пробудился:
Все на ноги вскочили, как один
Огромный человек... И я — проснулся!..

1892

ПАМЯТИ ШАРЛЯ БОДЛЕРА

В те дни, когда душа во тьме ночей бессонных
Славолюбивых грез и дум была полна, —
Из сонма чуждых муз, хвалой превознесенных,
Одна явилась мне, прекрасна и бледна.

В дразнящей красоте, в ее чертах разлитой,
В один сливались блеск и рай, и темный ад:
Уста иронией змеились ядовитой,
И грусти полон был неизъяснимый взгляд.

Лучистый, кроткий взгляд! .. Свободно обнажала
Она воздушный стан пред взором молодым,
Но не желаний рой, как грешница, рождала,
А мысли строгие, как чистый серафим.

И повела меня крылатая подруга
По склепам гробовым, по мрачным чердакам,
По сферам странных грез — бессильного недуга,
Паренья гордого — к высоким небесам.

И всё дала понять: зачем любить до боли
Ей сладко то, что свет насмешкою клеймит,
А то, что видит он в лучистом ореоле,
Такую желчь и скорбь в душе ее родит!

И заповедала в прощальный час разлуки
Два наши имени в одно соединить
И в звуки севера покорно перелить
Ее мечты, сомнения и муки.

Но ах, иным путем меня мой жребий влёк,
Другую скорбную мне музу дал в подруги
И не из лавров сплесть ей обещал венок. . .
Немолчно певшие над родиною вьюги
Умчали вдаль меня как сорванный листок.

И в дни, когда померк светильник идеала,
И ночь вокруг меня душна и так темна,
И струны наших лир над капищем Ваала
Висят безгласные, в оцепененьи сна, —

Та Муза бледная опять ко мне явилась!
Она наперсница дней золотых весны, —
И скорбь, одна лишь скорбь в ее чертах светилась,
И были жаждою уста опалены!

По адским пропастям, по горним высям рая,
Казалось, взор ее в безумии блуждал,
Повсюду смысл и цель постичь желая,
И голос плачущий меня с мольбою звал:

«Ко мне, о друг, о брат! Ко мне! Идем со мною —
Я песнь забытую тебе опять спою,
Не здешней злобою, не временной тоскою,
Я скорбью вечности наполню грудь твою.

Туда, туда пойдем, в страну больных видений,
Кошмаров, ужасов и лучезарных снов —
Любить одно, болеть тоской одних сомнений,
Впадать в отчаянье и страстно верить вновь!»

И вот сбылись мечты... Пускай их свет осудит,
Пусть мимо их пройдет, на зов иной спеша;
Лишь твой один укор мне слышать больно будет,
Тревоге чувств моих созвучная душа!

1893

* * *

Дремлет мирное селенье
Под серебряной луной;
Стали горы в отдаленьи
Фантастической грядой.
Снегом искрится поляна,
Ярко блещет свод небес.
В сердце, жаждущем обмана,
Возникает мир чудес.

Но... на миг лишь обольщенье
Средь белеющих снегов,
Взор упал на возвышенье

С кучкой тесною крестов.
Как светло там! Как спокойно!
Отвернешь смущенный лик —
И увидишь дом конвойный
И чернеющий рудник...

1894
Кадая

III

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ Ш. БОДЛЕРА

АЛЬБАТРОС

Когда в морском пути тоска грызет матросов,
Они, досужий час желая скоротать,
Беспечных ловят птиц, огромных альбатросов,
Которые суда так любят провожать.

И вот, когда царя любимого лазури
На палубе кладут, — он снежных два крыла,
Умевших так легко парить навстречу буре,
Застенчиво влачит, как два больших весла.

Быстрейший из гонцов, как грузно он ступает!
Краса воздушных стран, как стал он вдруг смешон!
Дразня, тот в клюв ему табачный дым пускает,
Тот веселит толпу, хромая, как и он.

Поэт, вот образ твой! Ты так же без усилья
Летаешь в облаках средь молний и громов,
Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в толпе, средь шиканья глупцов.

<1890>

НА ВЫСОТЕ

Над горами, лесами, долинами,
Над воздушной грядой облаков,
Над морскими седыми пучинами,
За границами звездных миров, —

Ты, мой дух, в бесконечности носишься;
Как пловец, ты лазурь бороздишь —
То в пучину бездонную бросишься,
То в надзвездную высь улетишь.

От миазмов земных заражающих
Там очистись, в эфирных морях,
Окунись в их струях освежающих,
В светозарных омойся лучах!

Забывая страдания жгучие,
Жизни пасмурной скуку и гнет, —
О, блажен тот, чьи крылья могучие
В высоту направляют полет!

Тот, чьи мысли, как птицы свободные,
Горделиво над жизнью парят,
Для кого дышат камни холодные,
С кем ручьи и цветы говорят!

<1887>

МАЯКИ

О, Рубенс, — лени сад, водоворот забвенья,
Для дикой оргии разубранный альков,
Где места нет любви, но всё полно движенья,
Как бурные стада весенних облаков!

Да Винчи... Зеркало с смеющейся толпою
Прелестных ангелов в бездонной глубине —
На фоне глетчеров, окрашенных зарею,
И сосен, дремлющих в пустынной вышине.

Рембрандт... Огромная, печальная больница
Со вздохами молитв над смрадом нечистот,
Где на убогий крест, симво́л любви, денница
Холодные лучи из хмурых окон льет.

Андже́ло... Смутный мир, где с Геркулесом рядом —
Мадонны и Христы; где привидений рой,

В обрывках саванов, с оцепенелым взглядом,
Из бездны тянется с угрозою немой.

Могучий гнев борца и фавна смех циничный,
Пюже — надменный дух, рядящий и нерях
В сиянье красоты, король меланхоличный
Питомцев каторги, в лохмотьях и цепях.

Ватто... Кипучий вальс, в котором без раздумья
Кружатся сотни пар, нарядней мотыльков,
Меж тем как люстры льют тревогу и безумье
На этот сад живых порхающих цветов.

Ты, Гойя, — злой кошмар с чудовищными снами,
С орудиями мук и смехом палачей,
Ужасный шабаш ведьм с кипящими котлами,
Готовящими в снедь зародыши детей...

Делякруа... Залив, кровавой пены полный,
Нечистых ангелов излюбленный притон,
Где лес зеленых пихт угрюмо смотрит в волны
И странный трубный звук разносится как стон...

Все эти жалобы, мольбы, богохуленья,
Проклятья, возгласы и слезы без конца —
Священный опиум, дарящий нам забвенье,
Врачующий тоской убитые сердца!

Призыв охотников, попавших в глубь ущелий,
Крик заблудившихся средь дебрей вековых,
Маяк, на тысяче зажженный цитаделей,
Пароль, назначенный для тысяч часовых!

И это — лучшее, Создатель, указанье
На то, что человек рожден не для оков, —
Крик этот пламенный, похожий на рыданье,
Катящийся к тебе сквозь лабиринт веков!

Между 1885 и 1893

ЦЫГАНЕ В ПУТИ

Провидящий народ с огнем во взорах смелых
В путь тронулся вчера в немую глубь степей,
Закинув за спины малюток загорелых,
Прижавши их к сосцам цветущих матерей.

Мужья идут пешком вблизи телег скрипучих,
Где семьи скучены, с кинжалом при бедре,
Задумчиво следя цепь облаков летучих,
Умея тайный смысл постигнуть в их игре.

Сверчок, завидев их из глубины зеленой,
Одетых пылью трав, заводит гимн влюбленный.
К бездомным странникам Природа-мать нежней:

Струится светлый ключ из почвы каменистой,
В пустыне стелется ковер цветов душистый —
Для них, читающих во мгле грядущих дней!

Между 1885 и 1893

ЧЕЛОВЕК И МОРЕ

Свободный человек! Недаром ты влюблен
В могучий океан: души твоей безбрежной
Он — зеркало... Как ты, в движеньи вечном он,
Не меньше горечи в твоей груди мятежной.

Как по́ сердцу тебе в его волнах нырять,
На нем покоить взгляд! В его рыданьях гневных
И диких жалобах ка́к любо узнавать
Родные отзвуки своих невзгод душевных!

Равно загадочны вы оба и темны,
Равно обвеяны молчаньем ледовитым.
Кто, море, знает ключ к твоим богатствам скрытым?
Твои, о человек, кто смерит глубины?..

И что же? Без конца, не зная утомленья,
Войну вы меж собой ведете искони!
Так любите вы смерть и ужасы резни,
О братья-близнецы, враги без примиренья!

<1890>

ВЕЛИКАНША

В те дни, когда цвела Природа красотой,
Чудовищных детей в восторгах зачиная, —
Я б жить хотел у ног гигантши молодой,
Как кот изнеженный, ярма забот не зная;

Следить, как, ужасы в забаву превратив,
Растет она душой и зреет мощным станом,
Угадывать страстей бунтующих порыв
В глазах, увлаженных всплывающим туманом.

Величьем форм ее я услаждал бы взор,
По склонам ползал бы ее колен огромных
И в час, когда бы зной, пора желаний томных,

Ее, усталую, по полю распростер,
В тени ее грудей дремал бы я небрежно,
Как у подошвы гор поселок безмятежный.

<1901>

ШЕВЕЛЮРА

Душистый шелк кудрей, рассыпанных до плеч
Волнами мягкими, каскадами живыми...
Восторг! Чтоб в эту ночь виденьями былыми
Альков мой населить и в нем зарю зажечь, —
Как носовым платком, махать я стану ими.

Вся пылкость Африки, весь блеск ее лучей,
Вся томность Азии, ее дворцов богатых —
В тебе, пахучий лес, пучина волн косматых...

Как в звуках музыки сердца других людей,
Так я, моя любовь, купаюсь в ароматах!

Я поплыву туда, где люди и цветы
Под зноем климатов ленивых замирают.
Уж пряди черные, как волны, поднимают
Мой опьяненный дух... Чудесный пир мечты,
Где весла движутся и паруса сверкают!

Звонкоголосый порт, где дух мой жадно пьет
Цвета и запахи... Как воды ярко блещут!
В волнистом золоте суда-гиганты плещут...
Огромной чашею синеет небосвод,
И вечные под ним струи тепла трепещут.

Я в черный океан, в котором скрыт другой,
Как барка окунусь, влюбленная в купанье...
Ласкаем качкою, ушедши в созерцанье
Прелестных образов, навеянных мечтой,
Я буду лень вкушать и пить благоуханья.

О, космы синие! О, темный мир силков,
Опутавших меня! Я тщетно вырываюсь...
На прядях скрученных, как на ветвях, качаюсь
И терпким запахом тропических лесов,
Смолы и мускуса безумно упиваюсь.

— В сапфиры с перлами я уберу тебя, —
О, будь, всегда лишь будь рабой моих желаний!
Ты не оазис ли, рожденный для мечтаний?
Не фляга ль вечности, со дна которой я
Глотаю медленно вино воспоминаний?

<1906>

* * *

Ты целый мир вместить могла бы в свой альков,
Исчадье похоти! От праздности ты злобна!
С зарею новою на жерновах зубов
Ты сердце новое измалывать способна.

Глаза твои блестят, как вывески купцов,
Как пламя факелов на торжествах публичных;
Для наглости твоей нарядов нет циничных,
На языке твоем нет заповедных слов.
Машина страшная, глухая и слепая,
Спасительный вампир, сосущий кровь земли!
Как не стыдишься ты? Как, зеркала́ встречая,
Не видишь прелести увядшие свои?
Иль вид могучий зла, что от тебя родится,
Ни разу ужасом не поражал тебя?
Меж тем природа-мать, свои пути любя,
Тебя, о женщина, людских грехов царица,
Тебя, животное бездушное, берет,
Лепя и гения, которым мир гордится...
О, грязь блестящая! О, мерзостный почет!

<1909>

ПАДАЛЬ

Было ясное утро. Под музыку нежных речей
Шли тропинкою мы; полной грудью дышалось.
Вдруг вы вскрикнули громко: на ложе
из жестких камней
Безобразная падаль валялась...
Как бесстыдная женщина, нагло вперед
Обнаженные ноги она выставляла,
Открывая цинично зеленый живот,
И отравой дышать заставляла...
Но, как будто на розу, на остов гнилой
Небо ясно глядело, приветно синея!
Только мы были хмуры, и вы, ангел мой,
Чуть стояли, дрожа и бледнея.
Рои мошек кружились вблизи и вдали,
Неприятным жужжаньем наш слух поражая;
Вдоль лоскутьев гнилых, извиваясь, ползли
И текли, как похлебка густая,
Батальоны червей... Точно в море волна,
Эта черная масса то вниз опадала,
То вздымалась тихонько; как будто она
Еще жизнию смутной дышала.

И неслась над ней музыка странная... Так
Зерна хлеба шумят, когда ветра стремленьем
Их несет по гумну; так сбегает в овраг
Говорливый ручей по каменьям.
Формы тела давно уже были мечтой,
Походя на эскиз, торопливо и бледно
На бумагу набросанный чьей-то рукой
И закинутый в угол бесследно.
Из-за груды каменьев на смрадный скелет
Собачонка глядела, сверкая глазами
И как будто смакуя роскошный обед,
Так не вовремя прерванный нами...

И, однако, и вам этот жребий грозит —
Быть таким же гнилым, отвратительным сором,
Вам, мой ангел, с горячим румянцем ланит,
С вашим кротко мерцающим взором!
Да, любовь моя, да, мое солнце! Увы,
Тем же будете вы... В виде столь же позорном,
После таинств последних, уляжетесь вы
Средь костей, под цветами и дерном.
Так скажите ж червям, что сползутся в свой срок
Пожирать ваши ласки на тризне ужасной,
Что я душу любви моей мертвой сберег,
Образ пери нетленно прекрасный!

1880

* * *

С ужасной еврейкой, прекрасной, как мертвый
Изваянный мрамор, провел я всю ночь,
Как труп, возле трупа простертый...
Порока продажную дочь
Тогда я представил в величьи природном —
С печатью ума на челе благородном
Под шлемом душистым тяжелых волос,
Со взором, сияющим грацией нежной
И зорями дремлющих гроз...
О, как бы тогда я со страстью мятежной
Любить тебя, сердце отзывное, мог!

От свежих твоих, нежно-розовых ног
До пышно раскинутых кос твоих черных
Какой бы огонь поцелуев разлил!
Какие б сокровища ласк расточил,
Живых, непритворных,
Лишь только б в вечерний молитвенный час
Затмился твой образ беспечный
Слезой, без усилья добытой из глаз!

Но ты, о царица толпы бессердечной,
Так плакала ль в жизни хоть раз? ..

<1887>

* * *

Ангел радости, знакома ль вам тоска,
Страх, неясный страх во тьме бессонной ночи,
Угрызений боль, когда не плачут очи,
Сердце ж будто жмет холодная рука?
Ангел радости, знакома ль вам тоска?

Ангел доброты, знакома ль злоба вам?
Стиснув кулаки, вы проливали ль слезы,
Горькие, как желчь, шептали ли угрозы,
Адские угрозы и хулы врагам?
Ангел доброты, знакома ль злоба вам?

Ангел свежести, знакомы ль вам больницы,
Сумрак стен сырых, где, в поисках тепла
Волоча худые, бледные тела,
Зябких лихорадок бродят вереницы?
Ангел свежести, знакомы ль вам больницы?

Ангел красоты, знакомы ль вам морщины?
В дорогих когда-то, любящих глазах
Вы читали тайный отвращенья страх?
Знали вы обман, видали вы личины?
Ангел красоты, знакомы ль вам морщины?

Ангел доброты, веселости и света!
Дряхлый царь Давид из ваших уст и глаз
Жизнь бы черпать мог для своего скелета;
Я ж одних молитв, молитв прошу у вас,
Ангел доброты, веселости и света!

<1886>

ИСПЫТАНИЕ ПОЛНОЧИ

Чу! захрипев, часы сердито
Бьют по́лночи угрюмой час,
Насмешливо и ядовито
Отчета требуя у нас:
— Кому, какой служа святыне,
Свой день употребили мы? —
Увы! мы шли путем гордыни,
Мамона, ереси и тьмы!

От бога правды — Иисуса
Мы отрекались со стыдом;
Рабы притупленного вкуса,
За Валтасаровым столом
Лизали руки грубой силе,
Слуге презренному земли;
Над тем ругались, что любили,
Тому молились, что кляли!

Мы беззащитных огорчали,
Всех, презираемых толпой,
Лобзанья Глупости давали,
Быку с огромной головой;
Хвалили сон и отупенье,
Своим цепям несли привет
И омерзительного тленья
Благословляли тусклый свет.

И всё, чем молодость богата,
Чем светел гордый дар певца,
В самозабвении разврата
Мы унижали без конца:

И объедались до упаду,
И упивались мы вином...
Задуем же скорей лампаду,
Потонем в сумраке ночном!

<1891>

К МАЛАБАРКЕ

Пластичностию форм и грацией смелой
Внушила б зависть ты и самой гордой белой!
От бархатных очей, горящих как алмаз,
Задумчивый артист не оторвал бы глаз.
Цветку лазурных стран, тебе одно знакомо —
Раскуривать чубук для господина дома,
Из шалаша бродяг-москитов прогонять,
Кувшины звучною водою наполнять
И поутру, едва зашелестят платаны,
На рынке покупать фисташки и бананы.
Босая, ты идешь куда зовет мечта,
И пеньем целый день, как птичка, занята.
Когда же в мантии багряной вечер сходит,
Циновку в уголку постелешь, — и уводит
Незримый дух тебя в мир грациозных снов,
Колибри золотых и резвых мотыльков.

Счастливое дитя! зачем же край прекрасный
Покинуть хочешь ты для Франции несчастной
И, с тамариндами родными распростясь,
Пуститься в океан, волнений не страшась?
Под хрупкой кисеей, открыта снежной вьюге,
Как будешь плакать ты о лучезарном юге,
Когда, одевши грудь в безжалостный корсет,
Ты будешь подбирать свой ужин и обед
На наших мостовых — и тщетно взором жадным
Искать родимых пальм в тумане непроглядном...

<1901>

ГОЛОС

Здесь колыбель моя, а тут — библиотека,
Угрюмый Вавилон... Бесхитростная быль,
Сокровища ума исчезнувшего века,
Латинская и эллинская пыль —
Там смешивалось всё; а я с иного грека
In folio [1] едва ли ростом был.
Два голоса я слышал там украдкой...
«Дитя! — один из них настойчиво твердил, —
Земля — пирог заманчивый и сладкий,
Я в меру аппетит тебе бы подарил».
За ним другой: «Пойдем витать со мною
За грань возможного, в пределы тайн и снов!»
Так ласково он пел, как ветер берегов,
Тихонько плачущий вечернею порою,
Слух нежа и страша, — блуждающий фантом.
«Да, нежный голос, — я сказал, — пойдем! ..»

И этот день, обета день священный,
Стал казнию моею... С той поры
Мне странные мерещатся миры
За пышными кулисами вселенной,
В бездонной пропасти, полночной мглы черней, —
И, раб мечты безумно-вдохновенной,
Влачу я за собой кусающихся змей! ..

Люблю я тишь пустынь, лазурь морскую,
Как древние пророки; сладкий вкус
В напитках горьких нахожу; тоскую
И плачу в радости, а в горести смеюсь.
Не верю фактам я, и часто в полдень ясный
Я в ямы падаю, ища небес родных...
Но тайно говорит тогда мне голос властный:
«Безумец! не кляни заветных снов твоих —
У мудрецов не так они прекрасны!»

1879

---

[1] Вполовину (лат.). — *Ред.*

МЯТЕЖНИК

Разгневанный Ангел, орлом с высоты
Низринувшись, мощной рукою хватает
За чуб нечестивца и грозно вещает:
«Я — ангел-хранитель! Раскаешься ль ты?

Знай: должно любить без гримасы
печальной
Убогого, злого, хромого, слепца,
Чтоб вышить из этой любви без конца
Для ног Иисуса ковер триумфальный.

Любовь такова... Полюби же теплей —
И будет блаженство наградой твоей,
Блаженство, которое ввек не наскучит!»

И Ангел добра, прибегая к бичу,
Рукой исполина отступника мучит.
А тот отвечает одно: «Не хочу!»

<1898>

ЖАЛОБЫ ИКАРА

Любовники пошлого сыты,
Их доля светла и легка;
А руки Икара разбиты —
За дерзость обнять облака.

Вы, дивные светочи ночи,
Вы, кроткие звезды, виной,
Что эти потухшие очи
Лишь помнят про день золотой!

Конец и начало вселенной
Отважно задумав найти,
Не знаю, чьей волей надменной
Я был остановлен в пути.

Со всею моею любовью
Я имени даже не дам
Меня схоронившим волнам,
Моею упившимся кровью!

<1901>

УЕДИНЕНИЕ

Будь мудрой, Скорбь моя! Не унывай без меры!
Ты вечер всё звала — и вот он настает.
Весь город полумрак окутывает серый,
Одним неся покой, другим — ярмо забот.
Но пусть толпа невежд, под плетью наслажденья,
На рабском празднике, в забвении тупом
Проводит эту ночь и копит угрызенья
На совести своей... Уйдем от них, уйдем!..
Дай руку мне свою! Взгляни на свод небесный:
Не прошлые ль Года стоят там кучкой тесной
В одеждах старины, с поникшей головой?
Не Сожаление ль там, над рекой, всплывает
С улыбкой кроткою? Уж солнце умирает:
Взгляни — закат горит, как тяжелобольной...
И слушай, Скорбь моя, — о, слушай, дорогая, —
Как нежно сходит ночь, парчою гробовой
С востока дальнего таинственно сползая!

<1880>

ЛЕБЕДЬ

(Посвящено Виктору Гюго)

1

Андромаха, я мысленно вижу тебя! —
Обманувший мечты Симоент захудалый,
Над которым когда-то, без меры любя,
Ты скорбями вдовы величаво блистала,

Породивши слезами обилие вод, —
Мне на память привел Карусель обновленный.

Изменился Париж: он быстрее живет,
Чем людские сердца, — в перемены влюбленный!

Только смутно мне грезится прежний простор:
Поле грязных бараков, недвижная плесень
Зеленеющих луж, в кучи сваленный сор,
У дверей кабачков звуки пляски и песен...

Там старинный зверинец рисуется мне
В час, когда под лазурью холодной и ясной
Просыпается труд, и в немой тишине
Живодерня заводит концерт свой ужасный.

Раз мне лебедь попался, из клетки своей
Убежавший. Он тщетные делал усилья,
В мелкой луже, досужей игрушке детей,
Возбужденно купая раскрытые крылья...

Клюв разинув, к жестокому небу глаза
Поднимал он, казалось, с безмолвным упреком:
«О, когда, наконец, зашумишь ты, гроза,
Ты, вода, потечешь благодатным потоком?»

Я теперь еще вижу, как, полный тоской
По прозрачным озерам отчизны прекрасной,
Он болезненно-часто мотал головой
На изогнутой шее — смешной и несчастный...

2

Да, Париж изменился!.. Но в грусти моей
Никакой перемены с тех пор не случилось!
Вид старинных предместий, лесов, пустырей —
В аллегорию всё для меня превратилось,

И мои дорогие мечты о былом
Никакой ураган новизны не повалит!
Перед Лувром стою ли в раздумье немом —
Всё один меня образ знакомый печалит.

Я о лебеде нашем великом скорблю,
Исступленном и гневном, в пустыне изгнанья

Тщетно рвущемся жажду насытить свою,
Возбуждая улыбку и боль состраданья!..

И опять, Андромаха, я вижу тебя, —
Как, бессильная жертва свирепого века,
О супруге великом и славном скорбя,
Разделяешь ты ложе постылое грека.

И мерещится мне, как по грязи бредет
Негритянка больная, как роща платанов
И кокосовых пальм горделиво встает
Перед ней за стеною парижских туманов...

И грущу я о всех, кто, увы, никогда,
Никогда не обнимет семью дорогую,
Чья утрата и скорбь — навсегда, навсегда!
Я о сиротах тощих и бледных тоскую...

Так на тихом кладби́ще печалей былых
Всё мне чудятся звуки валторны певучей!
Я о путниках грежу в пустыне горючей,
О плененных, о павших... И многих других!

Между 1885 и 1893

МАЛЕНЬКИЕ СТАРУШКИ

(Посвящено Виктору Гюго)

1

В изгибах сумрачных старинных городов,
Где самый ужас, всё полно очарованья,
Часами целыми подстерегать готов
Я эти странные, но милые созданья!

Уродцы слабые со сгорбленной спиной
И сморщенным лицом, когда-то Эпонинам,
Лаисам и они равнялись красотой...
Полюбим их теперь! Под ветхим кринолином

И рваной юбкою от холода дрожа,
На каждый экипаж косясь пугливым взором,

Ползут они, в руках заботливо держа
Заветный ридикюль с поблекнувшим узором.

Неровною рысцой беспомощно трусят,
Подобно раненым волочатся животным;
Как куклы с фокусом, прохожего смешат,
Выделывая па движеньем безотчетным...

Меж тем глаза у них — буравчиков острей;
Как в ночи лунные с водою ямы светят:
Прелестные глаза неопытных детей,
Смеющихся всему, что яркого заметят!

Вас поражал размер и схожий вид гробов
Старушек и детей? Как много благородства,
Какую тонкую к изящному любовь
Художник мрачный — Смерть вложила в это
сходство!

Наткнувшись иногда на немощный фантом,
Плетущийся в толпе по набережной Сены,
Невольно каждый раз я думаю о том —
Как эти хрупкие, расстроенные члены

Сумеет гробовщик в свой ящик уложить...
И часто мнится мне, что это еле-еле
Живое существо, наскучившее жить,
Бредет, не торопясь, к вторичной колыбели...

Рекой горючих слез, потоком без конца
Прорыты ваших глаз бездонные колодцы,
И прелесть тайную, о милые уродцы,
Находят в них бедой вскормленные сердца!

2

Но я... Я в них влюблен! Мне вас до боли
жалко,
Садов ли Тиволи вы легкий мотылек,
Фраскати ль старого влюбленная весталка,
Иль жрица Талии, чье имя знал раек.

Ах! многие из вас, на дне самой печали
Умея находить благоуханный мед,
На крыльях подвига, как боги, достигали
Смиренною душой заоблачных высот!

Одних родимый край поверг в пучину горя,
Других свирепый муж скорбями удручил,
А третьим сердце сын-чудовище разбил, —
И слезы всех, увы, составили бы море!

3

Как наблюдать любил я за одной из вас!
В часы, когда заря вечерняя алела
На небе, точно кровь из ран живых сочась, —
В укромном уголку она одна сидела

И чутко слушала богатый медью гром
Военной музыки, который наполняет
По вечерам сады и боевым огнем
Уснувшие сердца сограждан зажигает.

Она еще пряма, бодра на вид была
И жадно песнь войны суровую вдыхала:
Глаз расширялся вдруг порой, как у орла,
Чело из мрамора, казалось, лавров ждало...

4

Так вы проходите через хаос столиц
Без слова жалобы на гнет судьбы неправой,
Толпой забытою святых или блудниц,
Которых имена когда-то были славой!

Теперь в людской толпе никто не узнает
В вас граций старины, терявших счет победам:
Прохожий пьяница к вам с лаской пристает
Насмешливой, гамен за вами скачет следом.

Стыдясь самих себя, вы бродите вдоль стен,
Пугливы, скорчены, бледны, как привиденья,

Еще при жизни — прах, полуостывший тлен,
Давно созревший уж для вечного нетленья!

Но я, мечтатель, я, привыкший каждый ваш
Неверный шаг следить тревожными очами,
Неведомый ваш друг и добровольный страж, —
Я, как отец детьми, тайком любуюсь вами...

Я вижу вновь рассвет погибших ваших дней,
Неопытных страстей неясные волненья;
Чрез вашу чистоту сам становлюсь светлей,
Прощаю и люблю все ваши заблужденья!

Развалины! Мой мир! Свое прости вам вслед
Торжественно я шлю при каждом расставаньи...
О Евы бедные восьмидесяти лет,
Увидите ль зари вы завтрашней сиянье? ..

Между 1885 и 1893

СУМЕРКИ

Вот друг преступника, вот вечер, полный чар! ..
Он крадется, как волк, готовящий удар...
День прячет медленно свой облик помертвелый,
И хищник ждет с душой остервенелой.

О вечер! Тот тебе благословенья шлет,
Кто в этот час с лица отер горячий пот,
Чьи очи скорбные давно отяжелели, —
Рабочий, чуть живым добредший до постели.

Но вредных демонов уже нарушен сон:
С зевотой деловой спешат со всех сторон
Крылатые толпы́, — тревожно суетятся,
Шныряют, нюхают, под окнами стучатся...

Чуть глянули огни на омраченный мир,
На улицах Разврат свой зажигает пир:
Все норы, выходы внезапно открывает,
Повсюду западни и сети расставляет.

Как червь прожорливый, он точит весь народ.
Чу! слышно здесь и там шипенье сковород,
Театров плеск и визг, томящий вой органа,
И смех, и голоса, и пьяный звон стакана.

Вокруг столов с игрой столпились шулера
И падших женщин рой... Их час пришел! Пора,
Пора достать обед! И вот наступит скоро
Черед идти на лов и для простого вора.

Карманы очищать он должен мастерски,
Неслышно взламывать замки и сундуки,
Чтоб день-другой пожить в беспечности отрадной
Да для любовницы убор купить нарядный...

О, тяжкие часы! О, без конца позор!
Душа моя, закрой свой огорченный взор,
Замкни твой слух, уйди в себя скорее!
Страдания больных теперь всего острее.

Ночь темная, как враг, хватает их за грудь
И в общей пропасти торопит потонуть.
Больница вздохами наполнилась... Едва ли
Из этих бедняков, рожденных для печали,

Найдет уж кто-нибудь вечернею порой
Опять душистый суп в кругу семьи родной;
Еще же больше тех, кто в жизни нелюдимой
И не знавал вовек тепла семьи родимой!

<1881>

ПЛЯСКА СМЕРТИ

С большим букетом роз, горда, надушена,
В перчатках лайковых, с осанкой благородной,
Кокеткой выглядит засохшею она,
Немного странною и чересчур свободной.

Кто тоньше талией похвастаться бы мог?
С обильем царственным одежда ниспадает

До щиколки сухой, и ножку башмачок,
Нарядный как тюльпан, любовно ущемляет.

Как резвый ручеек, стучащий в грудь скалы,
На край ключицы рюш склонился прихотливо,
От глаз насмешников и колкой похвалы
Плачевные красы приосенив стыдливо...

Немой зияет мрак в пустых ее глазах,
И череп, убранный изысканно цветами,
Тихонько зыблется на хрупких позвонках...
— Краса небытия пред смертными очами!

Банальные умы, что, плоть одну любя,
Не в силах оценить изящество скелета,
Карикатурою смешной зовут тебя;
Но воплощаешь ты заветный вкус поэта!

Приходишь ли смутить ты этот пестрый шум
Гримасою своей, исполненной презренья?
Толкают ли опять твой легковерный ум
Несбыточные сны на шабаш наслажденья?

Не думаешь ли ты былую скорбь забыть
Среди сиянья люстр и пенья скрипок страстных?
В потоке оргии кипучей освежить
Удушливый кошмар своих ночей ужасных?

О перегонный куб ошибок вековых!
О глупости людской родник неистощимый!
Сквозь панцирь костяной, в дыры боков твоих,
Мне аспид видится, ничем не утолимый...

Но, правду говоря, боюсь я, что твое
Кокетство здесь себе награды не встречает:
Иронии твоей кто видит лезвие?
Лишь храбрый в ужасе восторги почерпает!

Пучина глаз твоих у лучших плясунов
Вдруг ноги отняла, кровь заморозив в жилах;

Улыбку вечную оскаленных зубов
Никто переносить без тошноты не в силах!

А кто не обнимал скелета сотни раз,
Не ел плодов могил? Не кости ль украшает
Тончайший аромат, пышнейший в мире газ?
Кто брезгует, себя прекрасным тот считает.

Обиды, гнева тень лежит на всех чертах...
Скажи же им скорей, безносая вакханка:
«Танцоры гордые в блестящих париках,
Вы смертью пахнете, как тухлая поганка!

Ты, дряхлый Антиной с оскобленным лицом,
Ты, лысый ловелас, ты, труп, покрытый лаком!
Мой вечный хоровод, в движеньи круговом,
Вас всех влечет в страну, окутанную мраком».

Как стадо, прыгает беспечный род людской
Под всякой широтой и всяким небосклоном,
Трубы архангела не видя над собой,
Чернеющей уже зловещим мушкетоном.

Везде — над Сеною, над Гангом голубым —
Смерть удивляется тебе, кривляка странный,
И часто, миррою дыша благоуханной,
Сливает свой сарказм с безумием твоим!

Между 1885 и 1893

НЯНЯ

Служанка скромная с великою душой,
Безмолвно спящая под зеленью простой,
Давно цветов тебе мы принести мечтали!
У бедных мертвецов, увы, свои печали, —
И в дни, когда октябрь уныло шелестит
Опавшею листвой над мрамором их плит,
О, как завидуют они нам бесконечно,
Нам, дремлющим в тепле, в уютности беспечной,

В то время как они, под гнетом черных снов,
Без доброй болтовни, в стенах сырых гробов,
Скелеты мерзлые, изрытые червями,
Лежат... И сыплются беззвучными клоками
На них снега зимы... И так года текут,
И свежих им венков друзья не принесут!

Холодным декабрем, во мраке ночи синей,
Когда поют дрова, шипя, в моем камине, —
Увидевши ее на креслах в уголку,
Тайком поднявшую могильную доску
И вновь пришедшую, чтоб материнским оком
Взглянуть на взрослое дитя свое с упреком, —
Что я отвечу ей, при виде слез немых,
Тихонько каплющих из глаз ее пустых?..

Между 1885 и 1893

РАССВЕТ

В казармах, за рекой, пробили час зари,
И свежий утренник уж гасит фонари.
Толпа злотворных снов приникла к изголовью
Кипучих юношей... Как глаз, налитый кровью,
Свет лампы замигал в предутренних лучах...
И в этот смутный час, как лампы свет, в цепях
Телесной немощи душа бессильно бьется,
Тоскует, и болит, и на свободу рвется!
Весь воздух — как лицо, залитое в слезах:
Предметы зыблются в причудливых чертах...
Уже послышались кой-где людские речи
С охриплым отзвуком, и задымились печи.

Писатель задремал, не выпустив пера.
И падшим женщинам уснуть пришла пора —
Тупым, тяжелым сном без радости и муки,
Со ртом разинутым, как плети свесив руки.
Голь изнуренная, с отрепьем на плечах,
Разводит очаги на жалких чердаках;
Средь холода и мглы, в лишеньях нищей доли,

Несчастных рожениц теперь ужасней боли!
Как заглушенный плач сквозь хлынувшую кровь,
Крик сиплый петуха, замолкнув, слышен вновь.
Седой плывет туман, как море колыхаясь...
И в глубине больниц, хрипя и задыхаясь,
Немало горемык отходит в этот час!
Меж тем толпа гуляк, трудами утомясь,
Торопится домой — нога с ногой в разладе...

В зелено-розовом трепещущем наряде
Студеная заря над Сеною пустой
Неспешно движется огнистой полосой,
И сумрачный Париж, старик трудолюбивый,
Протер уже глаза рукой нетерпеливой.

<1887>

ПИРУШКА ТРЯПИЧНИКОВ

Ненастье. Фонарей дрожащих слышен стук.
Чуть льется красный свет на лабиринт лачуг
Предместья старого, где бурными дрожжами
Рабочий бродит люд и грязь стоит морями.
В душе тряпичника меж тем тепло и свет!
Качаясь, стукаясь о стены, как поэт,
Забыв и помышлять о сыщиках коварных,
Он весь излиться рад в проектах лучезарных:
Законы издает для всех племен земных,
Венчает лавром жертв, ниспровергает злых
И под шатром небес, нависших балдахином,
Отважным мнит себя и мощным паладином!
Старик, до времени согнутый и седой,
Измолотый трудом, заботой и нуждой,
Уставший подбирать вонючие тряпицы,
Отрыжку грязную прожорливой столицы,
Так он идет домой, в свой угол бедняка,
Пропитан запахом приятным погребка,
С толпой товарищей, и их усы седые
Висят, как пред полком знамена боевые!
Пред ними солнца блеск, и флаги, и цветы...
И в шумной оргии — о, светлые мечты! —

Победных кликов, труб несут они свободу
И воскресенья весть усталому народу!

Так бодрое вино, отрада всех живых,
Пактолом[1] золотым течет по жилам их,
Над миром царствуя любовью и дарами
Верней, чем короли железом и бичами...
Над скорбною землей немолчный слыша стон,
Бог, мучим совестью виновной, создал сон,
А хитрый человек прибавил сок янтарный,
Дитя любимое денницы лучезарной...

<1890>

ХМЕЛЬ УБИЙЦЫ

Жена в земле... Ура! Свобода!
Бывало, вся дрожит душа,
Когда приходишь без гроша,
От криков этого урода.

Теперь мне царское житье.
Как воздух чист! Как небо ясно!
Вот так весна была прекрасна,
Когда влюбился я в нее.

Чтоб эта жажда перестала
Мне грудь иссохшую палить,
Ее могилу затопить
Вина хватило бы... Немало!

На дно колодца, где вода,
Ее швырнул я вверх ногами
И забросал потом камнями...
Ее забуду я — о да!

Во имя нежных клятв былого,
Всего, чему забвенья нет,
Чтоб нашей страсти сладкий бред
И счастья дни вернулись снова,

[1] Золотоносная река в Лидии.

Молил свиданья я у ней
Под вечер, на дороге темной.
Она пришла овечкой скромной...
Ведь глупость — общий грех людей!

Она была еще прелестна,
Как труд ее ни изнурил,
А я... я так ее любил!
Вот отчего нам стало тесно.

Душа мне странная дана:
Из этих пьяниц отупелых
Свивал ли кто рукою смелых
Могильный саван из вина?

Нет! толстой шкуре их едва ли
Доступна сильная вражда,
Как, вероятно, никогда
Прямой любви они не знали

С ее бессонницей ночей,
С толпой больных очарований,
С убийством, звуками рыданий,
Костей бряцаньем и цепей!

И вот я одинок, я волен!
Мертвецки к вечеру напьюсь
И на дороге растянусь,
Собою и судьбой доволен.

Что мне опасность иль закон?
Промчится, может быть, с разбега
С навозом грузная телега,
Иль перекатится вагон

Над головой моей преступной,
Но я смеюсь над Сатаной,
Над папой с мессою святой
И жизнью будущею купно!

<1901>

МУЧЕНИЦА
(К КАРТИНЕ НЕИЗВЕСТНОГО МАСТЕРА)

Среди зеркал, картин, флаконов расписных
С ароматичными духами,
Дразнящей мебели и платьев дорогих,
Висящих пышными волнами;

В закрытой комнате, где воздух неживой
Пахуч и зноен, как в теплицах,
Где гордые цветы поникли головой
В своих узорчатых гробницах, —

Подушку влажную мертвец без головы
Живою кровью заливает,
И шелковая ткань прожорливей травы
Поток румяный поглощает.

Как бледный выходец из мира мрачных грез,
Болезни спутниц неизменных,
С тяжелой гривою эбеневых волос
И ношей камней драгоценных,

Синея, голова на столике лежит.
Лишенный мысли, мутный, белый,
Как сумеречный свет, из мертвенных орбит
Выходит взор оцепенелый.

А на постели труп, в величьи наготы,
Раскрыл с небрежною свободой
Весь сокровенный блеск, все чары красоты,
Ему дарованной природой.

На мраморной ноге как память о былом
Чулок остался розоватый,
И светит издали пылающим зрачком
Подвязка с вышивкой богатой.

Безлюдье, тишина, еще живая кровь,
Нагого тела положенье —

Всё, всё наводит мысль на мрачную любовь,
        На пир безумный преступленья,

Восторги адские, лобзаний диких яд...
        И мнится — с роем мыслей черных
Все злые ангелы невидимо парят
        Меж складок занавес узорных!

Однако этих плеч сухой, изящный вид,
        Ноги, по-детски округленной,
И нежной талии — так ясно говорит
        О страсти, рано пробужденной.

Да, это — лилия, расцветшая с зарей!..
        В чаду неведомых мучений
Разверз ли душу он для стаи роковой
        Порочных чувств и вожделений?

Жестокий человек, чей ненасытный пыл
        Не утолила ты, живая,
Так пламенно любя, — о, счастлив ли он был,
        Твой труп угодливый лаская?

Ответь, нечистый труп! И, за косы себя
        Подняв трепещущей рукою,
Поведай, страшный лик: он приклейл, любя,
        К твоим зубам «прости» немое?..

Вдали от зорких глаз придирчивых властей,
        От клеветы и поруганья,
В могиле заключась таинственной своей,
        Спи в мире, странное созданье!

Спи в мире! Твой супруг от света убежит,
        Но не от скорби: образ милый
С ним будет и во сне... Как ты, он сохранит
        Любовь и верность до могилы!

<1901>

ДАРЫ ЛУНЫ

Капризная Луна в тот тихий час,
Когда в своей ты колыбельке спала,
В твое окно взглянула и сказала:
«Мне эта девочка по мысли»...
И, спустясь
По облачкам, дремавшим безмятежно,
Проникла внутрь без шума. Кротко, нежно,
Как будто мать, простерлась над тобой
И на тебе свои сгустила краски:
Позеленев, раскрылись странно глазки,
Покрылись щеки смертной белизной...
И оттого-то, что в порыве ласки
Ночная гостья сладко так взяла
Тебя за горло, навсегда осталось
Желанье плакать у тебя...
А мгла
Меж тем вокруг чудесно озарялась.
По спальне свет струился голубой,
Какой-то яд лучистый и живой, —
И думал он, и говорил, казалось:
«Отныне ты — моя! .. Мой поцелуй хранить
Должна ты вечно. Будешь ты прекрасна,
Но так, как я хочу. Ты станешь то любить,
Что мне покорно и подвластно:

Ночь, облака, безлюдье, тишину...
Блеск изумрудный вод, с краями неба слитых,
Однообразную в богатстве форм волну,
Немой простор степей открытых.
Места, где нет тебя; мужчин, которых ты
Лишь смутно будешь знать, как грезу сновиденья;
Нездешних климатов огромные цветы,
Их запах, полный раздраженья.

Во мраке спящий дом, ряд комнат в глубине
И кошек, лазящих по клавишам пьянина,
Подобно женщинам стеная в тишине
В припадке сумрачного сплина...

И братьев ты найдешь в собратьях по судьбе,
Любима будешь ты моими лишь друзьями:

Ты покоришь мужчин с зелеными глазами
Которым горло я сдавила, как тебе.

Тех, для кого в ночи лепечет и блистает
Прибрежная волна и дальняя звезда,
Кто любит женщину, которой никогда
До двери гроба не познает.

Кому так пó сердцу игра ночных теней,
Блужданье огоньков по кладбищам унылым,
Цветы, подобные неведомым кадилам,
И звери дикие, эмблема их страстей.

И вот зачем, дитя, погибшее дитя,
Моя голубка дорогая,
Я здесь, у ног твоих, лежу теперь, грустя,
Ища в глазах твоих, во всей тебе, родная,
Следов, оставленных ужасным божеством,
Колдуньей-мамкою, во тьме ночей бесшумных
Отравленным кормящей молоком
Всех, всех *лунатиков* безумных!..

Между 1885 и 1893

ИЗ СЮЛЛИ ПРЮДОМА

ДАНАИДЫ

Не ведая покоя, ежечасно
Они бегут с кувшинами толпой
То к бочке, то к колодцу, но — напрасно!
Им не наполнить бочки роковой.

Увы! дрожат слабеющие руки,
И, онемев, не движется плечо...
— Пучина страшная! Конец ли нашей муке?
Неумолимая, чего тебе еще?

И падают они, идти уже не в силах...
Но младшая из всех в сестер своих унылых
Умеет прежнюю уверенность вдохнуть.

Так грезы и мечты бледнеют, разлетаясь,
А юная Надежда, улыбаясь,
— О сестры, говорит, пойдемте снова в путь!

<1899>

НА БАШНЕ

На башне, в поздний час, ученый наблюдал,
Как звездный хор торжественно и смело
Свой вечный путь в пространство направлял;
А утро в бесконечности белело.

Он вычислял... Средь золотых миров
Комета встретилась внимательному взору,
И грозному он молвил метеору:
«Ты вновь придешь чрез столько-то веков!»

Звезда придет, веленье исполняя,
И обмануть не сможет никогда
Науки вечной, в вечности блуждая!

Пусть человечество исчезнет без следа:
На башне бодрствовать упорно и тогда
Ты будешь, Истина святая!

<1882>

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ КРИК

Игрой мечты ушел я в глубь веков
И вижу юношу: болезненный, печальный,
Возводит он с толпой других рабов
Хеопсу мавзолей пирамидальный.

Вот он несет на согнутой спине
Чудовищный гранит. Дрожащая походка...
Глаза глядят страдальчески и кротко...
И страшный крик раздался в тишине!

Тот крик потряс весь воздух, строй эфира,
Дошел до звезд — и там, за гранью мира,
Всё вверх идет в пространстве вековом.

Он ищет божества и правды бесконечной...
Прошли века. Гигант остроконечный
Над деспотом стоит в величии немом!

<1880>

РАЗБИТАЯ ВАЗА

Та ваза с гибнущей вербеной
Задета веером была.
Удар, бесшумный и мгновенный,
Чуть тронул зеркало стекла.
Но рана, легкая сначала,
Что день, таинственно росла:
Хрусталь незримо разъедала
И мерным кругом обошла.
Беда не вовремя открыта:
Цветок безмолвно умирал,
По капле кровью истекал...
— Не тронь ее: она разбита!

Так часто милая рука
Нам сердце любящее ранит, —
И рана тонко-глубока,
И, как цветок тот, сердце вянет.
Но долго гибельный огонь
От равнодушных взоров прячет, —
Болит и тихо-тихо плачет...
Оно разбито ведь — не тронь!

18 марта 1881

РАНЫ

Со стоном падает в сражении солдат.
Его возьмут, забрызганного кровью,
В больницу отвезут и рану заживят.
И в ясный день поддельному здоровью

Он верит, как дитя... Но с запада сырой
Подует ветер вдруг и в облаках тумана
Потонет солнца блеск — и вновь заныла рана!
И веры нет в душе его больной!

Так прихоть времени всесильна; так, порою,
На месте, где душа поражена судьбою,
Я плачу, воскресив забытую печаль.

Слеза, печальный звук, одно пустое слово
Иль тучка в небесах, — как луч, осветят снова
Погибших лет затерянную даль!

<1880>

АГОНИЯ

В час кончины моей меньше вздохов и слез, —
Горе в сердце пусть спит глубоко!
Вы гармонией сладкой ласкайте мой слух,
И умру я легко.
Так устал видеть ложь я под маской любви,
Слышать слово холодное «брат»...
Пусть баюкают боль мою струны одни,
И пусть люди молчат!
Няню, бедную няню, пришлите ко мне —
Она стадо в долине пасет.
Известите ее, что, готовясь навек
Сделать с жизнью расчет,
Увидать я хочу ее ласковый взор,
Услыхать ее песню... И пусть
Будет грустью дышать монотонный напев —
Я люблю эту грусть!
Вы найдете ее: люди хижин живут
Дольше нас... Мы, явившись на свет,
Прозябаем, как пальма в холодной стране,
И живем... двадцать лет!
Вы оставьте вдвоем нас! Она мне споет,
Пальцы рук на горячий мой лоб положив...
Звук за звуком с любовью ловить стану я,
Всё на свете забыв!
И, наверно, одна только грудь и вздохнет
Обо мне в этот час глубоко...
Я мечтой улечу к светлым детства годам,
Далеко-далеко!
И, чтоб я не слыхал, как покинет душа
Мой больной, охладелый скелет,
Чтобы так человек незаметно ушел,
Как явился на свет, —

Нет, не нужно ни вздохов печальных,
ни слез,
Горе в сердце пусть спит глубоко...
Тихой музыкой мой убаюкайте слух —
И умру я легко!

<1880>

СОН

Земледелец грубо мне сказал во сне:
«На тебя работать надоело мне!
Спину разогну я... В холодок и в зной
Сам ты походи-ка за моей сохой!»

И портной, взбесившись, отказался шить:
«Я хочу на воле барином пожить!»
Каменщик туда же — этакий нахал —
Молоток бросает: «Кончено, устал!»

Злобою кипела вся душа моя,
Позабытый всеми, горько плакал я.
Голый и голодный, в пустоте блуждал,
Бога, небо, землю, солнце проклинал!

Вдруг глаза открыл я: верить или нет?
Утренний в окошко пробивался свет.
Всюду труд великий бодро закипал:
Земледелец сонный мне поля пахал,
Фабрики дымились, и рабочий люд,
Грязный и голодный, начинал свой труд...

От восторга плача, солнышку смеясь,
Я на ложе мягком нежился в тот час.
Розовые грезы улыбались мне...
И забыл я думать об ужасном сне!

Октябрь 1880

КРЫЛЬЯ

Ребенком, крыльев я у бога всё молил
И рвался к небесам неопытной душою.
Там всё торжественной дышало тишиною —
Мой детский вопль туда не доходил.

Желанием борьбы, желанием простора,
Широкого, как мир, душа была полна...
Прошли года — и что ж? По-прежнему ясна,
Заманчива лазурь для любящего взора.

Но нет в душе моей старинного огня!
О, кто ж ты, демон зла, карающий меня,
Сильней дающий мне познать ярмо бессилья?

Жестокий! для чего ты дал спине моей
Гнетущие к земле громадностью своей
И всё трепещущие крылья?..

<1880>

СЕРДЦЕ

Решило божество, чтоб, вечно нам на страх,
Известный срок служило сердце наше,
Как глиняный сосуд, и обращалось в прах...
Увы! оно пустеть начнет подобно чаше.

Беги же, милый брат, от наслажденья прочь.
Заклятого врага здоровья и природы:
Одна безумная растратить может ночь
Сокровище, скопляемое годы.

Проклятие глупцу, который принесет
На шумный пир ту вазу и прольет
Ее бальзам пред идолом ничтожным!

Коснутся уст его горячие уста,
А над холодным сердцем пустота
Уже царит во мраке безнадежном!

<1880>

МОГИЛА

Его сочли бездушным мертвецом.
Но он проснулся. Рот окостенелый
Хотел кричать, но крик его несмелый
Был заглушен каким-то потолком.

И в странной пустоте, холодной и бездонной,
Без звуков, без лучей, лежит он одинок,
Тревожно слушая... Испуганный зрачок
Пронизывает мрак безжизненный и сонный.

Кругом царит загадочный покой...
Вот хочет он привстать... и — ужас! — головой
Ударился о доски гробовые!

Усни и ты, душа моя,
Не плачь, не рвись в небесные края,
Чтоб цепи не почувствовать земные!

<1880>

ЖЕЛАНИЕ

Ах, если б небеса одни лишь были сини
Да водной шири гладь! Желт — колос полевой,
И розов — розы цвет! Ни злобе, ни кручине
Причин бы не было... Но с мертвой красотой

Полей, цветов, лазури, океана
Есть красота улыбок и очей:
В их прелести живой — надежда, страх обмана,
Отчаянье и боль... И ад, и небо в ней!

Мы любим женщину... И вот он — бесконечный
Источник наших мук, любви простосердечной,
Лелеющей безумные мечты.

Когда бы человек с душой святой и чистой
Смотрел и на глаза, и локон золотистый,
Как на волну, колосья и цветы!

<1882>

БОРЬБА

Приходит ночь. Терзаемый сомненьем,
Я сфинкса страшного опять зову на бой...
И в тот же миг из темноты ночной
Идет он грозным привиденьем.

На ложе узком, пышущем огнем,
Где гости редкие покой и радость были,
Лежу я и борюсь в безмолвии ночном,
Не шевелясь в своей могиле.

Нередко мать приходит со свечой:
«Ты болен, говорит, о сын мой? Что с тобой,
Холодный пот бежит с тебя рекою».

Она глядит в отчаяньи тупом,
И, тронутый до слез, я говорю с мольбою:
— Родная, в эту ночь борюсь я с божеством!

<1882>

ЗАТИШЬЕ

Тихо всё! Шелестят только листья березы,
Да о выступ скалы вечно бьется волна,
Не о горе ль своем тихо плачет она,
И в ответ ей скала льет беззвучные слезы?

Я не слышу, как лодка по речке скользит...
То не берег ли движется, берег зеленый?
То не в царстве ль мечты я? В волне усыпленной,
Точно занавес, небо блестит и дрожит.

Если бросишь цветок, он в каком-то сомненьи
Закачается здесь, на лазурной волне,
Будто силясь узнать — где теченье.

И, как этот цветок, будут вечно во мне
Колебаться отныне мечты и желанья:
Тихо дремлют в душе и любовь, и страданья...

<1880>

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Готовая к жертве, приходит она
На первый же голос невзгоды,
Кротка, милосердна, добра и нежна, —
И всё в ней — загадка природы.
Награды не ждет и печально парит
Над фатом, достойным проклятья,
Суровый родитель наследства лишит,
А мать... Мать раскроет объятья!
Ее легковерна любовь и скромна,
Не видит себя и не ценит,
Но даже тогда не изменит она,
Как всё нам на свете изменит!
За нами и к небу она полетит,
И в бездну низринется с нами;
От гибели грудью своей заслонит,
А раны омоет слезами...
И есть ли убежище в мире верней?
Какой это кров благодатный
Усталому сердцу — и ласку скорей,
И отдых предложит отрадный?
Какой еще друг для других пренебречь
Без гнева позволит собою, —
Забытый, всё будет наш образ беречь,
Тоскуя незлобной душою?
И кинется в пропасть отверстую к нам,
Себя, не колеблясь, погубит
И жертвы следа не почувствует там,
Где мать только верит и любит?..

— О мать! Ты одна лишь из всех Данаид,
Чья вера незыблемо вечна,
Кто бездну наполнить с любовью спешит
Любовью своей бесконечной!..

<1910>

ИЗ БАЙРОНА

ПОРАЖЕНИЕ СЕННАХЕРИМА

Враги, точно стая волков, налетели!
Одежды их пурпуром ярким горели,
А копья блистали в полдневных лучах,
Как звезды небес в галилейских волнах.

Как листья дубравы весною зеленой,
Под вечер у них развевались знамена;
Как листья дубравы осенней порой,
Рассыпаны были их трупы с зарей...

Дух смерти над ними прошел в полуночи —
И мертвенны стали их сонные очи
И больше смеженных не подняли век;
Сердца всколыхнулись — и стихли навек.

Вот, ноздри раздувши, валяется конь,
Но гордый из них уж не пышет огонь,
И с губ его пена стекает, мутна,
Как брызги разбитой волны, холодна.

Там всадник лежит, безобразен и бледен,
С копьем и щитом — и ребенку безвреден.
Могильный покой над шатрами царит:
Хоругви не веют, труба не звучит.

И трауром вдовы Ашура покрыты,
И идолы в храме Ваала разбиты;
Но сила врага не от наших мечей —
От блеска растаяла божьих очей!

<1902>

ИЗ ФР. БОДЕНШТЕДТА

ИЗ «ПЕСЕН МИРЗЫ-ШАФИ»

Манифест собственноручно
Написал персидский шах,
А народ его дивился
И шумел на площадях.
Мудрость царскую, ликуя,
До небес превознесли:
«Слава, слава падишаху
За пределами земли!»

Но Мирза-Шафи в сторонке
Головой седой поник.
— Неужели я как должно
Понимаю этот крик?
Глубоко же уваженье
К властелину здешних мест,
Если смотрят с изумленьем
На разумный манифест!..

<1879>

*

ЗАТЕРЯННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА[1]

1

Как твои глазки смеются, дитя,
Сколько они теплоты сохранили! —
Так улыбался когда-то и я:
Люди мой пыл охладили...

Цепью сковали порывы мои,
Гордые крылья мечты сокрушили...
Небо меня поучало любви,
Люди же злобе меня научили!

2

Нет, не изменник я отчизне дорогой,
Я сын отцов моих! Но вас, холопов темных,
Чуждаюсь — это так. Я с гордою душой
И не ползу на костылях заемных.

Я мог еще краснеть за ваши преступленья,
Не слышать музыки в бряцании оков,
Не видеть красоты в сверкании штыков —
Меня предателем вы звали без смущенья!

Как вы, не пячусь я, на всё иду вперед,
Покрой отсталый ваш, закал ваш презираю, —
Решили вы, что я не понимаю
Страны родной, что я не патриот!

---

[1] Проживая в России в начале 40-х годов, немецкий поэт Боденштедт через общих знакомых доставал стихи Лермонтова еще задолго до их напечатания. Вот почему в его сборник переводов из Лермонтова попало несколько пьесок, до сих пор неизвестных русской публике в оригинале: очевидно, они не могли в свое время быть напечатаны, в рукописном же виде не сохранились.

3

Не хотели меня вы понять... У меня
Всё вы отняли в утро весеннего дня...
Не убита лишь гордость моя и отвага!
Поколенья идут, как волна за волной, —
За приливом отлив, за отливом прибой, —
И бессмертная смена их — благо.

Вы пройдете... Другие придут вместо вас,
С кровью свежей и чистой, в которой не раз
Благородная вспыхнет отвага.
И они-то, коль песни мои не умрут,
Хоть они мои думы и муки поймут,
И работа их будет на благо!

4

Едва я начал размышлять —
Они вскочили в изумленьи;
Я мысль свою посмел назвать —
Они схватились за каменья.

Когда же песню я пропел,
Сознаньем правды горд и светел,
Никто мне в страхе не ответил,
Хоть каждый яростью кипел!

5

Вы, кого ногами я
Попирал в пылу презренья
И в глаза ослами звал;
Вы, которые прощенья
У меня же шли просить,
В дни моей салонной славы
Улыбаясь рабски мне, —
Как теперь вы величавы!
Не узнать: вся грудь блестит
Орденами, орденами,

И, не глядя на меня,
Вы проходите царями...

6

Проходите! Нам не по пути!
Знать, таков порядок в этой жизни:
У того, кто плачет об отчизне,
Крест в груди, у вас же — на груди...

7

О судьбе не жалейте моей,
Ни о том, что от дружбы своей
Оттолкнули меня лицемеры.
Не жалейте! В тюрьме вы, как я!
Всё различие в том лишь, друзья,
Что у вашей побольше размеры...

8

Нет, не кляните вы судьбу мою
И об моем не плачьте заточеньи:
Вам ваши радости дарю,
Вам возвращаю сожаленье!

9

«Одно лишь слово покаянья —
И снова жизнь твоя в цветах».

Но лучше я умру в цепях,
В тюрьме, или в стране изгнанья
Найду могилу без креста,
Чем ложью оскверню уста,
Чтобы спастись от поруганья!

10

Без вины настрадался я вволю
И хотел бы на волю, на волю!
Но готов без конца я страдать
Мукой большею, если возможно,
Лишь бы в уровень с вами не стать,
С вашей грязью и святостью ложной!

11

(Заключительная строфа «Сказки для детей»)

Умолкнул демон, и — читатель мой! —
Я тоже смолкну, хоть и с грустью тайной...
Мою поэму отческой рукой
От лишних слов, от резвости случайной
Спасает цензор, мой судья глухой.
Так, часто крылья я хочу расправить,
А мне велят тотчас же точку ставить...
И гибнет всё: пленительная даль
Широких замыслов и самая мораль!
Но я хочу быть образцом смиренья —
Вот почему нет в сказке заключенья.

12

Дождь хлещет, рокочут
Удары сердитые грома,
И люди пугливо укрылись
Под теплою кровлею дома,
Туда всё живое стремится
С дороги, с открытого поля,
А я... Мне не теплая кровля —
Нужна мне раздольная воля!

На волю! На дикую волю!
И лучше погибнуть хочу я
В объятиях огненных бури,
В безумьи ее поцелуя, —

О, лучше на ужасы грома
Сменил бы я узника долю:
Туда бы, за душные стены,
На волю, на волю, на волю!..

<1898>

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник является первым советским изданием стихотворений П. Ф. Якубовича. При жизни поэта его стихотворения издавались отдельными сборниками 12 раз. Первый сборник вышел в 1887 г. в Петербурге под псевдонимом «Матвей Рамшев», незадолго до судебного процесса, когда автор находился в Петропавловской крепости. Редакция сборника была поручена А. К. Шеллеру (Михайлову), который, опасаясь цензурных преследований, сильно «переборщил», «выключив, по словам автора, все лучшие и характерные... вещи». По цензурным соображениям оригинальные стихотворения были «втиснуты» между переводами.

Через семь лет, в декабре 1894 г., когда Якубович был на каторге, в Москве вышел анонимно сборник его переводов стихотворений Шарля Бодлера (в изд. Петровской библиотеки).[1] Подготовка этой книги велась на каторге, в Акатуе, с 1892 г. автором совместно с товарищем по каторге М. Фондаминским через его сестру Е. И. Фондаминскую, которая, конспиративно получив переводы, приняла на себя все хлопоты. Редактировал сборник поэт К. Бальмонт, который отнесся к делу небрежно, не всегда считаясь с волей переводчика.

После каторги начинают выходить новые сборники стихотворений Якубовича под инициалами П. Я.:

1. Стихотворения. Издание редакции журнала «Русское богатство». СПб., 1898.

2. Стихотворения. 2-е, исправленное и дополненное издание редакции журнала «Русское богатство». СПб., 1898. На обложке: 1899.

3. Стихотворения. 3-е, вновь дополненное издание редакции журнала «Русское богатство». СПб., 1899.

4. Стихотворения. Том второй (1898—1901). Издание редакции журнала «Русское богатство». СПб., 1901.

---

[1] Предисловие к сборнику написано К. Бальмонтом. Издателем в примечании сказано, что переводы «сделаны поэтом, пожелавшим остаться в неизвестности».

5. Стихотворения. Том первый (1878—1897). 4-е издание редакции журнала «Русское богатство». СПб., 1901.

6. Стихотворения. Том второй (1898—1902). 2-е издание редакции журнала «Русское богатство». СПб., 1902.

7. Стихотворения. Том первый (1878—1897). 5-е издание редакции журнала «Русское богатство». СПб., 1902.

В 1905 г. в Ростове-на-Дону (в издательстве «Донская речь») был издан сборник избранных стихотворений Якубовича под названием: «Из стихотворений Л. Мельшина (П. Я.). „Жизнь — борьба, а не рабство...“».

Сам псэт был лишен до 1900 г. возможности принимать непосредственное участие в издании своих стихотворений, потому их тексты изобиловали досадными пропусками и опечатками.

В 1903 г., получив права, Якубович сразу же решил раскрыть в печати свои многочисленные псевдонимы и инициалы.[1]

Еще осенью 1903 г. в письме в редакцию «Русского богатства» Якубович просил в объявлениях и каталогах «раскрыть все свои псевдонимы: при Л. Мельшине и П. Я. поставить в скобках «П. Якубович». Новую книгу «Очерки русской поэзии» я печатаю, как Вы, вероятно, знаете, под именем П. Якубович (только в скобках «Гриневич»), чтобы не обманывать публику. Таким образом, пользуясь полученными «правами», я хочу объединить (сделав это возможно проще) все свои подписи. На это есть у меня много соображений, и одно из них такое: смешно продолжать «конспирировать», когда в этом нет более нужды».[2] Редакция, однако, не раскрыла псевдонимы, и книга «Очерки русской поэзии» вышла в 1904 г. под двойным псевдонимом: Л. Мельшин (П. Ф. Гриневич).

Следует отметить, что до сих пор многие произведения поэта выдаются за анонимные или по традиции приписываются мнимым иностранным поэтам (Ч. Никколини и О'Коннору) даже в специальных библиографических трудах.[3]

В 1906 г. выходит в Петербурге третьим изданием 2-й том его стихотворений. Здесь впервые после 1905 г. были раскрыты инициалы: П. Я. — П. Якубович (Л. Мельшин).

В 1910 г. петербургское издательство «Просвещение» издает оба тома стихотворений одновременно, помечая 1-й том шестым изданием, а 2-й том — четвертым изданием. Здесь также были раскрыты ини-

---

[1] Перечень псевдонимов Якубовича см. на стр. 6.

[2] Письма А. И. Иванчину-Писареву от 26 сентября и 10 октября 1903 г. (ПД).

[3] См., например, О. Д. Голубева. Литературно-художественные альманахи и сборники, т. 1 (1900—1911). М., 1957, № 52, 93, 105, 117, 118, 149, 172, 207. В то же время Якубовичу приписываются стихотворения, вовсе ему не принадлежащие. Без всяких оснований Якубовичу, например, приписывается стихотворение «Матери», опубликованное в «Народной воле» (1881, № 6) за подписью: В. Х. К-ов (см. «Литература партии „Народная воля“». М., 1930, стр. 141 и 268). В действительности это стихотворение принадлежит В. Х. Кравцову, ссыльному украинскому революционеру (см. сб. «Русская муза». Составил П. Я<кубович>. СПб., 1908, стр. 325).

циалы в скобках: П. Я. (П. Якубович-Мельшин). В 1913 г. вышло первое посмертное издание стихотворений П. Я. — П. Якубовича (Л. Мельшина) в 2-х томах, с пометой: 1-й том — седьмое издание и 2-й том — пятое издание, с портретом автора, подготовленное редакцией «Русского богатства» и представляющее перепечатку издания 1910 г. Завещание поэта (о нем см. ниже) не было принято во внимание.

В 1909 г. в Петербурге отдельной книгой были изданы переводы П. Якубовича-Мельшина: «Цветы зла» Ш. Бодлера.[1] После 1913 г. стихотворения Якубовича отдельным изданием не выходили.

Композиция сборников Якубовича складывалась постепенно, с оглядкой на цензуру. В первом издании 1898 г. были введены смешанные отделы, без хронологии: 1. Жизнь и поэзия. 2. Думы, отклики и любовь. 3. Природа. 4. Силуэты. 5. Листки из жизни. 6. Из иностранных поэтов (куда были включены и некоторые оригинальные стихотворения).

С четвертого издания 1901 г. Якубович отказался от «искусственного распределения по отделам» и расположил стихотворения в хронологическом порядке. В издании 1910 г. была введена циклизация стихотворений, отражающая этапы политической биографии поэта.

Тексты всех без исключения изданий стихотворений Якубовича страдали цензурными искажениями и неполнотой. В ЦГИАЛ хранится 18 цензурных дел о Якубовиче за 37 лет (1878—1915), начиная с первых его стихотворений и кончая последним изданием 1913 г. Как целые книги, так и отдельные стихотворения Якубовича подвергались аресту и уничтожались, против их автора и издателей возбуждалось уголовное преследование.

В настоящем издании текст почти полностью освобожден от цензурных вмешательств, восстановлены пропуски, раскрыты псевдонимы, установлена принадлежность поэту ряда анонимных произведений.

Во всех изданиях Якубовича не соблюдался принцип полноты. Многие стихотворения, особенно раннего периода, не включались автором в первые издания. Позже Якубович дал их частично в изд. 1910 г. в «Приложениях к юношеским стихотворениям».

За четыре месяца до смерти, 3 ноября 1910 г., Якубович в двух томах своих стихотворений изд. 1910 г. (в дальнейшем именуемом: «авторский экземпляр») сделал на полях много помет, указал даты, восстановил запрещенные цензурой места, кое-что вычеркнул, вписал новые строки и тексты. Авторский экземпляр находился долгие годы в Ленинградском гос. музее Великой Октябрьской социалистической революции, но после блокады Ленинграда сохранился только 2-й том. Д. П. Якубовичем, сыном поэта, известным пушкинистом, в свое время с авторского экземпляра была снята точная копия, сохраненная внучкой поэта И. Д. Якубович. Научная репутация Д. П. Якубовича и сопоставление его копии с оригиналом авторского экземпляра 2-го тома, хранящегося в Ленинградском музее Октябрьской революции, и другими источниками заставляют нас отнестись к копии с полным доверием.

---

[1] Бодлер. Цветы зла. С двумя портретами и характеристикой автора. Перевод П. Якубовича-Мельшина. Изд. тов-ва «Общественная польза». СПб., 1909.

В основу настоящего издания положено «завещание» поэта. На отдельном листке Якубович написал: «Завещаю Диме <Д. П. Якубовичу> или другому, кому он передаст право на издание моих стихотворений при действительной свободе слова в России». На странице, предшествующей титульному листу, Якубович сделал указание: «Материал для 7 и 8 издания. Во всех посмертных изданиях моих стихов убедительно прошу наследников моих и издателей не печатать ничего, не включенного мною самим в этот экземпляр. Исключением могут быть (разные — зачеркнуто) цитаты из старых тетрадей моих с целью исключительно биографической (если биография моя кого-либо заинтересует) или критической. Но все такие стихи должны печататься отдельно от собрания стихов, назначенных для большой публики. П. Я. 3.XI.1910». Дальше Якубович продолжает: «С авторскими примечаниями лучше бы издать в одном томе (Бодлер — отдельно). Желательны портреты. . .».

Авторские примечания включены нами в общий комментарий и сопровождены всюду указанием: прим. Якубовича.

Часть авторских примечаний носит текстологический характер: в них Якубович делает поправки, восстанавливает места, не пропущенные цензурой или снятые им самим ввиду цензурных осложнений («Сказочный город», «Из дневника» и др.). Иногда Якубович заменяет заглавия или снимает их («В море», «Время» и др.), дает заголовки разделам книги, меняет композиционное расположение, указывает варианты и т. п. Другая часть примечаний приближается к библиографическому комментарию: указывается первая и важнейшие публикации, устанавливается дата и место написания. Здесь встречаются ошибки памяти, во всех бесспорных случаях они нами исправлены и оговорены. Основная же масса авторских примечаний может быть отнесена к историко-литературному и «реальному» комментарию. Примечания имеются к 63 стихотворениям из 428. Из новых текстов Якубовичем на полях страниц вписано 5 стихотворений («Выбор», «М. А. Спиридоновой», «Памяти Фрумы Фрумкиной», «И жив и здрав христианин. . .», «Дед и внук»).[1] Все они не могли появиться по цензурным причинам и печатаются впервые, кроме последнего.

Настоящее издание состоит из трех разделов. Первый целиком воспроизводит издание 1910 г., кроме переводов, которые объединены в третьем разделе и дополнены переводами из других изданий. Во второй раздел вошли избранные стихотворения, не включенные в последнее прижизненное издание, а также публикуемые впервые. Несколько переводов, помещенных Якубовичем среди оригинальных стихотворений издания 1910 г. (из Конопницкой и Розенфельда), даны в первом разделе.

---

[1] Отдельно Якубович остановился в завещании на оформлении сборника: «Недурно бы, если бы позволила не слишком дорогая цена книги, украсить книгу иллюстрациями к некоторым стихотворениям: «Поздней радости» — портрет В. Н. Фигнер, напр.; вид Шлиссельбургской крепости к стихотворению «Решетки, бойницы»; к «Утесу поэта» — могила Михайлова и т. п. Фивские сфинксы над Невой, дворцы, Петропавловская крепость, Карийские, Акатуйские и Кадаинские виды — материал богатый».

За пределами настоящего издания осталась частично ранняя лирика Якубовича и большая часть его переводов, а также юношеские стихотворения и наброски из рукописной тетради и записной книжки поэта (ПД), из которых в примечаниях приводятся наиболее интересные цитаты.[1]

Композиция издания 1910 г. с учетом изменений, внесенных самим Якубовичем в авторский экземпляр, полностью сохраняется в настоящем издании.[2] Хронологический принцип, положенный в основу издания 1910 г., в отдельных случаях был нарушен Якубовичем. Почти все эти отступления от него, фиксируемые датами под текстами стихотворений, имели место в произведениях, относящихся к одному и тому же году. Учитывая то обстоятельство, что многие произведения поэта не имеют точных дат, ввиду чего перестановка их все равно не могла бы привести к установлению точной хронологии, мы не устраняли эту непоследовательность Якубовича. Перестановки произведены лишь в разделе «Приложения к юношеским стихотворениям», где хронологический порядок может быть определен без труда.

Переводы из Бодлера и Сюлли Прюдома расположены в той последовательности, в какой они напечатаны: первые — в издании «Цветов зла» 1909 г., вторые — в издании 1910 г.

Точные даты стихотворений в большинстве случаев устанавливаются по автографам и предшествующим публикациям. Если имеются две несовпадающие даты, за основу берется одна из них, как более достоверная, а в примечаниях указывается и вторая дата.

Двойные даты, отделенные друг от друга запятой, означают, что стихотворение было радикально переработано. В тех случаях, когда время написания установить не удалось, приводится дата первой публикации (в угловых скобках) или предположительная, сопровождаемая вопросительным знаком.

Место написания стихотворений, составляющих основную часть настоящего издания, указывается в тексте лишь в тех случаях, когда соответствующие пометы имеются в издании 1910 г. или в авторском экземпляре.

Тексты всех произведений печатаются по последним авторским редакциям. В тех случаях, когда в примечаниях отмечена только первая публикация, следует иметь в виду, что текст стихотворения в дальнейшем не менялся и публикуется по этому источнику. Разбивка на строфы дается всюду по изданию 1910 г.

Ввиду большого количества прижизненных изданий случаи невхождения тех или иных произведений Якубовича в состав какого-либо сборника его стихотворений не отмечались. В примечаниях указываются перепечатки стихотворений поэта в сборниках, имевших рево-

---

[1] Перечень оригинальных стихотворений, не вошедших в данное издание, см. на стр. 507.

[2] Отступление от нее допущено лишь в отношении стихотворений «Эти песни гирляндою роз...» и «Я пою для тех, чьи души юны...», которые Якубович в издании 1910 г. напечатал дважды. Первый раз под общим заглавием «Два посвящения» — в качестве посвящения ко всей книге, и второй — в разделе «На весах». Мы приводим эти стихи только в указанном разделе.

люционно-пропагандистское значение. Подпись приводится в тех случаях, когда Якубович прибегал к псевдонимам, оговариваются также анонимные публикации.

Кроме фондов центральных и областных архивов в книге использованы остатки архива Якубовича, в основном погибшего в 1919 г. в Петрограде. И. Д. Якубович в 1946 г. любезно предоставила мне копию авторского экземпляра и принимала участие в составлении биографического очерка.

Приношу искреннюю благодарность также Л. М. Добровольскому и А. В. Храбровицкому за помощь в подготовке настоящего издания.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Авт. экз. — экземпляр изд. 1910 г. (см. ниже), принадлежавший П. Ф. Якубовичу, с его пометами, поправками и примечаниями; подробнее см. выше, стр. 381.

БЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

«В грозу» — В грозу. Сборник стихов. Собрал Л. М. Василевский. СПб., изд. «Голос», 1906.

«В защиту слова» — В защиту слова. Сборник 1. Статьи, стихотворения и заметки. СПб., 1905.

«Восемь часов» — Восемь часов для труда, восемь — для сна, восемь — свободных! Песни рабочих. М., 1906.

«Вперед» — Вперед. Сборник стихотворений и песен. Сост. М. Львович. Ростов-на-Дону, изд. «Донская речь», 1906.

«Вы жертвами пали» — «Вы жертвами пали в борьбе роковой...» и др. песни и стихотворения. М., 1906.

ГЛМ — Государственный литературный музей в Москве.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области.

«Зарницы» — Зарницы. Избранные стихотворения М. Горького, П. Я., Скитальца, Тана. Ростов-на-Дону, изд. «Донская речь», 1903.

«За свободу» — За свободу! Сборник стихотворений. Ростов-на-Дону, изд. «Донская речь», 1906.

Изд. 1887 г. — Матвей Рамшев. Стихотворения. СПб., 1887.

Изд. 1895 г. — Стихотворения Бодлера. М., изд. Петровской библиотеки, 1895. Переводчик не указан.

Изд. 1898 г. — П. Я. Стихотворения. СПб., изд. редакции журнала «Русское богатство», 1898.

Изд. 1898 г. (2) — П. Я. Стихотворения. 2-е, испр. и доп. изд. СПб., изд. редакции журнала «Русское богатство», 1898. На обложке: 1899.

Изд. 1899 г. — П. Я. Стихотворения. 3-е, вновь доп. изд. СПб., изд. редакции журнала «Русское богатство», 1899.

Изд. 1901 г., т. 1 — П. Я. Стихотворения. Том 1 (1878—1897). 4-е изд. СПб., изд. редакции журнала «Русское богатство», 1901.

Изд. 1901 г., т. 2 — П. Я. Стихотворения. Том 2 (1898—1901). СПб., изд. редакции журнала «Русское богатство», 1901.

Изд. 1902 г., т. 1 — П. Я. Стихотворения. Том 1 (1878—1897). 5-е изд. СПб., изд. редакции «Русского богатства», 1902.

Изд. 1902 г., т. 2 — П. Я. Стихотворения. Том 2 (1898—1902). 2-е изд. СПб., изд. редакции журнала «Русское богатство», 1902.

Изд. 1905 г. — Из стихотворений Л. Мельшина (П. Я.) «Жизнь — борьба, а не рабство...» Ростов-на-Дону, 1905.

Изд. 1906 г. — П. Я. П. Якубович (Л. Мельшин). Стихотворения, том 2 (1898—1905). 3-е, доп. изд. СПб., изд. редакции журнала «Русское богатство», 1906.

Изд. 1909 г. — Бодлер. Цветы зла. Перевод П. Якубовича-Мельшина. СПб., изд. тов-ва «Общественная польза», 1909.

Изд. 1910 г., т. 1 — П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, том 1. 6-е изд. СПб., Книгоиздательское тов-во «Просвещение», 1910.

Изд. 1910 г., т. 2 — П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, том 2. 4-е, испр. и доп. изд. СПб., Книгоиздательское тов-во «Просвещение», 1910.

«Отклик» — Отклик. Литературный сборник. В пользу студентов и слушательниц Высших женских курсов города СПб. СПб., 1881. Экземпляр без цензурных пропусков — в ГПБ.

«Очерки» — Л. Мельшин (П. Ф. Гриневич). Очерки русской поэзии. СПб., 1904.

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР (Ленинград).

«Перед зарею» — Перед зарею. Сборник стихотворений и рассказов. Вып. 1. СПб., 1909.

«Перед рассветом» — Перед рассветом. Сборник революционных песен и стихотворений. Составила В. Перова. <В. М. Бонч-Бруевич>. Женева, изд. «Искры», 1905 (Российская социал-демократическая рабочая партия).

«Песни борьбы», 1902 — Песни борьбы. Сборник революционных

стихотворений и песен. Изд. Союза русских социал-демократов. Российская социал-демократическая рабочая партия. Женева. 1902.

«Песни борьбы», 1906. — Песни борьбы. Иллюстрированный сборник, составленный Л. Горбуновой. М., «Молодая Россия», 1906.

«Песни свободы» — Песни свободы. СПб , 1905.

«Песни труда и неволи» — Песни труда и неволи. СПб., изд. Вятского тов-ва, 1907.

«Под гнетом самодержавия» — Под гнетом самодержавия. Сборник революционных стихотворений. Составил Г. Верин. Давос, изд. акц. об-ва давосской типографии, 1904 (Русская свободная библиотека, № 1). На обложке: портрет П. Якубовича.

Попов — И. И. Попов. Петр Филиппович Якубович. М., изд. об-ва политкаторжан, 1930.

РБ — «Русское богатство».

«Революционные песни» — Революционные песни. Женева, изд. Г. А. Куклин, 1903 (Библиотека русского пролетария, № 32).

«Русская муза» — Художественно-историческая хрестоматия Русская муза. Составил П. Я. Переработанное и дополненное издание. СПб., 1908.

Тамбовский архив — Тамбовский областной исторический архив. Дело Тамбовского губернского жандармского управления (ф. 31, оп. 47, ед. хр. 27).

Тобольский архив — филиал Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске. «Дело Тобольского губернского управления о государственном преступнике Петре Якубовиче и жене его Розе, урожденной Франк» (ф. 152, оп. 15, ед. хр. 29).

ЦГАВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского флота (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив СССР (в Ленинграде).

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив СССР (в Москве).

К стр. 53.

I

I. НА ВЕСАХ
(1878—1884)

П а д а ю щ а я з в е з д а. Впервые — «Живописное обозрение», 1883, № 45, стр. 298, без заглавия. С исправлениями — изд. 1887 г., стр. 39. С новыми исправлениями — изд. 1898 г., стр. 103. Печ. по изд. 1899 г., стр. 151. Автограф первоначальной редакции, озаглавленный: «Ангел», с пометой: «28 января 1882, 2 часа ночи, в постели. Переделано из стих. 78—79 г.» — в ПД. Автограф окончательной редакции — в альбоме автографов Г. Л. и А. П. Кравцовых (архив С. А. Венгерова, ПД), датировано 23 октября 1883 г. В изд. 1899 г. дата: 1879. В «Падающей звезде» продолжена тема лермонтовского «Ангела» (отсюда и первоначальное название стихотворения). Переведено П. Грабовским на украинский язык.

В е с е н н я я с к а з к а. Впервые — «Отклик», стр. 382, подпись: П. Я., откуда было вырезано цензурой. С исправлениями — «Устои», 1882, № 9—10, стр. 100. В новой, приспособленной к цензурным условиям редакции — изд. 1887 г., стр. 112 (здесь Царь-Мороз был превращен в Деда-Мороза, было дано отвлекающее цензуру заглавие «Весна» с посвящением памяти Пушкина). С небольшим исправлением — изд. 1898 г., стр. 104. С новыми исправлениями — изд. 1901 г., стр. 10. Еще с новыми исправлениями — изд. 1902 г., стр. 7. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 8, где стихотворение было сокращено и стилистически переработано. Текст стихотворения складывался постепенно: «Первый вариант написан осенью 1878 г. под впечатлением одной красноречивой лекции проф. Ореста Миллера о народной поэзии. А. К. Шеллер-Михайлов хотел напечатать эти стихи в журнале «Дело», и они были уже набраны для 12-й книжки, но в числе других же стихотворений (помнится, 16) моих «Весенняя сказка» была зачеркнута цензором, и в декабрьской книжке «Дело» появилась только одна моя пьеска «Моя дорога». Вторая попытка напечатать «Весеннюю сказку» была сделана мною лишь несколько лет спустя в студенческом сборнике «Отклик», но представленный в цензуру почти одновременно с событиями 1 марта 1881 г. сборник был задержан, и стихотворению дали тенденциозное толкование, особенно стиху «Гнутся гордые колени». В следующем, 1882 г., С. А. Венгеров напечатал «Весеннюю сказку» в своем журнале «Устои». Окончательная отделка формы сделана мною уже в крепости» (прим. Якубовича). С. А. Венгеров использовал совет автора, как обойти цензурные препятствия (письмо Якубовича С. А. Венгерову от 21 июня 1882 г., ПД). В 1878 г. цензор Сватковский запретил «Весеннюю сказку» в числе других стихотворений Якубовича, до нас не дошедших («Спящий великан», «День прошел»), в которых «говорится о страданиях народа, о муках его, угнетении и борьбе народной». На «Весенней сказке» он остановился особо: «Хотя здесь представляется борьба Царя-Мороза с весенним солнцем, но наряду с другими статьями журнала «Дело», а именно со статьями о Французской революции и английской при Карле I, которые будут помещены в той же книжке, это стихотворение

(«Весенняя сказка») может принять особый оттенок, представить борьбу правительства с новыми идеями и победу новых идей. Имея в виду, что при полной неопределенности мысли все эти стихотворения, назначенные для журнала «Дело», могут быть поняты как выражающие гражданскую и народную скорбь, гнет народа и борьбу его с властями, цензор полагал бы не дозволять эти стихотворения для журнала „Дело"...» (ЦГИАЛ, Дело С.-Петерб. ценз. комитета по изданию... журнала «Дело». 1866, № 298, т. 7. Журнал заседаний 20 декабря 1878 г.). Цензурой было установлено, что сказку Якубович для «Отклика» сдал дополнительно в печать 1 апреля 1881 г., т. е. после цареубийства. Написанная «просто, образно, но глубоко впечатлительно», она давала «повод к предосудительным сопоставлениям» с событиями 1 марта (ЦГИАЛ, Дела С.-Петербургского цензурного комитета и Главного управления по делам печати «О бесцензурной книге „Отклик"». 1881, № 42 и 345). В 1884 г. Ф. П. Еленев (в то время исполняющий должность начальника Главного управления по делам печати) писал, что в «Отклике» были помещены произведения «с явным сочувствием к злодеянию 1 марта: они-то... и составляли «отклик» на это событие. Особенно было ужасно стихотворение «Весенняя сказка», изображавшая гибель Царя-Мороза под лучами взошедшего весеннего солнца». Он ее назвал «преступной прокламацией» (Ф. Еленев. Наше молодое поколение. М., 1900, стр. 24).

Под снегом. Впервые — «Отклик», стр. 296, подпись: П. Я. Печ. по изд. 1899 г., стр. 159. «Было напечатано осенью 1881 г. в «Отклике» взамен одного из вырезанных цензурой моих стихотворений. Рецензент «Русской мысли» назвал его, помнится, хорошим, но подражательным Некрасову стихотворением. Раньше я давал эти стихи только в «Слово». Редактор стихотворного отдела Аполлон Жемчужников стихи похвалил, но не напечатал, по-видимому из цензурных соображений» (прим. Якубовича).

Тревога. Впервые — «Отклик», стр. 382, вместо вырезанной цензурой «Весенней сказки», под заглавием «Призыв». Здесь после 2-й строфы — одно и после 5-й строфы — два четверостишия с некрасовскими интонациями, при позднейшей переработке исключенные. В изд. 1887 г., стр. 44, была введена 6-я строфа. Без 6-й строфы — изд. 1898 г., стр. 147. Печ. по изд. 1899 г., стр. 221. «Первый вариант относится еще к 1877 г., к периоду моей первой влюбленности (в гимназистку Антонину Михайловну М-р-ву)» (прим. Якубовича). Фамилию ее установить не удалось. Автографы — в ПД, один датирован: 18 июня, ночь 1881. Приводим конец одного варианта:

О, взгляни, как звезды ясные
Смотрят кротко и тепло:
Видно, есть в них вера страстная,
Что сильнее правда ясная,
Чем ликующее зло.

...В битве с жизнью — пошлой, дикою,
Утопающей в крови —

Тяжело нести великое
Знамя братства и любви...

К свету. Впервые — «Отклик», стр. 54, вместо вырезанных цензурой стихотворений «В театре» и «Упреки». Печ. по изд. 1899 г., стр. 56, где дано в новой редакции. В автографах ПД заглавия: «Над бездной», «Вперед».

Битва жизни. Впервые — «Отклик», стр. 28, под заглавием «Упреки», откуда было вырезано цензурой. Вторично — «Вестник Народной воли», Женева, 1885, № 4, стр. 126, с разночтениями и эпиграфом из Ш. Бодлера (с перестановкой 2-й и 3-й строк оригинала):

Je suis — la plaie et le couteau,
Je suis — le soufflet et la joue,
Je suis — la victime et la roue,
Et les membres et le bourreau! [1]
Ch. Baudelaire

Эпиграф взят из стихотворения «L'héautontimorouménos» («Самобичующий»). С исправлениями — изд. 1898 г., стр. 31. Печ. по изд. 1901 г., стр. 33. Черновой автограф — в тетради юношеских стихов с указанным эпиграфом из Ш. Бодлера и посвящением В. Ш.-ву (В. Н. Шеталову), другу-студенту, с которым Якубович издавал «Отклик», с пометой: «СПб. Между 20 ноября и 1-м декабря <1880>, написано вечером, в течение двух часов (если не меньше)» (ПД). В архиве С. А. Венгерова (ПД) — беловой автограф под заглавием: «Над побежденными (Из Октава Мелье)», с припиской автора: «Мелье — поэт мало известный даже на родине, потому, конечно, что он воспевал скорби и радости «кружка». Он был расстрелян в числе других коммунаров, и таким образом смерть прекратила его борьбу с собою, с источником всех страданий. Стихотворения Мелье интересны для нас, конечно, только как художественные произведения, раскрывающие психику современного Терсита (хотя бы и в лагере «заблудшихся»)». Ниже помечено: «Licentia poetica» (т. е. «Поэтическая вольность»). В связи с этим стихи 55—57 даны в следующей редакции:

Где ты был, когда битва стонала кругом,
Длились схватки упорные, шумные?
О, уйди же, уйди! Будь ты проклят, Терсит!

Терсит — образ трусливого уродливого грека в «Илиаде», которого Одиссей побил жезлом за непристойные речи. Стихотворение оригинальное, а не перевод. Приписка сделана в целях самозащиты. Позже это стихотворение под заглавием «Расстрелянные» было приобщено

[1] Я в одно и то же время и рана и нож, и пощечина и щека, и жертва и колесо, и члены тела и палач! *Ш. Бодлер.*

к следственному делу Якубовича и ему не хотелось выдавать его за оригинальное (ЦГВИА, Дело Петербургского военно-окружного суда, 1887, № 298). «Стихотворение это (первоначальное заглавие «Упреки») вылилось у меня осенью 1880 г. почти экспромтом, из действительно наболевшей юной души, и, несмотря на примитивность и наивность формы, получило среди тогдашней петербургской молодежи широкое распространение. С автором пожелал, между прочим, познакомиться А. И. Желябов; был назначен уже и час свидания, но что-то задержало в тот вечер «Тараса», и я так и не познакомился с знаменитым вождем народовольцев...» (прим. Якубовича). Современники подтвердили, что стихотворение, «широко распространенное в рукописях, обратило на себя внимание А. И. Желябова» (Попов, стр. 10), и отмечали сильное впечатление, которое производило оно на бурных вечеринках 1880-х годов, во время чтения которого «даже наиболее скептически настроенные субъекты как-то примолкали и задумывались» (В. И. Дмитриева. Так было. М. — Л., 1930, стр. 270). Стихотворение было также популярно в 1905—1907 гг. и вошло в ряд революционных сборников: «Зарницы», «Песни свободы», «Песни борьбы» (1906). Стихотворение преследовалось цензурой и после смерти автора. В 1913 г. инспектор по делам печати В. Канский отметил, что в стихотворении «Битва жизни» «...в аллегорической форме описываются и восхваляются бунтовщические стремления и выступления, убитые революционные деятели выставляются достойными подражания борцами за правду и героями». На сб. «Из стихотворений Л. Мельшина (П. Я.). „Жизнь — борьба, а не рабство“». Ростов-на-Дону, 1905, где было напечатано стихотворение, наложили арест, а против издателя Н. Е. Парамонова возбудили судебное преследование (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1913, № 384, «О наложении ареста на брошюру под названием «Из стихотворений Л. Мельшина (П. Я.). „Жизнь — борьба, а не рабство...“»).

«В час веселья и шумной забавы...». Впервые — «Отклик», стр. 2, откуда было вырезано цензурой. С исправлениями — «Отечественные записки», 1882, № 8, стр. 396. С новыми исправлениями — изд. 1887 г., стр. 46, где 1-я строфа состояла из 14 стихов. С незначительными исправлениями — изд. 1898 г., стр. 36. Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 21. В автографе первоначальной редакции (ПД) разночтение в стихе 1. В изд. 1910 г. дата: 20 ноября, в автографе ПД — 22 ноября 1880. «По поводу этих погибших в «Отклике» стихотворений («Битва жизни» («Упреки»), «В театре», «В час веселья», «Весенняя сказка») надо отметить, что они были написаны и даже впервые напечатаны (в злополучном «Отклике») еще в ту пору, когда о Надсоне никто ничего не слышал. Он же печатался у Вагнера в «Свете», но стихи были заурядные. Первое его стихотворение, «ударившее по сердцам» (и по моему в том числе), появилось в январской книжке «Слова» за 1881 г. <«Друг мой, брат мой...»>. Между тем не только дух, но и самая форма этих пьес поразительно напоминает Надсона (ср., например, «В час веселья...» и «Я вчера еще рад был отречься от счастья...»). Очевидно, о каком-либо подражании не могло быть речи. Но дело в том, что поэзия Надсона и моя, несо-

мненно, питались одним и тем же настроением эпохи, вытекали из одного источника. Только Надсон был несравненно крупнейший поэт и, *главным образом, поэт*, и... я скоро потонул в лучах его быстро нараставшей известности, да к тому же поток революционный унес меня...» (прим. Якубовича).

Успокоение. Впервые — «Вестник Европы», 1882, № 8, стр. 536. Автограф ПД датирован: «Ночь с 20 на 21-е декабря. Нов<город>» и отнесено к циклу «Ночи».

В театре. Впервые — «Отклик», 1881, стр. 144, откуда было вырезано цензурой. С исправлениями — «Вестник Европы», 1882, № 8, стр. 534, под заглавием: «В опере». С исправлениями и под названием «Фауст» — изд. 1887 г., стр. 53. Печ. по изд. 1898 г., стр. 34. В изд. 1898 г. дата: 1880. Черновой автограф, озаглавленный «В опере», с пометой: «4-го января <1881>. 10 часов вечера: Задумано давно. Новг<ород>» — в ПД. Беловой автограф — в архиве С. А. Венгерова (ПД). Обращено к курсистке Анне Михайловне Шеталовой, на что указывает приписка автора к стихотворению: «Вторая по счету любовь моя звалась — Анной Михайловной М-л-ой» (прим. Якубовича). Девичью ее фамилию установить не удалось; Шеталова — фамилия по мужу И. И. Шеталову. После каторги Якубович сохранял с А. М. Шеталовой дружеские отношения. История их взаимоотношений частично раскрывается в письмах А. М. Шеталовой и Якубовича к В. Н. Шеталову, приведенных последним в его неопубликованных «Воспоминаниях» (ЦГАЛИ). В 1913 г., после смерти поэта, запрещая стихотворение «В театре», цензура отмечала, что в нем «затрагиваются социальные вопросы... тенденциозно подчеркивается противоречие классовых интересов» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1913, № 384, «О наложении ареста на брошюру под названием «Из стихотворений Л. Мельшина (П. Я.) „Жизнь — борьба, а не рабство“...». *Не преступленье ль — минута веселая* и т. д. Якубович писал о моральном кодексе поколения 1870-х годов: «Высокоразвитая личность иначе не представляет себе личного счастья, как справедливо выделенной из общего блага доли, и если общество страдает — она органически неспособна чувствовать довольство и счастье» («Очерки», стр. 402). А. Е. Редько в статье «П. Я. и Мельшин» (РБ, 1911, № 4, стр. 103) отметил: «Теперь, через 30 лет, это терзание из-за «счастливых минут» кажется психологически чрезмерным. Но для современников П. Я. психологически невозможным казалось как раз обратное: возможность спокойно отдаваться личной радости, личному счастью... Они чувствовали себя родившимися без права на личную радость». Через 20 лет Е. Чириков написал очерк «Фауст» на эту же тему (впечатление от оперы Ш. Гуно «Фауст»), где привел своих молодых героев другой эпохи к противоположным выводам: в театре у них «пропадала злоба и досада... на душе прояснялось, затихало, становилось все спокойнее и спокойнее, словно разбереживаемая рана наконец затянулась и перестала ныть и тревожить...» («Жизнь», 1900, т. 5, май, стр. 201). Стихотворение созвучно сатире Некрасова «Балет».

К стр. 64—66.

Обделенные. Впервые — изд. 1899 г., стр. 58, с пропуском по цензурным причинам стихов 21—24. В изд. 1901 г., стр 41, эта купюра была восстановлена. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 27 (здесь слова «сытый фарисей» были заменены: «сытый иерей»). Черновой автограф (ПД) — «жирный иерей». Здесь дата: 3 сентября 1881. Беловой автограф с пропусками стихов 21—24 и фиктивным подзаголовком «Из Чезаре Никколини» — в ЦГАЛИ. Первоначальное заглавие в автографах ПД: «Размышления у могил бедняков» и «Кладбище бедняков». Написано в Новгороде. Якубович заметил: «Не очень люблю это стихотворение. Быть может, отнести его в «Приложения»?» (прим. Якубовича). *Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия. *Горé* — в небе, в вышине. *Юдоль* — жизнь с ее заботами и печалями.

Над рекою. Впервые — «Живописное обозрение», 1883, № 47, стр. 322 С переработанной 3-й строфой — изд. 1887 г., стр. 47. Печ. по изд. 1901 г., стр. 44. Написано, как и следующее, «в 1881 г., последним летом, которое провел я в Новгороде» (прим. Якубовича). Якубович упорно работал над текстом. В черновых автографах ПД, датированных 27 и 28 июня 1881 г., начало: «Я плыл широкою рекою...». Приводим стихи, следовавшие после 5-й строфы и не вошедшие в печатные тексты:

...Кто не страшится пасти темной
Ревущих яростно пучин,
Кто направляет челн свой смело
Вдали от сонных берегов,
Кто спорит бодро и умело
С громадой белою валов,
Кто не заснет, как тот беспечный,
Что бросил руль свой и весло, —
Таких волною быстротечной
В водоворот всегда несло.
...Кто, водрузивши стяг свободы
Над непокорною волной,
Наполнит дни, наполнит годы
Непримиримою борьбой, —
Так думал я, плывя рекою...

По теме и настроению созвучно стихотворению М. Л. Михайлова «В молчаньи грустном мы стояли...».

«Я твой, Земля! Твои страданья...». Впервые — РБ, 1882, № 4, стр. 81. С исправлениями — изд. 1887 г., стр. 52. Без 2-й строфы и с исправлениями в последней — изд. 1898 г., стр. 38. С новыми исправлениями — изд. 1899 г., стр. 62. В другой редакции — изд. 1901 г., т. 1, стр. 46. Печ. по изд. 1902 г., т. 1, стр. 44. Часть автографа — в записной книжке (ПД). «Друзья считали это стихотворение очень характерным для моего жизнерадостного характера» (прим. Якубовича). *Дольной* — земной.

«Одолели думы мрачные...». Впервые — «Мир божий», 1899, № 10, стр. 20. Печ. по изд 1901 г., т. 1, стр. 50. Черновой автограф с пометой: «X—XI?? 82. Воскресенье. Накануне: Р<усского> б<огатства> и...», с посвящением: Р. Ф., т. е. Розе Франк, — в ПД. Загадочная помета поддается расшифровке: написано в октябре-ноябре 1882 г. в воскресенье, накануне вступления в артельное «Русское богатство» и в народовольческую организацию. Решение Якубовича вступить в народовольческую организацию возникло в июле 1882 г., сразу же после окончания университета, но организационно оно было оформлено осенью 1882 г. (см. примечание к стихотворению «Рассеян мрак, завеса поднята! ..», стр. 396).

«Над рощей пальм луна в раздумье встала...». Впервые — «Живописное обозрение», 1883, № 1, стр. 2, под заглавием «Греза». С исправлениями — изд. 1887 г., стр. 35. В изд. 1899 г., стр. 211, под заглавием «Акварель». Печ. по изд. 1901 г., т. 1, стр. 51, где опущены 3-е и 4-е четверостишия. *Над рощей пальм* — экзотический фон дан с целью зашифровать личный неудачный «роман» с Елизаветой Петровной Константиновой (Глебовой) — медичкой, подругой Р. Ф. Франк. Глухое упоминание о ней — в примечаниях Якубовича: «Эта и следующая пьески внушены третьим моим, неудачным романом (Елиз<авета> Петр<овна> Кон-ва)». В записной книжке поэта имеется набросок плана задуманного автобиографического рассказа «Лиза Глебова», в котором содержится намек на роман с Константиновой: «На фоне студенчески-радикальной жизни и идеальных порываний. Сначала как будто взаимная, хотя и невысказ<анная> любовь, затем разлад и расхождение» (ПД). Это было недолгое, но сильное увлечение Якубовича, окончившееся разрывом, судя по стихам, на идейной основе. В тетради юношеских стихов есть раздел: «Стихотворения, посвященные Е.-ст-ой» — Е. Константиновой. Кроме того, к ней обращены стихотворения: «Будто скрипка вдали замирая...», «Рассеян мрак, завеса поднята! ..», «Я утомлен, истерзан мелкой ролью», «В альбом Е. П. К.» («Как все кругом, бездельничаю я...»; «Я твой смех беспечный, резвый...»; «Разный путь перед нами лежит...»). Датированы с 14 июля по 7 августа 1882 г. Расставаясь с Константиновой, Якубович писал:

Разный путь перед нами лежит.
Расставание наше — без слез!
Если сердце мое в глубине и болит,
Для тебя это — праздный вопрос.

Для меня же всё ясно давно:
Не мечтать нам об общем труде,
И друзьями, как некогда, быть мудрено.
До свидания ж, барышня! .. где?

До свидания там, где звучать будет смех,
Где греметь будет вальс, украшающий пир,

К стр. 68—69.

Где ты вскружишь, конечно, поклонников всех...
До свидания! Прошлому — мир!

7 августа 1882, ночь (ПД).

«Я твой смех беспечный, резвый...». Впервые — «Живописное обозрение», 1884, № 12, стр. 179, за подписью: П. Павлов. Со значительными исправлениями — изд. 1887 г., стр. 37. Печ. по изд. 1901 г., т. 1, стр. 52. 2-я и 3-я строфы первой публикации:

Он звенел, — в моем же сердце,
Смеху звонкому в ответ,
Никогда не пробуждалось
Чувство радости, о нет!

Я страдал. Бывает часто,
Что беспечное дитя
В незажившей ране сердца
Вызывает боль, шутя.

Черновой автограф с датой: «7 августа, ночь, 1882» — в ПД. Обращено, как и предыдущее, к Е. П. Константиновой. Положено на музыку Р. М. Глиэром.

Решение. Впервые — «Дело», 1883, № 5, стр. 267, под заглавием «Раздумье», с цензурными пропусками стихов 23—24, обозначенными точками, и пропуском заключительных стихов 30—45. Вместо стихов 29—34 шли 10 стихов в другой редакции, а вместо стихов 37—38 шли еще 10 стихов, тоже в другой редакции. Под заглавием «Дума», с новыми исправлениями, цензурными смягчениями и новым цензурным пропуском еще двух стихов 37—38 — изд. 1887 г., стр. 56. Под заглавием «Решение», с исправлениями и с восстановлением стихов 29—40 в новой редакции — изд. 1899 г., стр. 226. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 36, где впервые восстановлены заключительные стихи. Автограф — ПД. Цензурную историю стихотворения в связи с публикацией его в журнале «Дело» см. ЦГИАЛ, Дело С.-Петербургского цензурного комитета по изданию журнала «Дело», 1866, № 76. Здесь же хранится корректура первой публикации, где цензором были зачеркнуты следующие 8 строк:

О, мой друг! Всем существом я знаю,
Глубиной нелживых мук моих,
Сознаю и смело утверждаю:
Много нас — тоскующих, больных!
О, откуда этот лед в сомненьях,
Столь упорных, этот яд в сердцах,
Эта нервность странная в движеньях,
Бледность лиц, задумчивость в глазах?..

Цензор Коссович докладывал о стихотворении: «В обращении к какой-то милой — к сестре-другу автор сетует на какую-то тоску и какие-то

страдания, одолевающие всех; эти, одолимые мукою, стонут от боли и взывают: «Скоро ли заря?» и таких тоскующих и больных много. В заключение, намекнув, что ему известен смысл такого недуга, автор с энергией взывает: «Пора идти на труд великий!» — ибо нет предела безмолвию и тупому ожиданию. По явной тенденциозности стихотворения, заявляющего о необходимости борьбы и какого-то подвига против удручающего будто бы всех гнета, цензор не считает стихотворение «Решение» удобным к дозволению» (ЦГИАЛ, там же). «Решение» — «первое стихотворение, посвященное Р. Ф. Франк, будущей моей жене» (прим. Якубовича). Написано в связи с решением поэта вступить в революционную организацию.

Над могилой друга. Впервые — «Живописное обозрение», 1882, № 43, стр. 678, под заглавием «К портрету», со значительными цензурными пропусками. С исправлениями — изд. 1902 г., т. 1, стр. 54, где восстановлены цензурные пропуски. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 38. Написано «по поводу смертного приговора (14 сентября 1882 г.) над университетским товарищем моим О<сипом> И<вановичем> Нагорным» (прим. Якубовича). Смертный приговор Нагорному (1857—1914) был вынесен 14 сентября 1882 г.; эта дата и в автографе стихотворения, озаглавленном «О. И. Н.» (ПД). Якубович упорно работал над стихотворением. В черновых набросках к нему есть «эзоповские» строфы:

Давят нас своды темницы:
Ясное небо над ними —
Реют там вольные птицы,
Нам бы, товарищи, с ними!
Нам бы да грозную силу,
Силу героя Самсона:
Рухнули б мрачные стены,
Стены твердынь Вавилона!

13—14 сентября 1882 г. в Петербурге военно-окружной суд рассматривал в атмосфере безгласности дело об убийстве шпиона Прейма, совершенном на Смоленском поле рабочим Евсеевым 29 июня 1881 г. По этому делу было арестовано до 30 рабочих и бывший вольнослушатель Петербургского университета Осип Нагорный, который был известен в рабочей среде под кличкой Еремея. Суд приговорил Нагорного и Евсеева к смертной казни через повешение, замененной вечной каторгой, которую разделили и другие обвиняемые. «Я искренне считал его в то время невиновным в этом деле, так как случилось оно летом 81 г., когда я уезжал в Новгород. Ему же посвящены теплые строки в «Сказочном городе», но впоследствии, встретившись на Каре, мы разошлись» (прим. Якубовича). Разрыв объясняется идейными причинами: Нагорный отошел от революционной борьбы (см. Воспоминания В. И Шеталова, ЦГАЛИ). На процесс Нагорного откликнулась «Народная воля» (см. «Листок Народной воли», № 1, 20 июля 1883 г., хроника арестов; автор заметки, вероятно, Якубович). *Не плачу я* — отклик на «Реквием» Л. И. Пальмина («Не плачьте над трупами павших борцов»).

К стр. 70—72.

«Рассеян мрак, завеса поднята!..». Впервые — «Отечественные записки», 1882, № 12, стр. 571. С исправлениями — изд. 1887 г., стр. 64. Печ. по изд. 1901 г., т. 1, стр. 55. В черновом автографе ранней редакции (ПД) революционная идея подчеркнута резче:

Пусть там опасен каждый шаг.
Идем туда, где глубже мрак!
Но в этот мрак бойцам идти:
Ведь солнце с запада не встанет!..

Входило в сб. «Песни свободы». См. примечание к стихотворению «Юноше», стр. 397. Написано 24 июля 1882 г. в связи со вступлением в члены партии «Народная воля»: «Осенью 1882 г., действительно, я наконец успокоился душевно: одна чашка «весов» окончательно перетянула; и я официально вступил в одну из народовольческих организаций» (прим. Якубовича). Этому решению предшествовали мучительные колебания, терзавшие Якубовича полтора года. В неопубликованном стихотворении «Колебание», датированном 29 декабря 1880 г., он писал:

Мечта зовет меня далеко,
Дает мне в руки грозный меч,
Влагает пламя жизни в око,
В уста пророческую речь.

...«Иди за мной!» Суровый шепот
Зовет меня к борьбе, к труду...
Когда же волю я найду,
Смиривши сердца страстный ропот,
Ответить гордо: «да, иду!» (ПД)

Помещено в тетради среди стихотворений, посвященных Е. Константиновой (см. о ней примечание к стихотворению «Над рощей пальм луна в раздумье встала...», стр. 393). Перед окончательным разрывом с ней Якубович писал:

Но, глядя в будущность с сердечною тревогой,
Хотел бы я узнать: какой дорогой
Пойдете вы?
...На жизнь вы смотрите ребячески шутя:
Она для вас — игрушка и забава... (ПД).

Перед вступлением в «Народную волю» Якубович поставил крест на некоторых интимных привязанностях: 22 июля 1882 г. он напоминал ей же:

Кто вражде отдается священной,
Забывает о счастье любви (ПД)

Завеса поднята! и т. д. Полемически направлено против пессимистического стихотворения С. Я. Надсона «Завеса сброшена: ни новых увлечений...», написанного в том же 1882 г. *Пусть мертвых мертвые*

хоронят! и т. д. Эти строки процитировал П. Грабовский в начале своего стихотворения, посвященного Якубовичу: «До великоруського поэта Рамшева» (П. Грабовський. Вибрані твори. Київ, 1949).

Юноше. Впервые — «Отечественные записки», 1882, № 12, стр. 570. Без заглавия и с значительными цензурными смягчениями — изд. 1887 г., стр. 66, где стих 10-й печатался: «Жизнь — борьба, а не сон». С исправлением последнего стиха, вызванном цензурными соображениями, — изд. 1898 г., стр. 42. Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 40. В авт. экз. примечание: «Как и предыдущее стихотворение, напечатано в декабрьской книжке «Отечественных записок» за 1882 г. Последний стих там читался: «До конца свою злобу святую и месть». Позднейшее исправление было вызвано вначале цензурными соображениями, а теперь я сам не знаю — что лучше или хуже. . .». Д. П. Якубович тут же отметил: «В красной тетради рукописных стихов — „свою злобу святую и честь“». Датируется по автографу ПД. Цензор Н. Лебедев потребовал вырезки из номера «Отечественных записок» стихотворений Якубовича: «Рассеян мрак, завеса поднята! . .» и «Юноше», «отличающихся, — по его словам, — крайней тенденциозностью и заключающих в себе воззвание к молодым людям, чтобы они не падали духом, а боролись до конца, сохранив свою злобу и месть, и знали, что истинное счастье там, где тревоги и ненастье, и что только трусы и глупцы довольствуются призрачным счастьем». Стихи Якубовича были вырезаны в части тиража журнала (ЦГИАЛ, Дело С.-Петербургского цензурного комитета «По изданию журнала „Отечественные записки“», № 60. Журнал заседаний 15 декабря 1882 г.). Современная критика указывала, что в этом стихотворении Якубович смотрит в будущее с непоколебимою верою и стремится юношеству «внушить эту самую веру, которая одна только и может быть залогом борьбы и победы» («Сын отечества», 1897, № 331, 5 декабря).

Пловцы. Впервые — «Вестник Народной воли», Женева, 1885, № 4, стр. 131, где завершало цикл «Из песен о молодом поколении»; без заглавия, подпись: Я. В легальной печати впервые — «Мир божий», 1898, № 6, стр. 268, с эпиграфом из стихотворения Некрасова «В больнице»:

Братья писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое. . .

С исправлениями — изд. 1898 г. (2), стр. 9. Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 41, где исправлен предпоследний стих. Черновой автограф с датой: 27 июня 1882 г., начинающийся словами: «Не пора ль уснуть спокойно, братья? . .», — в ПД. Здесь была заключительная строфа — ответ скептикам на их вопль о бесполезности борьбы, брошенный «мечтателям»:

Подавивши жгучее сомненье,
В путь идем — «мечтатели-глупцы»!
Нас другое сменит поколенье,
Утомленных — бодрые бойцы!

Пользовалось большой популярностью в революционной среде. Переведено на английский язык Шарлоттой Сидгвик (Sidgwick) под заглавием «Моряки» («The marinners») и опубликовано Ф. В. Волховским в Лондоне, в «Свободной России», в связи с возвращением Якубовича из ссылки («Free Russia», 1900, т. 11, № 5, стр. 50). Вошло в «Новый сборник революционных песен и стихотворений». Париж, 1898; «Сборник революционных песен и стихов». Берлин, 1906, стр. 58. *Гибни, гибни, беззащитный челн!* — перефразировка стихов А. И. Полежаева: «Тонет, тонет Мой челнок!» («Песнь погибающего пловца»). В отличие от Полежаева, у Якубовича нет пессимистического конца.

Спор. Впервые — «Дело», 1883, № 2, стр. 120. С исправлениями и заглавием «Из былого» — изд. 1898 г., стр. 139. С исправленной 3-й строкой — изд. 1901 г., т. 1. стр. 58. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 42. Датируется по автографу ПД. В 1883 г. было напечатано стихотворение С. Надсона «Мы спорили долго — до слез напряженья...», очень близкое к стихотворению «Спор» по теме, настроению и лексике. «Известное стихотворение Надсона «Мы спорили долго...» появилось в январской кн. «Отечественных записок», 1883, мое — в февральской «Дела». Помню, что я лично ходил к цензору (Коссовичу) защищать эти свои стихи и какую-то маленькую пьеску Надсона (тоже для «Дела») о дворцах и происходящих в них пиршествах (как раз в эту зиму в Зимнем дворце шли балы за балами). После долгого спора цензор согласился пропустить мое стихотворение, но наотрез отказался подписать надсоновское. Неужели я не так горячо отстаивал его? .. Оно погибло, по-видимому, бесследно и безнадежно... Помню только, что стихи были прелестные... Размер, кажется, амфибрахий, не больше 20 строк» (прим. Якубовича). Тема идейных споров была типична для искусства 1880-х годов, о чем, между прочим, свидетельствует известная картина И. Е. Репина «Сходка», написанная тоже в 1883 г. Картина передает тревожную атмосферу идейных исканий передовой интеллигенции 1880-х годов, выраженных в стихотворении «Спор». *Враги меж друзей находились* — у Надсона: «Друг в друге врага мы старались найти». *Внезапным и страшным рыданьем* — у Надсона: «Минута, и хлынули страстно они <слезы>». *Уж лампа, мигая, светила тусклей* — у Надсона: «Свет лампы, мерцая, краснел и сливался». *Светало... румянец морозной зари* — у Надсона: «Рассвет... с торжественным блеском зари золотой». Однако у Якубовича спорят разночинцы в «каморке убогой», у них «дырявые пледы», у Надсона иные детали, более «литературные»: в комнате — рояль, на котором исполняют песню «любви и печали». *Фивские сфинксы.* Имеются в виду две скульптуры египетских сфинксов из красного гранита, найденные при раскопках в Фивах и вывезенные в Петербург в 1832 г., где они были установлены на набережной Невы.

«Эфемерным блистая нарядом...». Впервые — «Новое слово», 1896, декабрь, кн. 3, стр. 210, в составе цикла «На заре жизни», подпись: П. Я. С исправлениями — изд. 1898 г., стр. 56. Печ. по изд. 1901 г., т. 1, стр. 59. Автограф — в ПД. Обращено к

Р. Ф. Франк. Якубович вспоминал «с грустью и любовью» 1883 г. как «один из самых бурных годов своей молодости; комнатка моя, крошечная 10-рубл<евая> комнатка, была во дворе... в четвертом этаже» (письмо к Н. К. Михайловскому от 27 февраля 1898 г., ПД). Современная критика отметила, что в этом стихотворении «любовь, воспеваемая П. Я., является не... растлевающею, низменно-чувственною, эгоистической любовью... Поэт подразумевает любовь духовную, святую, которая будит в человеке все высшие инстинкты и вдохновляет его на борьбу и подвиги» («Сын отечества», 1897, № 331, 5 декабря). *А душе так мучительно мило* — цитата из «Крестьянских детей» Некрасова («русской душе так мучительно мило...»).

Меч и лира. Впервые — отрывок из 4-й главки (стихи 5—40, т. е. наиболее революционные строки) — «Дело», 1884, № 1, стр. 290, под заглавием «Пророчество» и с фиктивным подзаголовком: «Из „Ирландских песен" О'Коннора»; полностью, под заглавием «Пророчество феи» и с эпиграфом из стихотворения Некрасова «Зине» («Мне борьба мешала быть поэтом, Песни мне мешали быть бойцом»), — изд. 1898 г., стр. 11, с пропуском в 9-й главке по цензурным мотивам стихов 5—9 (о борцах и «великой битве»). С новыми исправлениями и под принятым заглавием — изд. 1898 г. (2), стр. 19—30. Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 47. «„Меч и лира" — любимые стихи жены (тогда еще невесты) моей, также заучившей его наизусть. Когда позже мы оба попали в тюрьму и ссылку, рукопись погибла, и мы с трудом восстановили его по памяти» (прим. Якубовича). В сюжете «сказки» при внимательном чтении проступают некоторые черты биографии Некрасова. В сказке видна попытка проникнуть в мир детских и отроческих лет Некрасова и психологически истолковать мысль эпиграфа. *Женский взор, мечтательный и грустный* и т. д. Эти стихи навеяны образом матери Некрасова в стихотворении «Родина». Во 2-й главке после слов: «любя добро и свет» в изд. 1898 г. шли 16 стихов — тоже о Некрасове:

...Его душа рвалась туда, к забитым,
Судьбою обделенным беднякам.
...И с сердцем, бившим громкую тревогу,
С открытым сердцем подходил он к ним,
Готовый руку протянуть страдальцам.

Гнетущий мрак, над всеми в этом доме и т. д. Здесь отклик на стихотворение Некрасова «Родина». В следующих частях нарисован образ родины, вдохновившей музу Некрасова, и показано разрешение мучительных противоречий поэта, нашедшего связь с народом. *Ханаан* — район в Палестине, упоминаемый в Библии. *Голгофа* — гора вблизи Иерусалима, где, по евангельскому преданию, был распят Христос; здесь переносно: место страданий.

К портрету. Впервые — изд. 1887 г., стр. 58, под заглавием «Портрет». Печ. по изд. 1902 г., т. 1, стр. 73. Точная дата — 12 февраля — указана Д. П. Якубовичем в авт. экз. по утраченному авто-

графу. Черновой автограф (среди стихов цикла «Мелочи») — в ПД. Обращено к Р. Ф. Франк. *Нашей жизни, сулящей ненастье и вьюгу.* «Близкое прикосновение к революционной среде, уже заведомо для меня активно революционной, я начал иметь только с февраля или марта 1883 г.» (Показания Якубовича от 30 ноября 1884 г. «Красный архив», 1929, т. 37, стр. 103). *Будет ночь, может быть, без зари впереди.* Стихотворение написано сразу же после ареста В. Н. Фигнер (10 февраля 1883 г.), выданной Дегаевым. «Вслед за этим арестом, даже одновременно с ним, пошли аресты по всей России» (Попов, стр. 20).

«Эти песни гирляндою роз...». Впервые — изд. 1887 г., стр. 32, где открывало отдел второй (оригинальные стихотворения), который был посвящен Р. Ф. Ф., т. е. Розе Федоровне Франк, невесте Якубовича. В изд. 1898 г. (2), стр. 1, было объединено со стихотворением «Я пою для тех, чьи души юны...» общим заглавием «Два посвящения». С этого времени «Двумя посвящениями» открывались все последующие издания стихотворений Якубовича, кроме изд. 1906 г., стр. 6, где в составе «Двух посвящений» вместо этого стихотворения было другое: «В этих песнях скорби...». В изд. 1910 г. эпиграф к «Двум посвящениям»: «Жизнь и поэзия — одно» (из стихотворения В. А. Жуковского «Я музу юную, бывало...») был перенесен на титульный лист книги. Обращено к Р. Ф. Франк, написано «в день ее рождения <21 марта 1883 г.>. Посвящение к целой книжечке стихов (рукописной, конечно)» (прим. Якубовича). Эта книжечка пропала во время блокады Ленинграда. Большевистская «Звезда» писала по поводу этого стихотворения: «Его песни не умрут, не исчезнут бесследно, они войдут в плоть и кровь того, для кого они слагались, глядя на чьи страдания, „они создавались из слез и из крови сердечной"» (1911, № 15, 25 марта). Через год «Звезда» подчеркнула (1912, № 19, 18 марта), что «никто не приобрел большего, чем он <Якубович>, права сказать о песнях своих, что

Они создавались из слез
И из крови сердечной...»

Возмущение любви. Впервые главки 2—3 — «Новое слово», 1896, декабрь, кн. 3, стр. 210, в составе цикла «На заре жизни»; подпись: П. Я. Главки 1, 5, 8, 9, 10 под общим заглавием «Лирические отрывки» — изд. 1898 г., стр. 63. Главки 2 и 4 без заглавия в качестве самостоятельных стихотворений — там же, стр. 57, 60. Без 11-й и 12-й главок, под заглавием «Лирическая поэма» и с «прологом», который в изд. 1910 г. стал эпиграфом, — изд. 1899 г., стр. 92. Впервые полностью — изд. 1901 г., т. 1, стр. 74. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 62. В изд. 1899 г. вместо строки точек (стих 2) в 6-й главке было 3 стиха, исключенные в изд. 1901 г., т. 1:

Суди ж любовь мою: надень венок терновый
Ей на чело, пытай рукой суровой,
Веди на казнь и труп в земле зарой!

Беловой автограф 4-й главки (под заглавием «Из былого») — в письме к Н. К. Михайловскому от 10 мая 1898 г.; часть чернового автографа 3-й главки — в тетради юношеских стихов ПД (дата: 10 марта 1883). К главке 10-й у Якубовича в записной книжке (ПД) имеется указание: «На мотив Гейне». В поэме, сообщает Якубович, отразился «бурный год моей любви. Борьба, колебания, взрывы безумной страсти. Современному поколению, быть может, и не понять такого, например, настроения, как в отрывке „Долго борьба наша длилась. . .“» (прим. Якубовича). *Без слов о любви* и т. д. Якубович не мыслил любви без активной борьбы. Касаясь темы «высокой любви», он писал: «Вспомните любовь молодых девушек в произведениях Тургенева, вспомните эти мечты, залитые волшебным лунным светом, эти гордые порывания ввысь, эту героическую готовность на жертву и подвиг. Даже и в тех случаях, когда счастье любви омрачается облаком скорби, каким благоухающим цветком поэзии развертывается перед нами юношески чистая, прекрасная и *сильная* душа тургеневской девушки, как возвышает и окрыляет чтение этих трогательных и глубоко поэтических рассказов о любви!» («Очерки», стр. 377). *Долг... О, жестокое, страшное слово!* — Якубович писал: «Наиболее характерной, центральной идеей 70-х годов была, как известно, мысль о «народе»... Горячая проповедь долга, любви к народу, самопожертвования имела глубокий практический смысл: она воспитывала юношество, она создавала в обществе повышенную нравственную атмосферу, зажигая даже ленивых и равнодушных и удваивая силы натур героических» («Очерки», стр. 402).

«По лазури, чуть белея...». Впервые — изд. 1887 г., стр. 49, где по цензурным условиям было озаглавлено «На лоне природы»; здесь текст был больше на одно последнее четверостишие. Печ. по изд. 1898 г., стр. 109, где опубликовано без заключительного четверостишия и с переработанным первым четверостишием. Написано «в Великолуцком уезде Псковской губ., в имении Карауловых, где я гостил летом 1883 г., готовясь на решительную «борьбу»... Вас<илий> Андр<еевич> К<араулов> (будущий член III Госуд. думы!) собирался уезжать за границу, чтобы перейти затем на нелегальное положение» (прим. Якубовича). В. А. Караулов (1854—1910) — товарищ Якубовича по университету, народоволец, был осужден на 4 года каторги в Шлиссельбурге. Позже сослан в Сибирь, отошел от революционной деятельности и был даже избран в III Думу (от партии «Народной свободы»). «Василий Андреевич всегда был умеренным и еще в 1882 г. говорил: „Вот дадут Земский собор и тогда мы должны прекратить революцию“. Он был больше культурник, чем боец, — так Якубович характеризовал Караулова» (Попов, стр. 43). В. И. Ленин отмечал, что обычно «понятия культурника и либерала почти совершенно сливаются» (Соч., изд. 4-е, т. 7, стр. 34), и вскрыл классовые корни ренегатства Караулова в статье «Карьера русского террориста» (Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 26—28). «Огненной страницей вписалось это лето (1883 г.) в книгу моей жизни», — писал Якубович в одном из писем (архив Д. П. Якубовича). Вернувшись от Карауловых в Петербург, Якубович поселился на Спасской улице,

д. 23, кв. 24 (ГИАЛО). Он с любовью вспоминал о лете, проведенном в имении Карауловых, в шуточных стихах:

Иду ль по улице громадной,
Сижу ль в надзвездных этажах,
Но далеко я мыслью жадной
На Кунье, в милых Дубняках,
На кладбище под елью темной...
Вот подосиновик, черныш,
Вот боровик — какой огромный!
Ан нет! .. городовой, глядишь...

(архив Д. П. Якубовича).

«Проснись, дитя мое, проснись...». Впервые — изд. 1887 г., стр. 51, под заглавием «Призыв». С разночтениями в 1—3-й строфах и с переработанной 2-й строфой — изд. 1898 г., стр. 110. С новыми исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 86. Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 75, где исправлен стих 3-й. По свидетельству Д. П. Якубовича, которому были известны остатки семейного архива, ныне не сохранившиеся, написано в августе, в Великих Луках, и называлось «Голос». *Город роковой* — слова Некрасова о Петербурге в поэме «Несчастные». *Спеши бороться, и страдать* и т. д. «Звезда», цитируя 3-ю строфу стихотворения, писала о Якубовиче: «Любовь его не была только красивым порывом, но была любовью деятельной, любовью, не знавшей преград, не боявшейся жертв» (1912, № 19, 18 марта).

Сказочный город. Впервые — «Вестник Народной воли», Женева, 1885, № 4, стр. 121, с посвящением С. К-рн-о-му (И. Н. Комарницкому). В легальной печати впервые — «Мир божий», 1898, № 7, стр. 231, с исправлениями и цензурными пропусками. Печ. по авт. экз., т. 1, с восстановлением по автографу ПД стихов: 25, 80, 88, 93, 95. Редакция стихотворения, близкая к женевской (начало: «Говорят, этот город красивый...»), имеется в альбоме автографов Г. Л. и А. П. Кравцовых (архив С. А. Венгерова, ПД). Она датирована: 18 января 1884; в тот день Якубович подарил автограф этого стихотворения Кравцовым, на вечерах у которых он бывал до ареста (о чем свидетельствуют его записи в альбоме 2 января 1884 г.). Кравцова (Блюммер) Антонина Петровна (1836—1921) — известная шестидесятница; первая женщина, явившаяся на университетские лекции, была знакома со многими писателями (в частности, с И. С. Тургеневым) и, по словам С. А. Венгерова, «особенно близка с Н. Г. Чернышевским». Кравцов Григорий Львович (1840—1890) — ее муж, известный ветеринарный врач, выступал в печати. Об альбоме Кравцовых см. в статье С. А. Венгерова в сб. «Привет!». СПб., 1898, стр. 316—320. Отдельные строки — в записной книжке поэта (ПД). Якубович частично восстановил текст стихотворения в письме к М. Горькому от

29 января 1900 г. «Между прочим, в моей книжечке стихов, — писал он Горькому, — прочтете одно стихотворение под заглавием «Сказочный город»: вот мое отношение к Петербургу (былого, правда, времени). К сожалению, там <т. е. изд. 1898 г. (2), стр. 188> выброшена характернейшая часть, которую воспроизвожу для Вас». Далее шли стихи 36—48 и 55—66, известные позже с небольшими разночтениями по изд. 1910 г., и стихи 67—75, неизвестные в печати при жизни поэта (М. Горький. Материалы и исследования, т. 2. М. — Л., 1936, стр. 371—372). Однако М. Горькому была сообщена не окончательная редакция. Последняя редакция, с восстановлением пропусков (не всех), дана в авт. экз. Цензура отнесла «Сказочный город» к числу произведений, в которых затрагивается «тема — народное восстание и ниспровержение существующего государственного строя». С.-Петербургская судебная палата по 2-му уголовному департаменту в судебном заседании 27 мая 1913 г. вынесла приговор: сб. «Русская муза», где было напечатано стихотворение, «уничтожить вместе со стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для его напечатания» (ЦГИАЛ, Дело С.-Петербургского комитета по делам печати, 1907, № 157 «По возбуждению судебного преследования против виновных в напечатании книги под заглавием „Русская муза. Стихотворения и характеристики 132 поэтов. Составил П. Я...“»). Современная критика заметила и высоко оценила стихотворение: о нем Д. Бохан писал: «Захватывающая, страстная речь поэта, яркие образы, стальной, точно кованый стих — это положительно лучшее стихотворение П. Я.» («Минский листок», 1898, № 85, 6 августа). Е. А. Колтоновская отметила: «Лучшим украшением его <изд. 1899 г.> является несравненный «Сказочный город». По силе мысли, живости красок, красоте и поэтичности образов едва ли можно найти равное этому стихотворению во всей новейшей поэзии... Сколько бы, казалось, ни перечитывал это стихотворение, при чтении его всякий раз будешь испытывать душевный трепет и то особенное жуткое и глубокое наслаждение, которое доставляется только совершенным созданием искусства» («Новости и Биржевая газета», 1900, № 354, 22 декабря).
Я люблю этот город несчастный. В своих показаниях 4 декабря 1884 г. Якубович посвящает Петербургу целые страницы: «Петербург, несмотря на все горе, какое он дал мне в моей короткой, но бурной жизни, я всегда страшно любил и до сих пор люблю; он был одним из любимейших предметов моих поэтических песнопений — его молодежь, его жизнь и сам он, включая Петропавловскую крепость, в которой я теперь имею удовольствие квартировать, —

Эту грозно-немую твердыню,
О друзья! Я люблю... как святыню.

Подобно огоньку, привлекающему к себе мотыльков, этот город, как и многих в моем положении, постоянно тянул к себе. Мне хотелось «надышаться» всем здесь — и воздухом, и людьми, которых я так любил и так давно не видел, — и в этом опьянении я часто положительно забывал, что я нелегальный... Все напоминало мне... ты парий общества, проклятый судьбою; не здесь, не в этом тепле и в мире

твое место: иди в битву! „А если я не воин?" — „Все равно, ты и не мирный гражданин"» (ЦГВИА, ф. 545, ед. хр. 298, ч. 4, протокол № 40, 4 декабря 1884 г.). *Лучший друг моей юности* и т. д. Обращение к О. И. Нагорному (см. о нем примечание к стихотворению «Над могилой друга», стр. 395). *Там и ты, наш учитель-избранник* и т. д. «В этих стихах имеется в виду мой революционный учитель И. Н. К-цкий <Комарницкий>, введший осенью 1882 г. меня, М. П. Шебалина и других в Центральную организацию партии «Народной воли», сам же вскоре после того арестованный» (прим. Якубовича). Иван Николаевич Комарницкий (1860—1931) — революционный деятель народничества. Его партийный псевдоним — Сигизмунд. В январе 1883 г. приехал в Петербург от В. Н. Фигнер как представитель Исполнительного комитета «Народной воли» и сумел поднять боевой дух в кружках. Был арестован в январе 1883 г. и сослан в Енисейскую губернию. О нем см.: М. Шебалин. Клочки воспоминаний. М., 1935, стр. 126, 322—323; А. Бах. Записки народовольца. М. — Л., 1929, стр. 25; «Народовольцы после 1 марта 1881 г.». М., 1928, стр. 42 и др. *Первый гром* и т. д. — имеется в виду восстание декабристов. *Жить враждою зовет и любовью.* Якубович писал М. Горькому 15 января 1900 г.: «Вас пугает, вас мучит этот разительный контраст между богатством и бедностью, который мечется в глаза в Петербурге? А по-моему, это его достоинство, которое будит совесть юношества, подымает его, зовет... По крайней мере, я вспоминаю свою юность... И, знаете, ведь до сих пор лучшая наша молодежь всегда из Петербурга выходила! Все лучшие идеи, какими может гордиться Россия, здесь имели колыбель!» (М. Горький. Материалы и исследования, т. 2. М. — Л., 1936, стр. 364). *Он зовет победить, или пасть!* «Народная воля» в передовой статье провозгласила: «Победить или умереть — наш девиз» («Народная воля», 5 февраля 1882 г., № 8—9). Этот лозунг встречается у поэтов-декабристов:

Друзья! В пылу огней сражения
Обет наш: *«Пасть иль победить!»*

(В. Ф. Раевский. «Песнь воинов перед сражением»).

«Я так люблю тебя, что если солнца луч...». Впервые — «Дело», 1884, № 2, стр. 296. Печ. по изд. 1898 г., стр. 67. Обращено к Р. Ф. Франк. Написано в день рождения Якубовича 22 октября 1883 г. (ему тогда исполнилось 23 года).

«С тоскующей улыбкой, долгим взором...». Впервые — изд. 1887 г., стр. 58. Печ. по изд. 1899 г., стр. 230, где дано в другой редакции. Обращено к Р. Ф. Франк. В черновых набросках ПД отнесено к циклу «Монологи» и датировано: 26 февраля. Сохранилась характерная запись из дневника П. Ф. Якубовича (в копии Д. П. Якубовича): «Вечеринка на Екатерининском проспекте... Возвращение вдвоем домой и объяснения: страсть налетела как бур-

ный порыв... Марсово поле... Ужасное состояние. Стихотворение «С тоскующей улыбкой...». Ряд других объяснений в течение великого поста. Борьба, отчаяние, надежда. Наша странная взаимная любовь».

«Друзья! В тяжелый миг сомненья...». Впервые — «Вестник Народной воли», 1885, № 4, стр. 130. В легальной печати, с исправлениями, впервые — РБ, 1902, № 2, стр. 228. В изд. 1902 г., т. 2, стр. 69, под названием «Памяти Добролюбова». Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 82. На это стихотворение, как характерное для идейных устремлений Якубовича, обратила внимание «Звезда», отметив, что «душа поэта постоянно кипела

...... огнем желанья —
Идти на крестные страданья,
Всю душу родине отдать!»

(1912, № 19, 18 марта).

Фантазия. Впервые — «Дело», 1884, № 2, стр. 40. С исправлениями — изд. 1898 г., стр. 141. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 84. Запрещая произведения Якубовича, цензура отмечала, что в стихотворении «Фантазия» и др. «убитые революционные деятели выставляются достойными подражания борцами за правду и героями» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1913, № 384 «О наложении ареста на брошюру под названием „Из стихотворений Л. Мельшина (П. Я.) „Жизнь — борьба, а не рабство“...»). «Фантазия» написана в год ареста, в атмосфере политического возбуждения (убийство Судейкина, предательство Дегаева), в период, когда Якубович развил энергичнейшую революционную деятельность; см. об этом во вступ. статье, стр. 14. Стихотворение было популярно в нелегальных кругах 1880-х годов. Позднее М. Протопопов, имевший отношение к народничеству, в одной из своих статей высмеял «Фантазию» Якубовича, приведя следующий «анекдотец»: «Ровно 15 лет назад (зимой 1883—84 г.) сидел у меня молодой поэт и читал мне только что написанное им стихотворение. Это был уже далеко не начинающий поэт, стихотворения его уже не раз печатались в лучших журналах того времени... Не стихотворение поразило меня: это была туманная аллегория о какой-то деве, которая «в белом вся» (в кисейном платье, что ли?) вышла из моря и предводительствует волнами, идущими на приступ какого-то «утеса», и т. д. и т. д... Но меня поразил сам декламировавший поэт: это чуть не до синевы побледневшее лицо, это кипение и дрожание слез в голосе, это глубокое и страстное волнение... Боже мой! Да не только эти, плохие, но и какие угодно, хоть распушкинские стихи, стоят ли такой страшной траты нервной силы?.. Этот поэт был г. П. Я...» (М. А. Протопопов. Поэты переходного времени. «Русская мысль», 1899, № 1, стр. 193—194). Якубович ответил Протопопову: «Производить иск над буквами П. Я. следовало предоставить «Новому времени» и «Московским ведомостям», которые в прошлом году уже и сделали это дело Теперь вы дали для этого

новый обильный материал... Пятнадцать лет назад вы даже мне, своему «приятелю», не сочли возможным сказать о всем комизме моего увлечения собственными плохими виршами, а теперь сочли возможным публично заговорить об этом перед аудиторией, в которой есть не только мои и ваши враги, но и просто дрянные люди! Не говорю уже о том, что и самый анекдот сомнителен. Самого факта чтения стихов и своего волнения (ни даже его размеров) я не отрицаю, но какой же вы плохой психолог, М. А. <Михаил Алексеевич>, если объяснили мое волнение только увлечением юноши собственными своими стихами!.. Впрочем, как вижу теперь, вы вообще не понимали и до сих пор не понимаете моей тогдашней психологии... Хорошо помню, как относились ко мне в то время знакомые литераторы (и вы в том числе): как к *пушечному* мясу... Моя человеческая личность, моя душа, сознайтесь, Вас очень мало интересовала? Что вы знали о моей личной жизни? задавали ль мне когда-нибудь хоть один вопрос о ней?» (письма Якубовича к Протопопову от 29 января и 14 февраля 1899 г., ПД).

«Сколько раз надо мной пролетал...». Впервые — изд. 1887 г., стр. 50. Печ. по изд. 1898 г., стр. 149. Большевистская «Звезда» считала это стихотворение типичным для политической биографии Якубовича (1911, № 15, 25 марта) *Ураган, беспощадно суров.* В конце марта была разгромлена тайная типография в Петербурге. 16 марта в Петербурге разразился погром — прошла полоса арестов. *Во мраке нависшей грозы.* В марте 1884 г. Якубович перешел на нелегальное положение. Все это время он живет под наблюдением полиции («Красный архив», 1929, т. 36, стр. 131).

«Не плачь, о мать моя, и сына не кори!..». Впервые — «Вестник Народной воли», Женева, 1885, № 4, стр. 129, под заглавием «Матери». С исправлениями — изд. 1906 г., стр. 89, где входило в цикл «Песни побежденных. „Из песен борьбы за освобождение" Чезаре Никколини». Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 89. Входило в сборники: «Новый сборник революционных песен и стихотворений» (Париж, 1898); «Перед рассветом»; «За свободу»; «Песни борьбы» (1902); «Ссыльным и заключенным» (СПб., 1907, заглавие «Матери»).

«Я пою для тех, чьи души юны...». Впервые — «Вестник Народной воли», Женева, 1885, № 4, стр. 121, где открывало цикл «Из песен о молодом поколении». См. примечание к стихотворению «Эти песни гирляндою роз...», стр. 400. С пропуском по цензурным причинам стихов 3—4 и исправлением стиха 7 — изд. 1899 г., стр. 3. В изд. 1901 г., т. 1, стр. 5, напечатано с новым исправлением стиха 7 и с эпиграфом: «Жизнь и поэзия — одно!» (из стихотворения Жуковского «Я музу юную, бывало...»). Печ. по изд. 1906 г., стр. 61, где восстановлены стихи 3—4. Автограф 3-й строки (с подписью: П. Якубович) — в ЦГАЛИ. «Написано летом 84 г. в стенах

искусственной тюрьмы — тайной дерптской типографии... Лично передано мной тем же летом Г. А. Лопатину (во время наезда его в Дерпт) и напечатано в 4 или 5 № «Вестника Народной воли». Между прочим, еще осенью 1884 г., почти накануне моего ареста, Тихомиров в письме ко мне из Парижа называл эти стихи «прекрасными», а позже — уже в брошюре «Как я перестал быть революционером» — не называя автора, упомянул обо мне как о певце „поколенья, проклятого богом“» (прим. Якубовича). Вероятно, ошибка памяти, так как этих слов в брошюре Л. А. Тихомирова нет. Типография была организована Якубовичем, где он все лето печатал № 10 «Народной воли». Условия сложились так неблагоприятно, что в целях конспирации Якубович почти не покидал помещения («искусственная тюрьма»). Семь стихотворений, из переданных Г. А. Лопатину, были опубликованы в Женеве в «Вестнике Народной воли» вскоре после ареста Якубовича за подписью: Я., с редакционным примечанием: «Согласно желанию автора, помещаем зараз всю серию присланных нам стихотворений, насколько место нам дозволяет поместить ее» («Я пою для тех, чьи души юны...», «Сказочный город», «О, подлое, чудовищное время...», «Упреки», «Матери» («Не плачь, о мать моя! ..»), «Друзья! в тяжелый миг сомненья...», «Не пора ли отдохнуть, о братья? ..». Всего было послано Якубовичем десять стихотворений: см. примечание к стихотворению «Учителю», стр. 443—444.) Там же, в «Хронике революционной борьбы», стр. 222, было сообщено: «В конце ноября 1884 арестованы литератор Якубович, Роза Франк, Рыковская... и др.» (Рыковская — подруга Р. Франк).

В ы б о р. Печ. впервые. Было вписано Якубовичем в авт. экз., т. 1, на полях стр. 87—91. Автограф хранился до 1931 г. у жены Н. М. Флёрова, которая сообщила текст стихотворения одному из старых друзей Флёрова, В. А. Бодаеву, передавшему список «Выбора» в 1931 г. И. И. Попову. Список и машинописная копия с него, датированные: июль, 1884, — в ЦГАЛИ. В списке есть разночтения и пропуск стихов 71—76, сделанный Флёровой: «Выпускаю лирическое место, чересчур уж неудачное». К списку И. И. Попов присоединил сведения о Бодаеве, Флёрове и Якубовиче. *Флёров* Николай Михайлович (1858—1915) — участник первых рабочих организаций 1880-х годов, член партии «Молодая Народная воля», созданной Якубовичем; стоял во главе Петербургской рабочей группы, организованной после разгрома народовольческих рабочих организаций в 1881 г. («Красный архив», 1929, т. 36, стр. 159, 178). Учился в Московском и Петербургском университетах. За участие в студенческой сходке в 1881 г. был подвергнут университетскому суду (ГИАЛО, ф. 14, № 21486). По приезде в Петербург сблизился с Якубовичем и внес, по свидетельству последнего, в идеологию молодых «значительный вклад» (ЦГВИА, ф. 545, ед. хр. 298, т. 1, л. 308). В июле 1884 г. арестован, исключен из университета и после двухлетнего одиночного заключения был сослан на 5 лет в г. Березов. В 1891 г. переехал в Тифлис, где сблизился с М. Горьким. После второй ссылки (1894 г.) вернулся социал-демократом и

оставался им до конца жизни. М. Горький указывает: «Н. М. Флёров... впоследствии — большевик (зачеркн.) эсдек» (Архив А. М. Горького). 4 года одиночного заключения и 8 лет ссылки вызвали туберкулез. Умер в Петербурге 21 августа 1915 г. Материалы к биографии Н. М. Флёрова собраны И. И. Поповым. Попов указывает, что Флёров и Якубович сблизились друг с другом в конце 1883 г., когда вырабатывалась программа «Молодой Народной воли», позже они разошлись. М. Горький сообщает: «Флёров видел Якубовича незадолго до его смерти, уже больного, но и больной, он все-таки изругал Флёрова за «измену». Крепкий был человек Петр Филиппович» (Письмо В. А. Десницкому, 1933 г. Соч., т. 30. М., 1955, стр. 312). В стихотворении «Выбор» говорится о выборе исполнителя террористического акта, идущего на верную смерть. В качестве комментария к стихотворению Якубович приложил выдержки из своего письма к Р. Ф. Франк от 28 июля 1884 г. из тайной дерптской типографии, где был написан «Выбор». Приводим их: «...Не с кем мне тут поделиться ни своими думами, ни тем более «творчеством»... Когда процветал романтизм, казалось диким, чтобы когда-нибудь поэты стали брать свои образы и краски из реального, обыденного мира, воспевать действительную серую жизнь и говорить обыденным языком. Тем не менее такой переворот произошел в поэзии, и мы, в свою очередь, смеемся теперь над романтиками. Но за всем тем осталось кое-что в жизни и в мире ощущений и всей вообще действительности такое, что вводить в содержание поэзии как-то до сих пор странно, перед чем останавливается вдохновение поэта... Вот и я испытал нечто такое, избрав сюжетом стихотворения одну лично мною пережитую трагедию. Перо не слушалось, какой-то дикой представлялась мне порой моя задача, невозможной... Казалось, что *такая правда*, такая голая трагическая правда жизни действительно пережитого и перечувствованного не может стать достоянием поэтического произведения. К этому следует прибавить, что это пережитое было так близко ко мне, так живо в памяти, что припомнить его в подробностях и эти подробности набрасывать на полотно картины мне было очень больно, невыносимо тяжело, тем более что ввиду этой *свежести* пережитого и фантазия моя не развертывалась, а рабски шла и хотела идти за действительностью». И. Попов так поясняет конкретную обстановку, подсказавшую тему стихотворения: «Осенью 1884 г. <?> Лопатин и Якубович были заняты организацией покушения на министра внутренних дел гр. Д. А. Толстого. Было снято помещение под портерную, откуда предполагалось следить за выездами Толстого... В октябре приезжал в Петербург Н. М. Флёров, и, как я узнал много лет спустя, этот приезд был связан с покушением на Д. А. Толстого. Флёров и рабочий Богданов — один в качестве редактора, другой — издателя вновь проектируемой газеты — должны были добиться аудиенции и при встрече застрелить министра. Но вместо Толстого вышел его товарищ. Якубович близко стоял к этому делу. В связи с этим покушением он написал стихотворение «Выбор» и посвятил его Н. М. Флёрову. Стихотворение это не было напечатано, но не раз читалось на литературных вечерах» (Попов, стр. 33).

У Попова ошибка памяти: Флёров был арестован не позднее 26 июля 1884 г. (ГИАЛО, ф. 14, № 21486, л. 58) и не мог приехать в октябре 1884 г. Эпизод относится к осени 1883 г. Этот факт подтверждается воспоминаниями В. И. Фролова, друга Флёрова по ссылке (ЦГАЛИ). *Не много нас было* — имеется в виду пять представителей «Молодой Народной воли»: Якубович, Н. М. Флёров, М. П. Овчинников, П. Н. Мануйлов и, возможно, В. А. Бодаев (С. Валк. К истории процесса 21-го. «Красный архив», 1929, т. 36, стр. 136—137, 164). *Дни бесконечных тревог.* Предательство С. П. Дегаева, раскрытое в конце 1883 г., вызвало гибель сотен людей и деморализацию в революционной среде. *«Да сгибнет тиран!»* и т. д. — министр внутренних дел Д. А. Толстой, на которого готовилось покушение. *Лишь один был... молчаливый и бледный* — Н. М. Флёров. *Он — рабочий простой* — рабочий Богданов, который с Флёровым должен был убить Д. А. Толстого. *Тот, другой* — Н. М. Флёров.

Буря. Впервые — изд. 1887 г., стр. 62. Печ. по изд. 1898 г., стр. 68. Стихотворение было приобщено к обвинительному акту в качестве доказательства руководящей роли Якубовича в «Народной воле» (ЦГВИА, Дело Петербургского военно-окружного суда, 1887, № 298). *Примчалась буря* и т. д. 24—27 сентября 1884 г. шел процесс В. Н. Фигнер, которому предшествовали многочисленные аресты революционеров, усиливавшиеся в октябре: «Октябрь <1884> унес такую массу сил, какой, мне кажется, не унес и весь нынешний год...», — писал Якубович накануне ареста И. И. Попову («Красный архив», 1929, т. 36, стр. 159). Лето и осень 1884 г. Якубович в Дерпте печатал № 10 «Народной воли». Письма к Н. М. Саловой (химический текст) от 14, 19 и 20 сентября (там же, стр. 148—151) прекрасно комментируют тревожную атмосферу, в которой создавалось стихотворение. В конце сентября 1884 г. Якубович хотел выехать в Петербург с первой партией отпечатанных номеров и упорно искал «надежное место», просил приготовить паспорт, адреса и т. д. *В твою лишь постучать обитель.* Вначале он думал остановиться у Р. Ф. Франк, но, опасаясь навлечь подозрение, не остановился.

«Не счастье я тебе принес...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 70. С исправлениями стихов 6—7 — изд. 1899 г., стр. 105. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 93. Написано в день рождения Р. Ф. Франк и обращено к ней. «Это и три следующих стихотворения написаны незадолго до ареста, во Пскове, куда я приезжал для прописки подложного паспорта... Мучительно-тоскливое настроение, полное мрачных предчувствий, было у меня в те дни...» (прим. Якубовича). Вернувшись из Пскова, Якубович живет в Петербурге нелегально под именем мещанина Петра Федоровича Орлова из г. Ковеля (ЦГВИА, обвинительный акт по Процессу 21-го, статья 84). В этом и двух следующих стихотворениях отразилась психологическая борьба и предчувствие близкой развязки. *Цепями нас судьба сковала*

и т. д. За две недели до ареста, 31 октября 1884 г., Якубович пишет Л. А. Тихомирову конспиративное письмо, где просит на случай ареста сообщить об этом прежде всего Р. Ф. Франк («Красный архив», 1929, т. 36, стр. 154).

«В минуты радости и горя...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 71. С исправлениями — изд. 1902 г., т. 1, стр. 110. Печ. по изд. 1910 г., т. 3, стр. 94. По сообщению Д. П. Якубовича, в авт. экз., в автографе, ныне утраченном, была помета: «22 октября 1884 г.», т. е. это стихотворение, как и предыдущее, написано в день рождения Р. Ф. Франк. *И вижу — вся ты мрак и лед.* Из Дерптской типографии Якубович писал Р. Ф. Франк в июне 1884 г.: «Сам я люблю вас безумно, а в вас не только подобного безумия не вижу и, главное, не чувствую, даже просто сильной привязанности. Она есть, верю вам, когда думаю сознательно» (архив Д. П. Якубовича).

Письмо. Впервые — изд. 1887 г., стр. 63. Печ. по изд. 1898 г., стр. 150. См. выше примечание к стихотворению «Не счастье я тебе принес...». Речь идет о сожжении «письма любви» перед обыском. Якубович сообщил Н. М. Саловой: «Что касается присылки мне адресов, то не бойтесь... единственная адресная книжка моя — память, кот<орой> могу похвалиться. Письма всегда имел привычку немедленно уничтожать» («Красный архив», 1929, т. 36, стр. 151). Для писем Р. Франк он делал исключение.

Смерть орла. Впервые — изд. 1887 г., стр. 33. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 98, где опубликовано в новой редакции. Было популярно в 1906 г., войдя в «Нижегородский сборник» (СПб., «Знание», 1905, стр. 344—345), где печатался М. Горький. Стихотворение было отобрано у Якубовича при обыске и приобщено к следственному делу как улика (ЦГВИА, ф. 545, ед. хр. 298, ч. 5, л. 8). Стихотворение является последним среди стихов, написанных на воле, в конце октября 1884 г., в Пскове (см. выше примечание к стихотворению «Не счастье я тебе принес...»). Революционная молодежь 1880-х годов хорошо знала и помнила «Смерть орла». Когда Якубович не включил его в изд. 1898 г., то это заметили читатели. М. С. Ольминский выразил сожаление, что поэт забраковал лучшее свое стихотворение, «от последнего куплета которого не отказался бы и Лермонтов» («Восточное обозрение», 1900, № 43, 25 февраля). С. Д. Балухатым впервые было отмечено, что «трактовка образа орла в этом стихотворении в основных своих признаках совпадает с образом горьковского Сокола» (М. Горький. Материалы и исследования, т. 3. М.—Л., 1941, стр. 207).

II. В КРЕПОСТИ
(1884—1886)

В разделе объединены стихотворения, написанные в Петропавловской крепости и в Доме предварительного заключения.

«Не за каждым всплеском моря...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 111, под заглавием «В море», которое сохранялось во всех прижизненных изданиях. Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 103, где зачеркнуто заглавие. «Написано вскоре после ареста (15 ноября), под впечатлением «Человека, который смеется» Гюго и его грандиозных морских картин. «Тенденция» стихотворения, нужно сознаться, несколько путаная и, во всяком случае, странная: сочувствие автора, очевидно, на стороне моря, стремящегося разбить корабль. Последний, значит, какой-то особый корабль: его «кормчий» — деспотическое правительство, что ли... Но кто же здесь «братья»?.. Тем не менее в стихах есть как будто искренний подъем, и они получили некоторую известность» (прим. Якубовича). В период революции 1905 г. было популярно, вошло в сборники «Зарницы» и «Песни свободы». *Всё девятый вал решит!* «Звезда» писала, что «в черное безвременье» песни Якубовича «будили ото сна, поднимали павших духом, призывали к девятому валу» (1911, № 15, 25 марта).

«Обряд окончился позорный...». Впервые — изд. 1902 г., т. 1, стр. 160, в цикле: «Из Чезаре Никколини (Итальянские тюремные мелодии 1830—1840 гг.)». Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 104, где зачеркнута ссылка на Чезаре Никколини. Под заглавием «Арест» — в сб. «Под гнетом самодержавия». «Таковы были первые минуты пребывания в камере № 63 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Предчувствие оказалось пророческим, и я провел в этой самой камере ровно два года — до декабря 1886 г., когда переведен был в Д. П. З. <Дом предварительного заключения>» (прим. Якубовича). *Колыбель родной свободы* — Петербург. Он же в «Сказочном городе» назван: «Колыбель нашей русской свободы».

«Ночь. Тихо... Ни стонов, ни слез...». Впервые — сб. «Ссыльным и заключенным». СПб., 1907, стр. 173, в цикле «Из былого», под заглавием «Арест», подпись: П. Я. (Л. Мельшин). Помета в конце: «1885 г. Петропавл<овская> креп<ость>». Под фиктивным заглавием «На мотив из Ч. Никколини», с пропуском в 5-й строфе стихов 3—4 — изд. 1910 г., т. 1, стр. 105. Печ. по авт. экз. *Вот вижу я* и т. д. Характеризуя кризис «Народной воли», Якубович отмечал перед арестом, что «опытных вождей, необходимых для такой героической постановки социального вопроса, становится все меньше и меньше». Резко осуждая раздоры, приведшие к борьбе личностей из-за мелких расхождений в программе, Якубович призывает «к прекращению внутренней борьбы, к немедленному объединению всех и всего в одно дружное целое...» («Красный архив», 1929, т. 36, стр. 157—158).

«Товарищи, братья, друзья!..». Впервые — изд. 1898 г. (2), стр. 58. С исправлением стиха 13 — изд. 1899 г., стр. 66. Печ. по изд. 1901 г., т. 1, стр. 115. Вошло в сб. «Зарницы». На стихотворение обратила внимание большевистская «Звезда», которая писала: «Его <Якубовича> ожидал смертный приговор. Но ничего не смогло сломить гордого духа П. Я., и из заточения, из глухих крепостных казематов, раздавался его бодрый голос: „Товарищи, братья, друзья...“» и т. д. Дальше цитировались 1, 4 и 5-я строфы (1912, № 19, 18 марта). *Знамена свободы прямей* и т. д. Якубович писал М. Горькому: «...литературные, как и боевые, знамена должны быть ярки, определенны; в борьбе должна быть строгая дисциплина — иначе все пропало: волки наденут овечьи шкуры, и лисицы станут вождями...» (М. Горький. Материалы и исследования, т. 2. М. — Л., 1936, стр. 370).

Тайны поэта. Впервые — изд. 1898 г., стр. 3. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 108. Д. П. Якубович указывает в авт. экз., что в книжечке стихотворений, посвященных Р. Ф. Франк, к стихотворению было примечание: «Еще на воле ты уверяла меня не раз, что не только не имеешь понятия о законах версификации, но и положительно неспособна различать, на каком слоге лежит ударение».

Поэт. Впервые — «Мир божий», 1896, № 8, стр. 36, без заглавия, в составе цикла «Поэт». С исправлением ст. 1 — изд. 1898 г., стр. 6. С исправлениями в 3-й строфе — изд. 1901 г., т. 1, стр. 114. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 110.

К сестре («Ликуйте, ямбы и хореи...»). Впервые — изд. 1910 г., стр. 111. Обращено к сестре, М. Ф. Якубович. Первоначально явилось частью тюремного стихотворного письма № 22 от 31 января 1885 г.; оно сохранилось в копии (ПД). *Орфей* (греч. миф.) — певец-музыкант, обладавший дивным голосом; лира его, согласно мифам, издавала звуки, покорявшие даже диких зверей. *Письмо за № седьмым.* Пять писем Якубовича из заключения опубликованы Д. П. Якубовичем («Каторга и ссылка», 1928, № 12, стр. 135—143). *Не вдруг увянет наша младость* и след. три строки — неточная цитата из «Кавказского пленника» Пушкина (стихи 176—179). *И — кат могучий всяких ков* — т. е. Катков. Образец политической шарады: Кат — палач; ковы — злоумышления, заговор, коварные намерения. Характерно, что в 1860-е годы в демократических кругах Каткова окрестили Катьковым («Звенья», тт. 3—4, 1934, стр. 414). Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — критик и публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856 г.), который в первые годы своего существования был либеральным органом, а затем (в начале 1860-х годов) вел ожесточенную борьбу с революционным движением. *Благословенна власть господня: и мы блины едим сегодня.* Этот стих, по отзывам современников, «обратился в пословицу русской политической тюрьмы» («Современник», 1911, № 4, стр. 320).

Голуби. Впервые — изд. 1898 г., стр. 172, где помещено в цикле с отвлекающим цензуру заглавием «Из иностранных поэтов», с подзаголовком «С итальянского». В разделе «Из иностранных поэтов» и в цикле «Из Чезаре Никколини (Тюремные мелодии 1830—1840 годов)» — изд. 1899 г., стр. 270. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 115, где снята ссылка на Ч. Никколини.

На смерть любимого голубя. Впервые — изд. 1910 г., т. 1, стр. 116. Сходный мотив (смерть птицы в тюремном каземате) встречается в стихотворении поэта-декабриста В. Ф. Раевского «На смерть моего скворца», написанном также в шутливо-ироническом тоне и опубликованном в 1890 г. *Орест* и *Пилад* — герои древнегреческих легенд, неразлучные друзья; их имена символизируют нерушимую дружбу. *«От печальных здешних мест»* — строка из песни М. В. Зубовой «Я в пустыню удаляюсь...», напечатанной в 1830 г. в «Дамском журнале» и получившей широкое распространение. *От данаянки Елены.* Елена — в «Илиаде» Гомера знаменитая своей красотой спартанская царица, изменившая супругу Менелаю и похищенная Парисом, сыном троянского царя. Из-за этого, по преданию, и началась троянская война. Данайцами Гомер называл всех греков, осаждавших Трою. *Аид* (греч. миф.) — подземное царство мертвых.

В почете. Впервые — «Скоморох», 1907, № 1, стр. 2 (номер фактически вышел не позднее 26 декабря 1906 г.), с искажениями, в цикле «Из былого», без подзаголовка, подпись: П. Я. (Л. Мельшин), помета: «Петропавловская крепость». Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 119, где Якубович восстановил во 2-й строке: «Дал мне царь» (вместо: «Дали мне»). Участие в «Скоморохе» доставило поэту большое огорчение. Якубович сетовал по этому поводу В. Г. Короленко: «Помните, как некто Леонович приглашал нас сотрудничать в юмористическом листке «Свисток», и Вы отказались дать Ваше имя раньше, чем редакция газетки покажет себя достаточно сильной и способной для работы. Я был не так осторожен и для первого же номерка дал стихи. И вот теперь каюсь... Вместо «Свистка» вышел «Скоморох», нечто в высшей степени бездарное и безвкусное, с декадентскими рисунками и глупыми текстами. И на первом же плане помещены мои стихи, между прочим самовольно исправленные (изменено даже заглавие). Наказание мне и наука! А Ваше имя все-таки поставлено в числе сотрудников, хотя, помнится, Вы и не соглашались на это» (письмо от 26 декабря 1906, БЛ). Стихотворение Якубовича было «иллюстрировано» декадентскими рисунками: вверху изображена белая античная ваза, в которую лезут справа и слева 10 серых крыс; внизу — в пасть плачущей щуки плывет рыбешка.

Сны узника. Впервые — «Мир божий», 1899, № 9, стр. 22, с подзаголовком: Из Ч. Никколини. В изд. 1899 г., стр. 271, печ. по цензурным соображениям в разделе «Из иностранных поэтов», в цикле «Из Чезаре Никколини (Тюремные мелодии 1830—

1840 гг.)». Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 155, где опущена ссылка на Ч. Никколини.

Песня («Не уснуть! ..»). Впервые — «Мир божий», 1899, № 9, стр. 23, под заглавием: «Тюремная мелодия (Из Чезаре Никколини)». Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 123, где были сняты ссылка на Ч. Никколини и заглавие.

«Такой есть мир, где нет зари рассвета...». Впервые — «Скоморох», 1907, № 1, стр. 2, в цикле: «Из былого», под заглавием «Аккорд», данным редакцией (см. примечание к стих. «В почете», стр. 413). Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 125. Напечатано в сб. «Ссыльным и заключенным» (СПб., 1907, стр. 174), в цикле «Из былого», под заглавием «Акростих». «Не вполне удачный акростих» (прим. Якубовича).

«В цвете лет и сил кипучих...». Впервые — изд. 1898 г. (2), стр. 59, с посвящением Г. А. Л—ну <т. е. Г. А. Лопатину>. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 126, где адресат назван полностью. До 1905 г. инициалы не могли быть расшифрованы, так как Лопатин с 1887 г. томился в Шлиссельбурге и «ввиду особой важности вины» амнистией не пользовался. *Лопатин* Герман Александрович (1845—1918) — выдающийся революционер 1870-х годов, народоволец, был связан многолетней дружбой с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Арестован 5 октября 1884 г. и судился вместе с Якубовичем по Процессу 21-го. Якубович так характеризовал Лопатина: «Действительно, выдающийся человек, всю жизнь отдавший делу борьбы за народное освобождение» (Л. Мельшин. Шлиссельбургские мученики. РБ, 1905, № 10, стр. 109). «Эти стихи в 1890-х годах дошли до Германа Александровича <Лопатина>, томившегося в Шл<иссельбургской> крепости, и, к несчастью, поняты были им в каком-то обидном для него смысле... Недоразумение разъяснилось лишь много позже, когда мы свиделись лично» (прим. Якубовича). Сообщая В. Н. Фигнер о своей встрече с Лопатиным 1 февраля 1906 г., он коснулся этого недоразумения: «Я был очень рад, что между нами разъяснилось одно маленькое, но весьма неприятное недоразумение. В книжечке моих стихов (т. 1) есть одно посвященное ему стихотворение («В цвете лет и сил кипучих...»), в котором я наивно мечтал выразить теплоту своего чувства к Г. А. Лопатину и констатировал простой факт, что юноше (как я) попасть в тюрьму пустое дело, «с гуся вода», а вот человеку зрелого возраста, как Г. А. (40 лет), — другое дело, ему уже трудно мечтать о новой жизни и новой борьбе... И вот, оказывается, стихотворение это он понял в самом обидном для себя смысле... и эту обиду носил в душе много лет... Бог знает что!» (письмо к В. Н. Фигнер от 15 февраля 1906 г., ЦГАЛИ).

«За всё, за всё — за гордый пыл...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 73. Во 2-й строфе ощутим отзвук стихотворения Лермонтова «Смерть поэта».

Проводы. Впервые — изд. 1898 г., стр. 74. С исправлениями — изд. 1901 г., стр. 119. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 129. Написано 19 апреля 1885 г. «В этот день я получил радостное известие о выпуске из тюрьмы и высылке на родину, в Каменец-Подольск, невесты моей Розы Франк» (прим. Якубовича). Д. П. Якубович в авт. экземпляре указывает, что в автографе, ныне утраченном, под стихотворением было примечание: «Написано по поводу твоего <т. е. Р. Франк> выхода из Дома пр<едварительного> з<аключения> и сборов на родину: ты уехала 24 апреля <1885>. Выражение «Страдал здесь другой, кто-то чуждый тебе» взято мною из твоего письма ко мне летом 1883 г.» Р. Ф. Франк была до суда освобождена под залог и временно выслана к родным в Каменец-Подольск под гласный надзор полиции. *Будут страшные дни*... Якубович сделал примечание в авт. экз.: «Точно пророчество: Якутск, Вилюйск...» (т. е. места ссылки Р. Ф. Франк).

«В дни радости светлой, как ландыш стыдливый...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 75. Печ. по изд. 1899 г., стр. 110, где дана последняя редакция. По теме связано с предыдущим стихотворением. Обращено к Р. Ф. Франк. В авт. экз. (т. 1, стр. 130) Якубович сделал два примечания: к стихам 9—10: «т. е. почта приносит письма»; к стихам 11—12: «и письма эти читаются прокурорами и жандармами».

Орлица. Впервые — изд. 1898 г., стр. 152, под заглавием «Матери». В изд. 1901 г., т. 1, стр. 121, под заглавием «Орлица». Печ. по авт. экз., стр. 131, где исправлен стих 12. Обращено к матери поэта Екатерине Дмитриевне Якубович (урожденной Косаговской) (ум. 1910). «Я имел здесь в виду несомненно ожидавший меня впереди суд и долю каторжника (все время думал почему-то о 20-летнем сроке)...» (прим. Якубовича).

В черный день. Впервые — изд. 1898 г. (2), стр. 206. С исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 122. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 132. В изд. 1899 г. входило в цикл «Из пережитого».

Голос. Впервые — изд. 1887 г., стр. 36, без последнего стиха по цензурным мотивам. С восстановлением последнего стиха — изд. 1899 г., стр. 238. Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 134, где исправлен последний стих. В первых вариантах, датированных 15 июля 1881 г., «злому голосу» противопоставлен «голос истины» (ПД):

И тайный голос шепчет мне:
«Не будь в совете нечестивых!
От сытых, сильных и счастливых
Держись упорно в стороне.
Будь другом истины высокой!
Не примиренье — бой жестокий
И месть готовь ее врагам:

Нет счастья истинного там,
Где мрак холодный и глубокий!»

М. С. Ольминский увидел в стихотворении «не скептицизм натуры, анемичной от рождения, а призыв здорового человека не полагаться на темперамент и с юных лет воспитывать в себе элементы, которые дали бы силу продолжать борьбу до последней минуты жизни» (Степаныч <М. Ольминский>. Заметки читателя. «Восточное обозрение», 1900, № 43, 25 февраля).

Что я скажу?.. Впервые — изд. 1898 г., стр. 153, с подзаголовком: «Памяти Н. А. Кар—вой». Полностью фамилия Н. А. Карауловой раскрыта в изд. 1910 г., т. 1, стр. 136, а имя и отчество — в письме Якубовича к Наталии Андреевне Тухтиной (Карауловой) от 22 февраля 1898 г.: «Маленькое стихотворение „Что я скажу?..“ — это памяти Надежды Андреевны. Сидя уже в крепости, я услыхал об ее смерти и долго, долго не хотел верить» («Каторга и ссылка», 1929, № 6, стр. 146). *Караулова* Надежда Андреевна (1864—1884) — младшая сестра братьев В. А. и Н. А. Карауловых, в имении которых «Успенском» в Псковской губернии гостил летом 1883 г. Якубович, «готовясь на решительную борьбу» (см. прим. Якубовича к стих. «По лазури, чуть белея...», стр. 401). Из Петербурга Якубович писал 11 сентября 1883 г. сестрам Карауловым: «Я так сердечно сблизился с вами обеими, что, уехав, серьезно ощутил как-то пустоту в себе» (Архив Д. П. Якубовича). Н. А. Караулова была сильно захвачена призывом Якубовича посвятить себя борьбе, но приехав в Петербург, «эта совсем еще юная курсистка <зачеркнуто> девушка отравилась незадолго до моего ареста, осенью 84 г.» (прим. Якубовича). О тяжелой духовной драме Надежды Карауловой сообщает ее сестра А. А. Караулова в письмах к Н. М. Нелединскому от 20, 23 апреля и 1 мая 1884 г., захваченных жандармами при аресте последнего (ЦГИАЛ, Вещественные доказательства к делам Министерства юстиции, ф. 1410, оп. 1, ед. хр. 505). Е. А. Колтоновская писала о стихотворении: «Чтобы суметь в таких коротких, простых словах передать целую жизненную драму, сильную и потрясающую, нужно быть настоящим поэтом. К стихам этим нечего прибавить. Перед читателем — живая, готовая картина, от которой невольно мороз пробегает по коже...» (Несколько слов о поэзии и об одном из поэтов. «Новости и Биржевая газета», 1900, № 354, 22 октября).

Забытый друг. Впервые — РБ, 1897, № 2, стр. 239, с пропуском стихов 3—4, обозначенных точками, и цензурным смягчением в 8-й строфе («под пологом тьмы»). С восстановлением купюры — изд. 1899 г., стр. 18. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 138. Д. П. Якубович указывает в авт. экз. точную дату по несохранившемуся автографу: «Декабрь 1886, Петропавловская крепость». Якубович писал из Кургана в редакцию РБ: «В другом стихотворении — «Забытый друг» (кстати сказать, это одно из самых дорогих мне стихотворений), я сам кое-что выбросил, например два стиха вначале: «От

счастья, и воли, и светлого дня, Как труп, навсегда отделили». Заменил также «под сводом тюрьмы» более слабым выражением «под пологом тьмы» и т. п. Неужели и в таком виде пьеска эта не могла бы проскочить? А как бы я рад был!» (письмо к А. И. Иванчину-Писареву от 21 декабря 1896, ПД). О стихотворении «Забытый друг», на которое ополчились апологеты «чистого» искусства, один из современных критиков писал: «Скажите, неужели это не поэзия! ...Да, в страдании, в одиночестве, вдали от всего родного и близкого, в разлуке с прежними привязанностями, среди крушения всех надежд зазвучали поэтические струны без силы, без мощи, быть может, даже и без особенной гармонии, но с той подкупающей и всеискупающей искренностью, какой отличается и наша русская народная песня. И этих стихов не должна забыть наша литература: тут на самом деле кровь человеческого сердца. А литературные тупицы еще зубоскалят. Ах, чтоб им...» (Скриба. Стихи, стихи и еще стихи. «Новости и Биржевая газета», 1898, № 29, 29 января). *Услышал я голос желанный: «Воскресни!..»* и т. д. В. Н. Фигнер так характеризовала психологическую реакцию после 22-летнего одиночного заключения на этот призыв Якубовича: «Ах, П. Ф. <Якубович>, когда человек уж решил, что все кончено, и примирился с этим, отказался жить, то быть вновь разбуженным криком: «Живи!» — это целая трагедия, мука, от которой даже и сейчас я не могу освободиться» («Галерея шлиссельбургских узников». СПб., 1907, стр. 295).

«Друг мой, добрый мой друг! Не проси у меня...». Впервые — «Мир божий», 1898, № 2, стр. 189. Печ. по изд. 1898 г., стр. 35, где исправлен стих 1. В стихотворении, очевидно, сказалось влияние «Последних элегий» Некрасова (II).

Молитва («Дни настали слез и гнева...»). Впервые — изд. 1887 г., стр. 120. В изд. 1910 г., т. 1, стр. 142, вместо эпиграфа ссылка: «Еванг<елие> Матф<ея>. 26, 31; Марка, 3<надо: 13>, 19—20». *Соблазнившихся о ней* — отзвук Евангелия от Матфея, гл. 26. «Все вы соблазнитесь о мне в эту ночь, ибо написано: „Поражу пастыря, и рассеются овцы стада"». *Сократились эти дни!* — мотив из Евангелия от Марка, гл. 13: «Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения... и если бы господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных, которых он избрал, сократил те дни». Переведено П. Грабовским на украинский язык.

«Ну что за божья благодать...». Впервые — изд. 1910 г., т. 1, стр. 143.

«И жив и здрав христианин...». Печ. впервые. Вписано Якубовичем в авт. экз., на полях стр. 143. Якубович не придавал этим стихам художественного значения (см. след. примечание). *Во имя Бога, Слова, Духа* — из Евангелия от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». *Дед* — Николай I. *Сын* — Александр II. *Внук* — Александр III.

К стр. 133—134.

Дед и внук. Впервые — «Каторга и ссылка», 1926, № 27, стр. 121, публикация В. И. Сухомлина «Неизданное стихотворение П. Ф. Якубовича», с примечанием: «Это стихотворение, посвященное Николаю I и Александру III, было написано Якубовичем в 1884 г., когда он находился в заключении в Петропавловской крепости». В. И. Сухомлин указывает вариант стиха 2: «С надменным лицом полубога, с душою раба». Было вписано Якубовичем в авт. экз. изд. 1910 г., т. 1, на полях стр. 140—143, с комментарием: «Из таких же стихотворений, не имеющих художественного значения и назначенных, так сказать, для «домашнего употребления», помню еще «Деда и внука». Сравнивая однажды личности Н<иколая> I и А<лександра> III, я поражен был некоторыми сходными чертами их деятельности: в первые же свои дни они казнили одно и то же число врагов (5), причем имена их начинались с одних и тех же букв, за исключением Бестужева и Желябова, фамилии которых имели зато по два одинаковых *слога*. Чтобы уложить в стихи это довольно сложное «открытие», я принужден был допустить презумпцию, что декабристы и первомартовцы уложены были в три гроба. Впрочем, я слышал, будто первомартовцы, действительно, были зарыты на Преображенском кладбище в *трех* могилах» (прим. Якубовича). *Дед был надменный* — Николай I. *Царственный внук* — Александр III. В стихотворении упоминаются фамилии 5 казненных «дедом» декабристов и 5 народовольцев-первомартовцев, казненных «внуком».

Мой конь. Впервые — изд. 1910 г., т. 1, стр. 144, заглавие «Время». Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 144. Стихотворение варьирует тему «Пленного рыцаря» Лермонтова. Оттуда же взяты оба заглавия («Быстрое время — мой конь неизменный»). *Но конь не слушает удил и дальше мчится* — у Лермонтова: «Конь мой бежит, и никто им не правит». *Но конь еще быстрее мчится* — у Лермонтова: «Мчись же быстрее, летучее время». *Чтоб крепок был твой вечный сон.* Стихотворение Лермонтова «Пленный рыцарь» также заканчивается образом смерти.

«Вы говорите: „Не нужна...“». Впервые — изд. 1898 г., стр. 39. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 146. Список — в письме А. И. Хлебникова к В. Г. Короленко от 4 апреля 1911 г. (ПД). Реальная основа стихотворения указана П. Якубовичем: «По поводу одного разговора с тов. прокурора М. М. Котляревским, который вел мое дело. Он, именно, говорил мне елейным иудушкиным тоном: «Мы — люди маленькие. Славы нам не нужно, и, конечно, потомки не будут нас помнить» (прим. Якубовича). Это подтверждает в указанном выше письме А. И. Хлебников, товарищ Якубовича по этапному пути на каторгу: по объяснению Якубовича, «это стихотворение он написал после длинного приватного разговора «по душам» с тов. прокурора Котляревским, всегда присутствовавшим при допросе в жандармском управлении... Якубович говорил, что это стихотворение он посвящает жандармам» (ПД). Один из современников (В. И. Сухомлин) дал Котляревскому выразительную характери-

стику: «пронырливый Котляревский, скрывавший под синими очками свой выбитый пулей революционера глаз» («Каторга и ссылка», 1926, № 7—8, стр. 92).

Сила жизни. Впервые — «Живописное обозрение», 1886, № 49, стр. 367, без заглавия, подпись: П. Филиппович. Печ. по изд. 1898 г., стр. 76. Опубликовано при содействии друзей и А. К. Шеллера (Михайлова), когда Якубович третий год находился в Петропавловской крепости. Первые две строфы — вариации на тему стихотворения Пушкина «Арион».

«Не поминай, что ты меня сгубила...». Впервые — там же. Печ. по изд. 1898 г., стр. 149. Начальные два стиха — отзвук 9-й строки из стихотворения Некрасова «Тяжелый крест достался ей на долю...» («Не говори, что молодость сгубила»). Д. П. Якубович указывает в авт. экз., что в 1—2 стихах автографа, как и в «Живописном обозрении», было: «Не говори», а в стихе 3: «давило» вместо «томило».

«Всё, всё простить бы вам...». Впервые — изд. 1887 г., стр. 106, неудачно озаглавленное «Друзьям» по цензурным соображениям, возможно, редактором сборника А. К. Шеллером (Михайловым). Соответственно заглавию изменен стих 14: «О нет, друзья мои!». Печ. по изд. 1899 г., стр. 114. Обращено к «палачам» — прокурору М. М. Котляревскому, следователю Лютову и др., которые во время следствия допускали циничные намеки по поводу захваченной переписки Якубовича с Р. Ф. Франк.

Купальская ночь. Впервые — изд. 1887 г., стр. 89, в качестве одного из пяти отрывков «Неоконченной сказочной поэмы». С исправлениями в качестве самостоятельного стихотворения — изд. 1898 г. (2), стр. 140. Первые 42 стиха в качестве самостоятельного стихотворения — изд. 1899 г., стр. 138. Текст изд. 1898 г. (2) с исправлением в последнем стихе опубликован в изд. 1902 г., т. 2, стр. 142. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 151. «Сказочная поэма» не была закончена поэтом в Петропавловской крепости. К отрывку Якубович сделал примечание: «В мифических воззрениях русского народа важное место занимает бог тепла и света, супруг матери-сырой земли — Ярило. Праздник на Ивана Купала — день, когда их любовь и счастье достигают своего апогея. В ночь на этот день во многих местностях и до сей поры хоронят (топят в реке) Ярилину куклу. А купальские огни — вещь общеизвестная» (изд. 1887 г., стр. 88). По опубликованным отрывкам можно судить, что сказочно-мифологическая основа поэмы должна служить аллегорической оболочкой, за которой развертывались реальные картины бедственного положения крестьян в пореформенной деревне. В центре поэмы — образ народа и русского молодца Силантия-кузнеца. Богатырь-кузнец, женившись на бедной девушке Груне, бьется с нуждой, голодом, засухой, мором, но не может их одолеть и в сказочную ночь становится народным мстителем. Такова основная сюжетная схема. Сатирическим

образам министров, попов, кулаков и бар в поэме противопоставлена казачья вольница — «удальцы-бойцы», во главе с атаманом идущие «голь оборонять». Значительный художественный интерес представляет символический эпизод борьбы кузнеца с Горем, навеянный русскими сказками о Горе и Лихе и, возможно, повестью о Горе-злосчастье, и завершающая пятый отрывок «Песня разбойников», навеянная казачьими военными песнями. В изд. 1887 г. отрывки были посвящены Н. К. Н—ву. Это, несомненно, Николай Константинович Никифоров (р. 1860) — студент Петербургского университета. В 1881 г. сблизился с Якубовичем; участник сб. «Отклик», где поместил рассказ «Колдун» и стихотворение «Утес». С 6—10 октября 1882 г. ездил к Якубовичу по политическим делам в Новгород. За участие в студенческих беспорядках был в апреле 1883 г. исключен из университета и жил под надзором полиции в Казани (ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 21326).

Журавли. Впервые — изд. 1898 г., стр. 169, в разделе «Из иностранных поэтов», с фиктивным подзаголовком «С итальянского». С исправлениями — изд. 1899 г., стр. 276, где помещено в разделе «Из иностранных поэтов» в конце цикла: «Из Чезаре Никколини (Тюремные мелодии 1830—1840 годов)». Печ. по изд. 1902 г., т. 1, стр. 145, где снят мнимый подзаголовок. Цензор В. Канский, настаивая на запрещении стихотворений Якубовича, отметил, что в стихотворении «Журавли» в аллегорической форме «восхваляются бунтовщические стремления и выступления» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1913, № 384, «О наложении ареста на брошюру под названием „Из стихотворений Л. Мельшина (П. Я.) „Жизнь — борьба, а не рабство...“»). О возникновении замысла Якубович заметил: «Эту станицу журавлей я видел во время прогулки по крепостному садику» (прим. Якубовича). *Он весь затрепетал; какой-то мыслью дивной* и т. д. Конец стихотворения близок к описанию смерти Крота из поэмы Некрасова «Несчастные». *«Вперед, друзья!..»* — ср. у Некрасова: «Кричал он радостно: вперед!»

Веселый луч. Впервые — изд. 1887 г., стр. 38. Печ. по изд. 1898 г., стр. 113.

«Ярко небо стран далеких...». Впервые — изд. 1887 г., стр. 101, под заглавием «На чужбине» и с заменой последней строфы нейтральным четверостишием о «грезах детства» и «светлых сновидениях». Печ. по изд. 1910 г., стр. 159. Вошло в сб. «Вы жертвами пали». А. М. Скабичевский писал об этом стихотворении: «Поэт с таким нежным и любвеобильным сердцем не мог, конечно, не любить своей родины и пребывать на отвлеченной международной почве космополитизма, готовый с равной страстностью, а скорее всего, бесстрастием воспевать и небо Италии, и горы Швейцарии». Как поэт Якубович — «...единственный в настоящее время, в страстной поэзии которого струится та живая струя, которая была завещана нам незабвенною некрасовскою музою» («Сын отечества», 1897, № 331, 5 декабря).

Сократ. Впервые — изд. 1887 г., стр. 117. С исправлениями — изд. 1898 г., стр. 137. С новыми исправлениями — изд. 1902 г., т. 1, стр. 151. Печ. по изд. 1910 г., стр. 160. Вошло в сб. «Вы жертвами пали». В. Г. Короленко в рассказе «Тени» (1889) рисует аналогичный образ Сократа — философа-богоборца, борца за правду против старой веры. Якубович и Короленко, рисуя образ Сократа, отступают от своего источника (сочинения Платона), устраняя в речах Сократа мотивы смирения и покорности. Напротив, они приписывают своему герою строптивый, мятежный дух. В оценке личности Сократа у Якубовича и Короленко отразилась борьба с толстовской теорией смирения и «непротивления» (см. Г. Бялый. В. Г. Короленко. М., 1949, стр. 175). *Перед ним склонился Критиас* и т. д. Разговор Сократа с Критоном, предлагающим своему учителю устроить побег из тюрьмы, восходит к Платону. У Платона Сократ отказывается от бегства, ссылаясь на уважение к законам и покорность судьбе: «Никто не должен ни воздавать несправедливость за несправедливость, ни делать людям зло, хотя бы сам и терпел от них что-нибудь подобное» (Сочинения Платона, переведенные... Карповым, ч. 2. СПб., 1842, стр. 304—305). У Якубовича другой мотив: воин не должен отступать в последнем бою.

Накануне. Впервые — изд. 1898 г., стр. 155. Вошло в сб. «Под гнетом самодержавия». На красной обложке сборника наклеен прекрасно воспроизведенный фотопортрет Якубовича в кандалах с подписью: П. Якубович. В сб. было помещено 7 других стихотворений поэта. В изд. 1902 г. дата «19 февраля 1886» комментирует заглавие и содержание стихотворения: 19 февраля 1886 г. исполнилась 25-я годовщина «освобождения» крестьян. Якубович родился 22 октября 1860 г., т. е. буквально накануне реформы. *Рука рабыни мою качала колыбель.* «Накануне 19 февраля 1861 г. мне не было еще и 4 месяцев, и «рука рабыни» — няньки, по всей вероятности действительно качала мою деревенскую люльку» (прим. Якубовича). *Отцовский грех... народ на сына перенес.* Этот стих, очевидно, навеян впечатлениями детства Якубовича (см. вступ. статью, стр. 7—8).

«Страдай один!.. В себе носи...». Впервые — «Живописное обозрение», 1886, № 49, стр. 367, подпись: П. Филиппович. Стихотворение родилось в стенах Петропавловской крепости; было передано «на волю» и опубликовано при содействии А. К. Шеллера (Михайлова), который заведовал литературным отделом журнала. *Гордое терпенье* — выражение Пушкина («В Сибирь»), встречающееся у Якубовича. Переведено П. Грабовским на украинский язык.

Другу юности. Впервые — изд. 1898 г., стр. 161. Обращено к Вячеславу Николаевичу Шеталову (помета Д. П. Якубовича в авт. экз.), однокурснику по университету. Якубовичем и Шеталовым был издан «Отклик». В «Отклике» Шеталову принадлежит рассказ «По пути в деревню», опубликованный под псевдонимом В. Метелица. Дружба

их была исключительно теплой. После каторги в 1902 г. у Якубовича завязалась с Шеталовым переписка, не прекращавшаяся до смерти Якубовича: сохранилось 20 писем Якубовича к нему за 1902—1910 гг. (ЦГАЛИ). Шеталов служил акцизным чиновником в Курске, позже переехал в Полтаву, намного пережив Якубовича (ум. после 1928 г.). Якубович нежно любил Шеталова, но не раз упрекал его в обломовщине: «Загубил ты, чертов ленивый вареник, данный тебе от бога талант, а он был у тебя, в этом я ни минуты не сомневаюсь. И все ссылки твои на недосуги, на чинушечью долю и пр. — все это ни к чему, одни слова» (письмо от 15 марта 1906). Шеталов окончил университет со степенью кандидата позже Якубовича (ГИАЛО). На склоне лет он оставил ценные воспоминания о Якубовиче с копиями многих писем друга, ныне утраченных. 18 ноября 1928 г. он писал И. Попову из Полтавы: «Усердно работаю над своими воспоминаниями, в центре которых — Якубович». Воспоминания обрываются на полуслове: утрачены листы (ЦГАЛИ, ф. 583, оп. 1, ед. хр. 21).

Сестре («В дни, когда была ночь молчаливая. . .»). Впервые — изд. 1898 г., стр. 159. Обращено к Марии Филипповне Якубович (1862—1922), сестре поэта. М. Ф. Якубович устанавливала связь Якубовича с «волей» на всем протяжении его заключения и каторги.

«Перед отравленною чашей. . .». Впервые — «Скоморох», 1907, № 1, стр. 2, под заглавием «Завещание», в цикле «Из былого», подпись: П. Я. (Л. Мельшин), с пометой: «Петропавловская крепость, 1885». Дата ошибочна, так как стихотворение было написано после вынесения смертного приговора Якубовичу, т. е. в 1887 г.: «Суд (процесс Г. А. Лопатина) проходил в начале июня 1887 г. В ночь на 5-е вынесен смертный приговор 7-ми лицам: Лопатину, Стародворскому, Конашевичу, Антонову, Иванову, Саловой и Якубовичу. Но смертных казней никому не было. Первые пятеро «навсегда» заточены в Шл<иссельбур>г, а мы с Саловой отправлены на Кару» (прим. Якубовича). О публикации стихотворения в журнале «Скоморох» см. примечание к стих. «В почете», стр. 413. Почти одновременно вошло в сб. «Ссыльным и заключенным» (СПб., 1907), под другим заглавием: «В ожидании суда», т. е. приговора, в цикле «Из былого».

Сын. Впервые — изд. 1887 г., стр. 107, под заглавием «Отрывок из поэмы „Сын“» и примечанием, явно рассчитанным на цензуру, где герой поэмы — революционер был выдан за горемыку: «Петербургский бедняк студент, занятый вечным хождением по урокам, перед самым разъездом на каникулы, ненастной весенней порою простужается и получает скоротечную чахотку. Предвидя неизбежность и близость печальной развязки, он решается не извещать о ней свою нежно любимую мать. Таково содержание повести, из которой взят настоящий отрывок. Нужно ли напоминать, что он сильно отзывается подражанием Некрасову вообще, и в частности его «Несчастным»?

К стр. 146.

Поэма полностью до нас не дошла. В авт. экз., т. 1, стр. 168, Д. П. Якубовичем сделана помета: «Здесь вложены два почтовых листка с поэмой. Наверху написано <П. Ф. Якубовичем>: «„Сын“. Написано в крепости (1885—1886 гг.)». Почтовые листки с текстом поэмы в Музее Октябрьской революции (Ленинград) не сохранились. Мы знаем лицо, послужившее прототипом героя: «Тема взята из действительности. Казненный в 1879 г. в Киеве Свириденко не открыл на следствии своего имени, чтобы не огорчать нежно любимой матери, и погиб под чужой фамилией Антонова» (прим. Якубовича). Антонов (В. А. Свириденко) был казнен 14 мая 1879 г. вместе с Осинским и Брандером. Перед смертью «все они остались верны делу, которому служили. Никто не падал духом» («Народная воля», 1879, № 2, 15 ноября). О содержании поэмы рассказано в брошюре «Процесс 21-го», изданной в Женеве в 1888 г. Автором брошюры был Василий Филиппович Якубович (1859—1933) — старший брат поэта, профессор медицины (установлено С. Н. Валком через В. И. Сухомлина). На суде Якубовичу была предъявлена рукопись — «„поэтическая фантазия“, отобранная у него при аресте и пристегнутая к делу товарищем прокурора Котляревским, усмотревшим в ней памфлет на себя. Якубович признал почерк рукописи своим. Это была поэма «Сын». Она была зачитана на суде, и весь рассказ произвел на судей сильное впечатление». Вот как передается содержание поэмы в брошюре «Процесс 21-го»: «В первой части описывается допрос арестованного революционера, отказывающегося сказать свое имя. Прокурор убеждает его всевозможными софизмами, лицемерными комплиментами, угрозами, но успеха никакого. Во второй части описывается суд над революционером; место это поражает силою своего лиризма. Наконец, в третьей части рисуется сон, виденный узником накануне казни: он видит старуху мать в далекой бедной деревне, с нетерпением и тоской ожидающую своего ненаглядного сына. Здесь-то и выясняется та причина, по которой революционер не хотел сказать свое имя; он не хотел, чтобы мать узнала как-нибудь о судьбе, постигшей ее» («Процесс 21-го». Издание кружка народовольцев. Женева, 1888, стр. 18. Эта часть брошюры перепечатана с небольшими изменениями В. Богучарским в РБ, 1911, № 5, стр. 127). Из приведенных сведений видно, что поэма имела 3 части и в изд. 1887 г. был напечатан отрывок из последней части. Перекличка «Сына» с поэмой Некрасова «Несчастные» несомненна. Ср., например:

Якубович

Нет, не узнай ничего!
Бей роковую тревогу!
Все выходи на дорогу,
В чистое поле гляди,
Сына погибшего жди.

Некрасов

Кто скажет ей: «Уж нет его!
Загородись двойною рамой,
Напрасно горниц не студи,
Простись с надеждою упрямой
И на дорогу не гляди»,

III. В ДОРОГЕ
(1887)

Раздел охватывает стихотворения, написанные перед отправлением на каторгу и по пути в Карийскую каторжную тюрьму. 20 июня 1887 г. Якубович был закован в кандалы и отправлен по этапу. На Кару прибыл 20 июля 1888 г. (Тобольский архив). Путь Якубовича на каторгу нашел отражение в воспоминаниях современников (Воспоминания А. И. Хлебникова (ПД); Н. К. Из воспоминаний о Якубовиче. «Киевская мысль», 1911, № 84, 25 марта).

Перед отъездом. Впервые — изд. 1898 г., стр. 7. Д. П. Якубович в авт. экз. указывает, что первоначальное название в автографе — «Сестре» и в стихе 6 вместо «скорби» было «пытка». Беловой автограф с заглавием «Отъезд» — в письме к Н. К. Михайловскому от 10 мая 1897 г. (ПД). Обращено к М. Ф. Якубович, сестре поэта.

«Оттого моя арфа безмолвна висит...». Впервые — «Мир божий», 1896, № 8, стр. 36, в составе цикла «Поэт». Стихотворение, возможно, является откликом на смерть С. Я. Надсона (ум. 19 января 1887). Положено на музыку Р. М. Глиэром.

«Прощай, мой друг! Я бодр — воскресни!..». Впервые — изд. 1898 г., стр. 8, под заглавием «Сестре». Печ. по изд. 1901 г., стр. 160. Обращено к сестре, М. Ф. Якубович.

Надпись на сибирском этапе. Впервые — сб. «Ссыльным и заключенным». СПб., 1907, стр. 176, где завершало цикл «Из былого», подпись: П. Я. (Л. Мельшин). Первоначально было «написано или, вернее, вырезано перочинным ножом на стене одного из ближайших к Томску полуэтапов», — сообщает в своих воспоминаниях А. И. Хлебников (ПД). *Ты, юность новая, расти.* Описывая этапный путь в Сибирь, А. И. Хлебников вспоминает: «К Якубовичу мы, молодежь, относились с большим уважением, каким-то особым почтеньем, а впоследствии даже с любовью». В. И. Фролов, сблизившийся с Якубовичем на арестантской барже, подчеркивает, что «бессменным учителем нашим был Якубович». Он организовал группу из молодежи «и весь путь до Тобольска, каждую свободную минуту посвящал наставлению нас, учил нас, как вести нам революционную работу по возвращении из ссылки. Мы проходили все вопросы, начиная с философского обоснования программы и кончая мельчайшими деталями тактики... Он держался совершенно просто, никаких претензий на «генеральство», на командование никогда не обнаруживал» (Воспоминания Фролова, ЦГАЛИ, ф. В. Г. Короленко).

Портрет («Странная девушка... Вечно веселая...»). Впервые — РБ, 1895, № 5, стр. 73, подпись: П. Я. Этим стихотворением

началось сотрудничество Якубовича в РБ, продолжавшееся до конца жизни. Обращено к Р. Ф. Франк: в авт. экз. Якубович рядом с заглавием сделал пояснение (в скобках): «Р. Ф. Франк». *А впереди... тьма нерассветных ночей!* 13 мая 1887 г. Франк была отправлена из каменец-подольской тюрьмы этапным порядком в московскую Центральную пересыльную тюрьму, а затем выслана в Сибирь под гласный надзор полиции на 3 года.

Расставание. Впервые — «Новое слово», 1896, № 7, апрель, стр. 94, под заглавием «Прощанье», с пропуском по цензурным мотивам стихов 13—14, обозначенных интервалом, подпись: П. Я. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 177, где восстановлена цензурная купюра. Здесь под стихотворением помета: Иркутск, нами не сохраненная. Д. П. Якубович указывал, что в «красной книжечке» стихотворение называлось «Последнее расставание» и имело примечание: «В этих стихах изображена наша разлука с Р. Ф. Франк в Иркутске 6 декабря 1887 г., но написаны они, кажется, позже: «Кругом Байкала» — на Каре, в 89 г., «Последнее расставание» — в Акатуе, в 91 г. Впрочем, некоторые строки, — я отлично помню, — складывались на берегу Байкала». По счастливой случайности, следуя в Сибирь, Якубович встретился после трехлетней разлуки со своей невестой Р. Ф. Франк, отправлявшейся в ссылку в Якутскую область. В начале декабря 1887 г. он разлучился с Франк. Эпизод этот отмечен также А. В. Прибылевым (От Петербурга до Кары. Воспоминания. М., 1923, стр. 75—80). *На глазах твоих поспешно кузнецы меня сковали.* Кандалы на Якубовича надели еще перед отправкой в Сибирь. Здесь имеется в виду перековка, описанная в воспоминаниях В. И. Фролова. «Перед Пермью Якубович заявил начальнику конвоя, что ему кандалы жмут ноги, и его перековали. Его вывели на корму баржи за решетку, а мы сошлись у решетки. Вышел кузнец со связкой кандалов, с Якубовича сняли цепи, и он прошелся перед нами как свободный гражданин, а затем ему выбрали кандалы с кольцами пошире, и он был закован, теперь уже на много лет» (ЦГАЛИ).

Кругом Байкала. Впервые — «Восточное обозрение» (Иркутск), 1895, № 128, 29 октября, под заглавием «Поездка вокруг Байкала», подпись: П. Я. В изд. 1901 г., т. 1, стр. 165, озаглавлено «Поездка кругом Байкала». Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 179.

IV. КАРА И АКАТУЙ

(1889—1893)

В Карийскую мужскую каторжную тюрьму Якубович прибыл 20 февраля 1888 г. и находился в ней до ее закрытия (1890). Там ссыльные мыли золото. Из Кары был переведен в Акатуй, где политические не были отделены от уголовных. В Акатуйскую тюрьму Якубович прибыл 19 сентября 1890 г., здесь три года он работал в серебряных рудниках (Тобольский архив, л. 12). Акатуйская

тюрьма считалась одной из самых строгих по режиму. В ней содержались секретные и «цепные», т. е. прикованные цепью к стене, арестанты. Первыми политическими узниками Акатуя были польские повстанцы и декабристы — Лунин и др. Период каторжной жизни Якубовичем описан в известной книге «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника» (изд. 7-е, тт. 1—2. М., 1933) и в статье «Vae victis!» («Современные записки», 1906, № 1, стр. 1—18).

«К о г д а с д у ш о й, с т р а д а н ь е м о х л а ж д е н н о й...». Впервые — изд. 1898 г. (2), стр. 41, с цензурным пропуском стиха «Бряцая звеньями оков». Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 183. Беспощадную инвективу Якубовича, обличающую либеральное народничество с его программой «малых дел», в РБ не напечатали, несмотря на настойчивые просьбы Якубовича. В декабре 1896 г. Якубович спрашивает о судьбе стихотворения и предлагает смягчить его для цензуры, выбрасывая стих: «Бряцая звеньями оков» (письмо к А. И. Иванчину-Писареву от 21 декабря 1896 г., ПД). Ответа не последовало. В августе 1898 г. он вновь пишет: «Наведите, дорогой А. И., справочку об одном моем стихотворении, очень давно посланном в редакцию («Когда с душой, страданьем охлажденной...»): цензор ли его не пропустил, так ли просто оставлено оно было втуне? На случай, снова переписываю и посылаю: мне оч<ень> хотелось бы видеть эти стихи в «Русском богатстве» (письмо к А. И. Иванчину-Писареву от 15 августа 1898 г., ПД). Стихотворение не появилось, несмотря на то что Якубович «постучался» к самому Н. К. Михайловскому (письмо от 15 октября 1898 г., с беловым автографом, ПД). *Ваше я, божка с утробой жадной, убили ль.* Фраза эта восходит к рассказу В. М. Гаршина «Ночь», где читаем: «Вырвать из сердца этого скверного божка, уродца с огромным брюхом, это отвратительное *Я*». Через год Н. В. Шелгунов резко осудил эгоизм либералов 1880-х годов, у которых «до непомерности развито чувство личного *Я*, но только в сторону самосохранения... Восьмидесятник прежде всего хороший счетчик, и жизненные весы его устроены так, что чашка, на которую кладет он свое личное *Я*, всегда перетягивает другую чашку» («Русская мысль», 1890, № 8, стр. 142).

«С м о л к ч е с т н ы й г о л о с у б е ж д е н ь я...». Впервые — «Мир божий», 1898, № 3, стр. 19, в цикле: «Думы и отклики». Написано «по прочтении в „Ниве“ 87 г. стихотворения С. Бердяева на смерть Каткова: „Еще одна великая (!!) могила“» (прим. Якубовича). В стихотворении Сергея Бердяева «На могилу М. Н. Каткова» («Нива», 1887, № 31, стр. 774) Катков назван «последним титаном», а его могила «священной». О Каткове см. примечание к стихотворению «К сестре», стр. 412.

«Н а з а р е н а ш и х д н е й, я с н ы х, с о л н е ч н ы х д н е й...». Впервые — «Мир божий», 1898, № 12, стр. 24, с цензурным пропуском стихов 4—8 строфы 1-й и четырех заключительных стихов (стихотворение кончалось словами «Нет, вы слепы, вы глухи...»),

Пропуски обозначались точками. Строка точек после стиха 12 обозначает паузу и к цензуре отношения не имеет (об этом см. в письме Якубовича к В. Н. Шеталову от 11 августа 1905 г., ЦГАЛИ). Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 186, где восстановлены цензурные купюры. Написано «по получении первого туманного известия о страшной Якутской истории...» (прим. Якубовича). В марте 1889 г. за отказ группы политических ссыльных ехать на верную смерть в Верхоянск 6 человек было расстреляно, 3 — повешено, 24 человека приговорено к вечной каторге. Р. Ф. Франк была приговорена к 15 годам каторги, замененной 4 годами, и отбывала ее в Вилюйском остроге, где перед тем томился Н. Г. Чернышевский (см. Л. Мельшин. «Vae victis!». «Современные записки», 1906, № 1, стр. 1—18). Биография Р. Ф. Якубович-Франк написана Д. П. Якубовичем (Якутская трагедия. Сборник воспоминаний и материалов. М., 1925, стр. 171—184).

«Часа свиданья дождавшись, в ночной нелюдимой тиши...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 87, под заглавием «Над портретом», с цензурной заменой в последнем стихе «людей» вместо «царей». Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 188, где после стиха 5 опущены четыре строки текста и исправлен последний стих. Обращено к Р. Ф. Франк. *Тантал* (греч. миф.) — царь, любимец богов, посещавший их на Олимпе; возгордившись, Тантал оскорбил богов и был за это низвергнут ими в подземное царство, где испытывал тяжкие мучения.

К Родине. Впервые — изд. 1898 г., стр. 174, где по цензурным причинам помещено в разделе «Из иностранных поэтов», с фиктивным подзаголовком: «Из ирландских песен О'Коннора». После стиха 12 шло восемь строк, исключенных в изд. 1901 г., т. 1, стр. 191. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 211, где была снята ссылка на О'Коннора. Якубович предлагал Н. К. Михайловскому, чтобы обойти цензурные препятствия, дать в РБ подзаголовок «„С итальянского“, напр., „Из Никколини“, с подстрочным примечанием „писано до объединения Италии, в изгнании“. Но тогда бы пришлось читать: „Гнала на край земли, под кровли чуждых стран“ и „сосновый бор“, как ни досадно это, заменить „лавровым лесом“» (письмо от 12 октября 1895 г., ПД). Как переводное из О'Коннора включалось в сборники: «Зарницы», «Песни труда и неволи». В архиве С. А. Венгерова хранится ранняя редакция стихотворения, свидетельствующая о большой стилистической работе, проделанной в дальнейшем над текстом. В изд. 1910 г. было помещено после стихотворения «Мне снилось сегодня — в безвестном краю...». В авт. экз. помечено: «Должно быть помещено раньше: написано еще на Каре, весной или летом 1890 г.» (прим. Якубовича). На этом основании публикуем его после стихотворений 1889 г. Цензор Н. Соколов настаивал на исключении из изд. 1898 г. стихотворения «К Родине», которое было раньше запрещено для журнала «Мир божий», но маскировочный подзаголовок спас. После дебатов цензурный комитет счел, что стихотворение, «относящееся непосредственно к Ирландии,

не выходит из пределов терпимости» (ЦГИАЛ, Дело С.-Петербургского цензурного комитета, 1897, № 154, «По отпечатанной... бесцензурной книге П. Я. Стихотворения. СПб., 1898») В. Г. Короленко дал высокую оценку стихотворению, отметив, что у Якубовича ненависть к угнетателям не распространяется на самую родину. Сопоставив стихотворение Якубовича с патриотической лирикой Лермонтова и Жуковского, Короленко отметил глубину и своеобразие «истинной любви к родине» у поэта, значительную часть жизни проведшего на каторге: «Жизнь его и его поколения сложилась тяжко и печально. Совсем юношей попал он на каторгу за то, что рано полюбил свободу в стране рабства. И он горько упрекает родину, которая гнала своих детей «на край земли, в снега безлюдных стран, убивала в цвете сил»... Говорил он это из глубины каторги не только от себя, но и от сотен таких же страдальцев... Но и этот поэт признает все-таки родину матерью. Он говорил далее, как Лермонтов:

За что, не знаю я, но каждое дыханье,
Мой каждый помысел, все силы бытия —
Тебе посвящены, тебе до издыханья!
Любовь моя и жизнь тебе, о *мать моя!*..

И он всей жизнью доказал, что такая любовь не выдумана, что она существует в действительности, что так любили родину многие из того недавнего поколения. Не знаю, как на кого, а на меня этот крик сыновней любви, вырвавшийся из груди каторжника Якубовича, производит впечатление более неотразимое и глубокое, чем превосходные картины Лермонтова и светлые воспоминания Жуковского. Якубовича судил суд самодержавного насилия. Но это насилие поддерживалось рабской покорностью и темнотой всего народа. Его заковали в кандалы, гнали этапами и сторожили на каторге те же сыны народа... И все-таки он что-то любит в этой рабской стране, погубившей его молодую жизнь... Таково это странное чувство» (В. Г. Короленко. Война, отечество и человечество. Иркутск, 1917, стр. 11—13).

Крест и идеал. Впервые — «Новое слово», 1896, № 11, август, стр. 194, подпись: П. Я., под нейтральным заглавием цензурного происхождения «Из глуши» и с цензурными купюрами стихов 3—4 и 11—12, обозначенных точками. С восстановленными цензурными пропусками — изд. 1910 г., т. 1, стр. 190. Печ. по авт. экз. В архиве С. А. Венгерова имеется список ранней редакции. (Первое собрание автобиографий № 2995, ПД). Заглавие «Крест и идеал» Якубович хотел дать всей книге: «Заглавие для книги стихотворений, давно в мечтах лелеянное мной (еще в Акатуе), — «Крест и идеал». Но никто из близких мне не одобряет его, находя вычурным и непонятным (?). И я сам теперь колеблюсь... Все-таки хотел бы...» (прим. Якубовича). Стихотворение, по-видимому, заинтересовало Горького, так как в письмах к нему Якубович, подробно останавливаясь на раскрытии понятия «идеал», полемизирует с ним: «Ваш взгляд на «идеалы» как на какую-то «ткань», облекающую формы

жизни-женщины, я ни в коем случае разделить не могу. Сравнение не довод, и идеал есть, по-моему, душа жизни, а не ее одежда. Впрочем, нужно прежде всего условиться в понимании терминов. Мне все кажется, что «жизнь» в Вашем понимании есть что-то метафизическое: как это так «любить идеалы больше жизни — *неудобно для человека и для жизни обидно*»? Мне это совершенно непонятно... Если я говорил, что идеалы надо любить больше жизни, то разумел именно, что их нужно любить больше своего личного бытия и больше *художественного созерцания* совершающегося на наших глазах мирового бытия, но отнюдь не больше человечества, его интересов и счастья. Последнее было бы бессмыслица, так как идеал, по моему разумению, и есть именно — счастье человечества. Вы вот говорите: «стремление к истине и справедливости есть идеал самый лучший». Может быть, и лучший, но, к сожал<ению>, чересчур туманный... Справедливость — не менее спорное и субъективное понятие: соврем<енные> нам крепостники и рабовладельцы, конечно, считают справедливым, чтобы одна половина рода человеч<еского> работала на другую; ...Я определил бы так «лучший» идеал: это — счастье всего человечества, счастье *всех вместе и каждого в отдельности*. Идеал этот недосягаем в том смысле, что то высшее счастье, какое мы с Вами теперь можем вообразить и нарисовать себе, через несколько тысячелетий, наверное, покажется людям недостаточным — горизонты их расширятся, силы увеличатся, и идеал опять отдалится. И так, надо надеяться, будет без конца. И это, конечно, хорошо!» (письмо от 14 февраля 1900 г. Архив А. М. Горького). *Звезда неведомого счастья* — реминисценция из Пушкина («К Чаадаеву»).

«*Как вы, я петь бы мог...*». Впервые — «Новое слово», 1896, № 8, май, стр. 184, начало: «Я так же петь бы мог...», подпись: П. Я. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 192. Вошло в сб. «Песни свободы». Реакционная печать встретила нападками стихотворение Якубовича. См. отзыв К. Медведского в «Московских ведомостях» (1897, № 341, 11 декабря), а также выпад А. Коринфского в журнале «Север» (1898, № 7, стр. 222—223).

«*Нет, еще мало страдал я во имя свободы и света...*». Впервые — «Мир божий», 1898, № 2, стр. 189, в цикле «Из признаний». В изд. 1899 г., стр. 15, входило в триптих «Поэт». Печ. по изд. 1902 г., т. 1, стр. 182. На стихотворение обратила внимание «Звезда», назвав его трогательным «после всего, что поэтом выстрадано» (1912, № 19, 18 марта).

«*Если честно вы храните...*». Впервые — «Мир божий», 1899, № 10, стр. 21, подпись: П. Я. С небольшими исправлениями — изд. 1899 г., стр. 67. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 194. В архиве С. А. Венгерова (ПД) имеется список ранней редакции с разночтениями во 2—3-й строфах.

Юность. Впервые — «Живописное обозрение», 1891, № 46, стр. 322, под заглавием «Юности», подпись: И. Алексеев (в части

тиража подпись: Осип Алесеев). С исправлениями — изд. 1898 г., стр. 43. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 195. В журнальном тексте в последней строфе был отзвук Некрасова («В больнице»):

Сразу ничто на земле не дается,
Жертва собой неизбежна в борьбе.

Опубликовано при содействии сестры, когда Якубович находился на Каре (прим. Якубовича). Случайный псевдоним дан А. К. Шеллером (Михайловым). Вошло в сб. «В грозу», под заглавием «Прощание». Марксистская критика выделила это стихотворение: «Надежда видеть в молодом поколении повторение лучшего (в идейном отношении) периода собственной жизни внушает поэтам горячее сочувствие юности, — писал М. С. Ольминский. — Первым высказался в этом смысле П. Я. (его стихотворение «Юность» — одно из наилучших в лирике последних годов)... Надежда на молодое поколение развивается вместе с верой в грядущее обновление жизни» (Степаныч <М. С. Ольминский>. Мотивы текущей лирики. «Восточное обозрение», 1899, № 279, 25 декабря). Цитируя стихи из «Юности», большевистская «Звезда» считала их образцом «его <Якубовича> постоянной веры в «молодость» и любви к ней...» (1912, № 19, 18 марта). Сам Якубович в письме к М. Горькому от 29 января 1900 г. отметил, что «герои наши много родственны между собой» (М. Горький. Материалы и исследования, т. 2. М. — Л., 1936, стр. 369). Положено на музыку П. Чесноковым. *Икар* (греч. миф.) — сын Дедала, хитроумного изобретателя. Заточенный царем Миносом в лабиринт, Дедал сделал крылья из перьев, скрепленных воском, и улетел с сыном. В пути Икар поднялся слишком высоко, и солнце растопило воск. Юноша упал в море и погиб.

Прощание. Впервые — «Живописное обозрение», 1891, № 46, стр. 318, под заглавием «Оглядка на прошлое», подпись: П. Смирный. «А. К. Шеллер неуклюже озаглавил „Оглядка на прошлое“» (прим. Якубовича). С исправлениями — изд. 1898 г., стр. 45. С новыми исправлениями — изд. 1899 г., стр. 70. Без четырех стихов, следовавших после строки 16-й, — изд. 1901 г. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 197. Стихотворение удалось передать из тюрьмы; опубликовать его (в «Живописном обозрении») помогли друзья. Написано в день рождения Якубовича (ему исполнилось тогда 30 лет).

«Да! в мире живых нам свидания нет...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 81, с цензурным пропуском двух заключительных стихов. В изд. 1899 г., стр. 120, восстановлена половина предпоследнего стиха («А память о наших печалях»). С пропуском 4 стихов, следовавших после стиха 4, — изд. 1901 г., т. 1, стр. 181. Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 199, где восстановлены цензурные купюры и исправлен последний стих. Автограф (без двух последних стихов) приложен к письму Якубовича к Н. К. Михайловскому от 10 мая 1898 г. (ПД).

«Давно предузнал я твой жребий, голубка моя дорогая!..». Впервые — изд. 1899 г., стр. 121. С исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 182. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 200. В стихотворении рассказана история трагической любви П. Якубовича к Р. Ф. Франк, их встреча, арест, разлука, каторга... *Давно предузнал я твой жребий...* — слегка измененная строка Лермонтова: «Я предузнал мой жребий» (см.: «1831-го июня 11 дня»). *И, в бурю от пальмы родимой оторванный вихрем листок.* Образ гонимого бурей листка был популярен в русской поэзии. Ср. «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...» Лермонтова — стихотворение, повлиявшее на стихи 3—4 Якубовича, и стихотворение петрашевца С. Ф. Дурова «Листок».

«Всё глубже сон и мрак на небесах отчизны...». Впервые — изд. 1898 г. (2), стр. 70. С исправлениями — изд. 1899 г., стр. 82. С новыми исправлениями и без четырех строк, следовавших за стихом 4-м, — изд. 1901 г., т. 1, стр. 184. Печ. по изд. 1902 г., т. 1, стр. 191. В архиве С. А. Венгерова имеется ранняя редакция стихотворения (Первое собрание автобиографий, № 2995, ПД). Из нее видно, что работа над стихотворением шла по линии сокращения (после слова «назад!» убрана целая строфа) и стилистической шлифовки (например, заменен стих 4: «И бодрый клич „Вперед!“ сменил призыв „назад!“» как неясно выражающий мысль).

«Снова в душе загораются...». Впервые — РБ, 1897, № 3, стр. 96. В авт. экз., т. 1, стр. 203, вариант — поправка к последней строфе: «или: вопросы (загадки) всесветные». Написано «перед переводом в Акатуй (с Кары)» (прим. Якубовича), куда он прибыл 19 сентября 1890 г.

«Наш полдень бил — и из всего...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 84, без стихов 14—24. Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 205, где дан полный текст. Стихи 14—24 публикуются впервые. Здесь же приписка: «Акатуй; мне исполнилось 30 лет. На верхней шахте, — в думах о самоубийстве...». Стихотворение обращено к «товарищу по судьбе» — Р. Ф. Франк. *Цветок... который имя дал тебе!* — роза.

«Ты не много опять, но любя написала...» Впервые — «Новое слово», 1896, кн. 1, октябрь, стр. 152, в цикле «Листки из жизни». После стиха 12 шло четверостишие, исключенное в изд. 1901 г., т. 1, стр. 188. Печ. по этому тексту. Д. П. Якубович приводит в авт. экз. примечание П. Ф. Якубовича из утраченного автографа: «За это стихотворение меня часто обвиняли, но оно выражает заветнейшие мои мысли и чувства; прошедшее имеет надо мной власть, которой, я думаю, ничто не разрушит. Ноябрь 90 г. Акатуй».

«Терпенье, кроткое терпенье!..». Впервые — изд. 1898 г., стр. 86. Дата: «Декабрь 1890, Акатуй» указана Д. П. Якубовичем в авт. экз. по автографу. Там же он приводит слова П. Ф. Якубовича: «Оно остается одним из любимых моих детищ»

и автоперевод этого стихотворения на французский язык с примечанием: «Наверное, этот перевод довольно нелеп, и помещаю его здесь только как курьез. Впрочем, последний стих, мне кажется, звучит очень хорошо. Май 1893 г., Акатуй». Перевод вписан Д. П. Якубовичем в авт. экз., т. 1, стр. 207. Обращено к Р. Ф. Франк. *Иаков ждал своей Рахили...* В Библии рассказывается о том, как Иаков, плененный красотой Рахили, младшей дочери Лавана, семь лет прослужил у него пастухом. Но Лаван обманом сделал Иакова мужем другой своей, старшей дочери. Иаков служил еще семь лет ради Рахили и достиг цели. В книге Якубовича «В мире отверженных» читаем: «Если бы и двенадцать лет пришлось мне ждать, я нашел бы в себе достаточно любви и силы, прождал бы!» (т. 2. М., 1933, стр. 36).

«З д р а в с т в у й, з а б ы т ы й р у д н и к! ..». Впервые — изд. 1898 г., стр. 118, в цикле «В стране сопок», с цензурным пропуском стиха 11. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 208. Якубович хотел использовать стихотворение в качестве эпиграфа к первой главе очерков «В мире отверженных» — «Шелаевский рудник» (под именем Шелая выведен Акатуй), но по цензурным причинам глава была напечатана без эпиграфа (РБ, 1895, № 10, стр. 78). Посылая стихотворение в редакцию РБ, Якубович указал, что его можно было бы опубликовать по цензурным соображениям с фиктивным подзаголовком «Из Гюйо, перевод неизвестного автора». Подобная попытка опубликования делалась сестрой поэта, М. Ф. Якубович, в журнале «Мир божий» еще в годы пребывания Якубовича в Акатуе, но безуспешно (письмо к А. И. Иванчину-Писареву от 19 мая 1896 г., ПД). Мысль использовать для литературной конспирации имя французского поэта-философа Ж. Гюйо (1854—1888) была, несомненно, подсказана Якубовичу стихотворением Гюйо «В руднике», рисующим труд каторжан. Тема страданий в нем также озарена верой в победу «могучего света». В переводе С. Г. оно было опубликовано в «Русской мысли», 1893, № 1, стр. 226. Переводы из Гюйо в 1890-е годы печатались также в «Вестнике Европы», «Мире божьем» и др. Цензор Соколов настаивал на изъятии стихотворения «Здравствуй, забытый рудник! ..» из изд. 1898 г. как проникнутого «гражданской скорбью», но В. Г. Короленко, вызванному в цензурный комитет, удалось отстоять его, согласившись на исключение строки о декабристах: «Вы ли, святые страдальцы свободы...» (ЦГИАЛ, Дело С.-Петербургского цензурного комитета, 1897, № 154, «По отпечатанной... бесцензурной книге П. Я. Стихотворения. СПб., 1898»). *Здравствуй, забытый рудник!* Якубович в брошюре «Вместо Шлиссельбурга» писал: «В акатуевском серебряном руднике работали еще декабристы (на акатуевском деревенском кладбище и теперь еще сохраняется памятник над могилой Лунина...), но, кажется, в начале 60-х годов, по неизвестным мне причинам, рудник этот был закрыт и заброшен, а обветшалая тюрьма срыта. Только в конце 80-х годов прошлого столетия, когда правительство Александра III решило вернуться в отношении политических каторжан к режиму жестокой николаевской эпохи и поставить

их в одинаковые с уголовными условия жизни, — оно вспомнило опять об Акатуе и по плану Галкина-Враского, тогдашнего директора Гл. тюр. управления, начало строить там «образцовую» тюрьму, размером на 150 человек, где политические должны были жить и работать вместе с уголовными» (В мире отверженных, т. 1. М., 1933, стр. 386). *Стальные буры, молот сурово звучит.* «Якубович за время своего пребывания в Акатуе уже успел „проделать“ несколько профессий: он был бурильщиком, молотобойцем, наконец, „буроносом“» (Л. В. Фрейфельд. Воспоминания. «Каторга и ссылка», 1928, № 4, стр. 5). *Святые страдальцы свободы* — имеются в виду декабристы, работавшие когда-то в Акатуе. *Великую клятву даю* и т. д. — Якубович, по свидетельству Д. П. Якубовича, говорил, что он «не совсем сдержал клятву — она <клятва> имела в виду именно «песню», не прозаический, но поэтический рассказ («поэму»), которая мечталась ему на каторге...» (В мире отверженных, т. 1. М., 1933, стр. 387). Желание Якубовича поставить стихотворение эпиграфом к главе «Шелаевский рудник» было осуществлено лишь посмертно — в изд. 1933 г.

«Мне снилось сегодня — в безвестном краю...». Впервые — РБ, 1895, № 11, стр. 264, с цензурным пропуском стихов 9—10, обозначенных точками. С исправлениями — изд. 1898 г., стр. 136. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 210, где дано с исправлениями и восстановленными цензурными купюрами. В архиве С. А. Венгерова есть ранняя редакция стихотворения с разночтениями в стихах 6—11 и 14—15 (первое собрание автобиографий № 2995, ПД). Было очень популярно и неоднократно входило (обычно под заглавием «Матери») в сборники: «Новый сборник революционных песен и стихотворений» (Париж, 1898); «Вы жертвами пали»; «Под гнетом самодержавия», «Перед рассветом», «Песни труда и неволи», «Сборник революционных песен и стихотворений» (Берлин, 1906); «Песни борьбы» (1902). Переведено П. Грабовским на украинский язык (Выбрані твори, Київ, 1949). Переведено на шведский язык Р. Линдквистом. См.: Under röd Himmel. Nyryska dikter j urval. Svensk tolkning av Rafael Lindqvist. Helsingfors — Tammerfors, 1945, стр. 11. (Сообщено М. П. Алексеевым).

Батрак. Перевод стихотворения Марии Конопницкой «Wolny najmita». Впервые — изд. 1898 г., стр. 176. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 218, где после 8-й строфы были опущены две строфы, имеющиеся в изд. 1898 г.:

Свободный... Ведь можешь лежать ты бездумно,
Идти, не жалея пораненных ног,
Рыдать без конца иль смеяться безумно,
Петь песни... Суди его бог!..

Замерзнуть ты можешь, покончить с собою,
О камни дорожные череп разбить...
Заря будет снова сменяться зарею,
Зари для него уж не быть!..

Перевод Якубовича был популярен, включался в 1902—1907 гг. во многие сборники: «Песни борьбы» (1902), «Зарницы», «Перед рассветом», «Песни труда и неволи». Цензура, налагая арест на стихотворение Якубовича, отмечала: «в стихотворении «Батрак» тенденциозно указывается на разорение землепашца за невзнос податей, которые автор иронически называет «Священной заповедью неба» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1913, № 384, «О наложении ареста на брошюру под названием „Из стихотворений Л. Мельшина (П. Я) „Жизнь— борьба, а не рабство..“»). *Конопницкая* Мария (1842—1910) — известная польская писательница. В ее творчестве нашло отражение революционно-освободительное движение в Польше и России 1860—1890-х годов. Якубович высоко ценил революционно-романтическую лирику Конопницкой, проникнутую публицистической страстью. Он переводил также в молодости из Адама Асныка, большого друга Конопницкой («Две встречи» в изд. 1887 г., стр. 65). Неопубликованные переводы Якубовича из Адама Асныка — в ПД.

Из смутных дней. Перевод стихотворения Марии Конопницкой «Z dni smutku». Впервые — «Русская мысль», 1896, № 2, стр. 107, подпись: П. Я. Печ. по изд. 1899 г., стр. 289, где опубликовано с пропуском стиха 34 («Зачем ты всегда так лениво всходило»).

Человек. Впервые — РБ, 1896, № 10, стр. 217. С исправлениями — изд. 1899 г., стр. 39. С новыми исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 198. С незначительными исправлениями — изд. 1902 г., т. 1, стр. 205. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 217. Вошло в сб. «Песни свободы». В 1913 г. цензор отметил в стихотворении «Человек» «бунтовщические стремления»: «Революционное настроение автора, скрывающееся под маской стремления к правде и свободе, может легко найти отклик в умах незрелых читателей и вызвать подражание» (ЦГАЛИ, Дело Главного управления по делам печати, 1913, № 384, «О наложении ареста на брошюру под названием („Из стихотворений Л. Мельшина (П. Я.). „Жизнь — борьба, а не рабство...“»). Н. К. Михайловский опасался его напечатать в РБ и тянул с решением около 9 месяцев (письма Якубовича к А. И. Иванчину-Писареву от 5 июня и 29 июля 1896 г., ПД). Якубович включил «Человека» в список программных стихов, «которым, — сообщал он Бонч-Бруевичу, — сам я придаю некоторое значение» («На литературном посту», 1927, № 24, стр. 31). А. В. Амфитеатров писал: «Стихотворный „Человек“ Якубовича на 12 лет опередил ритмическую прозу „Человека“ Максима Горького. Поставьте рядом две эти вещи: они удивят вас единством настроения и идейной дидактики» (Литературные впечатления. «Современник», 1911, № 4, стр. 315). См. также отзыв Р. И. Сементковского (Что нового в литературе? «Нива. Ежемесячные литературные приложения, 1896, № 12, стр. 917—920).

Сестре («Печально прошла твоя жизнь, моя бедная!..»). Впервые — РБ, 1895, № 5, стр. 117, подпись: П. Я. Обращено к М. Ф. Якубович. Д. П. Якубович указывает в авт. экз., что в автографе было озаглавлено: «Сестре и многим другим русским девушкам».

«Во мраке былого, в грядущих веках...». Впервые — «Новое слово», 1896, кн. 1, октябрь, стр. 152, в цикле «Листки из жизни», подпись: П. Я. С исправлениями во 2—3-й строфах — изд. 1898 г., стр. 160. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 223, где сделана поправка в стихе 9.

Песня бурильщиков. Впервые — в тексте книги: Л. Мельшин <П. Ф. Якубович>. В мире отверженных, т. 2. СПб., 1899, стр. 272 (в главе «Кошмар»), без заглавия и последнего четверостишия и с цензурными смягчениями (вместо «Знамя вырвано из рук» — «Роковой очерчен круг»). Книга фактически вышла в конце 1898 г. Почти одновременно подлинный текст под заглавием «Песня рубильщиков» опубликован в «Новом сборнике революционных песен и стихотворений» (Париж, 1898, стр. 50). Этот сборник был составлен П. Л. Лавровым. С незначительными исправлениями по сравнению с предыдущим текстом и под названием «Песня бурильщиков» — изд. 1906 г., стр. 113. В изд. 1910 г., т. 1, стр. 224, песня не могла появиться полностью. Печ. по авт. экз., где Якубовичем была вписана последняя строфа и внесены мелкие поправки. В примечании Д. П. Якубовича на авт. экз. указана дата по несохранившемуся автографу: «92 г. Акатуй». В изд. 1906 г. дата: «1891. Акатуйский рудник». В главе «Кошмар» «Песне бурильщиков» предшествовал следующий текст: «Под могучими ударами настоящих бурильщиков без передышки и без конца раздавалось напряженное, гневное: «тук! тук! тук!». У меня, напротив, выходило унылое и минорное: «Тук да тук! тук да тук!» — и под эти минорные звуки сама собою складывалась грустная песня: „Там, где холодом облиты...“». Дальше шел текст песни. Входила в сб. «Вперед» (текст изд. 1906 г.), а также в несколько заграничных сборников революционных стихотворений нередко под заглавием «Песня рубильщиков»: «Под гнетом самодержавия», «Революционные песни», «Сборник революционных песен и стихотворений» (Берлин, 1906), «Песня бурильщиков» повлияла на пролетарскую поэзию. В качестве эпиграфа к стихотворению Е. М. Тарасова «На левом берегу» (1903) взяты первые два стиха из «Песни бурильщиков», а последние два стиха послужили его концовкой как раскавыченная цитата. Кроме того, в свое стихотворение Тарасов ввел 8-ю строку из «Песни бурильщиков» с небольшим изменением: «монотонным тук-тук-тук...» вместо: «монотонным „тук“ да „тук“» (см. «Русская революционная поэзия. Антология». Л., 1957, стр. 270). Перевод «Песни бурильщиков» Якубовича, выполненный П. Грабовским под названием «Пісня кайданників», вошел в сборник П. Грабовского «Пролісок» («Подснежник») (1894), но до последнего времени ошибочно считается ориги-

нальным стихотворением П. Грабовского (Избранное. М., 1952, стр. 105).

«Муки брата смягчая в чужой стороне...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 158, с цензурными купюрами в 3-й строфе (стихи 11—12). С исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 203. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 225, где восстановлена цензурная купюра. Стихотворение направлено против лицемерной гуманности либеральной интеллигенции 1890-х годов.

Забытый мертвец. Впервые — изд. 1898 г., стр. 89.

Памяти С. Н. Бобохова и И. В. Калюжного. Впервые — «Мир божий», 1897, № 9, стр. 20, без заглавия. С исправлениями — изд. 1898 г., стр. 163. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 230. В основу стихотворения положен факт «карийской трагедии»: 4 ноября 1889 г. на Каре после истязаний скончалась бывшая учительница — революционерка Надежда Константиновна Сигида (1862—1889). В знак протеста в женской Карийской политической тюрьме покончили с собой М. П. Ковалевская, Н. С. Смирницкая, М. В. Калюжная. В мужской тюрьме 13 ноября 16 человек приняли яд, но скончались двое: *Бобохов* Сергей Николаевич (род. 1858) и *Калюжный* Иван Васильевич (род. 1858). «Остальные отравившиеся были спасены» (прим. Якубовича). По свидетельству А. Прибылева, на Каре Якубович написал биографии Бобохова и Калюжного — «прекрасное описание жизни и психологии двух незабвенных товарищей, которое, к сожалению, затерялось... При разборе архива В. Л. Бурцева в 1912 г. я видел и держал в руках обрывок биографии Калюжного, написанный рукой Якубовича» (А. Прибылев. Еще о карийской трагедии 1889 г. «Каторга и ссылка», 1924, № 1, стр. 123). Революционеры выпустили прокламации о карийской трагедии, интересные стремлением привлечь к этому событию международное общественное мнение. (ЦГИАЛ, Вещественные доказательства к делу Министерства юстиции «О посылке по почте прокламаций о голодовке и самоубийстве политических заключенных Карийской каторжной тюрьмы...», ф. 1410, оп. 1, ед. хр. 553 и 562). Биографические сведения о Н. К. Сигиде, С. Н. Бобохове и И. В. Калюжном см. в сб. «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги» (М., 1927, стр. 232, 248, 272), в статье Якубовича «Vae victis!» («Современные записки», 1906, № 1, стр. 16—17); П. Ивановская. Документы о смерти Сигиды («Каторга и ссылка», 1929, № 11, стр. 108. В этом же номере опубликованы другие статьи и воспоминания о Н. К. Сигиде — Е. Ковальской, А. Кулакова, М. Жук — Жуковского). П. А. Грабовский, близко знавший Н. К. Сигиду, оставил о ней теплые воспоминания в журнале «Жите і слово» (см. РБ, 1912, № 5, стр. 42). Ей он посвятил свой сборник «Пролісок» (1894) и несколько стихотворений. В 1910 г. Якубович сделал приписку в авторском экземпляре: «Можно ли было тогда предвидеть, что страшная история эта почти буквально повторится в России 21 год спустя?!». Несомненно, Якубович имел в виду самоубийство Егора Сергеевича Сазонова (1879—1910). При-

говоренный к бессрочной каторге после террористического акта над министром внутренних дел В. К. Плеве, Сазонов, спасая товарищей от телесного наказания, в знак протеста отравился в Зерентуе 27 ноября 1910 г.

«Дороже райских благ, всего, друзья, что есть...». Впервые — «Новое слово», 1897, № 5, февраль, стр. 149—150, подпись: П. Я. С исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 209. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 231. По идее связано со стихотворением «Памяти С. Н. Бобохова и И. В. Калюжного». Н. К. Сигида на суде смалодушничала: подала прошение о помиловании. Потом она упорно искала повода искупить это «преступление» и предпочла смерть вечным угрызениям совести (о Н. К. Сигиде см.: «Современные записки», 1906, № 1, стр. 10—17). *Поцелуй и смех Далилы.* По библейской легенде, Далила — коварная филистимлянка, прельстившая иудейского героя Самсона, обладавшего сверхъестественной силой. Во время его сна она срезала у него семь прядей волос, в которых заключалась сила Самсона, и обессиленный герой попал в руки своих врагов — филистимлян.

«Проклятье — ваш удел, безумные века...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 53, начало: «Не вечно длиться вам, проклятые века! ..». С исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 212. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 234. Связано по теме со стихотворением «Мятежник» (см. стр. 323), с которым оно составляет «по замыслу одно целое» (Архив В. А. Гольцева, т. 1. М., 1914, стр. 223).

Идеалы

Цикл был сформирован в изд. 1906 г., но в его состав не вошли стихотворения: «Он светит, как маяк над бездною морскою...» и «Свобода». Первоначальное название цикла — «Судьба идеалов». В окончательной редакции опубликован в изд. 1910 г., т. 1, стр. 235. О понятии «идеал» у Якубовича см. примечание к стихотворению «Крест и идеал», стр. 428.

«Он светит, как маяк над бездною морскою...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 54, под заглавием «Идеал». В стихотворении отразились мысли П. Л. Лаврова, изложенные в 15-м письме «Критика и вера» (П. Л. Лавров. Исторические письма. 5-е изд. Пг., 1917, стр. 230—231.).

1. Именем любви. Впервые — «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая. Литературно-художественный сборник». СПб., 1901, стр. 302, с примечаниями: «В этот день, ровно 220 лет назад, в Испании было сожжено свыше ста человек — еретиков, колдунов, ведьм и марранов (так назывались евреи-выкресты, вновь обратившиеся к религии предков)». Автограф — в записной книжке Якубо-

вича, заглавие: «Вера», подзаголовок — «Судьбы идеалов» (ПД). В основу сюжета взят эпизод из истории испанской инквизиции. Царствование последнего Габсбурга, короля Карла II (1665—1700), было концом испанской монархии. В 1680 г., во время бракосочетания испанского короля Карла II с племянницей французского короля Людовика XIV Марией-Луизой, инквизиция, чтобы «угодить новой королеве и оказать ей достойную почесть, присоединила к брачным торжествам зрелище большого аутодафе из ста восемнадцати жертв, значительное число коих должно было погибнуть в огне и осветить последние моменты этих торжеств» (Хуан-Антонио Льоренте. Критическая история испанской инквизиции, т. 2. М., 1936, стр. 304).

2. Слава. Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 32. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 238. Автограф — в записной книжке (ПД). *Хеопс* — древнеегипетский фараон (3-е тысячелетие до н. э.); приказал построить пирамиду, над которой 20 лет работало 360 тысяч рабов, сменявшихся через каждые 3 месяца. *Александр* — Александр Македонский (356—323 до н. э.), прославленный полководец Древней Греции. *Рамсес* — имя нескольких египетских фараонов-завоевателей. *Школяры... тщетно силясь гекзаметр прочесть величавый.* Намек на классическую систему образования.

3. Мечтатели. Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 38, с цензурным пропуском слов: «название которому — семья», обозначенных точками. Автограф — в записной книжке (ПД). «Мечтатели» навеяны идеями Н. Г. Чернышевского. См. главу 16 романа «Что делать?» («Четвертый сон Веры Павловны»). Якубович, следуя за Чернышевским, смену исторических эпох в жизни женщины завершает картиной будущего общества. *Гимен,* т. е. Гименей (греч. миф.) — божество бракосочетания. Якубович здесь выступает не против семьи вообще, а против ее опошления в условиях эксплуататорского общества.

4. Свобода. Впервые — РБ, 1907, № 10, стр. 149. Сохранился «мотив» к стихотворению в записной книжке поэта: «Свобода. Есть один прекр<асный> призрак, подобно блуждающему огоньку скользивший над сумр<ачной> пустыней истории, манивший к себе сердца лучших людей. За него пролито крови, б<ыть> м<ожет>, больше, чем за все ост<альные> мечты и блага мира. И были ль они побеждаемы, эти честные и пылкие сердца, брали ль на минуту верх над грубой тиранией себялюбцев, равно лилась кровь и соверш<ались> злодейства то во имя порядка и закона, то во имя ослепит<ельного> идеала, у кот<орого> было имя «свобода, равенство и братство». Равно страдал под ярмом непос<ильного> труда невеж<ественный?> народ, равно остав<ался> далек от жизни светлый эдем, кот<орый> снится мечтат<ельным> умам безумцев и поэтов. И с каждой битвой, победой и поражением, с каждой новой жертвой все глубже раскрываются язвы, точащие несч<астное> человечество, ясней изоблич<ает>ся бессилие громких и красив<ых> девизов, ясней становится необходимость и неизбежность великой борьбы на живот и на смерть, борьбы, которая и не снилась вам, прекр<асные> и наивные

души прежних веков, вам, добл<естные> Леониды, Гармодии, Гракхи, Телли и Дантоны. Я боюсь, что вы содрогн<улись> бы в своих гробах, осен<енные> ореолом мученичества и славы. Я не знаю: пожали ли бы вы нашу руку, стали ль в наши ряды с кликом: «вперед, товарищи!». И благо еще, если наши потомки не назовут нас самих глупцами, не скажут, что и наша мысль робко останавлив<алась> на полдороге» (ПД). *Дантон* (1759—1794) — известный деятель Французской революции; был казнен по приговору якобинского революционного трибунала. *Кромвелева секира.* Кромвель Оливер (1599—1658) — выдающийся деятель английской революции XVII в. *Герои Фермопил.* Имеется в виду героическая оборона Фермопильского горного прохода (в Греции), который защищали в 480 г. до н. э. греки от вторжения персов. Войсками греков руководил спартанский царь *Леонид*, героически погибший в одном из сражений. *Брут* Марк Юний (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, глава заговора республиканцев против диктатуры Цезаря, завершившегося убийством последнего в 44 г. до н. э. *Гракхи* Тиберий (163—132 до н. э.) и Гай (153—121 до н. э.) — братья, политические деятели древнего Рима, боровшиеся против крупной землевладельческой аристократии и погибшие в этой борьбе. *Телль* Вильгельм — легендарный герой швейцарского народа в его борьбе за национальную независимость в XIV в.

«В безмолвии ль полночи...». Впервые — РБ, 1896, № 11, стр. 128. Печ. по изд. 1902 г., т. 1, стр. 222. Обращено к Р. Ф. Франк, которая отбывала каторгу в Вилюйске. Стихотворение переведено на украинский язык. П. Грабовским (Вибрані твори. Київ, 1949). Было популярно и современниками называлось как «всем известная песня» («Новости и Биржевая газета», 1900, № 354, 22 декабря).

«Были черные дни, страха полные дни...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 133. С исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 217. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 246. По распоряжению якутского губернатора Р. Ф. Франк 5 июля 1892 г. «водворена на поселение в Якутском округе» (Тобольский архив). Франк по приговору якутской военно-судебной комиссии была 22 июля 1889 г. «присуждена за вооруженное восстание против властей в г. Якутске... к ссылке в каторжные работы на четыре года» (Тобольский архив). Стихотворение было переведено П. Грабовским на украинский язык (Вибрані твори. Київ, 1949).

На всю жизнь. Впервые — изд. 1899 г., стр. 134. С исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 219. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 247, где в заключительном стихе слово «отжившим» было заменено «последним». *Пенелопа, Леандр* (греч. миф.) — образы непоколебимо преданных героев в любви и дружбе. Пенелопа — в «Одиссее» Гомера преданная супруга Одиссея. Во время его странствий хитростью избавилась от навязчивых женихов и дождалась супруга. Леандр — возлюбленный Геро (жрицы Афродиты), переплывавший к ней не раз через Геллеспонт. Погиб в бурю в волнах. Геро, увидя

его труп, бросилась в море. *Элоиза* — возлюбленная Абеляра, знаменитого средневекового философа XII в., принявшая вместе с ним монашество. *Весталка бедная.* Весталки — жрицы богини-покровительницы домашнего очага Весты у древних римлян. В храме Весты они должны были поддерживать вечный огонь.

Странник. Впервые — изд. 1898 г. (2), стр. 120, без подзаголовка. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 249. Стихотворение — не перевод из Гейне, а импровизация, сотканная из гейневских мотивов («Книга песен»).

На страже. Впервые — изд. 1899 г., стр. 276, по цензурным условиям в разделе «Из иностранных поэтов», в цикле «Из Чезаре Никколини (Тюремные мелодии 1830—1840 годов)», под заглавием «На страже Италии». Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 255, где введено посвящение. Вошло в сб. «Зарницы». *Зунделевич* Аарон Исаакович (1854—1923) — видный революционер-семидесятник, член «Земли и воли» и «Народной воли». Был 15 лет на Карийской каторге, где сблизился с Якубовичем. Позже примкнул к социал-демократам (см. «Каторга и ссылка», 1924, № 1, стр. 213—219).

«Сегодня я всю ночь не мог очей сомкнуть...» и «Пускай обвиняют, клевещут, бранят...». Впервые — РБ, 1904, № 11, стр. 143—144, по цензурным условиям в цикле «Песни побежденных (Из Чезаре Никколини)», с цензурными смягчениями: вместо «могучего трона» было «могучего Рима» и др. Печ. по авт. экз., т. 1, стр. 278. Как «переводы» оба вошли в сборники: «В грозу», «Песни борьбы» (1902), «За свободу». В авт. экз. Якубович не только зачеркнул «итальянский» заголовок, но и разрушил цикл, указав, что стихотворения «Сегодня я всю ночь...» (с пометой: Акатуй) и «Пускай обвиняют...» следует поместить после стихотворения «На страже», а «Решетки, бойницы... Об стены тюрьмы...» озаглавить «В думах о Шлиссельбурге» и отнести к 1901 г. Посылая стихи для сборника Ф. Д. Батюшкову, Якубович сообщил, что они «Шелайской марки <акатуйской>, не были напечатаны до сих пор по цензурным соображениям. Но, может быть, подзаголовок «Из Никколини» (обычный у меня для такого рода вещей), а также некоторые частные изменения (например, «престола святого», т. е. папского, вместо просто — «могучего трона») покажутся Вам достаточными гарантиями, чтобы пустить эти стихотворения. Буду рад, так как это — одно из любимых моих детищ...» (письмо от 2 августа 1903 г., ПД). Короленко писал по поводу этого стихотворения: «У Якубовича, искреннего революционера и пламенного поэта каторги, есть два стиха, которые должны звучать набатным предостережением всякому торжествующему насилию. Из глубины своего каземата он говорил самодержавию: Да, вы нас подавили, заковали, заперли в тюрьмы, но физическая победа — не всегда окончательная победа... Порой

Не тот, кто повержен во прах, побежден,
Не тот, кто разит, — победитель!»

(Вл. Короленко. Торжество победителей. «Русские ведомости», 1917, № 265, 3 декабря).

«Те годы ужаса, когда во тьме неволи...». Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 227, по цензурным причинам среди стихов «Еще из Чезаре Никколини (Из итальянских тюремных мелодий 1830—1840 годов)», в цикле «В рабочем доме» (т. е. каторжной тюрьме). В стихотворении противопоставляется одиночное заключение в Петропавловской крепости тюремным условиям в Акатуе.

«Ни застенков, ни криков, ни слез...». Впервые — изд. 1898 г. (2), стр. 233, под заглавием «Узник (Из Чезаре Никколини)», по цензурным причинам в разделе «Из иностранных поэтов». В изд. 1902 г., стр. 235, среди стихов «Еще из Чезаре Никколини», в цикле «В рабочем доме». Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 258, где снята ссылка на Ч. Никколини.

В голодный год. Впервые — «Мир божий», 1899, № 9, стр. 24—25, под отвлекающим цензуру заглавием: «На чужбине (Из ирландских песен О'Коннора)» и с разночтениями цензурного характера (например, вместо «избавит бог тебя» было «избавит Рим тебя»; вместо «Мой край, родимый край! воспрянь...» было: «Зеленый Эрин мой! Воспрянь...»). В изд. 1910 г., т. 1, стр. 260, — под маскировочным заглавием «Из-за морей», с фиктивным подзаголовком: «Из ирландских песен О'Коннора». Печ. по авт. экз., где заглавие было изменено, а также соответственно исправлено в стихе 4: «Ирландии» на «страдалицы». Входило в сборники «Зарницы», «Вперед» (анонимно). Под заглавием «В голодный год», без ссылки на О'Коннора, анонимно напечатано в 1905 г. в сб. «Перед рассветом». Ирландский поэт О'Коннор — фикция: «Не раз цензурные соображения заставляли приписывать эти стихи не существовавшему ирландскому поэту О'Коннору. Был даже стих: «Зеленый Эрин мой! Воспрянь...» (прим. Якубовича). Возбуждая в 1907 г. судебное преследование против составителя хрестоматии «Русская муза» Якубовича, цензура отмечала стихотворение «В голодный год» в числе произведений, в которых затрагивается «идея народного восстания для ниспровержения государственного строя». Приговором С.-Петербургской судебной палаты 21 мая 1913 г. «Русская муза», где было напечатано стихотворение, была уничтожена «вместе со стереотипами и другими принадлежностями, заготовленными для его напечатания» (ЦГИАЛ, Дело С.-Петербургского цензурного комитета по делам печати, 1907, № 157, «По возбуждению судебного преследования против виновных в напечатании книги... «Русская муза... Составил П. Я...»). *С далекой родины приходят злые вести.* Сообщения о голоде в России дошли до Акатуя в 1892 г.

Ночные гости. Впервые — «Мир божий», 1898, № 11, стр. 28, под заглавием «Сон колодника (Памяти Ф. М. Достоевского)». В изд. 1898 г. (2), стр. 230, с подзаголовком: «С итальянского, из Ч. Никколини». В изд. 1901 г., стр. 254, — под заглавием

«Памяти Ф. М. Достоевского», в цикле «В стране сопок (Из картинок забайкальской природы и жизни)». Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 262 Аналогичная тема развернута в заключительной 13-й главе книги «В мире отверженных» (т. 1, 1933, стр. 379). Н. К. Михайловский предлагал Якубовичу использовать стихотворение в качестве начала этой главы, см. примечания к кн. «В мире отверженных», т. 1, стр. 391. *Кровь, сцены грабежа...* — стихотворение написано в Акатуйской уголовно-каторжной тюрьме, куда были помещены политические. Стихотворение перекликается с рядом «кровавых» сцен из «Записок из мертвого дома» Достоевского. *Мечты борьбы, усните!* Первый том «В мире отверженных» заканчивался аналогичным мотивом: «Ах, усни, беспокойное сердце! Замолчите, безумные думы!» (т. 1, 1933, стр. 381). Заключительный стих — реминисценция из Добролюбова (см. конец его статьи «Когда же придет настоящий день?»).

Облако. Впервые — «Мир божий», 1898, № 8, стр. 146, с пропуском стихов 43—44, по цензурным причинам опубликовано под названием «„Сон колодника" (С итальянского)». Без заглавия и с восстановлением стихов 43—44 — изд. 1902 г., стр. 263, в цикле «В стране сопок (Из картинок забайкальской природы и жизни)». Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 264. *Рудник весь потонул в цветах!* — сибирский багульник покрывает сплошь сопки лиловато-красными цветами. *С обледенелых стен ручьем бежит вода* и т. д. Аналогичное описание каторжных работ в шахте дано Якубовичем в «В мире отверженных»: «В шахтах было холодно, как в ледяном погребе; с обмерзлых лестниц и стен струилась повсюду вода... Мрак, холод. вода, онемевшие от усталости руки, дрожь во всем теле...» (т. 1, 1933, стр. 363—364). *Природы наглый блеск перед лицом страданья* — «...при виде этого великолепия торжествующей природы заходит в душу желчь, закипит негодование! Негодование против этой безответной бездушной красавицы, способной только цвести и радоваться перед лицом великой человеческой скорби и мук, при живых воспоминаниях о пролитых тут же потоках слез, а быть может, и крови» (там же, стр. 364). *Ты побывай и там... где милая моя печально увядает* и т. д. — Обращение поэта к облаку в данном контексте, возможно, восходит к поэме величайшего поэта Индии конца IV в. Калидасы. В его знаменитой поэме «Мегхадута», т. е. «Облако-вестник», герой поэмы (Якша), изгнанный из царства, тоскуя вдали от родины и в разлуке с любимой, просит облако стать вестником для милой жены: «Близка уж осень: чтобы придать подруге жизни силы, Он просит облако об участи своей ей весть доставить. ...Он молит ласково о ласковом супруги утешеньи» (Калидаса. Облако-вестник. Пер. П. Риттер. Харьков, 1914, стр. 17). Как филолог, Якубович мог знать поэму Калидасы в немецком или английском издании XIX в.

«Потомство узнает, потомство услышит...». Впервые — «Мир божий», 1899, № 10, стр. 20, под заглавием: «Vae victis!» <Горе побежденным!>, с цензурным подзаголовком: «Из Ч. Никколини». В изд. 1899 г., стр. 275 — без заглавия, в разделе «Из иностранных поэтов», в цикле «Из Чезаре Никколини (Тюремные

мелодии 1830—1840 годов)», с пропуском слов «в чужедальних снегах», обозначенных точками, которые противоречили «итальянскому» колориту. С восстановленным пропуском — изд. 1901 г., т. 1, стр. 229. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 266.

«Цвет жизни сорван!.. В сердце мрак немой...» Впервые — РБ, 1895, № 9, стр. 187, под заглавием «Дума», без подписи. С исправлением последней строки — изд. 1898 г., стр. 95. Печ. по изд. 1902 г., т. 1, стр. 238. *И муза редкой гостьей стала.* В 1893 г. Якубович усиленно работал в Акатуйской тюрьме над книгой «В мире отверженных», первый том которой закончил летом. Стихов написано в этот год немного. *Что, если с новыми друзьями* и т. д. Вероятно, имеется в виду известие о предстоящем переводе Якубовича в Кадаю (близ Горного Зерентуя), который произошел в ноябре 1893 г. Там он жил вне тюрьмы. К этому времени ему была разрешена переписка с Р. Ф. Франк. Перемена в условиях жизни вызвала ряд тяжелых раздумий, отразившихся в стихотворении.

Кузнецы. Впервые — «Мир божий», 1896, № 4, стр. 34, подпись: П. Я. Написано в Акатуе после известия о первых маевках петербургских рабочих, организованных «группой Бруснева» в 1891 г. Напечатано в год массовых стачек в Петербурге, руководимых «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Было популярно в 1905—1907 гг. Входило в сборники: «Честь и слава всем трудам! Сборник стихотворений, посвященных труду» (вып. 1. М., 1905), «Песни борьбы» (1902), «Песни свободы» и др. Заключительную строфу стихотворения большевистская «Звезда» процитировала и назвала ее призывом, который «и теперь надо помнить» (1911, № 14, 19 марта). Через 9 лет, в 1912 г., Ф. С. Шкулев написал песню «Кузнецы», ставшую очень популярной в рабочей среде и за рубежом. Стихотворение Шкулева близко «Кузнецам» Якубовича. Шкулев в 1904 г. посылал свои первые стихи Якубовичу. Несмотря на положительный отзыв («В стихах Ваших говорит несомненное чувство, и в этом отношении Вы головой выше мириада современных стихотворцев»). редакция РБ напечатать их «затруднилась» (письмо Якубовича к Шкулеву от 6 октября 1904, ЦГАЛИ). Стихотворение Якубовича положено на музыку Р. М. Глиэром.

Учителю. Впервые — «Мир божий», 1898, № 9, стр. 152, с посвящением: С. С. А—и, т. е. С. С. Арнольди — псевдоним П. Л. Лаврова в последние годы его жизни. По цензурным причинам напечатано с пропусками 4-й строфы и 2-й строки в последней строфе. С небольшим исправлением — изд. 1898 г. (2), стр. 181. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 272. где восстановлены цензурные пропуски. *Лавров* Петр Лаврович (1823—1900) — виднейший теоретик революционного народничества. Член «Земли и воли» и «Народной воли». Был знаком с Марксом и Энгельсом, ценившими его борьбу против царизма. За год до смерти Якубович писал: «Лавров и, немного позже, Михайловский были в юные годы главными моими идейными руководителями, но лично ни того, ни другого я в то время не знал» (РБ, 1910,

№ 1, стр. 232). Лавров содействовал опубликованию стихов Якубовича в вольной печати в Женеве в «Вестнике Народной воли» (1884, № 2, 4) и в «Новом сборнике революционных песен и стихотворений» (Париж, 1898). Это подтверждается неопубликованным письмом Лаврова к Г. А. Лопатину от 28 (16) сентября 1884 г., захваченным полицией: «Вы... прислали стихи Петруччио. До вашего письма уже решено было напечатать 6 из 10 немедленно и сдать в набор» (Петруччио — Якубович, примечание жандармов). (ЦГИАМ, Еженедельные записки по департаменту полиции, ф. 102, оп. 168, ед. хр. 7, л. 256). Стихотворение было посвящено Лаврову в связи с его семидесятилетием. Отправленное с каторги нелегально, оно было получено Лавровым за границей. Н. Е. Кудрин (Н. Русанов) вспоминает: «Не могу забыть волнения, которое охватило Лаврова, когда в день празднования его семидесятилетия, организованного в 1893 г. нами, его идейными товарищами, за границей, «из глубины сибирских руд» пришло послание поэта-каторжанина, которое отличалось столь же великой мужественностью мысли, как и изяществом и энергией формы» (РБ, 1910, № 1, стр. 255—256). До 1898 г. стихотворение не было напечатано и распространялось в списках (ЦГАЛИ, ф. В. Богучарского, ед. хр. 504). Якубович не оставлял надежды его опубликовать: «2 июня исполняется 75-летний юбилей С. С. Арнольди <Лаврова>, — писал Якубович 29 мая 1898 г. Михайловскому, — и мне страстно хотелось бы хоть чем-нибудь откликнуться на него. Невозможно ли поместить в июньской книжке «Русского богатства» прилагаемое здесь стихотворение? Оно давно у меня написано, но теперь я несколько смягчил его и приноровил к цензуре... Боюсь, что мало все-таки приноровил» (ПД). Михайловский стихотворения не напечатал, и оно вскоре после того появилось в «Мире божьем». В 1904—1905 гг. Якубович много хлопотал в цензуре об издании сочинений Лаврова: «целое лето собачился с нею <цензурой> и наконец отстоял» (ЦГАЛИ, письмо к В. Н. Шеталову от 11 августа 1905 г.). В эти же годы он энергично переписывался с М. П. Негрескул, дочерью П. Л. Лаврова, по поводу своего «задушевнейшего желания» — издания сочинений «нашего общего дорогого учителя» (ЦГАЛИ).

«Есть ужасные мгновенья!..». Впервые — «Мир божий», 1898, № 3, стр. 19, в цикле «Думы и отклики». Переведено П. Грабовским на украинский язык.

«День ли, ночь ли — тьмой равно объяты...». Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 241. В авт. экз. помета: «Акатуй» и приведены мотивы написания: «По поводу ложного слуха из Якутской области о выходе замуж за другого невесты моей, Розы Франк. Что я пережил в те страшные дни! ..» (прим. Якубовича).

«Кошмары, стоны — царство муки...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 50, с цензурными пропусками стихов 2—4 и с заменой стихов 15—16 следующим текстом:

А ты, о сердце поколенья,
Как яд, носившего в крови

Святую жажду искупленья,
Ты, сердце, полное любви,
Так страстно жаждавшее воли,
Добра и счастья для людей,
Но оскорбленное до боли
В мечте заветнейшей своей.

С исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 238. С новыми исправлениями — изд. 1902 г., т. 1, стр. 245. С восстановлением стихов 2—3 — изд. 1910 г., т. 1, стр. 276. Печ. по авт. экз., где восстановлен стих 4.

«Он будет прав, потомства суд!..». Впервые — изд. 1898 г., стр. 47. С исправлениями — изд. 1899 г., стр. 75. С переработанной первой строфой — изд. 1901 г., т. 1, стр. 240. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 281.

V. В СТРАНЕ СОПОК

(1894—1895)

В этот раздел вошли стихотворения, написанные в период с 3 ноября 1893 по 13 июня 1895 г. Он был сформирован в изд. 1898 г. и сохранялся во всех последующих изданиях, кроме изд. 1910 г., где состав его был пересмотрен и отброшен подзаголовок «Из картинок забайкальской природы и жизни». Из Акатуя Якубович 24 сентября 1893 г. был направлен этапом в Кадаю, но по пути 22 октября попал в зерентуйскую тюрьму. В кадаинскую тюрьму он прибыл 3 ноября 1893 г. (Тобольский архив) и пробыл там до 13 июня 1895 г. В Кадаинских рудниках Якубович работал около двух лет, пользуясь относительной свободой: его перевели в «вольную команду» исправляющихся, с него «сняты оковы» (Тобольский архив, л. 12). Характеризуя стихотворения, написанные с 1894 г., которые открывали т. 2 изд. 1910 г., цензурный комитет отметил, что «почти все эти стихотворения имеют в основе политические мотивы и крайне тенденциозны по своему содержанию. Автор касается в них, главным образом, различных явлений социально-политической жизни современной России, освещая эти явления с точки зрения самых крайних политических и социальных идей». На книгу был наложен арест и часть тиража уничтожена «посредством разрывания» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1914, № 1578 «О книге П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, т. 2, 4-е изд. СПб., 1910 г.»).

На утесе поэта. Впервые — изд. 1898 г., стр. 120, без заглавия и с цензурными пропусками стихов 8—17, 24, 28—31, 34—35. С восстановлением стихов 8—12 в смягченной редакции и с исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 251. С восстановлением стихов 34—35 и с исправлением стиха 10 (по цензурным причинам) — изд. 1902 г., т. 1, стр. 258. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 5, где восстанов-

лены цензурные пропуски, кроме стиха 31, и дано примечание. Попытки опубликовать стихотворение предпринимались поэтом неоднократно. Еще в 1893 г. Якубович конспиративным путем из акатуйской каторжной тюрьмы послал его вместе с заметкой о могиле М. Л. Михайлова В. А. Гольцеву в «Русскую мысль» (Архив В. А. Гольцева, т .1. М., 1914, стр. 223—224). Затем в омской газете «Степной край» (1896, № 54, 14 июля) был опубликован очерк Якубовича «На могиле М. Л. Михайлова», но стихотворение там не появилось. История опубликования очерка рассказана В. Митричем в статье «П. Ф. Якубович в сибирской прессе» («Жертвам войны. Первый Омский литературный сборник». Омск, 1915, стр. 5—11). В 1896 г. Якубович писал редакции РБ: «„На могиле поэта" в целом виде, конечно, *нецензурно;* я обвел чернилами те места, которые можно было бы заменить строкой точек. Не станет ли после этого цензурнее?» (письмо к А. И. Иванчину-Писареву от 21 декабря 1896 г., ПД), но стихотворение и тогда не было напечатано. Наконец, после опубликования его в изд. 1898 г. (сборник вышел 8 ноября 1897 г.), цензурный комитет немедленно приостановил выпуск издания в свет, так как в комментируемом стихотворении говорилось «о могилах политического преступника Михайлова и сосланных за бунт поляков», а нарисованная картина забытой могилы политического преступника дышала «нецензурною тенденцией». Для объяснения был вызван редактор В. Г. Короленко, который, спасая сборник, согласился на перепечатку страниц. Страницы 120—121 были вырезаны и уничтожены, вместо них появился обезвреженный текст: с пропуском 17 строк (8—17, 24, 28—31, 33—34), обозначенных рядами точек (ЦГИАЛ, Дело С.-Петербургского цензурного комитета, 1897, № 154, «По отпечатанной... книге „П. Я. Стихотворения. СПб., 1898 г."». Там же — вырезанные листы и экземпляр изд. 1898 г.). Трагическая судьба Михайлова всегда волновала Якубовича. В очерках «В мире отверженных» в главе «Среди сопок» дано поэтически-взволнованное описание Кадаи, домика и могилы Михайлова, цитируются его стихи. Якубовичу мы обязаны тем, что могила Михайлова не была затеряна («В мире отверженных», т. 2. 1933, стр. 305, 328—334).

Молитва («Как тяжкий сон, минула ночь разлуки...»). Впервые — изд. 1901 г., стр. 242. Обращено к Р. Ф. Франк и написано в связи с приездом ее в Горный Зерентуй. «18 августа 1904 г. Роза приехала наконец в Горный Зерентуй, где 22 августа и состоялась наша свадьба. После того мы уехали в Кадаю (прим. Якубовича). У Якубовича описка: свадьба их была 22 августа 1894 года, что подтверждается выпиской из метрической справки Горно-Зерентуйской Вознесенской церкви от 10 июля 1895 г., № 85.

Гимн любви. Впервые — «Мир божий», 1897, № 6, стр. 14, с цензурными пропусками стихов 7—12 и 17—24, обозначенных точками. С восстановлением цензурных купюр, кроме стихов 19—24, — изд. 1901 г., т. 1, стр. 224. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 10, где дан полный текст. Написано под впечатлением встречи с Р. Ф. Франк,

состоявшейся после десятилетней разлуки (см. также стихотворение «Здесь наконец ты, родная, — со мной! ..»).

«Здесь наконец ты, родная, — со мной! ..». Впервые — изд. 1898 г., стр. 117. Черновой автограф ранней редакции — в записной книжке (ПД); здесь стихотворение открывало цикл «Кадаинские ночи (Зимние картины)».

«Как пленники весь день в стенах мы провели! ..». Впервые — изд. 1898 г., стр. 119. С измененным началом — изд. 1901 г., т. 1, стр. 249. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 14. Черновой автограф ранней редакции — в записной книжке (ПД), начало: «Сегодня, бедный друг, гулять не выйдем мы. . .».

«Белый снег, холодный снег кругом. . .». Впервые — изд. 1898 г., стр. 118. Черновой автограф — в записной книжке (ПД).

«Семьею крестов дорогих заселенная. . .». Впервые — «Мир божий», 1898, № 9. С исправлением стихов 2 и 4 — изд. 1901 г., т. 1, стр. 250. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 16. Автограф — в записной книжке (ПД). *Семьею крестов.* Имеется в виду сопка (утес) М. Л. Михайлова, где кроме него были похоронены «выгнаньцы» — польские революционеры Волошинский, Кароли, Литинский (см. «В мире отверженных», т. 2, 1933, стр. 330—333; «Степной край», 1896, № 54).

«Горемыкой покинутым. . .». Впервые — «Мир божий», 1898, № 9, стр. 268, без заглавия. С исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 250. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 17. Черновой автограф — в записной книжке (ПД) с заключительной строфой, в которой намек на украинское происхождение П. О. Иванова:

В эту ночь одинокую
Грезишь ты, бедный брат,
Про отчизну далекую,
Где топóлі шумят.

Иванов Павел Осипович — студент-медик, сосланный за революционную деятельность в 1882 г. в Сибирь. «Иванов — товарищ мой еще по Каре. Осенью 1894 г. в Кадае и других окрестных деревнях свирепствовал брюшной тиф. Ухаживая за больными, Павел Осипович заболел сам и умер. Мы схоронили его на утесе Михайлова. Вскоре после того свыше получилось запрещение хоронить там политических» (прим. Якубовича). «Местное каторжное начальство получило за это нагоняй от высшего, со строгим запросом: на каком основании было дозволено похоронить Иванова не на общем тюремном кладбище. Одно время мы боялись даже, что могилу разроют и гроб перенесут. . . Этого не случилось, но если бы еще кто-нибудь из нас умер, ему не пришлось бы уже лежать на знаменитом утесе, рядом с прахом поэта. Теперь, 12 лет спустя, изменилась ли картина? Нет ли опять упавших

крестов? Нет ли и вовсе исчезнувших?» («В мире отверженных», т. 2. М. — Л., 1933, стр. 334). *Лишь волками голодными* и т. д. «Грустно и сиротливо здесь в долгие забайкальские зимы; утес от низа до самой вершины занесен сыпучим снегом и «лишь волками голодными навещаем порой». Но зато в остальные времена года это одна из самых живописных в Кадае местностей. Миром и поэзией веет из гордо уединенных могил, вырытых далеко от чуждых и враждебных взоров» (там же, стр. 333).

«О, пасынок природы нелюбимый...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 122. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 18.

«Странные, неясные, полные печали...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 122. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 19. Автограф — в записной книжке (ПД). Здесь стихотворение завершало цикл «Кадаинские ночи».

«Опять над горами поднялся...». Впервые — изд. 1910 г., т. 2, стр. 20. Черновой автограф с измененным началом — в записной книжке (ПД).

«Как странник, вóвремя среди пути глухого...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 123. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 22. Черновой автограф ранней редакции — в записной книжке (ПД). *Звучит призыв: «Воскресни!»* — В. Н. Фигнер назвала этот «стук жизни, призывающий: „Восстань и гряди!“», после 22-летнего пребывания в Шлиссельбурге «целой трагедией», которую сумел преодолеть Якубович (сб. «Галерея шлиссельбургских мучеников». СПб., 1907, стр. 295).

«В долины тень с вершин сползает...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 125.

VI. НА РОДНОМ РУБЕЖЕ

(1895—1899)

В этот раздел входят стихи, написанные в Кургане. Из Кадаи Якубович был выслан 13 июня 1895 г., а в Курган прибыл 4 сентября 1895 г. (письмо к С. А. Венгерову от 11 октября 1895 г., ПД). 5 сентября он уже находился под гласным надзором курганской полиции. Еще до прибытия его в Курган, в июне 1895 г., началось «Дело тобольского губернского управления о государственном преступнике Петре Якубовиче...», которое закончилось 25 ноября 1903 г. (Тобольский архив, ф. 152, оп. 15, ед. хр. 29). В Кургане, глухом захолустье, отбывали до Якубовича ссылку декабристы, в частности В. К. Кюхельбекер (М. Д. Янко. Внеклассные занятия литературным краеведением. Курган, 1957, стр. 5—13, о Якубовиче — стр. 25—27).

На родном рубеже. Впервые — РБ, 1897, № 10, стр. 109. В авт. экз., т. 2, стр. 27, в конце помета: «Курган». Сохранился прозаический набросок стихотворения в записной книжке (ПД): «Возвращение на родину... После долгой и мучит<ельной> разлуки, возвращаясь к тебе, о мать моя, я могу честно сказать, что сберег все лучшие заветы твои, все самые светлые сны своей молодости. Молодость осталась там, позади, схороненная в чужих и далеких снегах; изношено тело, волосы серебр<ятся> в голове... Но душа по-прежнему молода и горяча... И я, как прежде, даю тебе великую клятву: никогда не присоединять своего голоса к темному хору...». В этом и следующих стихотворениях описана природа окрестностей Кургана, который раскинулся на левом берегу р. Тобол в окружении живописных сосновых и березовых рощ.

В деревне. Впервые — РБ, 1897, № 1, стр. 290. В авт. экз., т. 2, стр. 29, помета: «Курган, дер. Крюково». Якубович сообщал старому другу А. М. Шеталовой: «Лето я провожу, по обыкновению, в деревне Крюкове (18 верст от города)» (письмо от 18 августа 1899 г., приведено в воспоминаниях В. Н. Шеталова, ЦГАЛИ). *Как в сказке я живу.* Якубович имеет в виду природу, так как жизнь Якубовича в Кургане и в Крюкове была далеко не «сказочной». Тобольский губернатор 15 мая 1898 г. запрашивал, на кого будет возложен надзор за государственным преступником П. Якубовичем «в случае разрешения им жительства в течение лета в дер. Крюкове и можете ли Вы положиться на бдительность надзора, устраняющего возможность как побега, самовольных отлучек, так и вредного влияния на крестьянскую среду». Исправник Трофимов сообщил, что надзор будет поручен «местному сельскому старосте, а также местному земскому заседателю и, кроме сих лиц, нижним чинам полиции... командировать таковых специально». Он обещал также учредить за Якубовичем «более тщательный надзор» (Тобольский архив, лл. 83—84). *Обнявший вновь порог отчизны дорогой.* Стихотворение дошло до поэта П. А. Грабовского и других ссыльных, которые решили, что Якубовича «уже в Россию перевели». Якубович 22 августа 1897 г. в письме разъяснил Грабовскому: «всего одна строка: «обнявший вновь порог отчизны дорогой» могла дать повод толкам, но говорится там не об отчизне, а лишь о «пороге» ее, каким и является град Курган, в 35 верстах от которого находится граница Оренбургской губернии» (РБ, 1912, № 5, стр. 61).

«Поэтов нет... Не стало светлых песен...». Впервые — «Новое слово», 1896, № 2, ноябрь, стр. 177, в цикле «Отклики». Написано в дер. Крюкове. Стихотворением открывался раздел «Жизнь и поэзия» в первом издании 1898 г. Черновой автограф ПД с датой: 30 августа 1896.

«Оборван у музы цветущий венок...». Впервые — «Новое слово», 1896, № 2, ноябрь, стр. 177, в цикле «Отклики». В записной книжке отражен весь процесс работы над стихотворением (шесть вариантов). Первоначальное заглавие — «Поэзия». Одна из последних редакций озаглавлена «Гений поэзии», датирована: «14 августа 96 г. Крюково» (ПД). Сохранился прозаический набросок

«мотива» стихотворения в записной книжке: «Гений поэзии отвернул свое светлое лицо от нашей родины, и поэты поют вяло и темно. Но он повернет опять...». Стихотворение было откликом на «предчувствие бури» — массовые стачки ткачей в Петербурге в 1896 г., в которых участвовало свыше 30 тыс. человек. Стачками руководил Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

«Долга, упорна ночь! Угрюмое сомненье...». Впервые — изд. 1898 г., стр. 52. С небольшими исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 265. Печ. по изд. 1910 г., т. 1, стр. 33. Черновой автограф — в записной книжке среди вариантов предыдущего стихотворения, что дает основание датировать его августом 1896 г. (ПД). *Долина Ханаана* — «земля обетованная» в Иудее, упоминаемая в Библии.

Поздняя радость. Впервые — РБ, 1898, № 4, стр. 161. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 34. До 1910 г. посвящение В. Н. Фигнер обозначалось по политическим мотивам инициалами: В. Н. Ф. В заглавии отразилась реакция Якубовича на свое относительное «освобождение». 6 февраля 1900 г. Якубович писал по этому поводу В. Д. Бонч-Бруевичу: «Вы справедливо догадались о том, кому посвящено мое стихотворение «Поздняя радость», но, увы! смысл этого посвящения совсем не тот. «*Она* <В. Н. Фигнер> все еще там же живет, где и прежде <т. е. в Шлиссельбурге>; но в одном письме была употреблена ею грустная фраза: «Поздняя радость — не радость». И эта-то фраза дала мне повод написать стихи, выразив в них отчасти собств<енное> настроение. «Сгибли т<оварищи> смелые, юность, отвага»... этого Вы не отрицаете, но Вас смущает тут же поставленное слово «любовь». «Не может этого быть!», думается Вам, а между тем иногда именно так чувствуют себя инвалиды вроде меня: уже нет в душе того пыла, той беззаветной готовности к жертве, *любви* к интересам меньшей братии...» (В. Бонч-Бруевич. Моя переписка с народниками. «На литературном посту», 1927, № 24, стр. 40). Фигнер Вера Николаевна (1852—1942) — по характеристике Якубовича, «одна из самых выдающихся женщин, каких дала русская интеллигенция за все время своего существования. В. Н. Фигнер была, как известно, видным вождем партии «Народной воли». Женская обаятельность и поэтическая душевная чуткость гармонически сочетаются в ней с чисто мужской силой характера и героизмом самоотверженного бойца» («Русская муза», стр. 461). Приговоренная в 1884 г. к смертной казни, она 20 лет провела в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости. В воспоминаниях Е. П. Летковой-Султановой приводится письмо В. Н. Фигнер, написанное по поводу 15-й годовщины со дня смерти Якубовича (март 1926), в котором дана высокая оценка его как революционера и человека: «П. Ф. <Якубович> был самым горячим и преданным другом для всех нас, шлиссельбуржцев» (Е. П. Леткова-Султанова. Из пережитого. Литературные встречи и воспоминания, л. 31. ГПБ). Из переписки Якубовича с Фигнер (26 писем) встает облик Якубовича — чуткого и требовательного редактора ее стихотворений, вышедших в 1906 г., и активного члена «Шлиссельбургского комитета» (ЦГАЛИ).

«Не в шуме гроз, не в красоте стыдливой...». Впервые — РБ, 1898, № 5, стр. 81, под заглавием «Пробуждение». С исправлениями — 1902 г., т. 2, стр. 5. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 35. Датируется по автографу ПД.

«Волна упала, прошумев...». Впервые — РБ, 1899, № 3, стр. 60, под заглавием «Волна». Печ. по изд. 1899 г., стр. 84, где было снято заглавие и исправлен последний стих. Черновые автографы с датой: 18 октября 1898 г. — в записной книжке (ПД). Там же сохранился прозаический набросок стихотворения: «Погибло наше поколение — упала волна, разбитая об утесы жизни. Но она не бесследно прошумела, не бесплодно блеснула. Полночь дрогнула от этого блеска... И шум ее дойдет до новых поколений, вызовет к битвам новые волны, более могучие и счастливые». Заглавие «Волна» связано с революционной символикой. *Волна упала, прошумев* и т. д. В. И. Ленин, характеризуя эпоху после 1 марта 1881 г., писал: «Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прибоя была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось *реакцией...*» (В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 5, стр. 41).

Святая. Впервые — РБ, 1897, № 12, стр. 228, без заглавия и подзаголовка. Под заглавием «Святая», но без подзаголовка — изд. 1901 г., т. 2, стр. 8. Печ. по авт. экз., т. 2, стр. 38. В записной книжке — черновые наброски и беловой автограф, датированный 8 октября 1898 г. (ПД). Обращено к сестре поэта — М. Ф. Якубович. Ей же посвящены стихотворения: «Сестре» («В дни, когда была ночь молчаливая...»); «Сестре» («Печально прошла твоя жизнь, моя бедная! ..»); «Сестре» («Слез не нужно, моя дорогая...») и др. В. Н. Шеталов вспоминает, что на М. Ф. Якубович «особенно сказались пережитые ею страдания за любимого брата: и без того некрасивое лицо ее было бледно-лимонного цвета, все заплетено морщинами, и в общем она имела вид миниатюрной старушки» (ЦГАЛИ). Требуя запрещения ряда стихотворений Якубовича, цензор В. Канский подчеркнул: «Под видом «святой» автор представляет доступную (!) революционерку» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1913, № 384, «О наложении ареста на брошюру под названием „Из стихотворений Л. Мельшина (П. Я.) „Жизнь — борьба, а не рабство...“»). Строфы 6—7 этого стихотворения вписаны автором 21 мая 1900 г. в альбом писательницы М. В. Ватсон с примечанием: «...В минуты уныния, в минуты всякого рода сомнений в людях отрадно вспомнить, что на свете все-таки есть — и не так уж они редки — «звезды сердца», которые озаряют окружающий мрак своей добротой, любовью, самоотверженностью...» (Архив Академии наук СССР, Москва, ф. 543, оп. 12, № 2, л. 31).

Памяти Белинского. Впервые — «Памяти В. Г. Белинского. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов». М., 1899, стр. 254, без заглавия (начало: «Я в мире грез не знал прекраснее одной...»), подпись: П. Я. С исправлениями — изд.

1899 г., стр. 10. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 40. В первой публикации ошибочно датировано декабрем 1898 г. Отослано еще весной 1898 г., но сборник вышел с запозданием (письмо Якубовича к П. А. Ефремову от 12 июня 1898 г., ПД). Написано в связи с 50-летней годовщиной со дня смерти Белинского. Об отношении Якубовича к Белинскому см. вступ. статью, стр. 27. Черновой автограф — в записной книжке (ПД). *Я наделял жрецов, — там, на горе, стоящих* — полемически противопоставлено жрецам чистого искусства в стихотворении А. Н. Майкова «Вопрос» (из цикла «Вечные вопросы»):

Мы все, блюстители огня на алтаре,
Вверху стоящие, что город на горе...

Песня труда. Впервые — изд. 1898 г. (2), стр. 246, под заглавием «Восемь часов (Из Бланчарда, с англ.)», в разделе «Из иностранных поэтов», куда из цензурных соображений были включены и оригинальные стихи. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 42. Оригинал нами не установлен. *Бланчард* Самуэль (1804—1845) — английский поэт и журналист. Однажды было ошибочно указано, что это «перевод из Уитмана «Песни о 8 часах» («Звезда», 1911, № 14, 19 марта). Д. П. Якубович считал ссылку на иностранный источник цензурным маскировочным приемом (сообщено нам Н. Г. Якубович). Беловой автограф в записной книжке (ПД) датирован 16 января 1896 г., озаглавлен «Восемь часов (Стих. Бланчарда)». В изд. 1910 г. помещено среди оригинальных произведений. В вольной социал-демократической печати (сб. «Перед рассветом») стихотворение печаталось как оригинальное, а не перевод и в другой редакции, усиливающей его революционное звучание. В 1-й строфе последняя строка читалась:

Прямо и смело заявим: мы требуем «Восемь часов!»

В 3-й строфе 3—4-я строки заменены следующими:

С бою возьмем нашу долю, сбросив покорность раба,
Знайте, цари и народы, что не страшна нам борьба!

4-я строфа отсутствовала, и стихотворение заканчивалось:

Грянь же, наш клич боевой, и в полях, и в собраньях народных:
«Восемь часов — для труда, восемь — для сна, восемь — свободных!»

В Музее Октябрьской революции (Ленинград) нами обнаружен экземпляр изд. 1899 г. с поправками автора к стихотворению (№ 30095). Публикация стихотворения вызвала затруднения. Посылая его в РБ Н. К. Михайловскому 29 мая 1898 г. и опасаясь внутренней народнической цензуры в журнале, Якубович писал: «Не пройдет ли также стих. из Бланчарда «Восемь часов»? Полагаю, что сочувствовать положению рабочих — не значит принадлежать к школе маркси-

стов (это в скобках)» (ПД). Стихотворение не прошло как «марксистское». Комитет по делам печати, накладывая в 1914 г. арест на том 2-й изд. 1910 г., где была напечатана «Песня труда», отнес ее к стихотворениям, в которых автор касается «явлений социально-политической жизни современной России, освещая эти явления с точки зрения самых крайних политических и социальных идей» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1914, № 1579, «О книге П. Я. (П. Якубович — Л. Мельшин), т. 2, 5-е изд., 1913 г.»). Большевистская «Звезда» отмечала особенный успех «Песни о 8 часах» (1911, № 14, 19 марта). Под заглавием «Восемь часов» стихотворение нередко как оригинальное за подписью П. Я. входило во многие стихотворные сборники в России и за границей вплоть до 1917 г.: «В грозу»; «Красное знамя. Первомайский сборник» (СПб., 1901); «Песни и стихи революции» (Н. Новгород, 1903); «Эхо народа» (Саратов, 1906); «Песни труда и борьбы» (вып. 1. М., 1917). Социал-демократическая вольная печать дважды напечатала «Восемь часов»: в сб. «Песни борьбы» и «Перед рассветом». «Песня труда» контаминировалась с другими анонимными нелегальными стихотворениями и лозунгами и включалась в 1907 г. в первомайские листовки РСДРП без указания имени автора («Сборник большевистских листовок организаций РСДРП Тамбовской губернии периода первой русской революции (1905—1907 гг.)». Тамбов, 1955, стр. 144). Стихотворение распространялось среди рабочих. Ленинская «Искра» сообщала, что в Керчи в октябре 1902 г. после многочисленных обысков, «из-за которых была поднята на ноги вся полиция и даже присланы жандармы», рабочий Афанасов «был признан неблагонадежным и арестован за найденное у него стихотворение П. Я. «Восемь часов!» (Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. «Искра», 1902, № 29, 1 декабря). Современники отмечали, что в период подготовки революции 1905 г. вслед за «Буревестником» Горького на рабочих концертах «призывно звучало» стихотворение Якубовича «Восьмичасовой рабочий день», «посвященное пропаганде одного из революционных лозунгов, выдвинутых социал-демократической рабочей партией» (Евг. Кузнецов. Из прошлого русской эстрады. М., 1958, стр. 253). Н. А. Смирнова, известная артистка, вспоминает, что на концерте, устроенном в одном из рабочих районов в конце 1904 г., когда она прочла заключительные строки стихотворения Якубовича «Восьмичасовой рабочий день», «то в зале поднялось что-то невообразимое. Все встали с мест, кричали, стучали. Многие подняли над головой стулья и потрясали ими. Порядок водворяли с помощью полиции. Многие из бушевавших в концерте были арестованы» (Воспоминания. М., 1947, стр. 139). Стихотворение вызвало подражания: популярная в 1900-х годах нелегальная «Песня киевских студентов» начиналась: «Братья! довольно терпенья! ..» («Песни борьбы». Женева, 1902). Заключительная строка «Восемь часов — для труда, восемь — для сна, восемь — свободных!» стала крылатой и как лозунг была приведена в большевистской «Звезде» (1911, № 14, 19 марта). Эта же строка послужила заглавием для двух сборников: «Восемь часов — для труда, восемь — для сна, восемь — свободных!» М., 1906, и «Восемь часов — для труда... Песни рабочих». М., 1908.,

К стр. 229—232.

Сон на чужбине. Впервые — РБ, 1899, № 8 (11), стр. 51, без заглавия. Черновой автограф и наброски — в записной книжке (ПД), датировано 14 октября 1899 г.

К молодости. Впервые — РБ, 1900, № 1, стр. 43, без заглавия. Печ. по изд. 1901 г., т. 2, стр. 60. *О молодость! я верую в тебя!* Большевистская «Звезда», цитируя строки из стихотворения, указывала на характерный мотив поэзии Якубовича — «его постоянной веры в «молодость» и любви к ней, — для молодости у него имеется только один эпитет — святая» (1912, № 19, 18 марта). На каторге и в ссылке Якубовича не покидала мысль о революционной смене. В 1897 г. он писал: «Мы и теперь уже со всех сторон слышим об идущем нам на смену молодом поколении — бодром, жизнерадостном, проникнутом живым интересом к вопросам научным и общественным. . .» («Очерки», стр. 265).

Апрельская песня. Впервые — РБ, 1899, № 8, стр. 180, под заглавием «Весенняя песня». Печ. по изд. 1902 г., т. 2, стр. 25. Черновой автограф (первоначальное заглавие «Песня») и наброски — в записной книжке (ПД). *За бедою беда. . .* В феврале 1899 г. у Якубовича в связи с «делом Зобнина», по которому привлекался В. И. Ленин, был сделан обыск вновь прибывшим в Курган «ретивым» жандармом Вонсяцким, были захвачены письма, рукописи и т. д. (см. Ф. Виноградов. Из жизни П. Ф. Якубовича в Кургане. «Каторга и ссылка», 1929, № 6, стр. 143—151). Весной ему запретили выезд в дер. Крюково. 8 и 21 апреля 1899 г. Якубович писал в редакцию РБ, что с «минуты на минуту ждал перерыва», т. е. ареста, «всему городу известно, что уже составлено целое 2-х томное «дело» с массой якобы солидных «улик» и т. д.» (ПД). Власти хотели вновь «упечь» Якубовича. Министерство внутренних дел подтвердило в августе 1899 г. тобольскому губернатору, что «квартира названного ссыльного <Якубовича> является местом конспиративных собраний поднадзорных и лиц, привлеченных к дознаниям политического характера», вследствие чего жандармы возбудили ходатайство «об удалении Якубовича из г. Кургана ввиду. . . данных о политической неблагонадежности Якубовича» (Тобольский архив). *Не бывать, видно, мне на сторонке родной!* Якубович писал 10 февраля 1899 г. Михайловскому: «Вместо того чтобы мечтать о скором возвращении в Россию, приходится теперь снова глядеть с тоской на далекий Восток и думать о возможности нового путешествия *туда*» (ПД). Вскоре Якубович серьезно заболел, ему было разрешено в октябре 1899 г. выехать на лечение в Казань. «Дело», раздутое Вонсяцким, заглохло.

Городок. Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 25. Черновой автограф — в записной книжке. Там же — прозаический набросок стихотворения: «Родной городок, где все казалось таким скучным. Картины прошлого. А теперь? И уж сам я старик. . .» (ПД). В стихотворении дана зарисовка Новгорода 1870-х годов, где Якубович учился в гимназии.

«Он выстрелил в сердце с рассветом дневным...». Впервые — РБ, 1899, № 3, стр. 126, под заглавием «Из жизни». С исправлениями и без заглавия — изд. 1901 г., т. 2, стр. 12. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 52. Наброски — в записной книжке (ПД). О ком идет речь в стихотворении, не установлено.

«Ветку сирени ты держишь в руке...». Впервые — РБ, 1899, № 6 (9), стр. 218, под заглавием «Сирень». Печ. по изд. 1901 г., т. 2, стр. 28. Черновой автограф — в записной книжке (ПД).

Тишина. Впервые — РБ, 1899, № 6, стр. 218. Беловой автограф — в ЦГАЛИ. «На эти стихи есть музыка Кашеварова» (прим. Якубовича).

«В чужбину мне пишут друзья: „Не мечтай...“». Впервые — «В память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой. Литературный сборник». СПб., 1900, стр. 113. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 56. *Мне пишут друзья.* В 1899 г. Якубович переписывался со «старым другом» А. М. Шеталовой, которая летом 1899 г. проездом из Сибири навестила Якубовича в Кургане. Ее большое письмо о встрече с Якубовичем приводит В. Н. Шеталов в своих воспоминаниях (ЦГАЛИ).

«Радость, влюбленная в солнце и смех...». Впервые — РБ, 1899, № 3, стр. 36 (начало: «Радость, как женщина, — жаждет утех...»). С исправленной 1-й строкой — изд. 1899 г., стр. 83. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 57.

На празднике Пушкина. Впервые — изд. 1899 г., стр. 20, заглавие по цензурным мотивам изменено: «На празднике». В изд. 1901 г. — под заглавием «На празднике Пушкина (26 мая 1899)». С исправлениями и пропуском 8 стихов после стиха 20 — изд. 1902 г., т. 2, стр. 17. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 59. Приводим выпущенные стихи:

— Да, наш поэт, наш несравненный гений!
В пылу страстей и шумных битв не раз,
Кипя огнем великих дерзновений,
Твой царский трон шатали мы, глумясь.
Но смял нас вихрь... Увы, разбиты крылья —
Мы пали в прах с надзвездной высоты.
И в эту ночь бесславья и бессилья,
Как встарь, опять горишь и светишь ты...

Черновой автограф и варианты — в записной книжке (ПД). Написано в связи со 100-летием со дня рождения Пушкина. Якубович рассказал 26 мая 1899 г. в письме Михайловскому о возникновении замысла стихотворения: «Был сегодня на панихиде в здешнем соборе. Поп сказал прочувствов<анную> речь: «Был, мол, Пушкин великий грешник... Но он все-таки любил духовенство православное, умер в покаянии и, кроме того, переложил в стихи молитву Ефрема Сирина... Помолимся

же, братия, о его многогрешной душе!». И стали все молиться, в том числе и мои здешние приятели — тов. прокурора и один из преемников графа Бенкендорфа, с особенным умилением стоявший на коленях... Что им Пушкин? Что им вся литература русская? А вот тоже празднуют, т. е. собственно, они-то, главным образом, и празднуют, по крайней мере на все торжества налагают свой отпечаток — казенщины и показного умиления! И так грустно мне стало, нет! этого мало сказать: такое зло взяло! Хотелось бы стихами написать, да вот только удосужиться не могу. Коли напишу что-нибудь цензурное, может быть, пошлю Вам для сборника» (ПД). В набросках резче дана сатирическая характеристика «приятелей»:

Как! Здесь и вы иудиным лобзаньем,
Присутствием своим и мерзостным дыханьем
Хотите омрачить народной славы день?
...Ужель забыли вы, что вашими отцами
Замучен был добра и красоты певец?

16 июня 1899 г. он писал А. И. Иванчину-Писареву из дер. Крюково: «Давно уже написалось у меня одно стихотворение на «злобу дня» (касательно пушк<инских> торжеств), но в городе не удалось окончательно отделать, а отсюда не было оказии отослать и боюсь, что теперь это — уже запоздалый выстрел... А, признаться, мне оч<ень> бы хотелось его сделать: быть может, Ваш «Сборник» не совсем еще отпечатан, и в конце его можно уделить страничку для этих стихов? К тому же только для бесцензурного издания они и пригодны, в «Русском же богатстве» вряд ли пройдут... Если для «Сборника» стихи уже опоздали, а для «Русского богатства» не годятся, то не будете ли добры передать их в какое-нибудь подходящее издание? А впрочем, кроме «Вестника Европы», с которым Вы не имеете сношений, и «Мира божьего», который держите под сомнением, и изданий-то таких, кажется, нет» (ПД). Н. К. Михайловский стихотворения не напечатал; это огорчило Якубовича; 23 октября 1899 г. он писал Иванчину-Писареву: «Ведь в цензурном отношении они не резче были пешехоновской статьи (на ту же тему)?.. Не думаю, чтобы цензура не пропустила, но цензура самой редакции почему-то немилостиво относится к моим стихам» (ПД). Свое отношение к Пушкину Якубович выразил в большой статье «Певец гуманной красоты» (1899), где развил некоторые мысли Белинского («Очерки», стр. 5—90).

VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ

(1901—1910)

Свидание. Впервые — РБ, 1901, № 2, стр. 170, с посвящением М. П. Ор—ву и без примечания. В изд. 1906 г., стр. 28, фамилия указана полностью: «Посвящается М. П. Орлову». Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 63. Черновые наброски — в записной книжке (ПД).

Орлов Михаил Петрович (1863—1934?) — старый товарищ Якубовича еще по Петербургу и каторге, сохранивший «более чем дружественные отношения» с Якубовичем до его смерти. Оставил воспоминания «Об Акатуе времен Мельшина» («Каторга и ссылка», 1928, № 11 (48), стр. 106—177). «Свидание» Якубовича с Петербургом после каторги состоялось 28 декабря 1899 г., «правда, не для свободного проживания, а лишь для посещения в нервной клинике проф. Бехтерева» (письмо к С. А. Венгерову от 10 января 1900 г., ПД). Через все стихотворение проходит пушкинская тема «Медного всадника». В Петре I Якубович увидел «бойца и гражданина». Патриотическую идею стихотворения отметила марксистская критика. А. В. Луначарский в 1906 г. указывал: «Мудрецы из «Полярной звезды» <Петра Струве>, наморщив чело, рассуждают теперь о том, имеет ли право человек «не жалеть ни себя, ни других» ради какой-нибудь высокой цели? Вопрос этот был радикально решен любвеобильным и грозным поколением нашего поэта <Якубовича>. Отзвуки этой грозной решимости звучат еще и теперь в поэзии г-на Якубовича... наиболее сильное выражение это настроение нашло в стихотворении «Свидание». Героическая безжалостность, безграничная преданность взятой на себя задаче символизируется здесь в образе первого русского революционера — Петра Великого. Здесь не место спорить о правильности такой оценки: достоинство стихотворения — в сильном и ярком выражении героического... идеала» («Образование», 1906, № 2, стр. 153).

Сестре («Слез не нужно, моя дорогая...»). Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 51. Обращено к М. Ф. Якубович после встречи с ней в 1900 г.

На родине. Впервые — РБ, 1900, № 10, стр. 142, с цензурными пропусками. С восстановлением пропусков — изд. 1902 г., т. 2, стр. 52. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 68. При попытке напечатать возникали цензурные затруднения. «Нельзя ли сделать еще одну попытку со стихотворением „На родине"? Я выбросил из него 6 строчек, несомненно сделавших „всю музыку"...» — писал Якубович А. И. Иванчину-Писареву 24 июня 1900 г. (ПД). Якубович исключил стихи 28—33 о Сибири и каторге. *И вижу снова я любимый город мой* и т. д. О первой встрече с Петербургом, в котором поэт не был со дня ареста 15 лет. *Сфинксов каменных загадочные лица* — см. стр. 398. *Болит душа, болит!* Современники, сопоставляя лирику Якубовича с поэзией С. Я. Надсона, указывали, что у Якубовича преобладает «дух протеста» и борьбы и нет «безнадежного нытья»: «Когда П. Я. становится уж очень тяжело, он жалуется и говорит: „Болит душа, болит!"; в этих случаях Надсон впадает в отчаяние и выражается не иначе, как „Мертва душа моя: ни грез, ни упованья!", „Душа моя мертва..."» и т. д. (Н. Геккер. Безнадежная пустыня. «Одесские новости», 1900, № 5147, 4 декабря). *В пустыни дальние* и т. д. В письме к В. Г. Короленко от 1 июля 1900 г. Якубович жалуется на одиночество и изолированность от общественной жизни в Удельной: «До того дошло дело, что в одном стихотворении (которое почтен-

нейший Африкан Африканович <Елагин — цензор>, между прочим. по боку хватил) уносился мечтой туда — «в пустыни дальние, за цепью льдистых гор...» Сложное вообще настроение приходится переживать» (БЛ).

«Всё выше волны...». Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 45.

Первый дождь. Впервые — РБ, 1900, № 5, стр. 256. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 71, где после стиха 16 снято четверостишие (о «песне дождя»). В РБ стихотворения Якубовича часто печатались небрежно, на что он не раз жаловался редакции: «В моем стихотворении «Первый дождь»... напечатано «крышка» вместо «крыша»... Тут же всякой поэзии крышка!» (письмо к В. Г. Короленко от 24 мая 1900 г., БЛ).

«Мне кажется порой — живу я сотни лет!..». Впервые — изд. 1906 г., стр. 38. Печ. по авт. экз., т. 2, стр. 73.

В плену. Впервые — РБ, 1900, № 7, стр. 108. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 74. В письме к В. Г. Короленко от 1 июля 1900 г. из Удельной он сетует на одиночество и скверное, «сложное» настроение: «А вот у меня в нынешнем году — так ни отдыха не выходит, ни работы. Семья все еще в отлучке, а сам я не живу, а просто копчу землю и небо...» (БЛ).

«Помнишь ли, друг мой, дорогу глухую, пустынную...». Впервые — РБ, 1900, № 10, стр. 74, с цензурными пропусками стихов 4 и 10 и смягчениями. С восстановлением стиха 10 в смягченной редакции — изд. 1902 г., т. 2, стр. 56. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 76, где восстановлен стих 4, а стих 10 дан в первоначальной редакции. Черновой автограф под заглавием «Воспоминание» (датирован 19 октября 1899 г.) и беловой — в записной книжке (ПД). Редакция РБ (А. Г. Горнфельд) забраковала стихотворение, потребовала его «обезвредить» и тянула почти год с публикацией. Публикация вызвала цензурные затруднения, поэтому пришлось еще кое-что «смягчить»: «Стих „Цепи влача, я едва поспевал за тобой“ я сам уже заменил менее ясным: „Груз свой влача, я едва поспевал за тобой“», — писал Якубович А. И. Иванчину-Писареву 24 июня и 23 октября 1899 г. (ПД). Посылая эти стихи, он признавался, что в последнее время «все мечты о родине воспевал в стихах... в довольно отчаянном тоне» (ПД).

«Нет, легче жить в тюрьме, рабом...». Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 30. В изд. 1906 г. это и следующее стихотворение имели общее заглавие: «Заметки». Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 78.

«В искусстве рифм уловок тьма...». Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 31, под заглавием «Поэту-символисту». Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 79. В записной книжке заглавие: «Со-

врем<енным> декадентам» (ПД). Якубович был непримиримым врагом символизма и декадентства в искусстве. Уничтожающие характеристики «кривлякам-декадентам» даны в его «Очерках русской поэзии», в хрестоматии «Русская муза», в переписке.

На славном посту. Впервые — «На славном посту» (1860—1900). Литературный сборник, посвященный Н. К. Михайловскому. СПб., 1900, стр. 38. Автографы трех редакций — в записной книжке, дата первой редакции 18 августа 1896 (ПД). В изд. 1910 г. было помещено в разделе «Возвращение». В юные годы Якубович считал Н. К. Михайловского своим учителем. Позже у него с ним были сложные отношения. Характерно, что в период собирания материалов для сб. «На славном посту» Якубович пишет В. Г. Короленко в Полтаву: «В „Русском богатстве" пустынно и скучно — разумею не журнал, а редакцию... Н. К. <Михайловский> бодр и здоров, но по-прежнему одинок и вокруг него, увы, пусто. Все остальные — не больше как служебные сотрудники. А последнее время весной, при Вас, были какие-то надежды, оживление, разговоры...» (письмо от 3 октября 1900 г., БЛ). В этом же письме он противопоставляет Михайловскому писателей-редакторов, стоявших во главе журнала, — Пушкина, Некрасова, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова, которые умели вносить в работу «общий дух, общее настроение, общий порыв, — дело шло блистательно». Этих качеств не было у Михайловского. В записной книжке Якубовича (ПД) сохранилось большое интимное стихотворение «Два брата» с характерным подзаголовком: «посвящ<ается> бывшим бр<атьям> Н. К. М<ихайловскому> и П. Я.». Он описывает в форме сна встречу после каторги двух братьев, которые идейно не поняли друг друга и разошлись. Якубович не одобрял доктринерской борьбы Михайловского против «учеников», т. е. марксистов. Обращаясь к новым братьям, рабочим, Якубович сочувствует их борьбе.

...Они, как мы, в борьбу пойдут!
Не примирятся, не устанут
И победят, или умрут!
Но мирно жить они не станут,
Пока их в цепь не закуют!
Пускай под именем другим
Они средь вас теперь живут,
Пускай они путем иным,
Чем мы, к мечте своей идут,
Но брат я *им*, а не тебе!..

Якубович не предполагал печатать это стихотворение, сделав помету: «Какая узость взгляда сквозит в этих стихах, хотя чувство и дышит искренней теплотой! Характерно!». Стихотворение помещено среди стихов, датированных августом 1896 г., написанных в Кургане. О «скорлупе» Михайловского, которая в беседах с ним оставалась неразбитой, о его равнодушии Якубович пишет Короленко 4 февраля 1901 г.: «По-видимому, Н. К. <Михайловский> действительно хорошо ко мне относится, и я тоже искренне его люблю, но какое же возможно

между нами «сближение»? — видимся очень редко, большей частью раз в неделю, по четвергам в большой компании, но за последнее время и эти свидания прекратились... беседы <с Михайловским> всегда оставляют во мне какое-то странное <зачеркнуто> двойственное впечатление: мне они, конечно, кое-что <зачеркнуто> многое дают, но дают ли что-нибудь Н. К. <Михайловскому>? Часто мне кажется, что ровно ничего; «скорлупа» его остается почти не разбитой... И что всего удивительнее: даже в тех случаях, когда сами факты доказывают потом, что беседа со мной не прошла для Н. К. <Михайловского> бесследной, когда после нее он, например, затрагивал в своих статьях вопросы, которых раньше категорически отказывался касаться, у меня все-таки оставалось такое впечатление, будто я силой ворвался в тихую внутреннюю жизнь Н. К. — он сам однажды сказал мне, что для общения с живой жизнью ему совершенно достаточно общества... Ал<ександра> Ив<ановича>! <Иванчина-Писарева>. Ну, и немудрено, что он на многое глядит через очки последнего. У меня с А. И. <Иванчиным-Писаревым> отношения по-прежнему чисто внешние, ровные (и то сказать: ведь никакого общего дела у нас нет и видимся очень редко), но я давно уже чувствую, что не пользуюсь прежним его расположением» (БЛ). Незадолго до смерти Михайловского Якубович писал Короленко, что Михайловский «на старости лет одинок и живет окруженный некоторым пустынным холодом» (письмо от 9 июля 1903 г., БЛ).

В думах о Шлиссельбурге. Впервые — РБ, 1904, № 11, стр. 143, под заглавием «Песни побежденных», с фиктивным подзаголовком «Из Чезаре Никколини» и сноской: «Автор тюремных мелодий 1830—1840, певец борьбы за освобождение Италии». В изд. 1910 г., т. 2, стр. 278, под заглавием «Из „Песен побежденных" Чезаре Никколини». Печ. по авт. экз., т. 2, стр. 278, где заглавие изменено. Автограф — в записной книжке, с маскировочной пометой на случай обыска: «Из Ленау» (ПД). Вошло в сб. «Песни борьбы» (1906). Характеристика Шлиссельбурга, «средневекового застенка», дана Якубовичем в статьях: «Шлиссельбургские мученики» (РБ, 1906, № 7). После волны протестов в 1905 г. под лозунгом «Долой Шлиссельбург!» тюрьма была закрыта в январе 1906 г. Якубович был горячим инициатором создания «Шлиссельбургского комитета» помощи заключенным и известной книги «Галерея шлиссельбургских узников», ч. 1. СПб., 1907. Возбуждая в 1907 г. преследование брошюры Якубовича «Шлиссельбургские мученики» (1906), цензура отмечала, что «она рисует яркими красками страдания, перенесенные узниками бывшей Шлиссельбургской тюрьмы, изображая их героями идеи и долга» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1906, № 247 «По запросам начальника рязанского губ. жандармского управления о допущении к обращению различных изданий»).

«Страдания чашу испивши до дна...». Впервые — РБ, 1901, № 4. стр. 87. Адресат до изд. 1910 г. обозначался сокращенно: «М. П. Ш—ну». В изд. 1910 г., т. 2, стр. 81, это стихотворение открывало цикл стихов, датированных 1901 г. В авт. экз. Якубович

написал: «Стихи эти написаны, кажется, много раньше, чуть ли не в 1896 г., когда Шеб<алин> вышел из Шл<иссельбурга>... Взамен поместить здесь „Решетки, бойницы...“» Якубовичу память не изменила. Шебалин был освобожден 24 ноября 1896 г. *Шебалин* Михаил Петрович (1857—1937) — известный народоволец, в 1884 г. по Киевскому процессу осужден на 12 лет каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге, откуда вышел в 1896 г. Затем 10 лет провел в якутской ссылке. Якубович писал В. Н. Фигнер 9 октября 1906 г. по возвращении Шебалина из ссылки: «Это ведь наш старый близкий друг, с которым мы вместе вступили на революционную дорогу» (ЦГАЛИ). Стихотворение написано в 1896 г., когда Шебалин вышел из Шлиссельбурга. М. П. Шебалин оставил «Воспоминания о П. Ф. Якубовиче» (неопубликованная рукопись — в ГЛМ; см. также М. П. Шебалин. Клочки воспоминаний. М., 1935). Некролог Шебалина: «Известия», 1937, № 52, 28 февраля.

Майская песня. Впервые — РБ, 1901, № 6, стр. 73. Песня навеяна крупнейшим событием — стачкой на Обуховском заводе в Петербурге (май 1901). Столкновение с полицией всколыхнуло весь Петербург.

«Бывают годы мрачного бессилья...». Впервые — РБ, 1901, № 11, стр. 272. Вошло в сб. «Перед зарею». Эпиграф из Евангелия иносказательно намекает на скорое ожидание «красного дня», революции.

«Средь мук и стенаний на свет...». Впервые — РБ, 1902, № 1, стр. 203, с грубейшей опечаткой в стихе 2: «Живая живых обретает» (т. е. конец стиха 4 был перенесен в стих 2). Якубович писал В. Г. Короленко: «В январской книжке «РБ» мне лично преподнесен пренеприятнейший сюрприз в виде искалеченного начала стихотворения. Теперь даже и декаденты могут мне позавидовать: у них хоть что-нибудь понять можно, а у меня уж ровно ничего! Срамота да и только». Якубович был возмущен: редакция заметила ошибку, но не исправила ее (письмо от 30 мая 1902 г., БЛ).

Новая весна. Впервые — РБ, 1902, № 5, стр. 223. В этом и следующих стихотворениях отразился общественный подъем с весны 1902 г., когда прокатилась волна крестьянских волнений в Саратовской, Тамбовской, Новороссийской, Ставропольской губерниях и на Кавказе. На юге страны — в Ростове-на-Дону, Батуми вспыхнули крупные стачки. Сохранилась программа стихотворения: «Мольба Весны. Все просыпается, всё просит жизни... Опять все полно надежд. Забыты поражения. Лес забыл о своей погибшей листве, луга о своей зелени, сады о роск<ошных> плодах. Каждая обнаж<енная> ветка точно шепчет: «Жизни. жизни, любви!» — Молодое поколенье! Иди жить, иди бороться» (ПД).

«Дитя! ты веришь в близкий рай?.». Впервые — РБ, 1902, № 2, стр. 110.

На старом пепелище. Впервые — РБ, 1902, № 8, стр. 48, с цензурными пропусками в 4-й строфе. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 92. Строки точек к цензурным пропускам отношения не имеют В стихотворении отражена тема преемственности двух революционных поколений — разночинцев 1870-х годов и «рабочего народа» 1890-х годов. *Застыли гиганты.* Имеются в виду скульптурные изображения у входа в Эрмитаж. *Стена притаилась твердыни* — Петропавловская крепость. *Узкая красная лента видна* — здание Петербургского университета. *Сфинксы... Пришельцы из Фив* — см. стр. 398.

Памяти Глеба Ивановича Успенского. Впервые — РБ, 1902, № 12, стр. 180. Отклик на смерть Г. И. Успенского, скончавшегося 24 марта 1902 г. Якубович не вполне был удовлетворен стихотворением. «Вся беда в том, — писал он Михайловскому, — что лично-то я не знал Г. И. <Успенского> и писать мне пришлось стихи, пользуясь лишь косвенными, так сказать, впечатлениями — его сочинениями, его портретом, рассказами о нем...» (письмо 22 ноября 1902 г., ПД). Автограф (две редакции) — в письмах Якубовича к Н. К. Михайловскому от 18 ноября и 22 ноября 1902 г. (ПД).

«Ни о чем не жалею я в прошлом, друзья...». Впервые — РБ, 1903, № 4, стр. 114, в цикле «Весенние мотивы».

«Я жду, упорно жду... Мне душу истерзала...». Впервые — РБ, 1903, № 4, стр. 114, в цикле «Весенние мотивы».

Ледоход. Впервые — РБ, 1903, № 4, стр. 115, в цикле «Весенние мотивы». *Это шумит молодая весна.* В стихотворении, по словам Якубовича, отражено общественное настроение 1903 г.: «Как странно! Во времена Плеве было именно такое настроение: мрачно и холодно кругом — и в то же время горячо верилось в близкое торжество молодых сил... А сейчас (при конституц<ионном> якобы режиме) при III Думе, при Столыпине — какая-то полная безнадежность...» (прим. Якубовича). О Плеве см. на стр. 465.

«Дни скорби и стыда... Сжимают горло слезы...». Впервые — РБ, 1905, № 10, стр. 259. Вошло в сб. «Перед зарею». Отклик на еврейский погром в Кишиневе 6—7 апреля 1903 г. Погром подготовлялся черносотенцами заранее, что было известно властям. Погром глубоко взволновал Якубовича. «Ужасная кишиневская трагедия до сих пор еще не может ни у кого из головы выйти», — писал он 16 мая Короленко (БЛ). До октября 1905 г. об опубликовании стихотворения не могло быть и речи.

«Ты говоришь, что жизнь пустынна и мертва...». Впервые — «К свету. Научно-литературный сборник под ред. Е. П. Летковой и Ф. Д. Батюшкова». СПб., 1904, стр. 79, подпись: П. Я. (Л. Мельшин). Печ. по изд. 1906 г., стр. 67. В записной книжке сохранился прозаический набросок («мотив») к этому стихотворению. «Ты говоришь, что дела нет, что твоя юность томится бездействием, что время виновато в твоем унынии, что ты д<олжен> был позже

родиться. Я поведу тебя... Или мало страдания? Нищета, разврат, голод, болезни, преступления? (Картина). Дела много. Нужен лишь внутр<енний> огонь и отвага. Все брось, все личное и отдайся вселенскому горю» (ПД).

Отец. Перевод стихотворения Морриса Розенфельда «Mein ingele» («Мой мальчик»). *Розенфельд* Моррис (1862—1923) — еврейский поэт, изобличавший в стихах пороки буржуазного общества. Впервые — РБ, 1903, № 1, стр. 219, с ошибочным подзаголовком: «Из Розенгайма». Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 104, где внесено исправление. Якубович тщательно работал над переводом и не согласился с А. Г. Горнфельдом, что надо подчеркнуть в финале обязательно смерть отца. Он писал А. Г. Горнфельду по этому поводу: «Я долго думал над заключительными стихами подлинника:

Wenn du erwachst a Mal, ma Kind,
Gefind'st du mich nicht mehr.

Если бы я убедился, что Розенфельд имел здесь в виду смерть, а главное, что это лучше в поэтическом смысле, я исправил бы свой перевод для отдельного издания. К сожалению, я ни в том, ни в другом не убежден... Во-первых, для намека на смерть нужно бы, чтоб и в начале стихотворения были какие-либо данные в этом смысле — намеки на то, что рабочий — отец болел, недолговечен. Я их не нахожу. Не видно даже, что это «рабочий». А кроме того, nicht mehr для выражения мысли: «меня *совсем* уже не будет» — очень слабо. «Ты *больше* не найдешь меня» — может быть, здесь, в этой комнате, не найдешь; «a Mal» тоже ничего особенного не значит: «Когда-нибудь» — быть может, в смысле — через час или через два часа. Но важнее, повторяю, вопрос: в художественном смысле хорошо ли намекнуть здесь на смерть? При чем тут смерть? И при чем тут пробуждение (Wenn du erwachst)? Ведь ребенок и теперь пробуждается нередко, и центр тяжести лежит не в сонливости ребенка, а в социальных условиях, мешающих отцу чаще видеть его... Если очень сгустить краски, то выйдет фальшь» (письмо от 31 января 1903 г., ЦГАЛИ). Якубович переделал последнюю строфу.

Мать. Впервые — РБ, 1903, № 10, стр. 28. Печ. по авт. экз., т. 2, стр. 106. Здесь рядом с «сторожишь бессонно» вписано «Бодрствуешь упорно», внизу помета: «Ст. Удельная». Написано по поводу тяжелой болезни сына. В авт. экз. примечание: «Болезнь Димы (тиф) в сентябре этого года... Сегодня 29 день болезни, а тревоги еще не кончены... Просто изболел я — и измотался душою», — писал Якубович В. Г. Короленко 18 сентября 1903 г. (БЛ).

В. Г. Короленко. Впервые — «В защиту слова», сб. 1. СПб., 1905, стр. 81, под заглавием «Владимиру Галактионовичу Короленко (14 ноября 1903 г.)». Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 108. Вошло в сб. «Песни свободы». Автограф — в ЦГАЛИ. Чествование В. Г. Короленко по поводу 50-летия со дня его рождения, устроенное редакциями 12 периодических изданий, состоялось в Петербурге 14 ноября

1903 г. Присутствовало около 500 человек. «Известный поэт П. Я. прочел свое стихотворение, принятое с большим энтузиазмом публикой» («Чествование В. Г. Короленко». «Нижегородский листок», 1903, № 315, 17 ноября). Якубович высоко ценил Короленко-художника и человека. Переписка их началась в 1896 г. и не прекращалась до смерти Якубовича: последнее письмо к Короленко написано им 28 февраля 1911 г., за 17 дней до смерти. 188 писем Якубовича к Короленко всесторонне раскрывают характер их дружбы (хранятся в БЛ).

«Тук-тук! ..». Впервые — «В защиту слова», сб. 1. СПб., 1905, стр. 82. Вошло в сб. «Песни свободы». Часть автографа — в ЦГАЛИ. Стенная азбука для переговоров с товарищами по заключению путем перестукивания была изобретена еще декабристами (Михаилом Бестужевым) в Петропавловской крепости (Воспоминания Бестужевых. М.— Л., 1951, стр. 116—124). О тюремной азбуке и технике перестукивания подробно рассказывает Н. А. Морозов, сравнивая его со стуком древоточца или чириканьем кузнечика (Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. 2. 1947, стр. 59—65). Стихотворение с таким же названием есть у В. Н. Фигнер.

Senilia. Впервые — РБ, 1903, № 8, стр. 165, в цикле «Весенние мотивы». Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 112. Так назвал И. С. Тургенев свои «Стихотворения в прозе». Тургенев читал их П. Л. Лаврову, который рассказал об этом в статье «И. С. Тургенев и русское общество», появившейся в «Вестнике Народной воли», 1884 г., № 2, где печатался Якубович.

У сфинксов. Впервые — РБ, 1903, № 12, стр. 57. *Сфинксы* — см. стр. 398.

У гроба Н. К. Михайловского. Впервые — РБ, 1904, № 2, стр. 20. Н. К. Михайловский умер 28 января 1904 г. Об отношениях Якубовича и Н. К. Михайловского см. примечание к стихотворению «На славном посту», стр. 459.

«День без ясного солнца, без месяца ночь...». Впервые — РБ, 1904, № 9, стр. 92. (Начало: «День без яркого солнца...».) Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 118. *Я всегда одинок.* Трагедия Якубовича была в том, что, связав свою писательскую судьбу с редакцией РБ, он не стал там «своим». Одиночество было подготовлено каторгой. «Ведь главная тягость моей теперешней жизни — это полное духовное одиночество и изолированность от живого мира», — писал он из Кургана Н. К. Михайловскому 25 мая 1899 г. (ПД). На духовное одиночество в РБ он жалуется В. Г. Короленко (письмо от 20 октября 1910 г., БЛ). В последние годы одиночество поэта было смягчено большой дружбой с Е. А. Придворовым (Демьяном Бедным).

«Бог благости щедрой, бог правды великой! ..». Впервые — РБ, 1904, № 9, стр. 93. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 119. Вошло в сборники: «За свободу», «Песни труда и неволи». *Десница* — здесь: правая рука.

«Мне чудится кругом какой-то шорох странный...». Впервые — РБ, 1904, № 9, стр. 93. В стихотворении передано «общее настроение после см<ерти> Плеве...» (прим. Якубовича). В. К. Плеве (1846—1904) — министр внутренних дел и шеф жандармов, был убит 15 июля 1904 г. В августе 1904 г. было напечатано и широко распространялось воззвание «К партии», написанное В. И. Лениным, в котором он отмечал, что для данного исторического момента характерен общий подъем: «Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия» (В. И. Ленин. Соч., т. 7, 4-е изд. стр. 420).

Сон. Впервые — РБ, 1905, № 1, стр. 86. Вошло в сб. «Песни свободы». Стихотворение является откликом на события русско-японской войны 1904—1905 гг. *Гаолян* — хлебное растение, распространенное в Китае. *По кусочки* — т. е. просить подаяния, нищенствовать.

Красный снег. Впервые — РБ, 1905, № 10, стр. 86. Большевистская «Звезда» отметила, что в этом стихотворении Якубовичу удалось увидеть и нарисовать «величественную картину, главным образом, рабочего движения» (1912, № 19, 18 марта). Цензура, накладывая арест на т. 2 изд. 1910 г., где оно было опубликовано, указывала, что «стихотворение написано по поводу беспорядков, имевших место в Петербурге 9 января 1905 г.». Цензор Н. Лебедев усмотрел в нем не только выражение «самых крайних политических и социальных идей», но также «возбуждение к революционной борьбе против существующего государственного строя». Листы со стихотворением были вырезаны и уничтожены «посредством разрывания на мелкие части» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1914, № 1578. «О книге П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, т. 2, 4-е изд. СПб., 1910 г.»). Современный критик писал: «9-е января вызвало в чутком сердце поэта лучшее, бесспорно, стихотворение, какое до сих пор было посвящено этому роковому в истории последних дней событию, — „Красный снег"» («Мир божий», 1906, № 1, стр. 102). *Каин, что ты сделал?!* По библейской легенде, слова, обращенные богом к Каину, предательски убившему брата Авеля.

«Как солнце, мне твоя улыбка дорога!..». Впервые — РБ, 1905, № 10, стр. 212. Это и следующее стихотворение обращены к Р. Ф. Франк в связи с арестом Якубовича. «Мой арест (14 января) и двухнедельное сидение в Крестах, сильно расстроившее мое здоровье. Это недолгое заключение в тюрьме далось мне почему-то несравненно тяжелее многолетнего пребывания в стенах крепости, на Каре и в Акатуе» (прим. Якубовича).

«Снова в путь-дорогу, старый, верный друг!..». Впервые — изд. 1906 г., стр. 86. Написано в связи с арестом 14 января 1905 г. См. предыдущее примечание. В изд. 1906 г. оба стихотворения объединены в цикл, обозначенный тремя звездочками.

К стр. 269—271.

Последняя жертва. Впервые — РБ, 1905, № 6, стр. 129, неисправно, с цензурным смягчением стиха 15. Без цензурного смягчения этого стиха — изд. 1906 г., стр. 87. Вновь с цензурным смягчением стиха 15 — изд. 1910 г., т. 2, стр. 127. Печ. по авт. экз., т. 2, стр. 127, где восстановлен стих 15. Посвящено разгрому русского флота под Цусимой. В. И. Ленин писал: «Русский военный флот окончательно уничтожен... Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия» (В. И. Ленин. Соч., т. 8, 4-е изд., стр. 449). В. Г. Короленко сообщал из Полтавы А. Г. Горнфельду 8 июня 1905 г.: «Вчера бандеролью получил стихотворение П. Я., которое на всех, кому я его читал, производит огромное впечатление, и его уже списывают, не дожидаясь выхода книжки (да, как-то распорядится цензура?). И все это пока штатский народ. Думаю, что на военных и особ<енно> моряков оно должно действовать еще сильнее. Думаю, это первое стихотворение, которому суждено стать и широко-общественным явлением в связи с событиями войны... Жаль, что едва ли оно появится целиком в „Русском богатстве"...» (Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. Л., 1924, стр. 8). «Мои стихи цензор пропустил, — сообщал Якубович Короленко, — просил только заменить «и *тот*, кто послал нас» на «и *те*, кто послал нас» (письмо без даты, июнь 1905 г., БЛ). Стихотворение распространялось в листовках; в 1907 г., возбуждая судебное преследование против Якубовича, цензура отнесла «Последнюю жертву» к стихотворениям текущего времени, в которых ярко затронута «тема народного восстания и ниспровержения существующего государственного строя». По приговору С.-Петербургской судебной палаты стихотворение было уничтожено (ЦГИАЛ, Дело С.-Петербургского комитета по делам печати, 1907, № 157, «По возбуждению судебного преследования против виновных в напечатании книги... «Русская муза... составил П. Я. ...»). *Семья броненосцев плывет* и т. д. 15 октября 1904 г. из Либавы вышла на выручку Порт-Артура 2-я тихоокеанская эскадра из разнородных судов с устарелой артиллерией. *Вперед, на погибель! Вперед!* Во время стоянки эскадры в Мадагаскаре пришло известие о сдаче Порт-Артура. Эскадре следовало бы вернуться обратно, но царское правительство приказало продолжать поход с целью прорыва во Владивосток. *Седой буревестник кричит* — навеяно горьковской «Песней о Буревестнике». *То старый Макаров к нам едет* и т. д. В начале марта 1904 г. в Порт-Артур прибыл новый командующий эскадрой адмирал Степан Осипович Макаров (1848—1904), который вскоре погиб на броненосце «Петропавловск», взорвавшемся на мине. *Погибший Артур.* Порт-Артур пал 2 января 1905 г. *В зловещий Корейский проход!* 27 мая эскадра вошла в узкий Цусимский пролив, где была разгромлена японцами.

«Отчизна хризантем, любимый солнцем край!..». Впервые — изд. 1906 г., т. 2, стр. 90. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 130. Написано накануне заключения мирного договора с Японией, подписанного 23 августа в Портсмуте. Стихотворение вызвало нападки цензуры. На изд. 1910 г. был наложен арест, так как сти-

хотворение заключало в себе «возбуждение к революционной борьбе против существующего государственного строя». По решению суда листы со стихотворением в части тиража были вырезаны и уничтожены «посредством разрывания на мелкие части» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1914, № 1578, «О книге П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, т. 2, 4-е изд. СПб., 1910 г.»; в деле хранятся вырезанные листы). *Банзай* — воинственный призывный возглас японцев. *Нипóн* — Япония. *Ойяма* — японский главнокомандующий в войне 1904—1905 гг. *Мертвецы Мукдена и Телина.* В Мукденском и Телинском сражениях Япония израсходовала свои последние резервы. *Манза* — японская хижина. *Проснулась родина* и т. д. На эти стихи, как характерные для Якубовича, обратила внимание большевистская «Звезда», указав, что они выражают патриотическое чувство и зовут к «святой мести» (1912, № 19, 18 марта).

Из дневника

1. «В дыму пожаров городá...». Впервые — «Современные записки», 1906, № 1, стр. 60, неисправно, с цензурными пропусками слова «царский» и двух последних стихов, обозначенных точками. Печ. по авт. экз., т. 2, стр. 132, где полностью вписано в цикл под № 1, так как не было пропущено цензурой в изд. 1910 г. Корректура — в ЦГАЛИ. Перепечатано в сб. «За свободу». Стихотворение явилось откликом на подавление вооруженного восстания в Москве. *Для всех морей* и т. д. Революционные народники, испытав все тяготы полицейского произвола в России, нередко идеализировали буржуазно-демократические «свободы» Европы, особенно Швейцарии и Америки — «республиканские знамена великой федерации Нового Света» (Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. 2. М., 1947, стр. 225).

2. «Чуть утро — шелестом разбужен я газет...». Впервые — изд. 1910 г., т. 2, стр. 132, по цензурным причинам без стихов 5—12 и последнего. Печ. по авт. экз., т. 2, стр. 132, где восстановлены цензурные купюры. Эти строки публикуются впервые. Стихотворение было запрещено для РБ; корректуру Якубович послал В. Н. Шеталову (ЦГАЛИ). В изд. 1910 г. цензура усмотрела в стихотворении «элементы агитации» и причислила его «по своему характеру к явно преступным» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1914, № 1578, «О книге П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, т. 2, 4-е изд. СПб., 1910 г.»). Якубович писал В. Г. Короленко: «Настроение было все время убийственное: засыпаешь с мыслями о расстрелах, арестах и обысках, просыпаешься — в газете находишь то же! Дни за днями идут, и нет пока никакого просвета» (письмо от 8 января 1906 г., БЛ). *Вот девушка-герой* и т. д. В. Н. Шеталов в корректуре отметил, что Якубович имел в виду Зинаиду Коноплянникову (1879—1906) — учительницу, дочь рабочего и крестьянки; она подвергалась арестам за революционную деятельность; в ав-

густе 1906 г. убила генерала Мина, подавителя декабрьского восстания, и была казнена в Шлиссельбурге («Голос минувшего», 1918, № 10—12, стр. 297—307). *Шарлотта новых дней.* Сопоставление З. Коноплянниковой с Шарлоттой Кордэ имеет чисто внешний характер. Кордэ убила вождя французской революции Жана-Поля Марата (13 июля 1793 г.) из побуждений контрреволюционных, Коноплянниковой был убит отъявленный реакционер. Аналогичное сопоставление Веры Засулич, стрелявшей в 1878 г. в Трепова, с Ш. Кордэ сделал и Н. А. Морозов (Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. 2. М.—Л., 1957, стр. 252, 282). В этом сказалось увлечение народников тактикой террора. *Дружины Римана и Мина.* Полковник Риман и генерал Мин «прославились» массовыми расстрелами рабочих во время декабрьского восстания 1905 г. в Москве.

М. А. Спиридоновой. Печ. впервые по авт. экз., т. 2, стр. 133, куда было вписано Якубовичем. Написано после вынесения смертного приговора Спиридоновой. Было запрещено для РБ № 4 за 1906 г. Корректура стихотворения была послана Якубовичем В. Н. Шеталову: «В качестве образчика посылаю тебе свои стихи, напечатать которые боязно» (письмо от 27 августа 1906 г., ЦГАЛИ). *Спиридонова* Мария Александровна (род. 1885) — ученица тамбовской гимназии; 16 января 1906 г. четырьмя выстрелами из револьвера Спиридонова смертельно ранила на станции Борисоглебск начальника охранного отряда Луженовского, «прославившегося» зверским истязанием крестьян и организацией черной сотни (Тамбовский архив). Спиридонова подверглась невероятным истязаниям. На суде она заявила: «Смерти я не боюсь. Убивайте меня, — вы не сможете убить мою веру в то, что настанет пора народного счастья, народной свободы!». Смертная казнь была 27 марта заменена бессрочной каторгой. *В руках двух палачей* — пристав Жданов и казачий офицер Аврамов, истязавшие Спиридонову. Позже обоих настигло возмездие: они были убиты революционерами-террористами. *Лисица старая* — граф С. Ю. Витте (1849—1915), в то время премьер-министр. *Мерзостный вампир* — П. Н. Дурново (1844—1915), министр внутренних дел в правительстве С. Ю. Витте. Характеристика их совпадает с оценкой, данной обоим в сатирической прессе 1905 г. (Борис Тимофеев. Сказка о хитром Сергее. «Жупел», 1905, № 1; Дятел. К позорному столбу. «Шрапнель», 1905, № 1; «Зритель», 1905, 24 ноября, экстренный выпуск, и т. д.) О событиях 1906 г., связанных со Спиридоновой, В. И. Ленин писал: «Когда Аврамов с казаками истязает Спиридонову, это и есть военно-полицейская диктатура над народом... Народ избавляет бесчисленных Спиридоновых русской жизни от Аврамовых, применяет насилие к Аврамовым, берет власть над Аврамовыми... Это сбрасывание народом с себя Аврамовых и есть реальное содержание того, что называется великой российской революцией» (Соч., 4-е изд., т. 10, стр. 220—221; см. также т. 31, стр. 325—328). Спиридонова после освобождения в 1917 г. до лета 1918 г. сотрудничала с большевиками. После июля 1918 г. вышла из состава Советского правительства и была одним из организаторов контрреволюционного мятежа левых эсеров.

Лесные тайны

Впервые — РБ, 1907, № 8, стр. 66. Лето 1907 г. Якубович провел в лесных местах — в деревне Шалово под Лугой (письмо к В. Г. Короленко от 7 июня 1907 г., БЛ). Вместо отдыха он вел обширную переписку с молодыми писателями и готовил очередные номера РБ. «Лесные тайны» — единственные стихи, написанные за лето.

1. В глуши. Сохранился прозаический набросок стихотворения «В лесу»:

«Не забрел ли я в царство сказочных снов? Вековой лес, густой, дремучий. Тишина. Ароматы одуряют. И кажется, что сам переносишься в как<ую>-то далекую первоб<ытную> эпоху, когда и человек был частью бессознат<ельной> природы. Все здесь глядят на тебя враждебно, недоверчиво... И хочется скорее туда, на свет, в мир жизни и борьбы!» (ПД).

2. Горелый лес. В записной книжке сохранился набросок: «В горелом лесу. Сижу на пне. Тишина и солнце. Зеленые побеги. Жизнь опять возродилась» (ПД).

3. Лес поет... В записной книжке сохранился набросок: «Тишина в лесу. Изредка шорох ветвей. Идешь и сладко грезишь. Борьба далеко. Душа словно сливается с природой» (ПД).

5. В бурю. На стихотворение обратила внимание большевистская «Звезда», отметив выразительность заключительных стихов 11—12 (1912, № 19, 18 марта). Приводим мотив стихотворения из записной книжки: «Разгневан темный лес... Я с робостью вошел под темные его, бушующие своды. Шум вверху, внизу и со всех сторон. Листья сыплются. Лес точно силится спугнуть духов тьмы, идущих опутать его цепями сна! Вчера еще он был тих, как могила, покорен... Сегодня он разгнев<анный>, во всеоружии гордой силы!» (ПД). *Далила, Самсон* — см. примечание к стихотворению «Дороже райских благ, всего, друзья, что есть...», стр. 437.

6. Ребенок. «Ребенок» — сын Якубовича Дмитрий (1897—1940). К нему обращено и следующее стихотворение «Тайны леса» (см. письмо Якубовича к В. Г. Короленко от 7 июня 1907 г., БЛ).

Памяти Фрумы Фрумкиной. Печ. впервые по автографу авт. экз., т. 2, стр. 143. Поводом к написанию послужило письмо Фрумкиной перед казнью, которое Якубович процитировал в качестве комментария: «Только в октябре передали мне предсмертную записочку Ф. Фрумкиной: «Дорогой товарищ! Вас я считаю старшим братом политических каторжан. Я знаю, что все наши обиды и страдания находят всегда горячий отклик в Вашем сердце. Безграничные муки политических каторжан в Московской пересылочной тюрьме и беспрерывное глумление над ними — вызвали наши покушения: мое и Бердягина. Желание как можно полнее и лучше

использовать наше дело и нашу смерть побуждает меня к Вам обратиться со следующей просьбой: напишите, пожалуйста, вступительную статью для брошюры, где будет собран весь материал по нашим процессам. Не сомневаюсь, что исполните мою просьбу и напишете так, как писали лучшие места из «Мира отверженных». Заранее шлю свое спасибо. На прощанье мне хочется Вам сказать, что в желании быть достойными преемниками славных «стариков» мы черпали нашу силу и нашу стойкость. Прощайте. Желаю Вам дожить до того счастливого момента, когда погибнет каторга всей России, вместе с нашей каторгой. Прощайте! Ф. Ф. Бутырки, 8 июля 1907» (прим. Якубовича). *Фрумкина* Фрума — политическая каторжанка. В 1905 г. была приговорена к 11 годам каторги в Сибири, откуда бежала и была повешена в Бутырской тюрьме в июле 1907 г. Очевидцы были потрясены ее мужеством перед казнью («Каторга и ссылка», 1923, № 6, стр. 162—164; 1926, № 7—8, стр. 302—305). Бердягин Константин (настоящая фамилия Бибиков) — революционер, молодой поэт, был приговорен к повешению, но в тюрьме покончил самоубийством. («Каторга и ссылка», 1923, № 6, стр. 162—164).

Сны. Впервые — РБ, 1907, № 1, стр. 148. В авт. экз., т. 2, стр. 134, указано: «поместить ниже, после „Памяти <Фрумы Фрумкиной>"» (прим. Якубовича). *Вот девушка...* — Фрумкина, см. выше примечание к стихотворению «Памяти Фрумы Фрумкиной».

«В Сибири, окованной лютым морозом...». Впервые — РБ, 1907, № 11, стр. 37. Первоначально было озаглавлено «Верблюды». «В моем маленьком стихотворении я просил заглавие «Верблюды» заменить звездочками» — писал Якубович А. И. Иванчину-Писареву 6 ноября 1907 г. (ПД).

«Грядущего счастья далекие дни...». Впервые — РБ, 1907, № 12, стр. 97.

Бред

Впервые — РБ, 1908, № 3, стр. 32. Цикл написан под впечатлением от кровавых событий эпохи реакции.

1. «Когда болезнь, как узника, меня...». *Когда болезнь* и т. д. В здоровье Якубовича с 1907 г. произошло резкое ухудшение. 1908 г. начался болезнями. «Я здесь продолжал хворать и думал уже, что совсем нашел чахотку и песня моя спета» (письмо к С. А. Венгерову от 8 июля 1908 г., ПД). *Не к югу светлому* и т. д. В том же письме он писал: «Недуги мои и разные другие путы не давали мне в последние годы возможности ближе возобновить старые знакомства и дружеские связи, но сердце мое все тянется туда, к незабвенному прошлому, и все любит тех, кого тогда любило».

2. «А там, где шепчет мирт о счастье на земле...». *Тирана мрачного.* Очевидно, имеется в виду римский император Нерон (37—68), прославившийся своей чудовищной жестокостью и пристрастием к роскоши. *Лирный рокот.* По свидетельству римских историков, Нерон выступал перед гостями в качестве музыканта (играл на лире). *Фалерн, Цекубский ток* — сорта вин у древних римлян.

3. «...Горит больная кровь...». *Басманов* Алексей Данилович — один из любимых приближенных Ивана IV Грозного. *Малюта* Скуратов (Бельский Григорий Лукьянович, ум. 1573) — любимый опричник Ивана IV Грозного, отличавшийся крайней жестокостью. Большевистская «Звезда», цитируя 30—33 строки стихотворения «...Горит больная кровь...», отметила, что после 1905 г. «поэт отдался власти одного чувства, чувство это было — месть» врагам родины (1912, № 19, 18 марта).

Земля. Впервые — изд. 1910 г., т. 2, стр. 154, с цензурным пропуском конца стиха 20. Печ. по экз. изд. 1910 г., принадлежавшему Д. П. Якубовичу, где восстановлен полностью стих 20 (вписано рукой П. Ф. Якубовича: «Добром иль силой») и сделано примечание Д. П. Якубовичем: «Наверху написано на этом экземпляре самим папой» (экземпляр хранится у И. Д. Якубович). Оба эпиграфа взяты из статьи М. А. Энгельгардта «Без выхода» («Свободные мысли», 1908, № 35, 7 января). *«Разочарованный публицист»* — М. А. Энгельгардт, эсер-максималист, после поражения революции 1905—1907 гг. выступил со статьями, где клеветнически подчеркивал «бессилие русского народа... дряблость и мелкоту народа, масс». В указанной статье он писал, что народ «оказался фефелой» и что «русская история издавна клопом пахла». Посылая «Землю» С. А. Венгерову 20 ноября 1909 г. для «Юбилейного сборника Литературного фонда», Якубович сообщил, что стихотворение написано для РБ два года назад (ПД), т. е. в ноябре 1907 г. Редакция РБ не решилась его напечатать. Якубович писал А. Г. Горнфельду 6 января 1909 г.: «Вы получили, конечно, корректуру моего стихотворения «Земля». В художественном отношении оно не должно Вам нравиться (да, может быть, и правильно) — я это знаю. Но как в цензурном отношении? Я боялся, собственно, только двух заключительных строк 1 главы. Николай же Федорович <Анненский>, совершенно для меня неожиданно, боится другого: увидят, дескать, „иллюминацию“» (ЦГАЛИ). «Иллюминация» — поджог помещичьих усадеб («как свечи, вспыхнули усадьбы, хутора»). Корректура стихотворения с авторской правкой — в архиве Венгерова (ПД). Письмо Якубовича к С. А. Венгерову проясняет историю публикации стихотворения: «Несколько раз редакция хотела ее <«Землю»> тиснуть, но в решительный момент всегда возникало сомнение, и решили отложить до более благоприятных времен... Впрочем, лично я не видел и не вижу тут никакой цензурной опасности: ведь это только сопоставление недавних двух «настроений» — крестьянского и помещичьего, и «привлечь» ни по какой статье, ка-

жется, нельзя» (письмо от 20 ноября 1909 г., ПД). Стихотворение в сборнике «Литературного фонда» в 1909 г. не появилось. В 1914 г., налагая арест на изд. 1910 г., Главное управление по делам печати отмечало, что в стихотворении «помещики являются жестокими эксплуататорами и угнетателями народа, причем по смыслу стихотворения отношение их к народу в настоящее время ничем не отличается от того, каким оно было в эпоху крепостного права... В стихотворении описывается, как народ, доведенный до крайнего озлобления, стал устраивать погромы помещичьих усадеб». В постановлении отмечалось, что стихотворение «проникнуто явным стремлением автора возбудить в читателях крайне враждебное чувство по отношению к помещикам». Усматривая признаки преступлений, предусмотренных ст. 129 (распространение сочинений, «возбуждающих к ниспровержению существующего в государстве общественного строя»), на т. 2 изд. 1910 г. был наложен арест и по решению суда листы 154—157 со стихотворением «Земля» были вырезаны и «уничтожены посредством разрывания на мелкие части» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати, 1914, № 1578, «О книге П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, т. 2, 4-е изд. СПб., 1910 г.»). Возбудить уголовное преследование против Якубовича не пришлось: его уже не было в живых. Одновременно было таким же способом уничтожено стихотворение «Земля» в изд. 1913 г., т. 2 (ЦГИАЛ, Дело Петроградского комитета по делам печати, 1914, № 72, «О книге П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения, т. 2, 5-е изд., СПб., 1913 г.»). *А, узнаю тебя, народ* и т. д. В стихах 38—49 переданы не глумление Якубовича над русским народом, как ошибочно утверждал В. Куриленков («А. С. Серафимович». М., 1950, стр. 8), а эсеровская «программа» М. А. Энгельгардта из указанной выше статьи. В народе он увидел олицетворение всего «глупого, гнусного, подлого, каннибальски жестокого и растленного». Эти стихи написаны не раньше 7 января 1908 г. — даты опубликования статьи Энгельгардта.

«Как сотни лет назад, сегодня ночь прекрасна!..» Впервые — РБ, 1908, № 3, стр. 125.

Сосна. Впервые — РБ, 1908, № 4, стр. 187.

Думки

Впервые — РБ, 1909, № 9, стр. 126. Цикл написан в Бад-Наугейме, где Якубович лечился. Туда он выехал 9 июня 1909 г. (письмо к А. Г. Горнфельду от 5 июня 1909 г., ЦГАЛИ), возвращался обратно домой 24 июля 1909 г. «с улетучившимися надеждами на поправку... Все лето я провел здесь больной, с усиленным кашлем, плохим желудком, часто с повышенной температурой... Ну, да чего же ныть! Не поможешь!» (ему же от 21 июля 1909 г., ЦГАЛИ).

1. «Я умер, один, в чужедальнем краю...». *Что старые песни!* и т. д. В последние годы жизни Якубович настойчиво высказывал мысли о появлении нового большого поэта, «который в первом же десятилетии двадцатого века споет нам те чудные песни, которые мы ждем так долго, с таким страстным нетерпением...». «Все изменится как только явится крупный талант, который сумеет „ударить по сердцам с неведомою силой"» («Очерки», стр. 266, 270).

2. «Ах! в жизни сумрачной я не припомню дня...». *Брут* — см. стр. 439.

3. «Часто сон мне яркий снится...». Печ. по авт. экз., т. 2, стр. 163, где исправлен стих 2 (было: «Уж свободен край родной»). На стихотворение «Часто сон мне яркий снится...» обратила внимание большевистская «Звезда», отметив, что «при мысли о том, что истлевший в гробу «враг народа» может оказаться забыт, у негодующего поэта «дрожит от гнева сердце». Дальше цитировались 4-я и 5-я строфы (1912, № 19, 18 марта, стр. 1). *Ряд столбов позорных* — виселицы.

«Под пологом ночи глухой...». Впервые — РБ, 1910, № 1, стр. 49. Последнее напечатанное при жизни Якубовича стихотворение.

VIII. ПРИЛОЖЕНИЯ К ЮНОШЕСКИМ СТИХОТВОРЕНИЯМ

(1877—1883)

Раздел создан в изд. 1910 г. Вообще к своим ранним стихам Якубович относился очень строго: «Я немножко научился работать и стал писать сносные (в смысле формы) стихи только в сравнительно поздние годы и до сих пор краснею за то, что без зазрения совести печатал, бывало за полной подписью, в юности» (письмо к Е. А. Придворову — Демьяну Бедному от 21 декабря 1908 г., ЦГАЛИ).

Вечерняя звезда. Впервые — изд. 1901 г., стр. 7. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 171. *Передо мною дорога тернистая* — ранний отзвук Некрасова: «выводи на дорогу тернистую» («Рыцарь на час»). Положено на музыку Р. М. Глиэром.

Моя дорога. Впервые — «Дело», 1878, № 12, стр. 279, подпись: П. Я. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 172, для которого Якубович переработал 1-е четверостишие, исключив 12 стихов, следовавших за ним, и обозначив пропуск строкой точек:

В каждой строке моей капля любви
К светлым идеям, к заботам народным,

Душу щемящие звуки мои
Дышат стремленьем к добру благородным.
В каждой строке моей капля любви...
Но отчего они дышат и ядом?
Но отчего в моей юной крови
Ненависть бродит со всем своим адом?
Но отчего я готов оттолкнуть
Всякого, кто из слепого участья
Руку задумает мне протянуть
И пожелает удачи и счастья?!

Из 16 принятых редакцией «Дела» стихотворений Якубовича цензор зачеркнул 9 и пропустил одно (см. прим. Якубовича к стихотворению «Весенняя сказка», стр. 387). *Оплакивать — кровью.* Якубович еще в гимназии мечтал разделить участь русских патриотов, стремившихся освободить южных славян от турецкого ига в 1877—1878 гг. В юношеском стихотворении «Разочарование» («Живописное обозрение», 1882, № 13, стр. 203, датированном в автографе 26 июня 1881 г., ПД) он вспоминал об этом периоде общественного подъема, захватившем гимназию:

Мой учитель большой был руки оптимист,
Патриот безупречный вполне,
С ним мы голодом Запад сбирались морить,
Отправлялись из Индии гнать англичан,
Немчуру... ту хотели совсем придушить
Для великого дела славян!

«Вот и кончился день, от которого я...». Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 8, под заглавием «Весенняя ночь». В предпоследней строке было: «Жить для отчизны одной». Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 173, где исправлена эта строка.

На смерть Некрасова. Впервые — изд. 1910 г., т. 2, стр. 174. Написано в последнем классе гимназии. Через год, 27 октября 1878 г., Якубович сообщает сестре: «Мой любимец — Некрасов» и горячо рекомендует его читать. *Гордые мученья* — Якубович, очевидно, сопоставил Некрасова с образом Крота из его поэмы «Несчастные» (Крот — «гордый мученик», «Его страданья были горды»). *Певец карающий, но милый* — перефразировка стиха Лермонтова «Певец неведомый, но милый» («Смерть поэта»). *Чтоб до слуха ветер не донес* и т. д. — перефразировка 3-й строфы из стихотворения Некрасова «Что ни год — уменьшаются силы...». *Но народ... песен не слыхал.* Перефразировка стихов 41—42 из стихотворения Некрасова «Умру я скоро...» *Приют твой глух и тесен* — измененный стих Лермонтова: «приют певца угрюм и тесен» («Смерть поэта»). Если у Лермонтова:

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять...

У Якубовича:

> Будет звук твоих чудесных песен
> Оглашать родимые луга!

Ловля белки. Впервые — «Родник», 1882, № 7, стр. 56. С небольшим исправлением — изд. 1887 г., стр. 40. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 176. В стихотворении отразились детские впечатления от жизни в Исаеве. *Федя* — пастушок, товарищ детства; его характеристика дана в воспоминаниях Якубовича «На ранней зорьке» (РБ, 1909, № 1, стр. 219).

Корабль. Впервые — изд. 1901 г., стр. 24.

«Хотел бы я владеть стихом...». Впервые — «Дело», 1880, № 10, стр. 168, под заглавием «Мечта», подпись: П. Я. С исправлениями — изд. 1901 г., стр. 26. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 182. Черновой автограф (заглавие «Мечта») датирован 12 июня <1880>. Новг<ород> (ПД). Приводим стихи, следовавшие после стиха 9 в автографе:

> И, как орел, носился б я
> Над прозябающей землею.
> ...И пел бы я в стихах моих
> Тот край, где всё полно любовью,
> Где человек людскою кровью
> Не обагряет рук своих;
> Где нет ни праздности, ни лени,
> Ни празднословия, ни лжи,
> Где не сгибаются колени,
> Не лезут братья на ножи.

Разрыв. Впервые — изд. 1910 г., т. 2, стр. 184. По теме примыкает к стихотворению «В театре».

«Я умру, а солнце над землею...». Впервые — изд. 1910 г., т. 2, стр. 186. Печ. по авт. экз., т. 2, стр. 186. Якубович зачеркнул в последней строфе слово «вечно» («Лишь она, как вечно любящая мать»).

«Давно сказал мне голос неземной...». Впервые — изд. 1910 г., т. 2, стр. 187. Этим стихотворением начиналась 3-я рукописная книга «Новейшие стихотворения П. Якубовича. Новгород, 1880. Май», ее первый раздел: «Призывы и упреки». Черновой автограф датирован: «31 мая 1880. Новгород». Первоначальное заглавие «Мечтатель» заменено: «Вступление» (ПД). Приводим вариант конца после стиха 12:

> Когда мольбам моим напрасным,
> Проклятьям и призывам страстным

Внимает праздная толпа,
Тогда с улыбкой сожаленья
Мне говорят: «Несчастен ты!
Оставь безумные мечты —
И ты найдешь успокоенье».

Так каждый час мой огорчен —
То жизни холодом суровым,
То страхом, то сомненьем новым...

«Здравствуйте, бодрые мыслью и духом! ..». Впервые — РБ, 1882, № 9, август, стр. 1, с подзаголовком: «посв. О. И. Н—р—му», т. е. Осипу Ивановичу Нагорному (см. о нем на стр. 395). Печ. по изд. 1901 г., т. 1, стр. 45, куда внесены исправления и убрана 2-я строфа:

С верою гордой, с решимостью пламенной
Может отважный добиться всего:
Брызнет из почвы бесплодной и каменной
Светлый родник у него.

Написано в период дружбы с Нагорным. Автограф датирован: «Ночь на 21 июня 1881», заглавие «Братьям» (ПД). Приводим вариант 2-й строфы по автографу:

Выйдем под музыку гимна свободного...
Всем, кому высшего счастия нет —
Счастья великого, счастья народного, —
Братский привет!

«Безумец! Пора привыкать...». Впервые — изд. 1902 г., т. 1, стр. 53 (начало: «О сердце! Пора привыкать...»). Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 190. В черновом автографе обращено к Р. Ф—к <Франк>, датировано: 18 июня 1882 (ПД). 2-я и 3-я строфы, стихи 5—12 в нем даны в следующей редакции:

Не женщинам слабым идти
Под знаменем светлым свободы —
Бойцам, закаленным в борьбе,
Узнавшим нужду и невзгоды!

Не плачущим детям нести
Оружие бранное мести:
Тому, кто без стона умрет
Во имя свободы и чести!

Беловой автограф датирован: «11 января 1883», с примечанием: «Из души — и какое противоречие, в то время, тому, что предлагает мне жизнь (хотя бы в мечтах). Достопам<ятный> это ве-

чер: К. Ф. Я. Ш.» <вероятно, Комарницкий, Франк, Якубович, Шебалин>. Связано со вступлением Якубовича в «Народную волю».

Тиртей. Впервые — «Живописное обозрение», 1883, № 46, стр. 306. Заглавие по цензурным мотивам смягчено: «Поэт». Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 188. Автограф — ПД. «Тиртей» был предназначен для июньской книжки журнала «Дело» за 1883 г., но был запрещен цензурой. В делах цензурного комитета сохранилась корректура с резолюцией: «не дозволено» (ЦГИАЛ, Дело С.-Петербургского цензурного комитета по изданию журнала «Дело», 1866, № 76, л. 43). *Тиртей* — древнегреческий поэт VII—VI вв. до н. э. По преданию, Тиртей своими песнями воодушевлял спартанцев на военные подвиги. Личность Тиртея вызывала интерес у поэтов-декабристов и поэтов-петрашевцев (см. сб. «Поэты-петрашевцы». Л., 1957, стр. 66). «Тиртей» Якубовича, возможно, является откликом на десятую годовщину Парижской коммуны и обращен к Э. Потье, автору «Интернационала». Якубович был знаком с поэзией коммунаров. Социалистическая печать Франции называла Э. Потье, величайшего поэта Парижской коммуны, «Тиртеем Коммуны» (Ю. Данилин. Поэты Парижской коммуны. М., 1947, стр. 232—234).

«О, подлое, чудовищное время...». Впервые — «Вестник Народной воли», Женева, 1885, № 4, стр. 125, в цикле «Из песен о молодом поколении», с общей для цикла пометой: «С.-Петербург. 1880—1884 гг.», подпись: Я. В изд. 1910 г. печатались первые 8 стихов, пропуск — очевидно, цензурный — обозначался строкой точек; мы восстанавливаем текст по автографу, датированному ноябрем 1882 г. (ПД). В автографе небольшое разночтение. Вошло в «Новый сборник революционных песен и стихотворений» (Париж, 1898); «Сборник песен и стихотворений» (Берлин, 1906). *Година ужаса* — разгул реакции после 1 марта 1881 г. *Гекатомбы* — у древних греков жертвоприношение из ста быков; здесь в переносном смысле: огромные жертвы.

«Ни в чем очарованья нет!..». Впервые — «Мир божий», 1899, № 10, стр. 20, в цикле «Из забытой тетради». Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 192, где после стиха 8 опущено четверостишие. Черновой автограф ПД датирован: 18 июня 1882.

«Часто с любовью горячей, со страстью мятежной...». Впервые — «Дело», 1883, № 3, стр. 64 (начало: «Грезы уснуть не дают мне...»). Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 192, где опущено начало — первые 8 стихов. Обращено к Р. Ф. Франк.

Дума. Впервые — «Дело», 1883, № 8, стр. 227. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 194, где стихотворение переработано и сокращено (в первой редакции было 36 стихов). Черновой автограф озаглавлен «Монолог», датирован: «7 марта 1883, 11 часов вечера, по возвращении с П<есков?>, где не пр<остил>ся с Р.» (Р. Франк жила на Песках). Автограф «в исправленном виде» озаглавлен «Дума». Оба — в тетради юношеских стихов (ПД).

К стр. 307—311.

II

Стихотворения, не вошедшие в последнее прижизненное издание, и неопубликованные стихотворения

Включенные в этот раздел стихотворения, за исключением «На смерть Тургенева» и «Осенняя дума», в прижизненные сборники Якубовича не входили.

Пахарь. Впервые — «Родник», 1882, № 8, стр. 175. Образец самого раннего лирического опыта поэта, созданный под непосредственным воздействием Некрасова и Кольцова.

Майская песня. Впервые — «Родник», 1884, № 8, стр. 146.

Осенняя дума. Впервые — изд. 1901 г., т. 1, стр. 9.

Воспоминание. Впервые — РБ, 1881, № 6, стр. 103, подпись: П. Я. *«Домик... заброшенный, угрюмый»* — в селе Исаеве, где прошли детские годы поэта. В воспоминаниях Якубовича Исаево названо угрюмым, «гиблым местом». Обращение к Исаеву было характерно для гимназических, в основном не дошедших до нас, стихов поэта.

«С песнею торжественной...». Впервые — «Дело», 1880, № 9, стр. 226, подпись: П. Я. Датируется по автографу в тетради юношеских стихов (ПД).

Крик журавлей. Впервые — «Живописное обозрение», 1882, № 2, стр. 26, с цензурным смягчением в стихе 20-м (было «стон» вместо «злоба»). В автографе первоначальное заглавие «Призыв журавлей» и незначительные разночтения. В примечании сказано: «29 авг<уста> 1880 г. в Новгороде, проходя через садик, видел летящих вверху журавлей. Стихи написаны уже в Петербурге у В. Ш. <В. Н.Шеталова> (осенью этого же года. Утром, числа не помню)» (ПД). Образ свободных журавлей — характерен для поэзии Якубовича. См. его раннее стихотворение «Отлет журавлей» («Дело», 1879, № 1, стр. 335—336) и «Журавли», стр. 139.

Учитель. Впервые — РБ, 1882, № 5—6, стр. 176, с цензурными смягчениями («братскою рукою» вместо «злобою людскою»; «страдающий поэт» вместо «карающий поэт» и др.). Печ. по автографу (ПД). Знаменательна дата стихотворения: «28 декабря 1880, Новгород». Написано в трехлетнюю годовщину смерти Некрасова (умер 27 декабря 1877 г.). Последние два стиха, возможно, относятся к Некрасову.

«О, пока мы так свежи и юны...». Впервые — «Дело», 1880, № 10, стр. 47, подпись: П. Я.

«Еще борьбы тяжелый молот...». Впервые — РБ, 1881, № 6, стр. 158, подпись: N, с цензурными смягчениями (было «знамя славное» вместо «знамя вольное»). Печ. по автографу, датированному: «13 апреля 1881 г. Новгород» (ПД).

После боя. Печ. впервые по автографу, датированному: «10 марта 1881» (ПД). В автографе заглавие «После боя» заштриховано и дан маскировочный (на случай обыска) подзаголовок: «На мотив из Дранмора». В стихе 10 первоначально было: «свободные дружины» (свободные — подчеркнуто), потом — «разбитые дружины». Оба определения зачеркнуты и не заменены. В стихе 14 первоначально было: «Еще могучая Мечта». Написано в день ареста С. Л. Перовской и, возможно, было откликом на это событие.

Ответ Мартову. Печ. впервые по автографу (ПД). Написано вскоре после 10 марта 1881 г., так как помещено за стихотворением «После боя». Является полемическим откликом на не дошедшее до нас стихотворение Мартова, из которого Якубович в тетради юношеских стихов (ПД) процитировал четверостишие:

Титаны зла глядят злорадно,
Смеются гномы суеты,
Что светят нам темно и чадно
Когда-то светлые мечты.

Мартов — Михайлов Владимир Петрович (1855—1901), по словам Якубовича, талантливый поэт, «блестящий метеор», появившийся, как и Надсон, на рубеже 1870-х и 1880-х годов (Мнимое оскудение талантов. РБ, 1882, № 5—6, стр. 77). Быстро завоевав симпатии молодежи, он вскоре замолк. Его стихотворение «Если трезвой мысли холод...», запрещенное цензурой для сб. «Отклик» (письмо Якубовича к С. А. Венгерову от 22 января 1881 г., ПД), позже было напечатано Якубовичем в сб. «Русская муза». Был доктором зоологии и приват-доцентом физиологической химии Петербургского университета (архив С. А. Венгерова в ПД), работал с И. М. Сеченовым. Воспоминания о нем: Б. Б. Глинский. Среди литераторов и ученых. СПб., 1914, стр. 189—210. Тут приведены многие стихи Мартова.

В бурю. Впервые — «Дело», 1883, № 11, стр. 270. Печ. с исправлением стиха 22 по автографу ПД (в «Деле»: «и труда суровый молот»). Заглавие в автографе менялось: «Наводнение», потом «Здравствуй, смерть!» После слов: «миг агонии смертельной» шли 11 стихов, перечеркнутые и не вошедшие в журнальный текст. В автографе, датированном «6 июня 1881 г. Новгород», есть примечание: «Мысль пришла в голову вчера вечером, когда я стоял на валу и видел кругом затопленные водою луга, а за собой засыпающий город».

К стр. 316—320.

«Не кори меня, друг милый...». Печ. впервые по беловому автографу с пометой: «...сочинены дорогой к матери, вечером 8-го (в конке)» (ПД). Находятся среди стихов, датированных январем 1882 г.

Песня париев. Печ. впервые по автографу, датированному: «21 сентября». Помещено среди стихотворений, датированных 1882 г. (ПД). 4 декабря 1884 г. на следствии Якубович говорил о своем отношении к Петербургу до ареста, где все напоминало ему, отравляя каждую минуту: «Ты парий общества, проклятый судьбой; не здесь, не в этом тепле и мире, твое место — иди в битву!» («Каторга и ссылка», 1926, № 6, стр. 87).

Credo. Впервые — РБ, 1882, № 7, стр. 64. Якубович предлагал С. А. Венгерову напечатать стихотворение в журнале «Устои», но последний побоялся (письмо к С. А. Венгерову от 21 июня 1882 г., ПД).

Стоны. Впервые — РБ, 1882, № 7, стр. 65, с датой: «1882 г.». В стихотворении ярко передана общественная атмосфера, охватившая в период реакции начала 1880-х годов либеральные круги. *Исхода нет!* Вопрос «где исход?» характерен для поэтов-восьмидесятников (см., например, О. Н. Чюмина (Михайлова). Стихотворения. СПб., 1889, стр. 15, стихотворение «Путник»). Незаконченность стихотворения намекала на «другой исход... сокрушение политического насилия и коренное изменение государственных учреждений», предложенный народовольцами («Народная воля», 1882, № 8—9, 5 февраля).

«Довольно стонов, фраз пустых довольно!..» Печ. впервые по беловому автографу из архива Венгерова (ПД). Является ответом (экспромтом) на стихи А. П. Барыковой «Зимой» и написано Якубовичем на листе, где помещен автограф этого стихотворения. Анна Павловна Барыкова (1839—1893) — поэтесса, ее стихотворения, посвященные социальным темам, подвергались цензурным гонениям (С. Любимов. Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой. «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 256). Оказывала разностороннюю помощь «Народной воле», в частности Якубовичу. В письме к Н. К. Михайловскому Якубович тепло отозвался об А. П. Барыковой как о своей бывшей «хорошей заочной приятельнице» (письмо от 16 октября 1897, ПД). *Тиртей* — см. стр. 477. *Жить нужно на могилах* — здесь в переносном значении — жить идеалами казненных 1 марта 1881 г. народовольцев.

На смерть Тургенева. Впервые — изд. 1887 г., стр. 59. В последующие издания не входило. Стихотворение тесно связано с листовкой «И. С. Тургенев», первым нелегальным произведением Якубовича, выпущенным «Народной волей» в день похорон Тургенева (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников.

М., 1930, стр. 3—14). Якубович рассматривает борьбу за Тургенева после его смерти как грязную свистопляску «господ либералов» и представителей «чистого искусства» против революционных традиций. *Перед свежей могилой того...* Листовка начинается «Над не зарытой еще могилой поэта...» *Кто умом и душою болел* и т. д. В листовке эта мысль центральная: «Для нас важно, что он <Тургенев> служил русской революции сердечным смыслом своих произведений, что он любил революционную молодежь, признавал ее «святой» и самоотверженной». *Вы, которые солью земли...* и т. д. Вероятно, имеются в виду либеральные друзья Тургенева вроде М. М. Стасюлевича, Я. П. Полонского, о которых писал Якубович в листовке «И. С. Тургенев»: «Умер Тургенев — они его привлекают в свои жирные объятия и его торопятся отделить ревнивой стеной от всякой злобы дня, от русской молодежи, от ее идеалов, надежд и страданий, лицемерно преклоняясь перед ним, лицемерно захлебываясь от восторга, они силятся доказать, что он был художник-поэт и ничего больше...» *Не спешите с хулой и хвалою!* Здесь, возможно, полемика со «своими», а именно с Г. А. Лопатиным, который в предисловии к сб. «Из-за решетки» (Женева, 1877) писал, что «даже такие художники-джентльмены, как Ив. С. Тургенев, которого никто не заподозрит в доброхотном холопстве, — посодействовал своими трудами искажению нашего «мученика правды ради» в глазах нашего общества». Лопатин имел, несомненно, в виду роман Тургенева «Новь». Тургенев не согласился с Лопатиным и в письме к М. П. Драгоманову подчеркнул, что «при данных условиях я мог сделать только то, что сделал, — и, по-видимому, результат не совпадает с выводами и заключениями моего критика» (И. С. Тургенев. Собр. сочинений, т. 12. М., 1958, стр. 521—522). Стихотворение является своеобразным дополнением к прокламации Якубовича о Тургеневе. *Всё оделося в траур!* В связи со смертью Тургенева революционеры проводили среди рабочих поминки, на которых выступал Якубович. «Александр Иванович (псевдоним Якубовича) говорил просто, с большим чувством и производил большое впечатление на рабочих. Он читал некоторые главы из «Записок охотника», «Стихотворения в прозе» и др. Манера чтения П. Ф. <Якубовича> нравилась рабочим. По полицейским условиям эти собрания рабочих не могли быть многолюдными, а поэтому происходили часто и затянулись почти до похорон, на которые пришли многие рабочие, чтобы проводить И. С. <Тургенева>». (И. Н. Попов. Минувшее и пережитое, ч. 1. Л., 1924, стр. 110). Якубовичу принадлежит также статья «Иван Сергеевич Тургенев» («Дело», 1883, № 9, без подписи).

В и д е н и я. Впервые — «Вестник Народной воли», 1884, № 2, стр. 152, без подписи. Вошло в сборники: «Отголоски революции» (Таганрог, 1886, этот сборник был подготовлен группой народовольцев, частично отпечатан, но в свет не вышел, так как был 23 января 1886 г. захвачен полицией; рукопись сборника и экземпляры верстки сохранились не полностью: ЦГИАЛ, Вещественные доказательства к делу Министерства юстиции об обнаружении тай-

ной типографии в г. Таганроге, ф. 1410, оп. 1, № 524); «Песни борьбы» (Женева, 1902, подпись: П. Я.); «Перед рассветом. Сборник революционных песен и стихотворений». Составила В. Перова <В. М. Бонч-Бруевич> (Женева. 1905, подпись: П. Я.) и одновременно в сб. «Под гнетом самодержавия». Было популярно в революционной среде. «Видения» дважды упоминаются Якубовичем в записной книжке: среди стихотворений, не вошедших в изд. 1898 г., и среди стихотворений, «посланных в Питер» в цикле «Тюремные мелодии» (ПД). Якубович поставил «Видения» перед «Сказочным городом», так как относил их к 1883 г. (ПД). До последнего времени печаталось как стихотворение неизвестного автора (см. сб. «Вольная русская поэзия второй половины XIX века». Л., 1959, стр. 523).

«Глухая ночь... Ни проблеска, ни света...». Впервые — «Вестник Народной воли», 1884, № 2, стр. 153, без подписи, одновременно с предыдущим стихотворением «Видения» и общим редакционным примечанием: «Следующие два стихотворения присланы из Сибири от одного из ссыльных». По революционной традиции считалось, что оба стихотворения принадлежат одному лицу и в вольной печати всегда помещались вместе («Отголоски революции». Таганрог, 1886; «Под гнетом самодержавия»). «Видения» написаны Якубовичем (см. предыдущее примечание). Ему же принадлежит, по всей вероятности, и настоящее стихотворение: в сб. «Под гнетом самодержавия» в цикле «Весенние мотивы» из 7 стихотворений, в том числе и анонимных, Якубовичу бесспорно принадлежат 6. «Глухая ночь... Ни проблеска, ни света...» помещено четвертым, т. е. в середине. Высказывалось предположение, что в «Вестнике Народной воли» у Якубовича «какие-то стихотворения... не были напечатаны» (см. «Вольная русская поэзия второй половины XIX в.». Л., 1959, стр. 818). Догадка эта подтверждается неопубликованным письмом П. Л. Лаврова к Г. А. Лопатину от 28 (16) сентября 1884 г. (ЦГИАМ, см. примечание к стихотворению «Учителю», стр. 443). Лаврову было послано не 7, а 10 стихотворений Якубовича, которые, по-видимому, публиковались в «Вестнике Народной воли» частями: 2 стихотворения — в № 2 за 1884 г. и 7 стихотворений — в № 4 за 1884 г. Вопрос о десятом стихотворении остается открытым: оно нам неизвестно. В свете сказанного понятен смысл редакционного примечания в № 4 «Вестника Народной воли»: «помещаем зараз всю серию... насколько место нам дозволяет». Места не хватило для одного стихотворения. Авторство Якубовича подвергалось сомнениям на том основании, что в 1884 г. Якубович не был в Сибири, но два стихотворения мог послать кто-либо из ссыльных, например Н. И. Комарницкий, высланный в Сибирь в 1884 г. *Придет пора, пробудится народ...* Эта строка в измененном виде встречается у Якубовича в стихотворении «Земля».

Мятежник. Впервые — в кн.: Архив В. А. Гольцева, т. 1. М., 1914, стр. 221. Было послано в 1892 г. конспиративным путем из Акатуйской каторжной тюрьмы одновременно со следующим

стихотворением: «Не вечно длиться вам, проклятые века...» и очерком «Дорога» (первый вариант «В мире отверженных») в журнал «Русская мысль», но не было напечатано.

Памяти Шарля Бодлера. Впервые — 1—5-я и 12-я строфы в кн.: Бодлер. Цветы зла. Перевод П. Якубовича-Мельшина. СПб., 1909, стр. 2, в статье «От переводчика». Печ. по списку из архива С. А. Венгерова (ПД). Якубович хотел поместить стихотворение в качестве предисловия к анонимному изданию своих переводов Бодлера 1895 г.

«Дремлет мирное селенье...». Печ. впервые по автографу в записной книжке (ПД), где включено в цикл «Кадаинские ночи». *Взор упал на возвышенье.* Утес, где похоронен поэт М. Л. Михайлов (см. примечание к стихотворению «На утесе поэта», стр. 445).

III

Переводы

ИЗ Ш. БОДЛЕРА

Шарль Бодлер (1821—1867) — французский поэт, один из любимых поэтов Якубовича. В предисловии к переводам «Цветов зла» Бодлера Якубович остановился на своем понимании его поэзии, с которой он познакомился в юности: «В 1879 г. «Les Fleurs du Mal» <«Цветы зла»> случайно попали мне в руки и сразу же захватили меня своим странным и могучим настроением. Суровой печалью веяло на юную душу от осужденных за безнравственность стихов; грубый, местами дерзки-откровенный реализм будил в ней, каким-то чудом искусства, лишь чистые, благородные чувства — боль, скорбь, ужас, негодование — и поднимал высоко от «скучной земли», в вечно лазурные страны идеала... В России в то время неизвестно было даже само слово «декадент», и естественно, что в поэзии Бодлера я обратил внимание главным образом на то, что в ней было истинно поэтического, а к тем ее сторонам и чертам, которые впоследствии так незаслуженно прошумели и создали целую школу кривляющихся поэтов, отнесся с равнодушной снисходительностью, как к больным причудам и капризам великого поэта... С 1879 г. начали печататься (в журнале «Слово») мои первые переводы из Бодлера, но главная работа была сделана мною значительно позже (1885—1893) в Петропавловской крепости, на Каре и Акатуе. Бодлер являлся для меня в те трудные годы другом и утешителем, и я, со своей стороны, отдал ему много лучшей сердечной крови...» (Бодлер. Цветы зла. Перевод П. Якубовича-Мельшина. СПб., 1909, стр. 1—2). Не затушевывая болезненных противоречий Бодлера, Якубович считал, «что весь мрачный скептицизм и вся злобная

мизантропия французского поэта проистекают именно из его страстного стремления к свету, из мучительной любви к красоте и гармонии, из невозможности увидать их воплощенными в жизнь и действительность» (там же, стр. 46). Страстный протест «против навязывания Бодлеру двусмысленного титула «певца зла и порока» проходит через многие письма Якубовича к Н. К. Михайловскому, А. И. Иванчину-Писареву, С. А. и З. А. Венгеровым, Р. И. Сементковскому, Ф. Д. Батюшкову, Е. С. Фондаминской, посвященные вопросу об издании переводов Бодлера (ПД). Развернутую характеристику Бодлера Якубович дал в статье «Бодлер, его жизнь и поэзия» (РБ, 1896, № 4), которая с изменениями вошла в качестве послесловия к переводам в т. 2 изд. 1901 г. и как вступительная статья к кн.: Бодлер. Цветы зла. Перевод П. Якубовича-Мельшина. СПб., 1909. А. В. Луначарский высоко ценил переводы из Бодлера: «Почти безукоризненный и иногда прямо изумительный перевод этих очаровательных по глубине красок, резкости образов и интенсивности чувства стихотворений является огромной заслугой г-на П. Я. перед русской литературой» («Образование», 1906, № 2, стр. 154—155). В оригинале «Цветы зла» состоят из 151 стихотворения. Якубович перевел 100 стихотворений. В настоящем издании печатается 27 переводов.

Альбатрос. Перевод стихотворения «L'albatros». Впервые — «Северный вестник», 1890, № 12, стр. 211, без подписи. Печ. по изд. 1902 г., т. 2, стр. 83.

На высоте. Перевод стихотворения «L'élévation». Впервые — «Живописное обозрение», 1887, № 3, стр. 34, подпись: П. Филиппович. Печ. по изд. 1902 г., т. 2, стр. 84.

Маяки. Перевод стихотворения «Les phares». Впервые — изд. 1895 г., стр. 23. Печ. по изд. 1909 г., стр. 73, где сделаны исправления и переработана 5-я строфа. *Рубенс* Петер-Пауль (1577—1640) — фламандский живописец. *Да Винчи* — Леонардо да Винчи (1452—1519) — итальянский живописец, скульптор и ученый. *Рембрандт* Ван-Рейн (1606—1669) — голландский живописец. *Анджело* — Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — итальянский художник, скульптор и архитектор. *Пюже* Пьер (1622—1694) — французский живописец, скульптор и архитектор. *Ватто* Жан-Антуан (1684—1721) — французский живописец. *Гойя* Франческо (1746—1828) — испанский живописец и гравер. *Делакруа* Эжен (1798—1863) — французский живописец, глава романтической школы.

Цыгане в пути. Перевод стихотворения «Bohémiens en voyage». Впервые — изд. 1895 г., стр. 26, без подписи. Печ. по изд. 1909 г., стр. 80, где внесены исправления в 1-ю и 3-ю строфы. «Во 2-й строфе подлинника иной образ: «Promenant sur le ciel des yeux appesantis par le morne regret des chimères absentes» (Блуждая по небу отяжелевшим взором, как бы жалеющим об отсутствии призраков)» (прим. Якубовича, изд. 1909 г., стр. 242).

Человек и море. Перевод стихотворения «L'homme et la mer». Впервые — «Северный вестник», 1890, № 12, стр. 211, без подписи. Печ. по изд. 1909 г., стр 80а.

Великанша. Перевод стихотворения «La géante». Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 161. Печ. по изд. 1909 г., стр. 84.

Шевелюра. Перевод стихотворения «La chevelure». Впервые — изд. 1906 г., стр. 181.

«Ты целый мир вместить могла бы в свой альков...». Перевод стихотворения «Tu mettrais l'univers entier dans ta ruelle». Впервые — изд. 1909 г., стр. 92.

Падаль. Перевод стихотворения «Une charogne». Впервые — «Вестник Европы», 1882, № 4, стр. 664, под названием «Прогулка», с пропусками стихов 4—28; полностью — РБ, 1882, № 7, стр. 61. С исправлениями — изд. 1902 г., т. 2, стр. 197. «Переводчиком опущен третий куплет, форма которого ему плохо давалась. Буквальный перевод: «Солнце светило на эту гниль, как бы затем, чтобы вовремя сварить ее и вернуть сторицей великой Природе все, что она соединила вместе». Непередаваемо красивы заключительные строки подлинника:

Alors, ô ma beauté! dites à la vermine
Qui vous mangera de baisers,
Que j'ai gardé la forme et l'essence divine
De mes amours dècomposés!

«Падаль» — одна из самых ранних работ переводчика (1880 г.)» (прим. П. Якубовича, изд. 1909 г., стр. 243).

«С ужасной еврейкой, прекрасной, как мертвый...». Перевод стихотворения «Une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive». Впервые — изд. 1887 г., стр. 17. Печ. по изд. 1909 г., стр. 98. Якубович сделал примечание: «Не только русскими поклонниками Бодлера, но и многими природными французами стихотворение это толкуется неодинаково <далее приводится целиком французский текст>. Многим думается, что стихи «A la triste beauté» и т. д. относятся уже не к еврейке, — что, находясь возле нее, поэт мечтает о какой-то другой «печальной красавице», которую он любит, но которая ему недоступна. Однако, при таком понимании стихотворение было бы банально... Да грамматика и не допускает подобного толкования: во второй половине пьесы Бодлер имеет в виду, конечно, ту же еврейку, но только в преображенном виде, какою она могла бы быть по своей человеческой природе... в подлиннике стихотворение имеет всего 14 строк (это так называемый сонет), но переводчик мог передать его сложное и глубокое содержание, лишь отказавшись от классической формы сонета и удлинив пьесу на целых 7 стихов. Тем не менее он считает этот вольный по частностям, но точный по смыслу и духу перевод одною из наиболее удачных своих работ» (изд. 1909 г., стр. 244—245).

«Ангел радости, знакома ль вам тоска...». Перевод стихотворения «Réversibilité». Впервые — «Книжки „Недели“», 1886, № 4, стр. 49. Печ. по изд. 1909 г., стр. 105. *Давид* — второй царь израильский (1055—1015 до н. э.).

Испытание полночи. Перевод стихотворения «L'examen de minuit». Впервые — «Северный вестник», 1891, № 4, стр. 107, без подписи. С пропусками стихов 13, 22—23, обозначенных точками, — в изд. 1895 г., стр. 65. Печ. по изд. 1909 г., стр. 144. *Мамон* — злой дух, покровительствующий богатству, упоминается в Евангелии. *За Валтасаровым столом.* Согласно библейской легенде, последний вавилонский царь Валтасар беспечно пировал во дворце, в то время как его столица была окружена персами. Валтасар был убит персами, а его царство захвачено.

К малабарке. Перевод стихотворения «A une malabaraise». Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 138. В статье Якубович писал об этом стихотворении Бодлера: «...с каким нежным сочувствием, с какой глубокой скорбью рисует он, например, наивное дитя природы, жительницу малабарских островов, собирающуюся ехать в веселый Париж для того, чтобы стать там одною из жертв нашей развращенной культуры» (изд. 1909 г., стр. 42).

Голос. Перевод стихотворения «La voix». Впервые — «Слово», 1879, сентябрь, стр. 25, подпись: П. Я. С небольшими исправлениями — изд. 1901 г., т. 2, стр. 93. «Одно из наиболее характерных и трогательных стихотворений Бодлера. Настоящий перевод — из самых ранних работ переводчика (1879)» (прим. Якубовича в изд. 1909 г., стр. 248). *Фантом* — призрак.

Мятежник. Перевод стихотворения «Le rebelle». Впервые — изд. 1898 г. (2), стр. 236. Печ. по изд. 1909 г., стр. 154.

Жалобы Икара. Перевод стихотворения «Les plaintes d'un Icare». Впервые — изд. 1901 г., стр. 222. *Икар* — см. стр. 430.

Уединение. Перевод стихотворения «Recueillement». Впервые — «Слово», 1880, № 2—3, стр. 119, под заглавием «Дума». С разночтениями — изд. 1895 г., стр. 68. Печ. по изд. 1909 г., стр. 159.

Лебедь. Перевод стихотворения «Le cygne». Впервые — изд. 1895 г., стр. 74, без подписи. Печ. по изд. 1909 г., стр. 249. «Во времена обширных перестроек Парижа, предпринятых Наполеоном III, поэт переносится мысленно к Парижу своей юности, грязному, неприглядному — и все же мучительно для него дорогому. На фоне этих грустных воспоминаний рисуется ему «великий родной лебедь — Виктор Гюго в изгнании» (прим. Якубовича в изд. 1909 г., стр. 249). *Андромаха* (греч. миф.) — идеальный женский образ в «Илиаде» Гомера, супруга Гектора. *«Симоент* — речка, протекавшая

близ древнего Илиона» (прим. Якубовича в изд. 1901 г., т. 2, стр. 90). Неоднократно упоминается в «Илиаде». *Карусель* (Carrousel) — площадь в Париже, место гулянья в то время. *Лувр* — королевский дворец, ставший музеем изобразительных искусств. *Разделяешь ты ложе постылое грека.* После смерти Гектора и падения Илиона (Трои) Андромаху увез в Грецию Неоптолем.

Маленькие старушки. Перевод стихотворения «Les petites vieilles». Впервые — изд. 1895 г., стр. 82, без подписи. Печ. по изд. 1909 г., стр. 178. «Знаменитое стихотворение, по поводу которого В. Гюго выразился, что Бодлер создал в литературе« «Le nouveau frisson» (новый род трепета)» (прим. Якубовича в изд. 1909 г., стр. 250). *Эпонина* — «прославилась при императоре Веспасиане не столько красотой, сколько верностью мужу, находившемуся в опале». *Лаиса* — «известная греческая гетера» (прим. Якубовича в изд. 1901 г., т. 2, стр. 72). *Фантом* — призрак. *Тиволи* — обычное название увеселительных садов. *Фраскати* — древний итальянский город с развалинами роскошных вилл. *Талия* (греч. миф.) — муза комедии. *Весталка* — см. стр. 440.

Сумерки. Перевод стихотворения «Le crepuscule du soir». Впервые — «Дело», 1881, № 2, стр. 283. С исправлениями — изд. 1887 г., стр. 23. С новыми исправлениями — изд. 1901 г., т. 2, стр. 79. Печ. по изд. 1909 г., стр. 187.

Пляска смерти. Перевод стихотворения «Danse macabre». Впервые — изд. 1895 г., стр. 91. С исправлениями 9-й строфы — изд. 1902 г., т. 2, стр. 124. *Антиной* — прекрасный юноша, любимец римского императора Адриана (II в.). Покончил с собой ради своего покровителя. В честь его были воздвигнуты статуи и храм.

Няня. Перевод стихотворения «La servante au grand coeur dont vous étiez jalouse». Впервые — изд. 1895 г., стр. 97, без подписи. Печ. по изд. 1909 г., стр. 196. «„*Dont vous étiez jalouse*“ (к которой вы ревновали) — очевидно, это обращение к матери или к любимой женщине. В нашем переводе эта, второстепенного значения, вставка опущена» (прим. П. Якубовича в изд. 1909 г., стр. 250).

Рассвет. Перевод стихотворения «Le crépuscule du matin». Впервые — изд. 1887 г., стр. 24. Печ. по изд. 1909 г., стр. 202.

Пирушка тряпичников. Перевод стихотворения «Le vin des chiffoniers». Впервые — «Северный вестник», 1890, № 12, стр. 217, без подписи. «Движение 1848 г. увлекло в свой поток и Бодлера, — писал Якубович. — Нельзя, впрочем сказать, чтоб он имел какую-либо определенную программу, принадлежал к какой-нибудь демократической фракции: вернее всего, что толкнули его в революцию общие гуманитарные принципы, сочувствие к рабочему классу, приобретенное им во время скитаний по грязным пред-

местьям Парижа (все лучшие стихотворения в этом роде: «Душа вина», «Пирушка тряпичников», «Сумерки», «Рассвет» и др. написаны в бурный период конца 40-х гг.); но имело долю влияние и личное озлобление против буржуазии и правящих классов» (изд. 1909 г., стр. 23).

Хмель убийцы. Перевод стихотворения «Le vin de l'assassin». Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 87. Печ. по изд. 1909 г., стр. 211.

Мученица. Перевод стихотворения «Une martyre». Впервые — изд. 1901 г., т. 2, стр. 223.

Дары Луны. Перевод стихотворения в прозе «Les bienfaits de la Lune» из книги Бодлера «Petits poèmes en prose». Впервые — изд. 1909 г., стр. 61. «Лишь с помощью рифм переводчик надеялся передать на русском языке эту упоительную и вместе страшную музыку» (прим. Якубовича в изд. 1909 г., стр. 241). Задумав издание переводов, Якубович писал Н. К. Михайловскому: «Если вздумаете еще что-нибудь сами выкинуть, сохраните, пожалуйста, стихотворение «Дары Луны», которое мне очень нравится» (письмо от 8 ноября 1895 г., ПД).

ИЗ СЮЛЛИ ПРЮДОМА

Сюлли Прюдом (1839—1907) — псевдоним французского поэта Рене-Франсуа-Армана Прюдома. Примыкал к группе поэтов «Парнаса», но в отличие от них ему не чужды были социальные мотивы.

Данаиды. Перевод стихотворения «Les Danaïdes». Впервые — изд. 1899 г., стр. 279. *Данаиды* (греч. миф.) — 50 дочерей царя Даная, убивших в брачную ночь своих мужей; за свое преступление Данаиды были обречены вечно наполнять водою бездонную бочку.

На башне. Перевод стихотворения «Le rendez-vous». Впервые — «Вестник Европы», 1882, № 7, стр. 105. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 196.

Затерявшийся крик. Перевод стихотворения «Cri perdu». Впервые — «Дело», 1880, № 4, стр. 85, под заглавием «Затерянный крик». Печ. по изд. 1901 г., т. 1, стр. 28. *Хеопс* — см. стр. 438.

Разбитая ваза. Перевод стихотворения «Le vase brisé». Впервые — «Вестник Европы», 1882, № 7, стр. 105. В другой редакции — изд. 1899 г., стр. 282. С новыми исправлениями — изд. 1901 г., т. 1, стр. 30. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 200. Беловой автограф датирован: «март, 18. 1881» (ПД).

Раны. Перевод стихотворения «Les blessures». Впервые — «Дело», 1880, № 3, стр. 184, с подзаголовком «Из сонетов Сюлли Прюдома», подпись: П. Я. С исправлением — изд. 1901 г., т. 1, стр. 29. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 201.

Агония. Перевод стихотворения «L'agonie». Впервые — «Дело», 1880, № 5, стр. 283. В изд. 1902 г., т. 1, стр. 25, — под заглавием «В предсмертный час».

Сон. Перевод стихотворения «Un songe». Впервые — «Вестник Европы», 1882, № 7, стр. 109. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 204, где дано в переработанном виде. Черновой автограф — ПД.

Крылья. Перевод стихотворения «Les ailes». Впервые — «Дело», 1880, № 6, стр. 208, подпись: П. Я. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 206.

Сердце. Перевод стихотворения «Au prodique». Впервые — «Вестник Европы», 1882, № 7, стр. 105. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 207.

Могила. Перевод стихотворения «Tombeau». Впервые — «Дело», 1880, № 4, стр. 34. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 208.

Желание. Перевод стихотворения «L'art sauveur». Впервые — «Вестник Европы», 1882, № 7, стр. 105. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 209.

Борьба. Перевод стихотворения «La lutte». Впервые — «Вестник Европы», 1882, № 7, стр. 107. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 210.

Затишье. Перевод стихотворения «Sur l'eau». Впервые — «Дело», 1880, № 7, стр. 82. Печ. по изд. 1910 г., т. 2, стр. 211.

Материнская любовь. Перевод стихотворения «L'amour maternel». Впервые — изд. 1910 г., т. 2, стр. 212. *Данаиды* — см. стр. 488.

ИЗ БАЙРОНА

Поражение Сеннахерима. Перевод стихотворения Байрона «The destruction of Sennecherib». Впервые — изд. 1902 г., т. 2, стр. 38. В основе сюжета — библейский рассказ пророка Исаии о чудесном поражении Сеннахериба, ассирийского завоевателя, похоронившего свою славу под стенами Иерусалима. *Дух смерти над ними прошел* и т. д. Войска, осадившие Иерусалим, погибли от вспыхнувшей чумы. *Вдовы Ашура* — т. е. Ассура (Ассирии).

К стр. 371—374.

ИЗ ФР. БОДЕНШТЕДТА

Боденштедт Фридрих (1819—1892) — немецкий поэт и переводчик. Известны его переводы из русских поэтов (Пушкина, Лермонтова и др.).

Из «Песен Мирзы-Шафи». Перевод стихотворения «Es hat der Schach mit eigner Hand...» из сб. «Die Lieder des Mirsa-Schaffy». Впервые — РБ, 1882, № 3, стр. 122. Здесь было помещено 24 стихотворения из «Песен Мирзы-Шафи» Ф. Боденштедта в переводе и со вступительной статьей П. Якубовича. До этого часть переводов (13 стихотворений) была напечатана в «Живописном обозрении», 1879, № 13, стр. 274. Переводы вошли в изд. 1887 г., стр. 145 (24 стихотворения). Мирза-Шафи (1804—1852) — азербайджанский поэт. О переводах Ф. Боденштедта из Мирзы-Шафи см. М. Рафили. Мирза-Шафи в мировой литературе. Баку, 1958.

Затерянные стихотворения М. Ю. Лермонтова

Перевод стихотворений из книги: «Michail Lermontoffs. Poetischer Nachlass», т. 2, 1852. Впервые — изд. 1898 г. (2), стр. 223. Все эти стихотворения, изданные Боденштедтом на немецком языке, вряд ли восходят к текстам Лермонтова и скорее всего являются стилизацией под Лермонтова. Никаких соответствий этим «переводам» в рукописях поэта не обнаружено. Характерное для Боденштедта пристрастие к литературным мистификациям, по всей вероятности, сказалось и в данном случае.

1. «Как твои глазки смеются, дитя...». Перевод стихотворения «Mein Auge war klar wie deines...».

2. «Нет, не изменник я отчизне дорогой...». Перевод трех стихотворений, объединенных Якубовичем в одно: «Ich bin an meinem Lande kein Verräter...»; «Weil ich bei ihrem Tun vor Scham oft rot bin...»; «Weil ich nicht ganz von altem Korn und Schrot bin...».

3. «Не хотели меня вы понять... У меня...». Перевод стихотворения «Ihr wolltet mich nicht verstehen...».

4. «Едва я начал размышлять...». Перевод стихотворения «Gott gab mir eine Zunge, aber als...».

5. «Вы, кого ногами я...». Перевод стихотворения «Die ich mit Füßen getreten...»

6. «Проходите! Нам не по пути!..». Перевод стихотворения «Ich neide euch nicht eure Orden...».

7. «О судьбе не жалейте моей...». Перевод стихотворения «Klagt nicht ob meinem Verhängnis...».

8. «Нет, не кляните вы судьбу мою...». Перевод стихотворения «Klagt nicht ob meinen Leiden...».

9. «Одно лишь слово покаянья...». Перевод стихотворения «Ein einziges Wort der Gnade...».

10. «Без вины настрадался я вволю...». Перевод стихотворения «Wohl ohne mein Verschulden...».

11. «Умолкнул демон, и — читатель мой!..». Перевод стихотворения «Soweit der Teufel, — und der Dichter spricht...».

12. «Дождь хлещет, рокочут...». Перевод стихотворения «Hinaus!».

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. Фронтиспис. П. Ф. Якубович. Фотография Левицкого (1905 или 1906). Оригинал — в семейном архиве Якубовичей.

2. *Стр. 71.* Черновой автограф конца стихотворения «Рассеян мрак, завеса поднята! . .» В тетради юношеских стихов (ПД).

3. *Между стр. 144 и 145.* П. Ф. Якубович в арестантском халате и арестантской шапке, закрывающей половину обритой головы. Тюремная фотография. Красноярск (осенью 1887). Впервые опубликована в вольной печати: на обложке сборника «Под гнетом самодержавия» (Давос, 1905). Оригинал — в семейном архиве Якубовичей.

4. *Стр. 223.* Автограф стихотворения «Поэзия» («Оборван у музы цветущий венок. . .»). В записной книжке поэта (ПД).

5. *Между стр. 224 и 225.* П. Ф. Якубович. Фотография (май 1898). Курган. Фото Кочешова. Хранится в Курганском государственном областном архиве.

6. *Между стр. 256 и 257.* П. Ф. Якубович в группе писателей и близких. Фото (1901). Хранится в ГЛМ. Слева направо: Н. Ф. Анненский, Р. Ф. Франк-Якубович, С. Я. Елпатьевский, П. Ф. Якубович, Е. С. Короленко, А. И. Куприн, Л. И. Елпатьевская, В. Г. Короленко, А. Н. Анненская. Стоит М. В. Васильева (прислуга Анненских). Была опубликована с ошибочным указанием на А. П. Чехова вместо С. Я. Елпатьевского («Нива», 1918, № 37, стр. 588). В исправлении ошибки учтены консультации А. В. Храбровицкого, М. К. Куприной-Иорданской, Т. А. Пащенко, С. А. Богданович, А. Ф. Пешехоновой.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ [1]

---

[1] В заглавиях, представляющих собою фамилию лица, к которому обращено стихотворение, инициалы ставятся в указателе после фамилии.

СТИХОТВОРЕНИЯ П. Ф. ЯКУБОВИЧА, НЕ ВОШЕДШИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ[1]

Борьба («Ко мне, о певец! ..») *21 декабря 1880*

«Будто скрипка вдали замирая...» (Посвящается Е.-ст-ой <Е. Константиновой>) *22 июля <1882>*

В альбом Е. П. К. <Е. П. Константиновой>
1. «Как все кругом, бездельничаю я...» *1882*
3. «Разный путь перед нами лежит...» *7 августа 1882*
4. «Мир! — а зачем в груди так больно? ..» *8 сентября 1882*

В дороге («С грохотом, шумом машина громадная...») *1880, ночь с 17 на 18 декабря. От Петербурга до Чудова*

«В этих песнях скорби...» Изд. 1906 г., стр. 6

«Верит свято поэт ваш унылый...» *7 декабря 1880*

В затишье (К. С. Л—му) <К. С. Лозинскому>
1. «Как скучны дни, как неприглядно серы...»
2. «Много в нас огня и силы...»
3. «Прочь, прочь, сомненья роковые...»

17 июня 1882

«В те дни, когда больным и хилым...» *10 декабря 1881*

«В тоске святой и бесконечной...» *20 ноября 1880*

В хлебах («Я в лесу колосьев. Зерна...») *28—29 июня 1881*

---

[1] Кроме случаев, особо оговоренных, все стихотворения, при которых нет ссылки на источник опубликования, находятся в третьей тетради юношеских стихотворений (1878—1883 гг.) и записной книжке поэта (1896—1898 гг.) (ПД, ф. 648, № 4, 5). Переводы Якубовича в данный список не вошли. Точные даты приведены по автографам.

Возрождение («Ах, сколько пламенных, возвышенных желаний. . .») *31 декабря 1880*

Вопрос («Снова сердце горячее бьется тревогой. . .») *14 августа 1881, СПб.*

Вопрос и ответ (посвящается О. П. и Л. П.)
1. «Презрев богов толпы холодной. . .»
2. «О милый друг, несчастный друг! . .» *8 февраля 1882*

«Вот и еще одно сердце. . .» (О. И. Н.) <Осипу Ивановичу Нагорному> *14 сентября 1882*

«Вслед за порывом благородным. . .» *22 декабря 1881*

Встреча («Дремлет природа. Не слышно в ночной тишине. . .») — РБ, 1882, № 5—6, стр. 174, автограф датирован: *27 июня 1881 (ПД)*

Вступление
1. «Давно сказал мне голос неземной. . .»
2. «Когда мольбам моим напрасным. . .» *31 мая 1880. Новгород*

Выздоровление («И вот опять вернулся я. . .») *1881*

Гармония ночи — «Дело», 1880, № 9, стр. 146, подпись: П. Я.

«Грезы уснуть не дают мне. . . Не грезы. . .» — «Дело», 1883, № 5, стр. 64, автограф датирован *22 февраля* <1883> (ПД)

Два брата (посвящается бывшим бр<атьям> Н. К. М. <Н. К. Михайловскому> и П. Я. <П. Якубовичу> («По смерти братьев я один. . .»). *1896*

Два сердца
1. «Ветер деревья качает в саду. . .»
2. «Сердце мое! Что же ты?» *7 февраля 1882*

Два солнца («Видал ты, друг мой милый. . .»). *Ночь на 1 июля 1881*

День прошел («День прошел — и слава богу! . .») — РБ, 1881, № 7, стр. 128, подпись: П. Я.

Дисгармония («Беззвучно дремала июльская ночь. . .»). *18 октября 1880, СПб.*

Днем и ночью
1. «Не бьется сердце беспокойно. . .»
2. «Жизнь — тот же лес. Светла и знойна. . .»
23 декабря 1881

Думы («Когда, устав томиться и страдать...») *В ночь с 29 на 30 мая 1881*

Загадка («Нет! Разрешенья загадки ужасной...») *21 октября 1880, СПб.*

«Занесенный снегами сыпучими...» *7 декабря 1880, СПб.*

«Звучал Ваш голос безнадежно...» *11 февраля 1882*

«И вот опять в груди мятежной...» *4 января 1881*

«И если скорби зов недужный...» *8 января 1882*

Из дневника («Я утомлен, измучен жалкой ролью...») — «Устои», 1882, № 12, стр. 99, в автографе посвящено Е.-ст-ой <Е. Константиновой>, датировано *25 июня 1882* (ПД)

Из неоконченной сказочной поэмы «Купальская ночь»
Отрывок 1-й (из 1-й песни) («Это было так давно...»)
Отрывок 2-й («В том краю и в те года...»)
Отрывок 4-й («Мчатся годы и века...»)
Отрывок 5-й («Гаснет день румяный...») — изд. 1887 г., стр. 73—96. *1885 или 1886*

Исповедь
1. «В тине пошлости житейской...» *30 марта 1882*
2. «Он любовь презирал, как волненье в крови...» <В. Н. Шеталову> *март 1882*
3. «Итак, ни дружба, ни любовь!» *1882*

«Когда изменит друг лукавый...» (Подражание Лермонтову) *4 марта 1883*

«Когда тоска волной широкой...» *1892* (архив С. А. Венгерова, собр. первое, № 2995, ПД)

Колебание («Уходят дни — один, другой...») *29 декабря 1880*

К свету («Умирает вдохновенье...») *январь 1882, СПб.*

(К. С. Л—му) <К. С. Лозинскому> («Наше трудное, страшное время...») *5—6 апреля 1882*

Летнее утро («Дремлется утром, бывало, безмолвно...») — «Родник», 1884, стр. 526. *1878 (?)*

Лунная ночь («Далеко ты, мой друг! Далеко от меня...») *Ночь с 3 на 4 января 1881*

Лунная ночь («Ночь... О, какая волшебная ночь!..») *1 января 1881, Новгород*

Любовь и цепи («Как огонек вечернею порою...») *29 декабря 1880, Новгород*

Мелочи
2. «Когда промчится много лет...»
3. «„Как Катон“ delenda est Carthago...»
1882

Мелочи («Ничего милее нет...») *1882*

Метаморфоза (1. «Дождик лил из ведра, и дремала...». 2. «Но я утром пришел к ней. Так ясно...») — РБ, 1881, № 6, стр. 19, подпись: П. Я.

Метеор («Пустыней сумрачной и снежной...») *12 октября 1880*

Мимо! Мимо! («Давно ношу я в сердце рану...») *21 декабря 1880, Новгород*

«Мне бы крылья, крылья...», в автографе помета: «во время болезни» *<1881>*

«Мне говорят: „Опасен край...“» *15 июля 1881*

«Мои мечты возвышенны и ясны...» *22 июня 1880. Новгород*

Мой демон («Порой морщинами покроется чело...») *20 декабря 1880. Новгород*

Монолог («Пучина темная, загадка без решенья») — изд. 1887 г., стр. 43. *Между 1883 и 1886*

Монологи
1. «Душа — это море, безбрежное море...»
2. «Нет! Сердце пламенное хочет...»
3. «Прочь, утешенье! Прочь! ..»
4. «Зачем же ты, прекрасное виденье.. »
5. Старинная сказка припомнилась мне...» *6 января 1882*
6. «Грустно мне! Ужасно думать...»
7. «О Разум, мой суровый бог! ..»
8. «Шепчет Разум в ответ...»
6—8 января 1882

Монологи:
1. «Как в позабытый старый храм...»
2. «Слезы мне горло сдавили... рыдать...» *<февраль> 1883*

«Мчались дни и года́, проносились века...» *12 июня 1880. Новгород*

На мотив из Дранмора («Говорят, что светло, что ликующий день...»). — «Дело», 1883, № 3, стр. 84. Автограф ПД без отвлекающего цензуру заглавия датирован *23 декабря 1880*

На распутье (Из моего романа «Ольга Ирсеньева») («Наконец-то раскрылось окно...») *июнь 1880*

Наша жизнь («Ничего ни в настоящем...») *1882*

Незнакомой девушке («Ни вы, ни я не только наяву...») *апрель 1881*

Не нам
1. «Были чудные дни — золотые мечты...»
2. «Не нам любить и наслаждаться счастьем...»
3. «Сердце! Безумное сердце, усни! ..»
17 мая 1882

«Не терзайся, мой друг, боязливой мечтой...» *4 марта 1883*

«Нет муки горше для поэта...» *1896 (?)*

«Ни сомнений, ни страданий...» *29 июня 1882*

Новые грезы («И вот опять вернулся я...») — «Дело», 1882, № 4, стр. 177

Ночи («Июльская ночь утонула...») *лето 1880. Новгород*

Ночь на Новый год
1. «В нашей бедной, сумрачной отчизне...»
2. «А нам... Чего бы нам с тобою пожелать? ..»
31 декабря 1880

«О, мой милый друг! Как странно человек...» — «Дело», 1883, № 4, стр. 198. Автограф — в ПД.

«О, муки нестерпимые! Ты, сердце...» *7 марта 1883*

«О, прости мне, прости, что сомнение черное...» *31 декабря 1880*

Отлет журавлей («Такой раздается в тумане синеющем...») — «Дело», 1879, № 1, стр. 335, подпись: П. Я. *1878 (?)*

Отрывок («Устав блуждать в пучинах мировых...») *1880*

Палаша («Близ деревни сверкала речонка...») *2 августа 1878. Новгород*

Паук («Там, где алые сирени...») — «Дело», 1879, № 2, стр. 178, подпись: П. Я.

Песня разума («Всех, идущих дорогою торною...») — РБ, 1882, № 4, стр. 115

«Полная диких кошмаров луна! ..» *1894*

После бури («Последнего грома раскаты...») *летом <1880>*

Поэт («Что день — то грез наивных рой...») *25 марта 1881. СПб.*

Прекрасная могила (с немецкого) — «Дело», 1879, № 2, стр. 64, подпись: П. Я. *1878 (?)*

Призрак («Я помню: пробудясь полночною порою...») — РБ, 1881, № 8, стр. 117, подпись: П. Я.

«Призраки прошлого, призраки милые...» — РБ, 1882, № 5—6, стр. 177

Прометей («О Зевес! Не дождаться тебе...») — изд. 1887 г., стр. 48. *1885 или 1886*

«Радость, улыбку мы людям несем...» *между 1894 и 1896*

Разбитый пловец
1. «Едва гроза с ворчаньем скрыла...»
2. «Былое ли счастье внезапно приснилось...»
между 1894 и 1896

Разочарование («В годы детства отчизну свою я считал...») — «Живописное обозрение», 1882, № 13, стр. 203, автограф датирован *26 июня 1881* (ПД)

Разум и сердце («Сердце! Спи ты, безумное...») *17 июля 1882*

Рассвет («Пробили зорю. Ранний ветерок...») — «Дело», 1881, № 4, стр. 295, подпись: П. Я.

Ребенку, играющему роль старика («Смотря в грядущее с тревогой...») *29 января 1882*

Сны и грезы (1. «Снился мне чудный, пророческий сон...» 2. «Братья! что это — кругом...») — «Дело», 1883, № 9, стр. 146. *1882*, автограф — в ПД.

Соловей («Загорелся день лазурный...») — изд. 1887 г., стр. 105. *1879 (?)*

«Спускается ли сон беззвучный к изголовью...» — РБ, 1881, № 4, стр. 144, подпись: П. Я. *1880 (?)*

«Спустилась ночь. Тенистый старый сад...» — РБ, 1882, № 4, стр. 101.

«Ты, как ребенок, всё хохочешь...» *25 августа 1880*

«Ты упрекаешь меня, что забыл...» *10 декабря 1882*

«Тьма кругом. Беспощадная, дикая...» *октябрь 1880. СПб.*

Узница («В клетке сидит над моей головой...») — РБ, 1881, № 4, стр. 101, подпись: П. Я. *1879 (?)*

Уныние («Когда в порыве скорби безысходной...») — РБ, 1881, № 3, стр. 93, подпись: П. Я. *1880 (?)*

«Хлопья снежные валятся...» *1894*

«Я в пустыне блуждал много дней, угнетен...» *июль 1880. Новгород*

«Я знаю сам, что это — путь...» *22 июня 1880. Новгород.*

Экспромт («Сегодня, отдохнуть желая...») *19 ноября 1880. СПб.*

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

II. В КРЕПОСТИ

(1884—1886)

III. В ДОРОГЕ

(1887)

IV. КАРА И АКАТУЙ

(1889—1893)

Идеалы

V. В СТРАНЕ СОПОК

(1894 — 1895)

VI. НА РОДНОМ РУБЕЖЕ

(1895—1899)

VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ

(1900—1910)

VIII. ПРИЛОЖЕНИЯ К ЮНОШЕСКИМ СТИХОТВОРЕНИЯМ

(1877—1883)

II

Стихотворения, не вошедшие в последнее прижизненное издание, и неопубликованные стихотворения

III

Переводы

ИЗ Ш. БОДЛЕРА

ИЗ СЮЛЛИ ПРЮДОМА

Якубович Петр Филиппович
СТИХОТВОРЕНИЯ
Редактор *Г. А. Бялый*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *С. И. Брусиловская*
Корректоры *Е. Омельяненко* и *О. Ковалева*

Сдано в набор 2/IV 1960 г. Подписано в печать 4/VII 1960 г. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$. Печ. л. $16^5/_8$ (27,26). Уч.-изд. л. 27,32.
Тираж 8000. Заказ № 653.
Цена 10 р. 05 к.
С 1/I 1961 г. цена 1 р. 01 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3